

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЯЗЫК
И ПИСЬМЕННОСТЬ
СРЕДНЕБОЛГАРСКОГО
ПЕРИОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

ЯЗЫК
И ПИСЬМЕННОСТЬ
СРЕДНЕБОЛГАРСКОГО
ПЕРИОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

Сборник является коллективным трудом советских и болгарских ученых. Рассматриваются важнейшие для истории болгарского языка XII—XVI вв. процессы, русско-болгарские и болгарско-русские культурные и языковые связи в этот период, вводятся в научный оборот новые данные о языке среднеболгарских рукописей.

Редколлегия:

доктор филологических наук

Е. И. ДЕМИНА

(ответственный редактор),

профессор

Д. ИВАНОВА-МИРЧЕВА,

кандидат филологических наук

А. МИНЧЕВА,

доктор филологических наук

Е. В. ЧЕПКО

(ответственный редактор)

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый вниманию читателя коллективный труд советских и болгарских авторов «Язык и письменность среднеболгарского периода» выполнен по плану научного сотрудничества между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом болгарского языка Болгарской академии наук. Он посвящен решению задач комплексного характера.

С одной стороны, исследуя дошедшие до нас памятники письменности периода болгарского Средневековья, авторы пытались выявить процессы в живом разговорном языке того периода, приведшие к постепенному переходу болгарского языка от синтетического грамматического строя к строю аналитическому. Эти процессы, обусловленные не только внутренними закономерностями, но и специфическими условиями развития болгарского языка в рамках балканского языкового союза, находили спорадическое отражение в языке памятников среднеболгарской письменности. Задаче поиска и описания этих особенностей посвящен ряд статей, в которых, в частности, выявляется динамика падежной системы болгарского языка на пути ее перехода к аналитическому способу выражения падежных отношений, затрагивается проблема определения диалектной основы языка конкретных рукописей.

С другой стороны, необходимо было установить отраженные в текстах наиболее значительные перемены в самом традиционном болгарском литературном языке, ведущем свое начало от кирилло-методиевской эпохи, в особенностях его нормы — перемены, позволяющие отнести язык этой письменности к особому, среднеболгарскому, периоду в периодизации истории литературного языка в Болгарии. Важно было увязать появление этих перемен в древнеболгарском литературном языке с историко-культурной и социолингвистической ситуацией в Болгарии, определить круг задач, связанных с изучением литературного языка среднеболгарского периода и классификацией памятников его письменности.

Период XII—XIV вв. был плодотворным в деятельности болгарских книжников, переводивших с византийских источников и создававших оригинальные произведения. Это была эпоха активной работы по нормализации книжного языка, его орографии, исправлению церковных книг; работы по созданию нового литературного стиля — стиля «плетения словес». Особенно велика при этом была роль тырновской школы и деятельности патриарха Евфимия, его предшественников и последователей, способство-

вавших формированию норм языка и стиля позднего болгарского Средневековья. Все это нашло отражение и развитие в письменности южных и восточных славян. В свою очередь, наличие русско-болгарских культурных связей способствовало проникновению отдельных осуществленных на Руси переводов с греческого в Болгарию. Этим определен круг историко-культурных проблем: это, с одной стороны, проблема так называемого второго южнославянского влияния в России, с другой, — проблематика русско-болгарских культурных связей, в частности, вопрос о влиянии русской письменности при восстановлении болгарской в эпоху Второго Болгарского царства после освобождения Болгарии от византийского ига.

Для статей данного сборника, выполненных в основном на материале неопубликованных рукописей и вводящих в научный обиход новые, доныне неизвестные данные, характерно использование методики сравнительно-текстологических наблюдений над хронологически и территориально различно приуроченными списками одних и тех же произведений древней словесности. Целям классификации памятников по особенностям их текста, по отраженным в них редакциям — филологической обработке рукописей — подчинен ряд статей собственно текстологического характера. В результате тщательного анализа одному из авторов удается обнаружить выполненное в форме акrostиха и доныне неизвестное оригинальное гимнографическое произведение, принадлежащее, по-видимому, Константину Преславскому. В сборнике впервые публикуется открытая одним из авторов стиховая редакция прологного Жития Евгении, а также календарно-астрономические таблицы из Норовской псалтыри.

Обращение к проблематике изучения языка и письменности периода болгарского Средневековья актуально и своевременно. Оно возрождает традиции славянской филологии прошлого столетия, достигшей значительных успехов в изучении процесса взаимодействия русской и болгарской культуры и изучении истории болгарского языка. Естественно, что поставленные в данной книге важнейшие проблемы болгарской филологической медиевистики рассматриваются на ограниченном рамках конкретной задачи каждой статьи материала. Ряд положений, развиваемых авторами, являются дискуссионными и подлежат дальнейшему углубленному изучению. Вместе с тем нельзя не выразить надежды, что коллективный труд советских и болгарских ученых будет способствовать привлечению внимания к разысканиям в области изучения языка и письменности среднеболгарского периода и явится одним из шагов в решении этой сложной проблемы.

E. И. Демина

*Д. Иванова-Мирчева **

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIII—XIV вв.

Дело Кирилла и Мефодия огромно и разносторонне. Оно важно для нас не только своими непосредственными результатами. Влияние его чувствуется на протяжении многих столетий. Многие явления культурной жизни славянских и неславянских народов лучше всего могут быть выяснены в том случае, если они будут поставлены в связь с кирилло-мефодиевскими традициями.

Прямым и важным следствием создания кирилло-мефодиевской письменности и перевода на славянский язык первых богослужебных книг было создание болгарского литературного языка. Как известно, Кирилл и Мефодий перевели первые богослужебные книги на болгарский диалект, который относится к болгарской ветви южнославянских языков, — восточноболгарский по своему языковому типу. Кратковременная и бурная миссия в Моравию, длившаяся около 20 лет, окончилась трагически. Ученики Кирилла и Мефодия бежали в Болгарию. Там их радушно встретил болгарский правитель Борис, который обеспечил им прекрасные условия для книжной и просветительской деятельности и возложил на них большие культурно-просветительские задачи. Эти сведения, встречающиеся во всех источниках, говорят о том, что кирилло-мефодиевский язык был возвращен в его родную среду, в языковую область болгар, где началась его богатая, сложная и многовековая жизнь.

В этот исторический момент на Балканах наряду с Византией существовало сильное болгарское государство, славянское по своему основному этническому составу, славянское и по языку. Как свидетельствует болгарская история, в течение нескольких веков, с VII по IX вв., болгарские правители проводили политику объединения многочисленных масс славян со значительно меньшим по своей численности этническим элементом протоболгар. Князь Борис проявил исключительную дальновидность и мудрость правителя и ввел христианство в качестве официальной религии, что было в равной мере новым как для славян, так и для протоболгар. Новая организация болгарского государства в свою очередь облегчила процесс создания болгарской народности. Для

* © Дора Иванова-Мирчева, 1982 г.

историков Болгарии бесспорно, что применительно к середине IX в. уже можно говорить о болгарской народности в Болгарии, а также о языке этой народности¹. Этнические границы и границы языка болгарской народности охватывали три географические области — Мизию, Фракию и Македонию.

Эти исторические условия, наличие языка болгарской народности определили поразительно быстрое развитие болгарской литературы и болгарского литературного языка в IX и X в., известном в истории как Золотой век болгарской литературы и культуры. Царь Симеон, наследник князя Бориса, продолжил и развил дело своего отца. Болгария — первая среди всех славянских государств и народов — быстро вошла в число немногих средневековых государств. Кирилло-методиевская письменность и кирилло-методиевский язык были восприняты остальными славянами или непосредственно, в Моравии и Хорватии, или же косвенно, через посредство Болгарии, как произошло восприятие болгарского литературного языка и письменности на Руси, в Сербии, а позже и в неславянской Румынии.

Международная функция кирилло-методиевского языка — факт действительно огромного значения. Но случилось так, что в современной науке эта функция все больше и больше воспринимается как единственная. Не ставится вопрос: где, на какой почве, на базе какого разговорного языка развивался этот язык, чтобы превратиться в настоящий, полноценный литературный язык, способный удовлетворить самые сложные и разнообразные требования средневековой науки, литературы и теологии. В результате такой переоценки международной функции кирилло-методиевского языка все реже встречается название *древнеболгарский язык*, хорошо известное немецким славистам еще из грамматики Августа Лескина. Сейчас мы с удовольствием должны отметить и недавно вышедшую из печати грамматику нашего уважаемого коллеги проф. Рудольфа Айтцетмюлера, которая имеет заглавие «Древнеболгарский язык» (R. Aitzetmüller. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Sofia, 1978).

Остальные наименования кирилло-методиевского языка, как известно, таковы: *старославянский*, *древнецерковнославянский*, *церковнославянский* и т. д. Они исходят из международной функции этого языка. В науке они обычно воспринимаются как равнозначные синонимы термина *древнеболгарский язык*. В последнее время, однако, наблюдаются некоторые тенденции вложить в эти термины различное содержание, которое все больше отдаляет «старославянский» язык от «древнеболгарского». Чтобы остановиться на этих проблемах, не далеких все же от моей темы, потребовалось бы много места. Я хотела бы только подчеркнуть, что болгарское языкознание прочно стоит на позиции, поддерживаемой многими иностранными славистами в прошлом и в настоящем.

¹ Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1972.

время, что первый славянский литературный язык по своей национальной основе — язык болгарский, по функции — литературный язык болгарской народности, но ввиду своей международной функции он может называться и *старославянским*².

На древнеболгарском языке написаны первые переводы богослужебных книг, сделанные Кириллом и Мефодием и их учениками. К этим первым переводам следует добавить и более поздние дополнительные переводы непереведенных ранее частей корпуса канонических книг, а также редакцию, которой были подвергнуты переведенные ранее части, так называемую вторую, симеоновскую редакцию³. На древнеболгарском языке были написаны и такие сочинения древнеболгарских писателей как, например, Похвальные слова и поучения Клиmenta Охридского, а также его перевод Триоди; переводные и оригинальные сочинения Иоанна Экзарха, начиная с Шестоднева и Богословия; произведения Константина Преславского, например, Учительное евангелие и Слова против ариан; трактат Черноризца Храбра о создании славянской азбуки; Беседа Пресвитера Козьмы против богомилов; перевод всего Ветхого Завета, сделанный в Преславе Григорием Епископом и митрополитом; огромное число анонимной агиографической, гомилетической, полемической, теологической и иной литературы. Как видно, эта литература и по времени своего создания, и по тематике, и по охвату выходит далеко за рамки дела Кирилла и Мефодия, выступая как его следствие. Язык, на котором она написана, отличается от языка первых богослужебных книг тем, что он гораздо богаче и своей лексикой, и стилистическими языковыми средствами — результатом естественного развития кирилло-мефодиевского языка на болгарской почве в IX, X, XI и даже в XII в.

Константин-Философ и его брат Мефодий создали азбуку и перевели первые, наиболее необходимые книги на разговорный живой диалект того времени. Как и любой диалект, тем более IX в., он, естественно, не мог легко приспособиться к своей новой функции и обеспечить переводчиков всеми необходимыми средствами — лексическими и синтаксическими. Кирилл и Мефодий, развивая заложенные в живом языке синтаксические модели, по их образцу создавали необходимые новые слова либо калькировали с греческого. Если же они были вынуждены оставить в своих переводах непереведенными греческие слова, то во многих случаях эти последние были оставлены ими в их народной греческой форме. Созданный таким образом литературный язык не нуждался в тот момент в изысканной, риторической фразе. Его цель — быть

² Иванова-Мирчева Д. За така наречената «среднобългарска редакция на старославянски». — Rocznik slawistyczny, t. 24, cz. 1, s. 35—48; *Она же. Старобългарски, старославянски и среднобългарска редакция на старославянски*. — В кн.: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100 годишнината от смъртта му. София, 1969, с. 45—62.

³ Добрев И. Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на старобългарските богослужебни книги. — Български език, 1978, кн. 2, с. 89—98.

понятным и необразованному человеку. В этом заключается глубокий гуманизм дела Кирилла и Мефодия. Не следует забывать, что оба брата и их ученики перевели не только богослужебные книги. Для толкования догм христианства уже в первый момент нужны были и проповеди. Гомилетические тексты также должны были быть понятны слушателям. Общепринято мнение о том, что первые переводы были переводами смысловыми, легкими для понимания, лишенными искусственности.

Все это обеспечило жизненность данного языка. В пределах Болгарии он вновь нашел родную почву, из которой черпает новые выразительные средства, чтобы отвечать потребностям разработки других жанров, другой тематики, которой не знали первые переводы. Можно с основанием говорить, что начиная с X в. в Болгарии дело солунских братьев превратилось в кирилло-мефодиевскую традицию, которая свято хранилась не только потому, что была связана с богослужением и религией, но и потому, что она считалась своим, родным наследием. Только такое отношение к кирилло-мефодиевской традиции может объяснить, как мог быть переведен, например, Гексамерон. Недавно изданный Словарь-индекс Шестоднева, подготовленный Р. Айтцетмюллером, совершенно определенно показывает, насколько сильно должен был обогатиться в лексическом отношении древнеболгарский язык первых переводов, чтобы он мог передать сложную мысль этого уникального произведения⁴. Об этом же свидетельствует и Словарь-индекс Беседы Козьмы Пресвитера против богомилов, недавно изданный А. Давидовым⁵. Очевидно, что кирилло-мефодиевский язык не имеет ничего общего с *lingua sacra*. В древнеболгарский период X—XII вв. это живой, полноценный литературный язык, развивавшийся на живой базе болгарских диалектов в районе Охрида и Преслава — двух древнеболгарских книжно-литературных центров. Такая его жизненность — результат прежде всего способа, которым он был создан.

Бежавшие в Болгарию ученики Кирилла и Мефодия во главе с Климентом Охридским обосновались сначала в столице Преславе, где они начали энергичную литературную и просветительскую деятельность. Но болгарский правитель создал и другой литературный центр в Охриде — в самом удаленном от столицы уголке болгарского государства, куда он и послал Клиmenta с важной миссией просветителя, церковного пастыря и учителя. Так в этих двух книжно-литературных центрах развивалась в эти века основная книжно-литературная деятельность, развивался и болгарский литературный язык. Не случайно считается, что охридский книжно-литературный центр в отношении языка и переводческих традиций проявлял известный консерватизм, в то время как в столице Преславе появились некоторые новые тенденции. Это приводило к регулярной синонимии некоторых лексем, хорошо извѣст-

⁴ Aitzetmüller R. Das Hexameron des Exarchen Johannes, VII. Graz, 1975.

⁵ Давидов А. Речник-индекс на Козма Презвитер. София, 1976.

ной по работе В. Ягича «Entstehungsgeschichte der kirchenslavische Sprache». Морфологические синонимы крайне редки, а это означает, что структура языка в обоих центрах была одна и та же. По мнению Ягича, эти различия были отражением разных — более старого и более нового — языковых типов. Я имею в виду обобщение окончаний -къ, -каши у действительных причастий прошедшего времени, расширение более новых типов аориста — синтетического и аориста на -ох за счет простого аориста. Если к этому добавить некоторые характерные и в настоящее время диалектные различия между восточными и западными болгарскими говорами (например, различие *немой*, *немойте* — *недей*, *недейте*, нашедшее отражение уже в древнеболгарских памятниках при выражении отрицательного повеления, из древнеболгарского *не мози*, *не мостъте + инфинитив*, или оба типа страдательного залога: *ще бъде написан*, *ще се напише*, в памятниках: *бѫдетъ написанъ*, *напишетъ сѧ*), то можно признать, что этим и исчерпываются морфологические различия между Охридом и Преславом. Между тем в последнее время некоторые исследователи без достаточных оснований возводят различия между школами Охрида и Преслава до уровня двух различных языков.

В последние годы я имела возможность обнаружить, исследовать и опубликовать два ряда древнеболгарских переводов византийских гомилий. Эти переводы были сделаны независимо один от другого, при этом обнаруживается очень важное явление, существенное различие между двумя древнеболгарскими книжно-литературными центрами. Речь идет о наличии двух переводческих школ, двух типов переводов с греческого. Один тип переводов — традиционный кирилло-методиевский, другой тип — новый, преславский. Первый тип связан с древнейшими переводами, второй носит черты Преславской книжно-литературной школы. Исследований по этому вопросу еще очень мало.⁶ Их следует продолжать. Они должны охватить не только гомилетический, но и другие жанры, разрабатывавшиеся в древнеболгарский период, коснуться и второй, симеоновской редакции кирилло-методиевских переводов канонических книг. Тогда можно будет проверить и уточнить и выводы, к которым я пришла в указанных исследованиях. Выводы же эти гласят, что кажущиеся различия между Охридом и Преславом обусловлены не языком, который в обоих центрах один и тот же и имеет единую систему, а различным подходом к переводу. Преславская переводческая школа обнаруживает новое отношение к греческому оригиналу, что часто приводило к буквальной передаче

⁶ Иванова-Мирчева Д. Непознат вариант от старобългарския превод на *Μαρτύριον τῶν ἀγίων καὶ ἐνδόξων τεσσαράκοντά μαρτύρων* — Известия на Института за български език. София, 1969, кн. 17, с. 51—103; Иванова-Мирчева Д., Икономова Ж. Хомилията на Епифаний за слизането в ада. София, 1975; Иванова-Мирчева Д. Гръцко-старобългарски лексикалии употребидии. — В кн.: Славистичен сборник. София, 1973, с. 85—92; Иванова-Мирчева Д. К вопросу о болгарских переводческих школах от IX—X до XIV в. — *Raeobulgaria* (Старобългаристика), 1977, № 1, с. 37—48.

оригинала, к известной грецизации синтаксиса и строя предложения, к новому способу калькирования и др.⁷

Все выше изложенное необходимо для того, чтобы мы могли приступить к теме, которую себе поставили: очертить проблемы, стоящие перед исследователями болгарского литературного языка XIII—XIV вв. Этот период нельзя рассматривать в отрыве от периода древнеболгарского, без знания тенденций развития, представляющих наследие дела Кирилла и Мефодия, и инноваций, порожденных развитием кирилло-мефодиевского языка на болгарской почве, в пределах Болгарии. Период развития болгарского литературного языка в позднее болгарское Средневековье может быть оценен только на фоне древнеболгарского периода.

В XII в., после почти векового византийского рабства, возникает Второе болгарское царство, которое постепенно усиливается, освобождает свои земли, расширяет свои границы. Вновь складываются прекрасные условия для развития литературы. Монастыри вблизи столицы Второго болгарского царства Тырново и на Афоне были центрами просвещения. Там возникали и оригинальные литературные произведения и переводы, переписывались книги. Есть данные о своеобразных книжных мастерских на Афоне, изготавливших и рассылавших рукописные книги по всей Болгарии и за ее пределы. Доминирующим, официально принятым церковью учением был исихазм, но в Болгарии были широко распространены и еретические учения, угрожавшие не только церкви, но и государству, и социальному строю. Государство и церковь очень внимательно следили за их распространением, пытались остро и жестоко расправиться с ними на нескольких церковных соборах. Это явление не ограничивалось Болгарией. Как известно, не только Балканский полуостров, но и вся Европа была захлестнута этой еретической волной, что имело свои глубокие социальные и идеальные причины. Еретические «извращения» попадали и в церковные книги. В Византии начинается исправление богослужебных книг. К такому же исправлению не замедлили приступить и в Болгарии. Эта знаменитая и доныне «реформа» связывается с именем патриарха Евфимия Тырновского, хотя, очевидно, началась она задолго до Евфимия. Болгарские канонические тексты тщательно сравниваются с греческими. Церковники, боясь любой сколько-нибудь свободной передачи «священного» текста, начинают до такой степени приближать перевод к оригиналу, что тот стал казаться «грецизованным». «Реформа» Евфимия была не только орфографико-графической реформой, как нам представляет ее Константин Костенечский. Она затронула и литературный язык, и стиль, а также технику перевода и переводческие нормы. Она длилась целых два века, продолжалась и в XV в.

⁷ Иванова-Мирчева Д. Проблеми на книжовния български език до Възраждането. — Български език, год. 22, 1972, кн. 6, с. 506—512; *Она же. Към периодизацията на историята на българския литературен език от донационалната епоха (Х—ХІ до XVIII в.).* — В кн.: Славянска филология. София, 1978, т. 15, с. 287—300.

До сих пор интересы историков болгарского языка по праву были направлены на изучение живого болгарского языка. Укажу хотя бы на значительный труд известного болгарского историка языка К. Мирчева «Историческая грамматика болгарского языка» (София, 1958). Этот труд построен на материале большого числа древнеболгарских и особенно среднеболгарских памятников. Важнейший вклад автора этого труда как раз и состоит в том, что в скованном нормой традиционном языке болгарских памятников он сумел уловить новые черты, которые дают возможность восстановить путь развития разговорного болгарского языка с XII до XIV вв., в так называемый *среднеболгарский период* развития разговорного языка. К. Мирчев исследовал среднеболгарские списки канонических книг и в «ошибках» и «нарушениях» древнеболгарской нормы не только увидел черты разговорного, развивающегося языка, но и извлек из них такой материал, который позволил ему описать и хронологизировать каждое явление, указать промежуточные, переходные фазы его развития, обнаружить и объяснить механизмы, управлявшие данным процессом. Теперь мы располагаем живой картиной перехода болгарского языка от синтетизма к аналитизму, установления в нем членной формы, ре-призы дополнения, развития основных балканских в болгарском языке — центре балканской языковой общности.

Памятники, которые использовал Кирилл Мирчев, — это древнеболгарские памятники, переписанные в XII—XIV вв. и позднее. В процессе их переписки писцы были беспомощны перед тем новым, чем обладал их разговорный язык, и сколько они ни старались сохранить протограф, им это не удавалось. Б. Цонев предпринял безуспешные попытки классифицировать эти древнеболгарские памятники, избирая в качестве классификационного признака употребление в них то еров, то юсов. В целом же эти классификации оказались безрезультатными, в частности, и потому, что успешную классификацию нельзя осуществить на основе только одного признака.

Произведения Тырновской книжно-литературной школы XIII—XIV в. — Евфимия, его предшественников, учеников и последователей — совсем иные. Они не используются в качестве источников сведений о разговорном болгарском языке, и причина этого не только в том, что большинство этих произведений дошло до нас в поздних списках чужой редакции. Важно то, что они доносят до нас иную картину состояния болгарского литературного языка. То же из разговорного языка, что в них допускалось, совершенно скучно, хотя и очень интересно.

Теперь, когда мы стоим перед новым моментом в наших исследованиях — подготовкой к написанию истории болгарского литературного языка в донациональную эпоху, т. е. до середины XVIII в. — произведения Тырновской школы встают перед нами во всей своей огромной значимости. Они все еще ждут своего исследования, тем более, что в науке накопилось много предубеждений, преувеличенных и неточных оценок языка этого периода.

Так, П. А. Сырку видит в языке данной литературы «хаос», а К. Радченко пишет, что книжники той поры были не в состоянии справиться с трудностями перевода, и единственное, что им оставалось, — это пытаться приблизить славянский язык к греческому. Краткая характеристика, которую Радченко дает языку Тырновской школы, заканчивается так: «Таковы отличительные черты языка в оригинальных и переводных произведениях времени Евфимия. Если прибавим к этому рабское следование греческому словопостроению, то можем представить ясно образ этого искусственного, тяжелого, неправильного и неудобопонимаемого языка, который является более или менее точным снимком с греческого, как бы символом отношений тогдашней болгарской письменности к современной византийской»⁸.

В этой острой оценке содержатся и верные положения, но не меньше и положений спорных. Прежде всего она смешивает разные вещи, не учитывает фактор развития литературного языка, отрывает процессы, которые управляли этим развитием, от современного исторического момента и от древнеболгарского периода, не видит нормы в языке. Поиск точностей при переводе оценивается только отрицательно. Переводы объявляются «рабскими», снимком с греческого оригинала. И все это является, по мнению Радченко, делом книжников XIV в., в то время как в действительности на протяжении всего XIII в. литературный язык имеет почти тот же характер, движется тем же путем, подготавливая XIV век.

Авторитет П. А. Сырку и К. Радченко и доныне поддерживает такое отрицательное отношение к языку данного периода в Болгарии, что в значительной мере отталкивает от него тех, кто хотел бы посвятить себя его исследованию. Лишь в пятидесятые годы Д. С. Лихачев бросил новый, обнадеживающий свет на эту интересную эпоху, рассмотрев ее во всей широте — и как литературу, и как искусство, и как язык. Его труд «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (М., 1958) намечает многие неизученные стороны, дает исследованиям новый толчок.

Проблемы характера болгарского литературного языка в позднее болгарское Средневековье значительно сложнее, чем это представляется в трудах А. П. Сырку и К. Радченко, и не поддаются такой общей характеристике. Если принять во внимание дух эпохи, — а каждый литературный язык есть прямое выражение той эпохи, в которой он развивается, — то мы правильнее поймем и Тырновскую школу с ее архаическим, классическим языком и стилем. Таким же было положение не только в Византии, где лишь в XVI в. разговорный, народный греческий язык входит в употребление. В то время, когда существовала Тырновская

⁸ Радченко К. Ф. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. — Университетские известия (Киев), 1898, № 8, с. 335.

школа, в Западной Европе языком художественной литературы, научной мысли и богослужения был латинский язык.

В истории болгарского литературного языка до национальной эпохи, над которой я работаю последние годы ⁹, следует выделить период, охватывающий XIII, XIV и первую четверть XV в. — второй после древнеболгарского периода, начинаящегося с дела Константина-Философа и включающего весь X, XI и XII век. Основной признак, на основе которого выделяются эти два периода, — различное отношение между разговорным и литературным языком. Если в древнеболгарский период болгарский литературный язык находится в прямой, естественной и живой связи с языком разговорным и черпает из него материал для развития и обогащения, то в период с XIII в. и позднее литературный язык уже очень далек от разговорного болгарского языка, в котором произошли большие структурные изменения. Никогда, ни в какой другой период своего развития болгарский литературный язык не был столь далек от разговорного, как в XIII—XIV вв.

История древней болгарской литературы высоко оценивает литературную жизнь в Болгарии в XIV—XV вв., где блещут имена патриарха Евфимия Тырновского и таких его учеников и последователей как Григорий Цамблак, Йоасаф Единский, Владислав Грамматик, Димитр Кантакузин, Константин Костенечский и др. Однако лишь в последнее время языку и стилю этих книжников в исследованиях отводится несколько больше места. Здесь следует назвать очерк Ц. Романской-Бранской о стиле Евфимия Тырновского ¹⁰, статью автора ¹¹, диссертационные труды М. Тиховой и И. Харалампиева о языке Евфимия Тырновского и его школы ¹². Язык и лексика Григория Цамблака рассматриваются в изданиях некоторых из его слов и в одной из статей А. Давидова ¹³.

⁹ Иванова-Мирчева Д. Проблеми на книжовния български език до Възраждането, с. 506—516; *Она же*. Към периодизацията на историята на българския литературен език от донационалната епоха (Х—XI до XVIII в.). — В кн.: Славянска филология, т. 15, с. 287—300.

¹⁰ Бранска Ц. Стилни похвати на патриарх Евтимий. — Сборник на Българската академия на науките. София, 1942, кн. 37, 2, с. 108—278.

¹¹ Иванова-Мирчева Д. Евтимий Търновски, писател-творец на литературния български език от късното Средновековие. — В кн.: Търновска книжовна школа. София, 1974, с. 197—210.

¹² Тихова М. Езиково-стилни особености в творчеството на Евтимиевите приемници — Григорий Цамблак, Константин Костенечки, Йосиф Едински. Автореф. дисс. Велико Търново, 1975; Харалампиев И. Наречията в книжовния български език от втората половина на XIV век (Евтимий Търновски). Автореф. дисс. Велико Търново, 1977; *Она же*. Качествените наречия на -о и -ъ в произведенията на Евтимий Търновски. — Трудове на Великотърновския ун-т, т. 14; *Она же*. Степени за сравнение при наречията в езика на Евтимий Търновски. — Български език, 1977, кн. 4.

¹³ Русев П., Гъльбов И., Данчев Г., Давидов А. Похвално слово за Евтимий Търновски от Григорий Цамблак. София, 1971; Давидов А. За някои стилистични особености на Цамблаковата реч (върху материали от «Мъчение на Иоан Нови» и «Похвално слово за патриарх Евтимий»). — Славистични проучвания. Сборник в чест на VII Международен славистичен конгрес. Великотърновски ун-т, 1973, с. 25—33.

Несмотря на то, что данные исследования еще находятся на самой начальной стадии, мы могли бы уже назвать главные характерные особенности языка двух выдающихся средневековых болгарских писателей. Так, например, Ц. Романская-Вранская установила и документировала прямую связь между стилем Евфимия Тырновского и стилем древнеболгарских писателей во главе с Климентом Охридским. Иван Харалампьев остановился на одной из сторон языка Евфимия и показал, какие большие возможности открывает такое детальное исследование. Между прочим, он установил исключительно богатую синонимию наречий в языке тырновских книжников, что полностью соответствует общему стремлению к поиску выразительных средств, богатых и по форме и по семантике. Исследование языка и стиля Евфимиевых слов показало, что это был изысканный, обработанный, доведенный до совершенства древнеболгарский язык, сохранивший все свои структурные особенности. Он не был неожиданным индивидуальным явлением. Связь его с языковой традицией совершенно очевидна: Евфимий достигает подлинной художественной обработки языкового высказывания, насыщенного образностью и эмоциональностью, высокого языкового мастерства. В указанной работе (Евфимий Тырновский, писатель — творец болгарского литературного языка...) я подчеркиваю, что Евфимий, как сын своего времени, принадлежавший к высшим феодальным кругам и посвятивший всю свою жизнь господствовавшему философско-богословскому учению — исихазму, искал выразительные средства не в разговорном языке, а в книжной традиции. Евфимий в совершенстве владеет древнеболгарским литературным языком и в языке своих произведений не допускает никаких неправильностей в отношении его морфолого-синтаксических и стилистических норм, таких, как полный синтетизм именной системы, архаические формы глагола и причастий, архаические черты, в частности эпентетическое *l* и т. д. Во многих отношениях он развивает и расширяет употребление некоторых синтаксических оборотов. Некоторые особенности древнеболгарского языка, например, *dativus absolutus* и *dativus cum infinitivo*, обособление причастий в языке тырновских книжников представлены значительно шире. Вся древнеболгарская книжная лексика, вместе со всеми калькированными словами и словообразовательными моделями, известна Евфимию. И поскольку его лексика отличалась своей исключительно богатой синонимией, в нее вошли как слова Охридской школы, так и их синонимы из Преславской школы. Писатели и книжники, творившие в те века, отлично знали не только канонические древнеболгарские книги, но и произведения таких древнеболгарских писателей, как Климент Охридский, Константин Преславский, Иоанн Экзарх и т. д. Произведения этих, как и других писателей, чьи имена остались неизвестными, особенно почитались в Болгарии в позднее Средневековье. Они переписывались, а часто и подвергались как литературной, так и языковой и стилистической переработке, подчиняясь новым требованиям литературных вкусов.

Рассматривая язык и стиль Григория Цамблака, А. Давидов обращает внимание на некоторые его стилистические особенности. Так, например, в области синтаксиса предложения он устанавливает у Цамблака системную дистанцию между определяемым и определением, отмечает значительную частоту употребления конструкций *dativus cum infinitivo* и *dativus absolutus* и других причастных оборотов. Они не являются своеобразной спецификой языка Цамблака, как пишет автор; они характерны и для Евфимия Тырновского, их можно увидеть во всех оригинальных и переводных произведениях Тырновской школы.

На Втором симпозиуме, посвященном проблемам Тырновской книжно-литературной школы, я поделилась результатами своих первых опытов исследования переводческой техники и языка переводов гомилий, возникших в Тырновской книжно-литературной школе¹⁴. С этой целью были изучены в сопоставительном плане два ряда переводов одних и тех же византийских гомилий. Один из этих переводов — древнеболгарский, другой принадлежит Тырновской школе и сделан независимо от древнеболгарского перевода. На начальной стадии, на которой еще находятся эти исследования, такой метод работы оказался наиболее подходящим. Он дает возможность наблюдать, как, с одной стороны, древнеболгарский, а с другой — среднеболгарский переводчики относились к греческому оригиналу, какую переводческую тактику и какой языковой материал они использовали, каким литературно-языковым и стилистическим нормам подчинялись. В данных исследованиях учитывается и тот факт, что в древнеболгарский период были две переводческие школы: Кирилло-мефодиевская и Преславская, которые уже упоминались выше. Сравнения показывают, что Тырновская переводческая школа отличалась от обеих древнеболгарских переводческих школ, и различия между ними обусловлены не только разным отношением к греческому оригиналу, но и разными языковыми и стилистическими нормами Охрида и Преслава, с одной стороны, и Тырнова — с другой. Здесь трудно указать все закономерно повторяющиеся черты сравниваемых переводов, соотнесенных с греческим оригиналом. Укажу главные выводы, к которым я прихожу. Среднеболгарские переводы, которые использовались в нашем исследовании, были сделаны независимо от древнеболгарских, непосредственно с византийского источника. Нет данных считать, что первоначальный, древнеболгарский перевод был повторно сравнен с оригиналом и «грецализирован». Ясно видны характерные для языка среднеболгарских писателей поиски изысканной фразы и богатой лексической и морфолого-синтаксической синонимии. Особенности син-

¹⁴ Иванова-Мирчева Д. Отражението на езика и стила на Търновската книжовна школа в хомилетичната литература от XIV век. — Търновска книжовна школа. 2. Ученци и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980.

таксиса и порядка слов греческой фразы передаются различным способом, не всегда сохраняется синтаксис оригинала. Налицо как общая норма — особый типичный тырновский порядок слов, испытавший сильное влияние греческого, при котором *verbum finitum* обычно стоит в конце фразы, имеющей усложненную структуру, начинающейся иногда с нескольких конструкций и т. д. Важно, однако, то, что при построении фразы решающей оказывается не ситуация в греческом тексте, а стилистическая и языковая норма, принятая Тырновской школой. Типичное явление — distantное расположение определяемого и определения, разделенных другими частями предложения, особый порядок слов предложения. При переводе гомилетических текстов используется вся лексическая синонимия, известная нам из древнеболгарского литературного языка и его школ. К этому следует добавить и фанатическое стремление к отказу от членной формы, встречающейся в языке некоторых из наиболее видных древнеболгарских писателей, но отсутствующей в классических древнеболгарских памятниках. Взамен отсутствующих в языке Тырновской школы членных форм наблюдается исключительно широкое употребление *pronomina demonstrativa*, что имеет место и в оригинальном творчестве, и в переводах. В языке Тырновской школы, как в оригинальных, так и в переводных произведениях, мы не могли бы найти признаков аналитизма, хотя уже и там обращает на себя внимание употребление предлогов в тех местах, где древнеболгарская норма предлога не требовала. Это вопрос, интересный для изучения. Из проведенных нами исследований видно, что всюду, где мы встречаемся с необычным употреблением предлога, в греческом оригинале ему соответствует предложное сочетание, однако в языке оригинальных, а также, возможно, и компилятивных произведений среднеболгарских писателей употребление предлогов труднее поддается объяснению. В языке всей школы в рамках полного и не расщепленного синтетизма проведена также перегруппировка деклинационных категорий. Приведем только один пример: основы на -*й* слились с о-основами имен мужского рода, например, окончание -*ски* утверждается у таких имен как *архиерей*, *доухъ* — *архиерески*, *доухски* и т. д. Эти изменения в рамках полного синтетизма характерны и для так называемого церковнославянского языка — языка русифицированных древнеболгарских церковных книг. В области словообразования наблюдается расширение некоторых словообразовательных древнеболгарских моделей, появляется гораздо больше калькированных греческих сложных слов. Заслуживает быть отмеченной еще одна общая закономерность, свойственная не только языку переводов: употребление имперфективных глаголов на месте перфективных. Нужно отметить также и предпочтение, которое отдается приставочным глаголам на месте бесприставочных глаголов в древнеболгарских переводах тех же текстов, — склонность, наблюдалась и в языке Евфимия. Полностью отсутствует болгарский футуруум от глагола *хотѣти*, кото-

рый в это же время в разговорном болгарском языке уже звучит *ща*, *щешь* или стал частицей будущего времени *ще*. Это тоже говорит о сохранении древнеболгарского типа языка в противодействие новым особенностям, развивавшимся в разговорном языке.

В целом, как правило, переводы Тырновской школы более точны — таково впечатление о переводческой технике всей школы, но данная буквальная точность, вопреки мнению К. Радченко, соблюдается не всюду и не любой ценой. Хотя в отдельных случаях дело и доходит до буквального перевода, причины, которыми он вызывается, гораздо сложнее. Прежде всего, влиянием исихазма объяснялось стремление к точности высказанной мысли: сколь бы сложно ни была высказана мысль, она должна быть точно сформулирована. С этой целью очень часто подвергались новой редакции и оригинальные произведения, возникшие в древнеболгарский период. Здесь кроются и глубокие причины, которыми было вызвано исправление богослужебных книг, предпринятое в Тырновской школе и на Афоне. Фраза становилась тяжелой, украшенной многими эпитетами, со многими конструкциями, со сложным синтаксическим строем, но мысль передавалась точно. Исправление книг преследовало именно цель добиться данной богословско-догматической точности. Язык здесь только средство, но средство, которому уделяется много внимания.

Если сравнить три переводческие школы — Кирилло-мефодиевскую, Преславскую и Тырновскую, мы установим, что различия между ними касаются прежде всего отношения к греческому оригиналу. Кирилло-мефодиевская школа ближе всего к тому, что в настоящее время считается хорошим переводом, — поиском смыслового эквивалента. Преславская и Тырновская школы ближе друг к другу. Обе они обнаруживают стремление к филологической точности, к сохранению языковых особенностей переводимого текста, его порядка слов и даже структуры слова, к переводу предложного сочетания предложным и т. д. С современной точки зрения такой тип переводов, естественно, отвергается. Причина появления подобных переводов не в незнании греческого языка, как писал А. Лескин о переводах Иоанна Экзарха; отсюда нельзя делать вывода и о том, что, например, Григорий Цамблак якобы думал по-гречески, а писал по-болгарски, как считает А. Вайан. Причины предпочтения буквальных переводов следует искать в позиции книжников, которые были прежде всего церковниками, и в их стремлении избежать какого-либо удаления от греческого оригинала, что может привести к «извращению», к «ереси», к «еретическому толкованию божественной мысли». Мы должны, конечно, иметь в виду и преклонение болгарских книжников-духовников перед словом видных отцов византийской церкви. Способ выражения мысли, имеющий своим истоком перевод священного текста, переносится и в оригинальное творчество на более свободные темы, хотя и в рамках тематики, насыщенной богословско-догматическими идеями. Он становится нормой болгарского литературного языка, особенно строго соблюдавшейся

в позднее болгарское Средневековье. Это, разумеется, одно из возможных объяснений. Предстоит исследование и других текстов, чтобы более убедительно обнаружить корни так называемой «реформы Евфимия» в области литературного языка и стиля. Перед исследователями стоит еще много задач.

В свете того, что сделано до сих пор, позволю себе сформулировать эти задачи так, как я их себе представляю.

1. Прежде всего, должен быть изучен язык, стиль, правоиспользование Евфимия Тырновского и всех его предшественников, учеников и последователей, нужно вскрыть не только то, что делает его индивидуальным, но и то общее, что говорит именно о литературной норме. Каждый автор, несмотря на консервативность и строгую нормативность школы, вносил что-то свое. Так, например, язык Григория Цамблака отличается от языка Евфимия. Цамблак более жизнен, более реален, его образы более земные, обрисованы не столь патетически, они не столь божественны, как у Евфимия, и это отражается в его языке, а вместе с этим и вносит новую, более свежую струю в язык всей школы.

2. Огромная работа предстоит по исследованию переводов и переработок, возникших в Тырновской школе. Ее надо будет сочетать с текстологическими исследованиями. Мы все еще почти ничего не можем сказать о правке богослужебных книг, а также об их языке. Некоторые наблюдения над развитием текста Василиевой литургии, например, показывают, что в литургических текстах утвердился язык и стиль Евфимия Тырновского и его школы. В окончательной редакции этого текста, а также, очевидно, и значительной части канонических текстов, напечатанной в середине XVII в. в России, нужно искать отражение болгарского литературного языка не только IX—X вв., как мы считали до сих пор, но и периода по XIV в. включительно. Исследования здесь очень трудны и ответственны, но они бесспорно смогут привести нас к более категорическим выводам. Выполнение этой огромной задачи — исследование истории текста и языка так называемых церковнославянских книг — даст больше данных о церковнославянском языке. Наши наблюдения показывают, что церковнославянский язык развивался под влиянием не только русским, но и болгарским до XIV—начала XV вв. Здесь необходимы совместные усилия специалистов по болгарскому и русскому литературному языку. Нет сомнения в том, что в этом языке мы обнаружим в большой мере и отражение языка Тырновской школы¹⁵.

3. Отметим еще одну задачу, которую предстоит выполнить: приступить к классификации и категоризации среднеболгарских памятников письменности XIII—XV вв. Исследование памятников Тырновской школы показывает, что они отличаются от таких среднеболгарских памятников, как, например, Рыльское А и Рыльское Б евангелия, Хлудовская и Шафариковская триоди,

¹⁵ Иванова-Мирчева Д. Задачи на изучаването на църковнославянския език. — Български език, 1977, кн. 6.

Добрейшово и Врачанско евангелия, Троянска повесть и т. д. На последних, как сказано выше, строится «Историческая грамматика болгарского языка» К. Мирчева, который осветил развитие разговорного болгарского языка. На тех же памятниках базируются и монографические исследования проблемы установления членной формы (И. Гылыбов), дательного притяжательного падежа (А. Минчева), будущего времени (Д. Иванова-Мирчева) и т. д. Эти памятники не отражают реформу Евфимия, они не одинаковы по языку и с памятниками предевфимиевскими. Памятники, которые причисляются к Тырновской школе XIII—XIV и отчасти XV вв., составляют другую основную группу. К ним следовало бы отнести и некоторые канонические памятники, такие, как, например, Норовская псалтырь и Krakovsko eвангелие. К. Мирчев обратил внимание на некоторые особенности Krakovsko eвангелия, рассмотрел их в сопоставительном плане с другими среднеболгарскими евангельскими текстами и пришел к выводу, что этот памятник представляет собой грекизированный текст¹⁶.

Грецизованные тексты также необходимо будет исследовать, чтобы выяснить, что в этой «грекизации» было случайным, индивидуальным творчеством писца. По моему убеждению, такое исследование покажет, что многие из таких грекизированных памятников были подвергнуты редактированию, чтобы привести их в соответствие с нормами языка и стиля Тырновской школы. Разумеется, это только гипотеза, которая может быть подтверждена или отвергнута конкретными, поставленными в широком плане сопоставительными исследованиями.

У меня есть некоторые наблюдения и над Норовской псалтырью, памятником XIII или начала XIV в., изучением и изданием которого занялся коллектив под руководством Е. В. Чешко. Текст этой псалтыри существенно отличается от древнеболгарского текста псалтыри и показывает, что над ним велась работа с точки зрения новой нормы, а одновременно исправлялся и сверялся и сам текст. По моему мнению, эта редакция языка имеет все типичные черты болгарского литературного языка XIII—XIV вв. Это, может быть, первый среднеболгарский памятник, в котором нашла отражение реформаторская роль школы. Особенно же важно то, что памятник этот датируется временем до Евфимия. Это подтверждает предположение, что деятельность Евфимия была не началом реформы, а вершиной в развитии среднеболгарского литературного языка. Своим авторитетом Евфимий окончательно утвердил начавшуюся гораздо раньше реформу языка, орфографии и перевода и фактически укрепил закономерно осуществленные тенденции развития литературного языка. Роль отдельной личности в этом процессе намного меньше, чем влияние исторических условий, влияние времени.

Перевел с болгарского Г. К. Венедиков

¹⁶ Мирчев К. Из историята на Кирилометодиевия евангелски превод в българските земи. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост (863—1963). Сборник в чест на Кирил и Методий. София, 1963, с. 155—164.

РУССКО-БОЛГАРСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНЦЕ XII—XIII в.

В истории многовековых русско-болгарских связей рассматриваемый период занимает особое место, знаменуя собой качественно новый этап. Освободившись от византийского ига, Болгария не могла не стремиться к возрождению того великого культурного наследия, которое было создано в поистине золотой век болгарской культуры. В конце X—первой половине XII века Русь почерпнула из него необыкновенно много, что оказало благотворное влияние на развитие ее культуры. Вместе с тем именно благодаря Руси до нас и дошли многие величайшие творения древней болгарской культуры. Дело в том, что в самой Болгарии они сознательно и планомерно уничтожались византийскими захватчиками. В высшей степени показательно, что на Балканах за редчайшим исключением (Енинский апостол) вообще не сохранилось рукописей, датируемых временем раньше конца XII в.¹ К этому привела как сознательная ромеизация, проводившаяся греческим духовенством и светскими властями в Болгарии, так и своеобразная антибогомильская инквизиция, развернутая ими же в XI—XII вв. Эта инквизиция готова была видеть в любом славянском тексте сомнительные, а то и прямо еретические места, нередко появлявшиеся вследствие всего лишь случайных ошибок или неясности перевода, но дававшие как бы ~~кационическое~~ оправдание варварскому уничтожению славянской письменности в Болгарии.

Возродившись политически и государственно, Болгария стремилась и к культурному возрождению. Без этого не могло быть и речи о народном и государственном самосознании во Втором Болгарском царстве. Как уже говорилось выше, в самой Болгарии, как и вообще на Балканах, памятники славянской письменности были практически уничтожены. Русь оставалась той единственной славянской страной, которая не только сохранила полученные из Болгарии сокровища ее письменности, но и к XII в. создала и развила собственную богатейшую литературу на языке, мало чем отличавшемся от болгарского языка того времени.

Очень показательно в связи с этим, что некоторые болгарские памятники периода восстановления славянской письменности в Болгарии характеризуются явными элементами русского языка (Врачанско Евангелие XIII в., Четвероевангелие БАН XIII в.), а палеография их не оставляет сомнения в усвоении болгарскими

¹ Мощин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX, М.—Л., с. 65.

писцами приемов русских начертаний букв, таких, как ж (например, Евангелие из Тычи) ².

Если в X—XI вв. Болгария сыграла огромную роль в ознакомлении Руси с высшими достижениями византийской литературы, то теперь уже русские переводы с греческого появляются на Балканах.

Среди русских переводов, попавших к южным славянам, можно указать и целый ряд светских («Повесть об Акире Премудром», «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Сказание о Софии Константинопольской») ³. При изучении путей и времени проникновения этих переводных памятников на Балканы встречается немало трудностей. Особенно затрудняет исследование то обстоятельство, что южнославянские списки указанных сочинений, как правило, относятся к более позднему времени, чем рассматриваемый период, т. е. к XV—XVI вв.

С такими же трудностями мы сталкиваемся и когда речь идет о попадании самих русских оригинальных памятников (чаще всего житийных) в Болгию и на Балканы вообще. Пути преодоления этих трудностей заключаются в том, чтобы выявить в более поздних списках черты ранних домонгольских редакций памятников. Такие черты содержит, например, «Служба Борису и Глебу», которая хотя и дошла в южнославянских списках не ранее XIII в., отражает именно древнейшую редакцию службы, которая уже в XII в. стала претерпевать на Руси заметные изменения, никак не отразившиеся в этих южнославянских списках ⁴. Бывают и такие случаи, когда лингвистические нормы той или иной рукописи имеют элементы, связанные с более древним временем, нежели о том свидетельствуют палеографические особенности. Так, в Берлинском сборнике XIII—XIV вв., содержащем «Ответы киевского митрополита Иоанна II», налицо оказываются признаки его более древнего болгарского оригинала ⁵.

Свидетельством возможного знакомства южных славян с памятниками древнерусской литературы является и наличие в месяцесловах той или иной книги соответствующих памятей чисто русских праздников, с которыми были связаны эти произведения. Как наиболее яркий пример можно привести памяти 26 ноября — освящение церкви св. Георгия в Киеве и 9 мая — перенесения мощей Николая Мирликийского.

Попав на Балканы, русские сочинения нередко переходили от одного народа к другому, как бы обраставая соответствующими языковыми особенностями. Показателен в этом отношении сербский список Несторова жития Феодосия Печерского XIII в., в котором содержится немало болгарских черт как в языке, так и

² Ангелов Б. Ст. Из историята на русско-болгарските литературни връзки. София, 1972, с. 67—68; Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 50—51.

³ Сперанский М. Н. Указ. соч., с. 46—47, 64—65.

⁴ Там же, с. 15—16.

⁵ Там же, с. 21—22.

в графике⁶. Отметим также, что это житие было не просто переписано, но сокращено и переработано с тем, чтобы все внимание читателя сосредоточить на последних днях жизни святого. Очевидно, в таком виде оно более всего подходило для чтения в день кончины Феодосия (3 мая). Таким образом, перед нами пример творческого усвоения в Болгарии русского литературного наследия.

Бывало и так, что южнославянские памятники, попав на Русь, возвращались оттуда на Балканы. Сербская Иловицкая кормчая 1262 г., имеющая множество русицизмов, восходит к тексту болгарской кормчей Иоанна Святослава⁷. Между тем обычно полагают, что эта кормчая была получена на Руси около 1270 г.⁸. Возможно, что текст Борилова Синодика в неделю православия имеет в своей основе русский список Синодика (об этом говорит мартовский стиль), в свою очередь восходящий к древнейшему болгарскому синодику⁹.

Приведенные примеры показывают также, сколь важно для изучения различных сторон самой русской культуры учет ее балканских связей. Такие примеры можно легко умножить. Достаточно напомнить, что древнейшие (XIII в.) из всех сохранившихся списков таких русских памятников, как «Житие Мстислава Владимировича» и «Житие княгини Ольги» — сербские¹⁰, а «Причина о белоризце» Кирилла Туровского также в наиболее раннем списке дошла до нас в составе сербского сборника попа Драголя XIII в.¹¹.

Наиболее тесно и плодотворно русское и южнославянское сотрудничество проявилось в создании Пролога. М. Н. Сперанский полагал, что над его переводом и дополнительными статьями трудились в Константинополе совместно и русские, и болгары, и сербы¹². А. И. Соболевский¹³ и В. А. Мошин¹⁴ склонны видеть собственно русскую работу в создании Пролога, но и они выводят из него сербскую и болгарскую редакции памятника как продолжение общеславянского труда.

Прежде всего благодаря Прологу и произошло знакомство болгарского читателя с памятниками русской агиографической литературы, получившей отныне достаточно широкое распространение и популярность в Болгарии. Памятники, посвященные

⁶ Там же, с. 23—25.

⁷ Там же, с. 30—31.

⁸ Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 177.

⁹ Мошин В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX, с. 81.

¹⁰ Сперанский М. Н. Указ. соч., с. 23.

¹¹ Там же, с. 25—28.

¹² Там же, с. 36—42.

¹³ Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — Сб. ОРЯС, 1910, т. 88, с. 176.

¹⁴ Mosin V. Slovenska redakcja prologa Konstantina Mokisijskog u svjetlosti vizantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII wijeka. — Zbornik Historijskog Instituta Jugoslovenska Akademije, t. II, 1957, p. 57.

русским святым, являлись прямым отражением борьбы русской церкви за самостоятельность. Эта борьба упорно велась на Руси в XI—XIII вв., а в рассматриваемый период с неменьшей настойчивостью была развернута в Болгарии. Вот почему русские жития могли играть активную роль в жизни болгарского общества, являясь символом канонического достоинства славянских церквей¹⁵.

Было бы неправильным представлять русско-болгарские литературные, как и вообще культурные связи, только в плане воздействия русской литературы на болгарскую письменность в процессе ее возрождения и затем дальнейшего развития. Есть целый ряд неоспоримых данных, которые говорят о продолжении на Руси и в этот период знакомства с памятниками болгарской литературы. Такие переведенные в Болгарии в XI—XII вв. византийские памятники, как «Повесть о Варлааме и Иосафе», «Степанит и Ихтилат» попадают на Русь. Большой интерес вызвал на Руси и византийский памятник X в., переведенный в Болгарии в XII—XIII, «Чудо св. Георгия о болгарине». В нем содержались сведения по истории Болгарии в IX в., изложенные в форме увлекательного рассказа о приключениях болгарского воина. В XIII в. эта повесть была переработана в Болгарии, снабжена пояснениями и комментариями¹⁶. Первая редакция «Чуда» была известна на Руси к XIV в., попав в состав Пролога. Вторая же, видимо, появилась на Руси позже, в период второго южнославянского влияния.

Русь воспринимала не только современные ей памятники болгарской письменности, но продолжала творческое освоение драгоценных памятников болгарской литературы золотого века ее развития, т. е. конца IX—X века. Нередко они служили образцами для русских писателей при создании ими собственных оригинальных сочинений. Так, Кирилл Туровский обратился к сочинениям Климента Охридского при написании «Похвального слова женам мироносцам», использовав его образность и некоторые стилистические приемы¹⁷.

На русские азбуковники заметное влияние оказала знаменитая «Азбучная молитва» Константина Преславского. Следы ее замены уже в русском азбуковнике, дошедшем до нас в списке XIII в.¹⁸

Продолжал пользоваться на Руси огромной популярностью «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского. Воспользовался им в XIII в. и автор «Слова о погибели Русской земли». Как показал Д. С. Лихачев, художественный метод описания Русской земли в «Слове» тот же, что описание вселенной в «Шестодневе». Даже

¹⁵ Ангелов Б. Ст. Из историята на Руското книжовно проникване у нас (XI—XV век). — Изв. на Ин-та за българска литература, 1955, т. III, с. 46.

¹⁶ Лопарев Х. Чудо св. Георгия о болгарине. — Памятники древней письменности и искусства, вып. 100. СПб., 1894, с. 7.

¹⁷ Ангелов Б. Проникване на старобългарски съчинения в старата руска литература. — В кн.: Старобългарска литература, кн. 2. София, 1977, с. 29.

¹⁸ Там же, с. 30.

порядок перечисления объектов, вызывающих восхищение автора, совпадает: реки, озера, источники, колодцы, сады, горы, дубравы. Но автор «Слова» далек, тем не менее, от простого подражания Иоанну Экзарху. У него по сравнению с ним гораздо больше эпитетов, в чем сказывается живая связь с народной поэзией¹⁹.

Труднее проследить русско-болгарские культурные связи XII—XIII вв. в других областях культуры. Так, в архитектуре Руси в XII—начале XIII в. наблюдается все большее расщепление на местные школы, еще далеко не достаточно изученные, чтобы по сохранившимся памятникам делать наблюдения по поводу возможных контактов русской архитектуры с болгарским зодчеством. Не может быть об этом речи и по отношению ко второй половине XIII в., когда после татаро-монгольского нашествия строительство каменных зданий (даже в незатронутой им Новгородской земле) прекращается.

Несколько легче обстоит дело при решении поставленной проблемы в области живописи. Живопись XII—XIII вв. в большей степени сохраняет единство стиля и иконографических особенностей. Наиболее ярким примером контактов древнерусских живописцев с болгарами, в частности болгарским искусством, могут служить фрески Кирилловского монастыря в Киеве, датируемые 70-ми годами XII в. Они по своей системе близки к фрескам Бачковской костницы XII в. На связи с Болгарией указывает и то, что среди изображенных в Кирилловском монастыре святых можно видеть Кирилла и Мефодия, Климента Охридского. Исследователь бачковских фресок Э. Бакалова в свою очередь отмечает, что их художественные приемы, особенно характер и места высветления живо напоминают русские фрески в церкви св. Георгия в Старой Ладоге (1167 г.) и особенно Дмитровского собора во Владимире (1195 г.)²⁰.

Русско-болгарские, в данном случае следует сказать шире — русско-балканские — связи отразились и в памятниках книжного искусства. Широкое, как было показано выше, взаимное ознакомление с памятниками письменности, не могло не сказаться и в оформлении самих книг — миниатюрах, инициалах, заставках. В связи с этим заслуживает внимания высказываемое учеными мнение, что тератологический орнамент, получивший в XIII в. широкое распространение на Руси и у южных славян — это плод русско-болгарских связей. Но только одни из них (А. Н. Грабар, Б. В. Сапунов) полагают, что он попал на Русь из Болгарии²¹, тогда как другие (В. А. Мопшин) — что тератологический орнамент сложился на Руси и оттуда попал на Балканы²².

¹⁹ Лихачев Д. С. «Слово о погибели Русской земли» и «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, с. 92—96.

²⁰ Бакалова Е. Бачковската костница. София, 1977, с. 147—151, 156.

²¹ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978, с. 172.

²² Мопшин В. А. Оригамент јужнославенских рукопися XI—XIII века. — В кн.: Радови Научног друштва Босне и Херцеговине, т. IV, 1957, с. 40—79.

Примером отражения русско-балканских культурных связей может служить и книжная миниатюра. Особенно показательно в этом плане Галицко-Волынское евангелие начала XIII в. Некоторая утрированность его миниатюр с их «сверхвыразительностью», разметавшимися волосами Матфея, неизменной серебристой сединой у других апостолов, система пробелов — все это напоминает некоторые балканские фрески этой поры²³.

Естественно, возникает вопрос, каковы были те каналы, через которые проходил отмеченный нами обмен культурными ценностями между двумя славянскими народами в столь сложную для них эпоху. Отвечая на этот вопрос, нельзя не помнить, что у самых истоков Второго Болгарского царства мы наблюдаем теснейшие связи ее деятелей с Русью. Царь Иван-Асень I находился в союзе с русским²⁴, а русские войска принимали участие в освободительной войне 1186—1187 гг.²⁵ Как сообщает византийский хронист Георгий Акрополит, Иван-Асень II еще в юности «убежал в страну руссов, прожил здесь довольно долго и, собрав к себе несколько дружин русских, стал добиваться своего отеческого наследия»²⁶. В 1217 г. Иван Асень II с русским отрядом овладел столицей Второго Болгарского царства Тырновом²⁷.

Все историки видят в стране руссов, упомянутой византийским хронистом, Галицкое княжество, ближайшее к Болгарии из русских земель. Галицкое княжество, как и прилегающие к нему русские поселения по Дунаю (бронники)²⁸, и могли служить одним из тех каналов, по которым осуществлялись культурные контакты Второго Болгарского царства с Русью. Напомним в связи с этим о Галицко-Волынском евангелии, миниатюры которого так созвучны балканскому искусству.

Другим центром русско-болгарского культурного общения оставался Афон, однако в XII—начале XIII в. его роль была, очевидно, невелика. Русский Пантелеимонов монастырь держался только благодаря помощи русских князей. Помощи от византийцев, как свидетельствуют архивные материалы, в это время он совсем не получал. С татаро-монгольским нашествием он лишился и русской помощи, Зографский же монастырь, напротив, после победы Ивана Асения II над эпирским царем в 1230 г. снова стал болгарским (после двухсотлетнего перерыва)²⁹.

²³ Попова О. С. Галицко-волынские миниатюры раннего XIII века (К вопросам взаимоотношений русского и византийского искусства). — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 287, 292.

²⁴ Летопись великого логофета Георгия Акрополита. — В кн.: Византийские историки, переведенные с греческого при Санктпетербургской духовной академии, т. 2. СПб., 1863, с. 26.

²⁵ История Болгарии, т. 1. М., 1953, с. 122.

²⁶ Летопись..., с. 38.

²⁷ История Болгарии, т. 1, с. 140.

²⁸ Подробнее об этом: Успенский Ф. И. Участие русских в борьбе за независимость. — В кн.: Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, прил. V.

²⁹ Мошин В. А. О периодизации..., с. 63.

Константинополь, где как в центре православия встречались восточные и южные славяне, также мог быть тем местом, где происходил культурный обмен между ними. Таким городом могли быть также и Салоники.

Подводя итоги сказанному, необходимо подчеркнуть, что русско-болгарские культурные связи не прерывались с момента первых контактов двух славянских народов. Ни византийское иго, ни татаро-монгольское нашествие не могли их пресечь. Они были нужны и плодотворны для развития культуры обоих народов. В X—XI вв. болгарская письменность во многом способствовала становлению и развитию русской культуры. В конце XII—XIII в. наблюдается обратный процесс. Русь, сохранившая, развившая и приумножившая сокровищницу славянской культуры, пришла на помощь Болгарии, сбросившей византийское иго.

Л. П. Жуковская

О ЮЖНОСЛАВЯНСКОМ ВЛИЯНИИ XIV—XV вв.

(На материале прологного Жития Евгении)

В настоящее время среди лингвистов господствует точка зрения, что уже на рубеже XIV—XV вв. произошло обращение средневековой Руси к южнославянской письменной культуре, которое обычно называют вторым южнославянским влиянием.

В свое время это утверждали академики И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, в течение всей своей жизни изучавшие рукописи в оригиналах и сконцентрировавшие огромный запас этих наблюдений в своей памяти. Наиболее конкретизировал свои наблюдения А. И. Соболевский¹. Однако все еще нет работ, которые содержали бы убедительные факты из самих рукописей об источнике (источниках — ?) этого влияния; формах и способах его проявления в разных сферах письменности и определенных рукописях, в их палеографии, графике, орфографии и языке; о реализации его в разных культурных центрах; не вскрыто и не уточнено протекание этого влияния во времени: периоды взлета, кульминации, падения или, наоборот, закрепления каких-то явлений в языке и письме.

Ученые, постоянно обращавшиеся к древним рукописям и знавшие письменное наследие в разных его проявлениях, постоянно изучавшие первоисточники, тем не менее не оставили нам сведений о конкретных фактах, которые позволили им сделать свои, несомненно, очень важные выводы. Работавший в начале XX в. наиболее талантливый ученик А. И. Соболевского Л. Л. Васильев, для исследований которого характерно необычайно глу-

¹ Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894, с. 3—6.

бокое и скрупулезное проникновение через детали письма рукописей в факты языка, и, что в данном случае особенно важно, который об использованном материале и методе проведенного им анализа сообщал читателю, как бы вводя его в свою творческую лабораторию, вопросами южнославянского влияния не занимался. Последним ученым старшего поколения, знавшим визуально много рукописей разного времени, был ученик А. И. Соболевского и А. А. Шахматова академик В. В. Виноградов. Поэтому общие высказывания о южнославянском влиянии, которые ему приходилось делать в зрелые годы, заслуживают внимания. Однако древними и средневековыми рукописями он занимался в основном в юности², причем конкретных материалов, связанных с изучением им названной проблемы, у нас нет.

Южнославянское влияние на средневековую русскую культуру в разных ее проявлениях интересует не только лингвистов, но также историков литературы и искусствоведов. В 1958 г. на IV Международном съезде славистов эту проблему во всей широте поставил Д. С. Лихачев. Он подвел итоги изучения этого влияния в разных сферах культуры и предложил «вывести изучение второго южнославянского влияния на более широкий путь, чем тот, которым оношло до сих пор»³. Вскоре Д. С. Лихачев сам начинает разрабатывать эту область истории культуры и публикует труд «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.)»⁴, в котором во многом иначе освещается этот период, чем в предыдущем труде Д. С. Лихачева на ту же тему⁵. В одной из последних работ Д. С. Лихачева о втором южнославянском влиянии⁶ рассматриваемый вопрос особенно заостряется.

Одной из искусствоведческих работ, затрагивающих проблему южнославянского влияния, является труд Г. И. Вздорнова⁷. В труде, рассматривающем вопрос о творчестве южных славян в России на рубеже XIV—XV вв., указана наиболее важная литература вопроса⁸.

Итак, нет подробных лингвистических исследований, на основании которых можно было бы судить, наблюдения над какими именно материалами дали возможность сделать общепринятые

² Жуковская Л. П. Работа В. В. Виноградова по изучению языка древнерусских рукописей. — В кн.: Исследование по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. М., 1974, с. 87—100.

³ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России: IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958, с. 65.

⁴ М.—Л., 1962.

⁵ Ср.: Лихачев Д. С. Культура на Руси эпохи образования русского национального государства (Конец XIV—начало XV в.). М., 1946.

⁶ Лихачев Д. С. Стилът на търновската литературна школа и неговото значение в развитието на стараруската литература. — Език и литература. София, 1976, № 5, с. 9—26.

⁷ Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской псалтыри. М., 1978, с. 79—82 и сл.

⁸ Там же.

в настоящее время заключения о том, что второе южнославянское влияние имело место именно на рубеже XIV—XV вв.; нет сведений о том, на какие сферы и как были направлены наблюдения выдающихся ученых прошлого, что осталось вне поля зрения.

Но в настоящее время внимание языковедов начинает привлекать изучение конкретных вопросов, связанных с этой проблемой. Так, положительным вкладом является доклад О. А. Князевской и Е. В. Чешко о графике и орфографии рукописей, обычно связываемых с именем митрополита Киприана (1390—1407 гг.). Это Лествица Иоанна Лествичника 1387 г. — ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 152, ПС № 548; Псалтырь с восследованием кон. XIV — нач. XV в. — ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 142, ПС № 1373; Творения Дионисия Ареопагита кон. XIV (?) — нач. XV вв. — ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 144, ПС 1400; Служебник митрополита Киприана кон. XIV в. — ГИМ, Синод., № 601, ПС № 869 и Триодь цветная 1403 г. — ГИМ, Усп., № 7. Проведенный исследовательницами анализ показал, что только Лествица могла быть написана Киприаном⁹.

Киприан, естественно, не мог писать по бытовавшим на Руси древнерусским орфографическим нормам, отражавшим восточнославянские языковые явления. Но его родные южнославянские особенности языка и письма нельзя рассматривать как свидетельство распространения южнославянских норм на русскую письменность и датировать их рубежом XIV—XV в. Единичные факты переписки отдельных книг с южнославянских оригиналлов, при которой некоторые черты южнославянского оригинала невольно вносятся русским писцом во вновь создаваемый экземпляр, как и случаи написания книг кем-либо из южнославянского окружения Киприана, не могут быть свидетельством южнославянского влияния на русскую графику и орфографию. Под влиянием, на наш взгляд, можно понимать только такое состояние, когда при переписывании древнего русского оригинала русский писец начинает применять приемы и законы южнославянской письменности.

Поскольку ученые прошлого свои знания по проблеме южнославянского влияния на рубеже XIV—XV вв. и реализации его в последующем периоде развития языка и письменности оставили нам лишь в форме общих заключений, возникают и, видимо, целесообразны вопросы, относящиеся к разным сферам южнославянского влияния: к письму, языку и письменности, с одной стороны, ко времени и пространству — с другой. Ответ на некоторые вопросы, естественно, может затянуться на годы, а то и на десятилетия поисков многих исследователей.

Относительно времени пока, без специально направленного

⁹ Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них реформы орфографии Евфимия Тырновского. — Търновска книжна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980, с. 284.

исчерпывающего какой-либо материал исследования, на основании более или менее случайных фактов из 200 списков Пролога и некоторых списков Евангелия¹⁰ у нас складывается мнение, что в палеографии, графике и орфографии период взлета южнославянского влияния никак не относится к рубежу XIV—XV вв. и даже к первой половине XV в. (о XIV в. вообще речь идти не может). Оно относится к более позднему времени, а к концу XVI в. начинается уже постепенный отказ от многих проникших в русские книги южнославянских особенностей.

В фонетике и морфологии многое связано с орфографией, вслед за которой шло проникновение заимствований в произношение книжных людей, а затем какие-то явления входили и в общий разговорный язык. В лексику и словообразование некоторые южнославянские черты, наоборот, проникали раньше, когда началось редактирование книг, их исправление. Это относится к периоду более раннему, чем период, с которым принято связывать второе южнославянское влияние, а именно ко времени митрополита Алексия.

Важнейшим вопросом является также следующий: существовали ли местные тенденции и, если да (к чему мы более склоняемся), то как они реализовались в отдельных восточнославянских государственных и культурных центрах в разное время в процессе складывания централизованного государства под руководством великого княжества Московского? Есть основания думать, что в Московском государстве долгое время в сфере письменности боролись тенденции к сохранению старого древнерусского письменного наследия (и в сфере содержания памятников письменности, и в сфере письма, и в сфере языка) с южнославянскими тенденциями. В конце концов проблема южнославянского влияния вырастает в проблему свое и заимствованное, в проблему древнее и новое, которая по кардинальным направлениям будет решаться Иваном IV, Алексеем Михайловичем и даже царевной Софьей; в нее будут втянуты массы населения — старообрядцы и новое духовенство, опричники и стрельцы, боярство и дворянство; в значительной степени она будет решена Петром I, но в XIX в. снова обнаружится взлет расхождений в сфере культуры, а в каких-то своих подспудных проявлениях она доживет вплоть до наших дней.

Вопрос о генезисе южнославянского влияния на Руси должен опираться на изучение болгарских и сербских рукописей, в том числе и на материал рукописей, переписанных на Руси южнославянскими книжниками (подобно Лествице, переписанной Кириллом), а также переписывавшихся лицами восточнославянского происхождения в разных центрах православной письменной культуры Восточного Средиземноморья. Но проблема в целом может быть решена только на материале собственных русских письменных источников.

¹⁰ Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976, с. 49—50 и сл.

В настоящей статье предпринимается лишь зондирование в области проблематики южнославянского влияния. Оно основывается на лингвотекстологическом изучении однородного материала. Начинаем с рукописных источников XIV в., кончаем рукописями XVI в., из которых берем датированные и редкие в текстологическом отношении. Но специально вопросами текстологии, как и палеографии, мы здесь заниматься не можем. Поэтому текстологические заключения общего порядка используем из другой нашей работы, и, как правило, датировку рукописей указываем по данным хранилищ, не проводя филигранологического анализа для уточнения дат.

Для «зондирования» выбираем весьма распространенное в древней Руси, а затем и в Московском государстве произведение — Пролог. Он восходит к «Менологию» византийского императора Василия II (976—1025), переведенному на славянский язык, возможно, на Руси в XI—XII вв. (наиболее вероятно в период от Ярослава Мудрого до Мстислава Великого). Уже в период появления на Руси Пролог был дополнен древнерусскими текстами. Впоследствии он пополнялся древнерусскими и инославянскими текстами, посвященными вновь вводимым памятным датам.

Все тексты в Прологе распределены по месяцам и дням года¹¹. Поскольку это весьма обширный памятник письменности, в средневековой письменной практике было принято разбиение его на полугодия: сентябрьская половина до февраля включительно и мартовская, кончающаяся 31 августа. Но и рукописи, содержащие тексты только на половину года, могут иметь до 700 листов при формате 1° «в лист». Немало рукописей, содержащих прологные чтения только на четверти года: сентябрь — ноябрь, декабрь — февраль, март — май, июнь — август. Единичные рукописи известны с особым кругом месяцев года. Так, рукописи¹² Трц-717 и Трц-718 включают чтения на июнь — октябрь, рукописи Трц-720, Трц-721 и Трц-722 содержат чтения на ноябрь — февраль. Следовательно, они отражают практиковавшееся в этом монастыре деление книг Пролога на трети, а не на половины или четверти года, как это было типично для Руси.

В качестве объекта нашего зондирования проследим в разных планах сходство — различие помеченного в Прологе и потому называемого прологным Жития Евгении (далее — ЖЕ). Это произведение исконного происхождения в славяно-русском Прологе. Оно находится в его сентябрьской половине (в ноябрьской трети в названных троице-сергиевских) и во всех пока просмотренных нами рукописях разных веков (с XII—XIII до начала XVII) начинает совокупность чтений на 24 декабря. Таким образом,

¹¹ Наиболее четко и полно сведения о Прологе как памятнике письменности представлены в работе: Бубнов Н. Ю. Славяно-русские прологи. — Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973, с. 274—296.

¹² Сокращенные названия рукописей разъяснены в Условных обозначениях собрания рукописей (см. в конце статьи).

даже в рукописях, содержащих только тексты декабрьской четверти Пролога, анализируемый нами текст окажется не в самом начале рукописи и не в конце ее, где на писца могли бы больше влиять экстралингвистические обстоятельства, но в середине кодекса, где такое влияние минимально.

Проложное ЖЕ представлено в разных редакциях. Эти редакции выявлены нами на основании текстологического изучения самого ЖЕ, а не на основании двух редакций самого Пролога, установленных Н. Ю. Бубновым вслед за Сергием¹³ по наличию в Прологе разных житий и текстов на определенные памятные даты (построение и освящение храмов и др.)¹⁴. В качестве примера недостаточности этих оснований проследим различия в наборе чтений в двух рукописях Костромского собрания ГБЛ на 3 января.

В обеих рукописях после заголовка, указывающего на день месяца, следует чтение на память пророка Малахии. Оно кончается одними и теми же словами:

Костр-13, кон. XV—нач. XVI в.

кругло имѣа лице и плоско брадоу,
стб. 250а¹⁵.

Костр-15, XVI в.

кругло имѣа лице. плоскъ брадъ,
л. 357.

Далее обнаруживаются весьма существенные различия:

в тѣ (ж)¹⁶ днѣ слово сѧтъ василѧ.
ѡ (ε)фре́мъ. побѣ(ε) дшѣполезна,
250а—251б.

—

—

въ тѣ (ж) днѣ. сказаніе
х(с)ка прихода к морю. прежде
даже не прїиде къ іердану, 251б-г.

Концовка: емъ (ж) слава. и къ
кѣ(к) вѣко(м). амина.

въ тон (ж) сѧтъ сѧтъ мѣнъ
гоўдiana и єпимаха м(ч)нъю в римъ,
л. 357.

въ тон (ж) днѣ прп(а)бныя мѣре
ниша сунаклитика, л. 357—358.

въ тон (ж) днѣ сово(р). б. оучинъ
хѣ(х), л. 358—361.

въ тон (ж) днѣ слово(в) сказаніе
хѣа пришествіе к морю. пре(ж)
да(ж) и не прїиде ко єрдану
кր(с)гити(ε), л. 361—361 об.

Концовки нет.

На этом тексты на 3 января в обеих рукописях заканчиваются. Как видим, общими по содержанию в целом являются только первый и последний тексты. Между ними в рукописи Костр-15

¹³ Сергей архим. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901.

¹⁴ Бубнов Н. Ю. Указ. соч., с. 286—294; Приложение 1. «Перечень чтений, наличие которых под определенным числом характерно для 1-й (краткой) или 2-й (распространенной) редакций славяно-русского Пролога».

¹⁵ Для рукописей, писанных в два столбца, буквами а, б, в, г указываем столбцы каждого листа.

¹⁶ Выносные буквы вносим в строку в скобках.

содержатся три чтения, а в рукописи Костр-13 только одно, причем оно не совпадает по тематике ни с одним из этих трех особых, представленных здесь в Костр-15. На основании текста в память преподобной Синклитикии в Костр-15 следовало бы, по Бубнову¹⁷, отнести эту рукопись ко второй редакции, а Костр-13 к первой. Но этому противоречат имеющиеся в обеих рукописях чтения: в память св. Людмилы (16 сентября) и Вячеслава (28 сентября) чешских, текст на проявление крещения Русской земли апостолом Андреем (30 ноября). Все эти чтения, согласно Бубнову¹⁸, должны бы быть только в сочетании с чтением Синклитикии и, следовательно, только в Костр-15, но не в Костр-13.

Эти данные мы приводим пока с единственной целью показать сложность состава Пролога и небезупрочность или, по крайней мере, недостаточность принятого разделения памятника на две редакции, на основании различия только в составе чтений. Но уже и этот материал побуждает нас при дальнейшем анализе ограничиться установлением редакций только для одного компонента Пролога — Жития Евгении — и опираться при этом только на его текст. Для памятника как такового, т. е. для самого Пролога, данные текстологии ЖЕ тоже могут оказаться небесполезными.

Итак, поскольку пока нами предпринимается анализ лишь проложного ЖЕ и другие входящие в Пролог произведения не привлекаются, далее при установлении редакций опираемся лишь на содержание самого ЖЕ и на относящийся к нему ближайший конвой. Под ближайшим конвоем понимаем наличие или отсутствие определенных текстов, относящихся к самому ЖЕ, т. е. не включаем даже перечень конвоя из остальных содержащихся в рукописях чтений на 24 декабря.

Исходя из этих оснований, мы пока обнаружили три редакции проложного ЖЕ (не Пролога вообще!): 1) краткую в двух подвидах, 2) пространную или стишную и 3) стиховую. Краткая (очевидно, первая) представлена в многочисленных древнерусских и средневековых русских рукописях и в нескольких болгарских и сербских. В этих рукописях ЖЕ излагается только один раз и не предваряется двустишием (см. ниже). Пространная (видимо, вторая) редакция предваряется двустишием. Двустишиями в таких списках Пролога предваряются и другие (но не все!) тексты на разные дни года. По наличию двустиший такой Пролог в археографии называют Стишным. В отличие от стишной стиховая редакция представлена примерно в 100 стихотворных строках, витиевато описывающих примерно те же самые сюжеты, что и пространная. Во всех выявленных нами рукописях стиховая редакция сопровождает текст пространной и в качестве единственного текста ЖЕ в списке Пролога нам не встретилась.

В правильности предложенной классификации основных редакций ЖЕ позволяет убедиться приводимый ниже материал двух датированных рукописей XV в. Рукописи отобраны с целью

¹⁷ Бубнов Н. Ю. Указ. соч., с. 289.

¹⁸ Там же, с. 286 и 288.

использовать далее их материал для суждения о некоторых вопросах южнославянского влияния в средневековой Руси. В левом столбце приводим текст краткой редакции (второго ее подвида) по рукописи 1425 г. Син-839. В правом столбце приведен текст стишной редакции (пространной) по рукописи Трц-720. Ее обычно датируют 1469 г. Это не совсем точно, так как обе указанные в рукописи даты (6978 г., т. е. 1470, на не записанном проложным текстом л. 193 об. и на л. 257 при заголовке чтения дата 6077 г. с ошибочным пропуском числа, обозначающего сотни лет) не являются прямыми датами написания рукописи. Датирующая и локализующая запись в Трц-720 отсутствует. Почерки обеих записей с датами не могут быть квалифицированы ни как почерк основного писца Трц-720, ни, тем более, как почерк какой-либо из двух вставок XVI в.: 1) л. 11—16 и 2) л. 340—343. Следовательно, можно считать, что рукопись Трц-720 написана не позже 1469 г.

Для облегчения последующих сопоставлений текст каждой рукописи делим на общие для них смысловые отрывки, давая им свои заголовки.

ЖИТИЕ ЕВГЕНИИ

В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ СПИСКАХ ПРОЛОГА

Син-839, 1425 г., л. 102 а б

Трц-720, не позже 1469 г.,
л. 167 об.—168 об.

Заголовок (и стих в Трц-720)

М(с)ца тго (ж) въ. къ. кд. стра(с) стыла мү(ч)ицѣ єоугение.

М(с)ца тго же въ. къ. кд. стыла мүнца
и прп(а)бныя| євгеніа. сти(x). въема
прѣкѣ болѣзнѣми євгеніа черакле-
ницию ѿбагриши цр(с)кѹю ѿ
мече: — |

Происхождение (1)

Въ цр(с)тво комодѣ вѣ стаia Та вѣше въ цр(с)тво комодово,
и єуєгениа| аци филипа єпархѣ аци филипа| єпархѣ римскаго.
римск(а),|

Переселение в Александрию (2)

Щїю же юга въ Александрию|
послану вѣшю комодомъ. и да
будутъ тамо съ єпархомъ, жена
юго и дѣти идоша иде тамо и
стаia єуєгениа,

Щїю же са въ алєзан(а)рію| ко-
мидомъ посланоу вѣшъ, да и
тамо єпархъ | вѣдетъ. и понеже
съ всѣмъ домомъ понде, || иде
и стаia євгеніа съ нимъ.

Обучение (3)

и наѹчиса всакому писанию
єлипскому и кр(с)тланскому, | и
понеже книга пытгаше. поѹте и
рѣ(г) павла писание.

и тамо наѹчи,| всако писаніе,
єл'лин'ское и хр(с)тлан'ское. ел'ма|
же полуѹчивши, епистолю павла
ап(с)ла.

Крещение (4)

и ѿ тѣхъ быкии кр(с)тгіана на-
кыче вѣакон добротѣ, по сема-
штави ѿческую славу идѣ в ма-
настырь. и кр(с)тиса

и профетши сю, оувѣдѣ соутє
мира сего, его же и всѣ ср(а)чино
штавивши. и въ мѣжа прѣвра-
зиши сеbe, съ двоими скопци, и
къ монастырю иже прѣ(а) алѣан-
дрію достигши. приїгла бы(с)|
еп(с)кпомъ еленемъ, и бж(с)тъв-
ное прїимши кр(с)ніе, и иже съ
ней соуцимъ.

Монашество (5)

бы(с) чѣрноризица въ мужествѣ||
шеразѣ ибо сеbe скопца глашіе
быти.

и мнишаскомоу чину сп(а)обив-
шиса. и по нѣкоему врѣмени,
взроучена бы(с)| игоуменіа. иже и
чудеса сп(а)обиса творити. тѣмъ
и нѣкоторои жентъ боларини, ме-
лангта наричела. стражицю нѣ-
дѣломъ нѣкоторымъ, исцѣли ю.
по томъ шелагана бы(с) ѿ неа,
тако къ смѣщенію блѣдномоу тѣю
ноудаціи.

Выявление истины (6)

и нѣколи познана быкии и сказана
ѡщию своему

и къ епа|рхѣ филипу тѣю шпо-
вѣда.ѡномоу же пре|по(а)еною
прѣ(а)ставлши, и вѣакод таиса
ѡ неи истина. не тѣю бо въ
шеразѣ моужестѣ же на соуци
показавшиса, но тако та сама есть
ѡщиу епархова.

Крещение членов семьи (7)

и того откори кр(с)тгіана тако же
и тѣм же ѿца и мѣтера, и многы(х)
и мѣтра. и оу|жники.

тѣм же ѿца и мѣтера, и многы(х)
и мѣтра. и оу|жники.

Епископство отца (8)

по малѣ же ѿца бы(с) юп(с)пз

и оуже тоа ѿца чи|нъ епарши-
кыи Шложица, кр(с)тиса. и
еп(с)кпомъ поставленъ бы(с),

Мученическая кончина (9)

и по сихъ вси мѣница вѣнецъ
приглаша, и даша оубо своя предаша
в руцѣ бин.

и по сема мѣни конеца прѣатъ.
нападшимъ на на некѣрніяма, и
заклаша| его ножемъ въ цркви.

стада же евгения въ|| рима приве-
дена бы(с), съ матерю и съ бра-
тю и съ| протомъ иакинтомъ
каждникомъ. иже ѿ начала съ нею
пострадавши(х), иже и главы и(х)
шрѣкоша. инои же каменъ на-
базавше тажекъ, и въ фибер-
адаскю рѣку върагоша. и
шилоу(а) съхранена бы(с), мечнуюю
въспратъ кончию: — |

Погребение (10)

Ч(с)тнага же и|хъ моци погребени
быша| въ шлѣдандрѣстѣма гра-
А(т): — |

Непосредственно за текстом, помещенным у нас в правом столбце, в рукописи Трц-720 идет следующий текст:

стиховѣ стѣи евгени. почала сти-
хомъ, главы вѣтма черавлена
пиши. ѿ вѣгородіа такъ| блгоч(с)тива
нѣката вѣтка проиде евгениа слава
родьская...

Здесь киноварью написаны заголовок, называющий последующий текст «стихами», и указание писцу писать красным (т. е. киноварью) «главы» стихов. Далее в соответствии с этим указанием пишутся киноварью буквы: ѿ, п в слове проиде и т. д. Из этого следует, что словом «глава» писец называл только первые буквы в некоторых словах. Эти киноварные буквы оказываются в самых разных местах на листе рукописи. Но расположив текст так, чтобы с красной буквы начиналась каждая новая строка, мы увидели, что «главой» писец называл начальную букву стихотворной строки. Так мы получили организованный текст, условно названный нами Стостишием.

Изучение около 200 списков Пролога позволило выявить пока 13 русских списков, содержащих вслед за пространной стишной редакцией ЖЕ интересующее нас Стостишие. В более или менее точном хронологическом порядке это следующие русские рукописи: КБел-1.1240, 1452 г.; Трц-720, до или 1469 г.; Олон-1, 2-й пол. XV в.; СинИА-3934, кон. XV в.; Востр-1029, кон. XV в. (среди других текстов есть последней четверти XVI в.); СинИА-1278, кон. XV и XVI в.; Трц-721, 1528—1529 г.; Соф-1338, XVI в.; Трц-722, XVI в.; Соф-1387, XVI в.; ОЛДПФ-477, кон. XVI в.; Солов-700.808, до 1631 г.; Барс-685, XVII в. Имеют Стостишие и

южнославянские: сербская рукопись Хлуд-192, 1541 г. и особенно интересующая здесь нас болгарская рукопись БАН-13.7.13, XVI в.

Сопоставление по всем этим рукописям текста стиховой редакции ЖЕ и особое внимание к буквам, написанным в этих стихах киноварью, позволило выявить максимально полный текст, из которого строки 22 и 29 отсутствуют в русских списках и болгарском, строка 96 отсутствует в сербском списке и, возможно, отсутствовала в болгарском. Тщательное сопоставление всех списков позволяет констатировать, что особенно близкими между собой были все русские списки (кроме Барс-685, XVII в.) и болгарский, сохранившийся весьма фрагментарно (см. ниже). Рукопись Хлуд-192 существенно отличается от всех нам пока известных. Также выделяется из всех русская рукопись Барс-685. Однако доказательство этих выводов выходит за рамки настоящей статьи.

Из литературы предмета известен еще Пролог 1385—1390 гг. Македонский-97, начальные строки статей которого приведены В. А. Мошиным в его описании рукописей¹⁹. Там читаем: «Л. 268
Стихъкъ с(къ)тъи євгеніи: шг благородна тао благочестика нѣкда
кѣтакъ. проиде євгенига слава рѡдлскаа, шг рима же сама ветхаго
прозе... л. 269 — сграстиюю кон'чиноу вѣсприемши, радоующиисе
казыде къ любимому жениху».

Ниже с целью обогатить приводимый в настоящей статье русский материал, относящийся к проблематике южнославянского влияния, приводим текст Стостишия по рукописи Востр-1029, датируемой в хранилище XV и XVI в. Изучение почерка и водяных знаков показало, что интересующий нас текст написан на наиболее древней части рукописи первым писцом. Им написаны л. 1—47, 68—229, 253—277, 321—367; филигрань — Большая голова быка со змеей, наиболее близкая к образцу Брике²⁰, № 15391, 1496 г. (из-за отсутствия в ГИМ Пикара²¹, дальнейшие уточнения пока невозможны).

Для удобства ориентации в тексте выявленные нами на основании сопоставления всех имеющихся в нашем распоряжении рукописных источников строки пронумерованы. На месте 22 и 29 строк в скобках приведен соответствующий текст из Хлуд-192, поскольку для некоторых читателей может быть интересен и сам текст Стостишия²², а не только его написание в конкретных рукописях

¹⁹ Мшин В. Словенски ракописи во Македонија, кн. 1. Скопје, 1971, с. 195—242.

²⁰ Briquet C. M. Les filigranes, t. IV. Genève, 1907.

²¹ Picard G. Die Ochsenkopfwasserzeichen. 1, 3 Teil. Stuttgart, 1966, Abt. XVI.

²² Не отмечено ни само существование Стостишия, ни особая русская редакция его в Барс-685, XVII в. в последнем печатном труде: Литературный сборник XVII века. Пролог. Изд. подготовили Державина О. А., Демин А. С. и др. Под ред. Демина А. С. М., 1978.

л. 78об. стихо|ве сг̄ти евгени. почала сти|хомъ. гла|кы всѣмъ
чера|ке|на пиши.

Ш багородя |ако | багочестива нѣкаа вѣтка|
проиде евгениа слава родаскаа|

Ш рима же сама ветхаго прозабе.|

и родителла же ѿ алѣксандра|скаго града.

5 Ш цѣли честъ пр|емши

иже багородное по|родивши сѧ соупроугю.

пр(а)ло|ж(ж)имса въ алѣксандровъ | града.

оутанвшиша всѣ|(х) | сѧ шбонми слоугами.

изыде | иоцлю и — вѣжавши евгениа.|

10 и притекше къ нѣкоему епи|скоупу
моужескии въ|враженемъ

и ѿмывшиса | баню бж(с)твеню. и ѿстриг|ши власы.
евгениѣ званіе по|лоучиши.

тече къ привытъ|коу. идѣ же крестившиша. оутро въ скорѣ.

л. 79

15 прѣиде къ всѣ|кымъ добродѣтельнымъ троу|домъ.

подвиги и (с)трастами²³ пр(а)стотаниемъ всемоле|бныимъ
толами проша |ако | сѣтило веліе.

ако брати храмоу застоупници.

молацими(с) | полоучити и са|хранити

20 и еже | застоупати

изоставши(х)са | долоу.

[Хлуд-192: прѣ(а)стотело ѿставашъ ми жнда.]

словесы оумолишиша ра|спаленемъ любке.

спасти не|хогаци иоуж(а)ю.

25 сице евгени | вѣсокое слово.

показа всакы|мъ

сѣтило|шиша (и) велика |

дѣиствіемъ всакымъ и единѣ|мъ бговидѣніемъ.

[Хлуд-192: мнѣше(с) страннѣ |ако же|ль з магнита.]

30 въ|шади|немъ добрымъ въ|зоромъ.

но | помрачена дщю меланифа.

съ|чтаніе соуци лю(а)ское.

сувы и | мерзости.

ако видѣши евгениа красна естествомъ.

²³ Страна 16. После слова стра зачеркнуты писцом буквы домъ, первоначально было написано: подвиги и троудомъ.

36 раче|ніемъ лютымъ садржима бы(с) | възору
тоцною притчю при|ведши
недалечна недуга |

л. 79 об. Евгеніе же сакроушеніе сердечное. || ластибымъ мел(н)-
тиица рѣчемъ. |

и прогтергіа пришедши. тако бжкю || дроугу.

40 събесѣдова не по|зна прѣвестъ
ако же оубо ража|женію. меланфіину болшее. |
запали разгорѣніемъ. тако раче|нію сердечномоу
ако сѣпа | замреживши очи.

на хож(л)еніе садка вожженіе ст(с)ти

45 и не | полуучивши хотѣніе юп(с)ти
сицева написана евгеніа.
ако | хранины очи(и)ца бж(с)твеніи за|стоупники.
жены. чистыя | преблажнаетъ ластибымъ словесы.
къ мнѣ доидѣ блуоднікъ быи дерзновененъ.

50 но не полуучи. съхраншемоу ма вл(а)цѣ |
епархъ оубо. и ютроковици быи юца
абиє слышавъ н гиѣба исполниса вѣста.
къ хрому | пославъ. на мнозѣ скоро |
евгеніа иже хрому застоупница. |

л. 80 55 и мнихъ тако юсоуждены и сва(а)зы. || и лжеслоужи-
тели и(ли) болши злодѣялагемники.
соудици — оу | епаршескому прѣ(а)стаби.

словесы вѣсѣдоуа юбѣтоваєта | соуди.
ако оубо прѣ(а)сташа съ | юба полъ соудоу.
наче|нши абиє. мелантіа вѣсѣди

60 до|сады изликающи на бж(с)твенаго за|стоупитела
покѣданци и | юболганици крамолно.
и при|лоучившимъ сѣрепыми словесы.
вспіющи показанци | дроугомъ

передстомъ намѣтрающи тако и ненавистна дѣла|тела
65 и еже на на растлитела. | и дерзностно глюцина.
всамъ кричащи. и покѣданци быи по|лоушаште истину

скажю.

и твоен юблости вл(а)ко. вседержача. |
ризы растерза евгеніе напрасно.

абиє показати чудо страшно и оужасно.

70 и пришедшимъ др(а)зновена|но наваж(а)аетъ.

л. 80 об. Сла же съ слоу(х) || всѣмъ изрече
подобаетъ | всѣмъ вамъ благодарствіа при|нести за досады

же и смѣха злобы тѣлесныи(х).

нѣ да не шѣрѣжене смѣхъ боудетъ.

азъ | жена естествою всла. аци ѿ[ц]а моего
75 и соуди вѣзлибелена[го].

мати же — — его соу[про]ужница родившиа ма.
сих же брағти и рабы вмѣнаю.

сига же | изрекши доброе евгеніе.

еси оу[ж]асоша[са]. и чудо дивно.

80 малагитю же съвѣшѣ бж(с)твѣни соу(а) | нападе.
иже вѣаки слышавъ | кто не оудивитса.

ѡ[ц]а еа славоу коупно авѣ. | вѣгатѣтво | и житїскоу
красотоу и рож(а)е[н]иє штавибъ.

пробож(а)аетса чудно

пастыра же вѣрнымъ показася иже въ градѣ.

85 и мчнч[а]скыи пришедъ конецъ житїю.|
нѣвѣрными повѣнъ моуками.

л. 81

радоулася вѣзыде къ шѣтелеемъ || нѣвеснымъ
ма — — ти же боксирѣ съ дщерю вѣзлибеленою
страноу чюжину штавибеши ѿ[ц]ество полюбивши

90 вѣслиса | въ тзи же пакы
и покелѣнью | изшедши идоломъ пожрети хри[ст]iane.
или злюю смѣтю тѣ[м]ъ помирати
прославши въ | вѣ(х) таблѣнно евгеніа христовою | любовю.
тажкоу зѣлоу ка[м]еню прибазана бывши.

95 и вѣбоду вкержена.

и преславно нѣвѣдима бывши.

мечемъ глагу[ен]и ѿ[ц]коша.

и сгр(с)таноу коинчиноу быспримши

99 радоу[ю]циса вѣзидѣ. къ любимому | жениху

Далее приводим текст Стостишия по сохранившимся и пока
нам единственно известным болгарским фрагментам его в рукописи
БАН СССР в Ленинграде, № 13.7.13, XVI в.

По времени написания БАН-13.7.13 не на много моложе
Востр-1029. Без полного текста фрагменты не могут быть поняты
и разделены на строки. Но несмотря на фрагментарность, огромное
значение этих отрывков для изучения болгарской письменной
культуры средневековья несомненно. При восстановлении этого
болгарского текста, если не выявится других аналогичных бол-
гарских, придется неизбежно обращаться к какому-либо русскому
списку, поскольку сербский список, как сказано выше, текстологи-
чески более удален от этого болгарского и всех известных нам
русских.

Многоточием обозначаем утраты текста по краям листов

рукописи независимо от объема этих утрат. Разбиение на строки-стихи сделано по данным остальных названных выше рукописей. Деление на строки в самой рукописи БАН-13.7.13 показано соответствующим знаком. Приведенная нумерация стиховых строк и в этом случае облегчает сопоставление и нахождение текста.

СТИХИ О СВЯТОЙ ЕВГЕНИИ В БОЛГАРСКОЙ РУКОПИСИ
БАН-13.7.13, л. 118 об.—119 об., XVI в.

Стихъкъ етъки еugenii.

Щ багорада яко благочестъка нѣкаа вѣтъка,
проиде еugenia слава ру(а)скаа.

Щ рима | же сама вѣтъаго прозае,
родителема же александъръскаго гра(а)

⁵ щ царен ч(с)а приемшема.

еже и багор(а)нож породивше съпрѣгож,
прѣложши сѧ въ александъръскыи гра(а). |
сугтаиншиаса въсѣ(х) съ шбонми слѹгами,

изыде ноциж | и вѣжавши еugenia

¹⁰ [и] притекши къ нѣкоемъ щ еп(с)кпа
мажкаскымъ въ... женема,

и шмыкшиаса ба|неж вж(с)твнож острѣгши власы.

Еugenie званіе полѹчившіа,
тече къ прѣбывітку иде же кр(с)тившиаса тутро | въскорѣ.

¹⁵ прѣиде къ въ... кыимъ добродѣлніимъ | тѣдаш(м),
по(а)вигы и ет... ами и прѣ(а)стоаніема въсемо|лебніима
томи про... ако же се|тило веліе,
яко врагъ яама и храмъ застж... .
молаціима полѹчити | и съхранити.

²⁰ и е... жпати

из оставши(х)са | аолъ

[Хлуд-192: прѣ(а)страгалю и оставлашъ ми жніа.]

словесы бу... распаленіема любве,

съ|спати не хоташи наж... .

²⁵ сице еugenii въсокое | слово,

показа въсѣма

свѣтлъниша и веліка.

дѣиствие(м') | въсѣкніимъ. и единѣма бговидѣніемъ,

[Хлуд-192: мнѣше(с) стран'нѣ яко желѣзо магнита.]

³⁰ въ юданіе добрыима възоромъ.

иж помрачена дшеж меланіа,

съ|чатаніе сѫще члѹе

оуки мразогти.

тако видѣвши сүгениа красна в(с)твомъ,
35 раченіемъ лютыимъ сдержаніма | бы(с) вззоръ.
тщетижа при(т)ча при(е)дши
недалечна | неджга,
сүгеніе же сакрѣшеніе срѣдечное ласти|вимъ меланоинъма
рѣчемъ.

л. 119 и пространія прише(а)||шъ тако вѣкю дрѹгъ,
40 съвестѣдова не познаваж... |

тако же Ѹбо рожденію меланоинъ вѣ. . . |
... разгорѣнъ тако раченію срѣдечномъ.

иа. . . | бши очи,
нахож(а)еніе тѣда за вжек. . . |

45 и не полѣчиши хорѣна ѿпаде,
сицева. . . |
тако храминни онсица вѣ(с)твныи заст. . .

. . . | прѣблажнѣета ластиками слове. . .
. . . | дникъ дрѹзновенена,

50 нж не полѣч. . . |
спархъ оубо и отроковици ѿ. . .

. . . | спланиса бесма.

къ храм. . .

. . . | на же иже храмъ застж. . .

55 . . . | кы и сказаны тако лажес. . . | лагенники.
сѫдицъ. . .

. . . | вестѣдъ ѿѣтова. . .

. . . | ѿвапола къ сѧдъ,

н. . . |

60 досады излѣважи на. . .

. . . | дајци облаговажи. . .

. . . | рѣпымъ словесы,

к. . . |

прѣстома намѣрѣж. . .

65 . . . | на на расстяг. . .

. . . | повѣдали.

. . . | области вѣ(а). . .

. . . | напрасно.

4. . .

70 . . . | ше(а)шіимъ

. . . | сѣмъ изре(ч). . .

. . . | сти. з. . .

. . . | ображ. . .

. . . | ци ѿца. . .

... | вшиа ма,

л. 119 си(Х) же братіа и не рабы вамънѣ(ж). |
об.

... | добрешии сугени,

еси оужасша(с) | ... ное.

80 меланөж же сакыше вж(с)твами | ...

... е власткии кто слышава не 8дикитса. |

... . віе копно и багатство и житеискжа | ... ,
пораж(а)аетса чю(а)но.

пастыр же вѣ | ... же въ градѣ,

85 м(ч)нчаскии прѣш(а) коне(ц) | ...

... | побиена мѣками,

ра(а)ујса взы | ... б

мати же паскорѣ съ дѣ-

... нж тѣж(а)ж оставлаши, | ...

90 ... елиса въ тож(а)є пакы.

и поке | ... христіану(м),

или злож съ | ...

... ши по вѣсѣ(Х) сугеніа лю|. . .

... еню приказана быкли |

85 ...

бно нефрѣдима быкли, |

...

... . спастнѣа кончінж | ...

99 ... къ любимомъ жени | ...

Возвращаясь к проблематике южнославянского влияния на русскую письменность, из всего, относящегося к стиховой редакции ЖЕ, представленной в тексте, условно названном нами Стостишием, можно сделать следующие заключения.

Болгарская и русская стиховая редакция имеют общий источник.

Этим источником, по-видимому, был болгарский, а не русский список, ибо 1) русские списки известны только со второй половины XV в. (самые ранние: КБел-1.1240, 1452 г. и Трц-720, не позднее 1469 г.) и, что принципиально важнее, по письму и языку не находят себе аналогов в более ранних русских списках ЖЕ разных редакций (ср. ниже, а также выше правописание рукописи Син-839), 2) в языке всех известных пока нам русских списков обнаруживаются южнославянские особенности, не свойственные древнерусским рукописям, по крайней мере, до начала XV в. (об этом также см. ниже).

Так, на месте сочетаний «редуцированный перед плавным между согласными» по-русски последовательно написано только слово в заголовке: черклена — Трц-720, Трц-721, Трц-722, Востр-

1029, червлена — ОЛДПФ-477. В остальной лексике непременно встречаются южнославянские написания, причем преимущественно в ранних списках Стостишия: мръзости стих 33 — КБел-1.1240, Трц-720, СинИА-1278, мэрзости Олон-1, Востр-1029, СинИА-3934, Трц-722, Соф-1338, ОЛДПФ-477, мэр'зости Трц-721, Соф-1387, Солов-700.808, ме(р)зости Барс-685; съдражима 35 — КБел-1.1240, Олон-1, Востр-1029, СинИА-3934, СинИА-1278, Трц-721, Трц-722, съдражима Трц-720, съдержима Соф-1387, содергима Соф-1338, ОЛДПФ-477, содер'жима Солов-700.808; сръдечное 38 — КБел-1.1240, обычно под титлом или с выносным *ρ* без буквы *ѧ* или *ѩ* в корне; простергіа 39 — Трц-720, Трц-721, вместо более правильного простергіа КБел-1.1240, Олон-1, Востр-1029, СинИА-3934, Соф-1387, Трц-722, Солов-700.808, простергіа ОЛДПФ-477, простергію СинИА-1278, Соф-1338; сеरдечномоу 42 — Востр-1029; дръзновенең — КБел-1.1240, СинИА-1278, дръзновенең Трц-720, Олон-1, СинИА 3934, ОЛДПФ-477, Трц-721, Трц-722, дэрзновенең Востр-1029, дэр'зновенең Соф-1338, Соф-1387, Солов-700.808, дэр'знове(н)ю Барс-685; исполниса 52 — КБел-1.1240, исполниса Трц-720, исполниса Трц-721, исполниса Олон-1, исполниса Трц-722, исполниса Востр-1029, СинИА-3934, СинИА-1278, Соф-1387, исполниса ОЛДПФ-477, исполниса Соф-1338, исполниса Солов-700.808; пръстомъ 64 — Трц-720, Трц-721, Трц-722, пръсто(м) КБел-1.1240, пръстомъ СинИА-1278, перъстомъ Востр-1029, перъстомъ СинИА-3934, пер'стомъ Олон-1, пер'стомъ Соф-1387, пер'стомъ Соф-1338, Солов-700.808, пер'стомъ ОЛДПФ-477; дръзостно 65 — КБел-1.1240, Трц-720, СинИА-1278, Трц-721, Трц-722, дэрд'зновенно СинИА-3934, дэр'зновен'ю Олон-1, дэрзостно Востр-1029, дэрзостно Соф-1338, ОЛДПФ-477, дэр'зостно Солов-700.808, дэр'зновен'ю Соф-1387, ле(р)знове(н)ю Барс-685; къедръжаче 67 — КБел-1.1240, Трц-720, Син-1278, Трц-722, къедръж'че Олон-1, къедръж'че СинИА-3934, къедръж'че Трц-721, к'седерд'ж'че Соф-1338, къедръжаче ОЛДПФ-477, к'седержаче Соф-1387, къеде-р'ж'че Солов-700.808, къедръжаче Востр-1029; растръза 68 — Трц-720, растръза КБел-1.1240, растерза Олон-1, Востр-1029, СинИА-3934, СинИА-1278, Соф-1338, Трц-722, ОЛДПФ-477, растер'за Соф-1387, Солов-700.808, растер'са Трц-721; дръзновенno 70 — КБел-1.1240, Трц-720, Олон-1, СинИА-3934, СинИА-1278, Трц-721, дръзновен'ю Трц-722, др(з)зновен'ю Востр-1029, дэр'зновенno Соф-1338, ОЛДПФ-477, дэр'зновен'ю Солов-700.808, дэр'зновен'ю Соф. 1387; смртгіа 92 — Соф-1238, Солов-700.808, смрт'тию Олон-1; къеरжена 95 — Трц-720, Трц-721, къеरжена Трц-722, кържена КБел-1.1240, къеरжена Олон-1, СинИА-3934, СинИА-1278, к'вр-

жена ОЛДПФ-477, в'еरжена Солов-700.808, в'еर'жена Соф-1387, в'еर'жена Соф-1338, в'еरжена Востр-1029, в'еर'жена Барс-685.

Приведенные примеры показывают, что по тину написаний буквы редуцированного после буквы плавного на месте этимологических редуцированных перед плавным между согласными к южнославянскому правописанию ближе стоят наиболее древние русские списки Стостилия КБел-1.1240 и Трц-720. Это является весьма важным свидетельством в пользу южнославянского происхождения стостишной редакции ЖЕ. Судя по этим дошедшим до нас спискам, это произведение появилось на Руси к середине XV в. Уже к концу XV в. правописание его существенно русифицируется. Только в рукописях Троице-Сергиевского собрания (и написанных, по-видимому, в этом авторитетном подмосковном монастыре, с которым были тесно связаны как Рюриковичи, так и Романовы) южнославянское употребление буквы ъ после ѣ задерживается дольше — вплоть до XVI в.

Рассмотрим другую южнославянскую особенность, также находящуюся в противоречии с собственной древнерусской орографией: употребление жд на месте этимологических сочетаний *dъj в соответствии с древнерусским произношением и написанием ж. Имеющийся в рукописях материал таков: ноуж(а)єю 24 — КБел-1.1240, Трц-720, Востр-1029, Трц-721, Солов-700.808, нѹж-(а)єю Соф-1338, Трц-722, нѹждею ОЛДПФ-477, ноуж(а)ио СинИА-3934, нѹж(а)ио Олон-1, Соф-1387; нахож(а)єніе 44 — Трц-720, Олон-1, Востр-1029, СинИА-3934, Трц-722, нахож(а)ение Трц-721, ҳож(а)єніе Солов-700.808, ҳож(а)иіе Соф-1387, ҳожденіе ОЛДПФ-477, нахоженіе СинИА-1278, ҳоженіе КБел-1.1240, Соф-1338; шкоуж(а)ены 55 — Трц-720, Олон-1, осѹж(а)ены Трц-721, Солов-700.808, шѹж(а)ены СинИА-3934, Трц-722, ОЛДПФ-477, осѹждены Востр-1029, осѹженіи КБел-700.808, шкоуженіи СинИА-1278, шѹжены Соф-1387, осѹжены Соф-1338; накаж(а)аетъ 70 — Трц-720, Олон-1, Востр-1029, СинИА-3934, Трц-721, Соф-1387, Трц-722, накаж(а)аетъ Соф-1278, накаж(а)е(т) Солов-700.808, накаж-аетъ КБел-1.1240, СинИА-1278, накажаетъ ОЛДПФ-477; рож-(а)еніе 82 — Трц-720, Востр-1029, Трц-721, Трц-722, Солов-700.808, рож(а)иіе Соф-1387, рож(а)иіе Олон-1, СинИА-3934, рожденіе ОЛДПФ-477, роженіе КБел-1.1240, Соф-1338; проваж(а)аетса 83 (ошибочно во всех русских списках, вместо пораж(а)аетса БАН-13.7.13, пораж(а)аетса Хлуд-192) — Трц-720, Трц-722, Солов-700.808, проваж(а)аетса Олон-1, Востр-1029, СинИА-3934, Трц-721, провождаєтса ОЛДПФ-477, проважает'са КБел-1.1240, провожаетса Соф-1338, провожает'са Соф-1387, провожает(а) СинИА-1278.

В приведенных примерах обращает на себя внимание последовательно восточнославянские написания ж вместо южнославян-

ского жд в древнейшем списке — КБел-1.1240, 1452 г. и большой процент таких написаний в рукописях из новгородского Софийского собрания. Возможно, дальнейшее изучение большого материала покажет, что северная и северозападная орфография дольше отвергала южнославянское *đ* на месте этимологических сочетаний **dj*, не требовала употребления его даже в качестве малозаметной выносной буквы *đ*.

Сюда же можно отнести написания с неэтимологическим *đ* вставным на месте сочетаний *žžž* (ср. *раждеженю* БАН-13.7.13, *раж(л)ежению* Хлуд-192) 41 — *раж(л)аженю* Олон-1, СинИА-3934, при правильно передающих русское долгое [ž] написаниях даже в древнейших и Троице-Сергиевских рукописях: *раж'женю* КБел-1.1240, Трц-720, Соф-1387, ОЛДПФ-477, *раж(ж)еню* Солов-700.808, *ражженю* СинИА-1278, Трц-722, *ражжению* Трц-721, Соф-1338, *ражаженю* Востр-1029; то же спорадически на месте нового долгого [ž] (из **жъж*) 44 — *заж(л)ажене* СинИА-3934, Соф-1387, при правильных написаниях в остальных списках: *заж'жене* КБел-1.1240, Трц-720, Олон-1, Востр-1029, Соф-1338, ОЛДПФ-477, *заж'жение* Трц-721, *заж(ж)ене* Солов-700.808, *зажжене* СинИА-1278, *зажжение* Трц-722, и даже на месте **жъш* в стихе 7, где гиперкорректные написания оказываются даже в Троице-Сергиевских списках: *прелож(л)ашимся* Трц-720, Трц-721, Трц-722, Солов-700.808, *прелож(л)ашимся* Соф-1387, *прелождашимся* ОЛДПФ-477, *пре(л')лож(л')ашимся* Олон-1, *пре(л')лож(л')ашимся* — СинИА-3934, *преложашимся* КБел-1.1240, *преложашимся* СинИА-1278, *прелож'ши'ся* Син-1338, *пре(л')ложимся* Востр-1029 (в соответствии с *прѣложишмса* БАН-13.7.13, *преложаш(i)имссе* Хлуд-192 (приставка с *е*, а не *ѣ*!).

В слове *чюкоу* 89 все русские писцы последовательно пишут *ж* (ср. болг. *тѫж(л)ж* БАН-13.7.13, серб. *тоуж(л)е* Хлуд-192); *чюкоу* КБел-1.1240, *чюкъю* Трц-720, Трц-722, ОЛДП-477, Солов-700.808, *чюж(ъ)* Соф-1338, *чюжж* СинИА-1278, *чюкю* Олон-1, СинИА-3934, Соф-1387, *чюжю* Востр-1029, Трц-721.

Приведенные данные весьма убедительно свидетельствуют о южнославянском протографе дошедших до нас русских списков ЖЕ в редакции Стостишия. К ним можно добавить многочисленные примеры написания *l* перед буквой гласного и употребление паерка на месте бывших слабых редуцированных и в исконных группах согласных, а также в ряде случаев употребление буквы *ж* в СинИА-3934 и реже в Син-1278. Однако эти явления относятся только к области орфографии и графики, примет языка не содержат и потому могут рассматриваться только в связи с искусственной нормированной орфографией, приписываемой обычно тырновскому патриарху Евфимию.

В связи с этим на материале списков ЖЕ краткой первой редакции, имеющих соответственно древнерусские, сербские и бол-

гарские языковые особенности, но написанных примерно в одно время, посмотрим доевфимиевскую орфографию в разных славянских странах.

Тип-155. 115вг
др.-русск.

М(с)ца того (ж). въ
.кд. стр(с)тъ стыга
м(о)чица. юоуги-
ни:.
Б цр(с)тъ комода
въ стыга юоугинига.
Аци филипа юпарха
римскаго. оцю же ю
въ александрию
послану бывшию.
комодомъ. да будетъ
ту юпархъ. имъ же
и жена юго и дѣти
идаша. иде и стыга
юоугинига. и тамо
научися всакому
писанию. юлианску.
и крестаианаску.
поне и книги пыташе
погте и стто паоула
писанию. ѿ тѣхъ
бывши кр(с)тиана.
навыче всацки
добротѣ. по сема
остави оцлескую славу.

иде въ монастыра и
кр(с)тиса. и бы(с)
чесноризича. не (!)
въ мужестѣ образѣ.

ибо себѣ скопца
г(о)лаше быти.
въ врема нѣкои
познана бывши. и
сказана оцю сююму.
и того створи

Хлуд-189, 71—71 об.
сербск.

М(с)ца то(г) .кд.
стр(с)тъ стыне
м(ч)цъ ювгенио. и
юже с не(е):|
Ба цр(с)тъ комада.
въшне стыга юв'гениига.
даци филипа юпархъ
римскаго. ѿшоу же
юю въ александрию.
послану быв'шоу
комодомъ. да будетъ
и туу юпархъ. имъ|
же и жена юго и дѣти
идаше. иде и стыга
юв'гениига. и таимо
научися в'сѣкомоу
писанию. юлианскомоу
и хр(с)тианаискомоу.
поне же к'ниги пыташе.
и погте стто па[в]ла
писанию посланою.
и ѿ тѣхъ быв'ши хр(с)-
тиана[ка]. и навыче
бесен доб'ротѣ. по сема
остави ѿческую славу.

и иде же въ монастыра
и кр(с)тисе. и бы(с)
чесноризица. на
моужаскымъ ѿш'ра-
зомъ.

ибо себѣ скоп'ца|
глаше быти.
ва врѣме
познана быв'ши. и
сказана | быв'ши ѿшоу
сказана бывши| ѿшоу
сююму. и того

Хлуд-191, 47 об.
болгарск.

М(с)ца то(г) .кд.
стра(с) стыж м(ч)ца.
ювгениж. и юже с
нек.:|
Ба цр(с)тъ комада.
въшне стыга юв'гениига.
даци | филипа. юпархъ
римскаго. ѿшоу же ю
въ | александрию.
послану быв'шоу
комодомъ. | да будетъ
и туу юпархъ. имъ|
же и жена юго и дѣти
идашъ. иде и стыга
юв'гениига. и тамо
научися всакому
писанию. юлианскомоу
и хр[с]тианаискомоу.
поне же книги пыташе.
и | погте стто павла
писанию. и ѿ тѣхъ
быв'ши | хр(с)тиана[ка].
и навыче всен
добротѣ. по сема
остави ѿческую славу.

иде же въ монастыра
и кр(с)тиса. и бы(с)
чесноризица. нж въ
мѣжа[стѣ] ѿбраѣтъ.

ибо себѣ скопца
глаше быти.
ва врѣме
познана бывши. и
сказана | быв'ши ѿшоу
сказана бывши| ѿшоу
сююму. и того ство-

к ^р (с)татна.	сат'бори х ^р (с)тианина. ри х ^р (с)тианина.
тако же и м ^г ра	також(а)в и м ^г ра
и оужики. и по малѣ	и оужики. по малѣ же
же бы(с) оца ютъ	бы(с) ѿцъ юте
юп(с)омъ. и по семъ	юп(с)омъ. по сихъ
еси мученика вѣнца	еси мученика конца
приглаша. и даша	приише. и дахъ
оубо скота предаша	сво(и)а предаше
в руцѣ вжай.	в руцѣ вий.
ч(с)тана же ихъ	ч(с)тныe же ихъ моци
моци погребены быша	погребени бышъ.
въ градѣ	въ градѣ
александрастѣма :-	александрастѣма.
—	тѣ(х) матеми :-

Как видим, в тексте этих южнославянских рукописей из черт, которые потом ученые станут связывать с реформой Евфимия Тырновского, представлен только паек. Особенно неумеренно он употребляется в сербской рукописи. Отсюда закономерно возникает вопрос, правильно ли относить эту черту к болгарской школе письма?

Общей южнославянской чертой является двубуквенное написание *оу* в любом положении в слове. Эта особенность позднее проникнет в русские рукописи и вытеснит древнерусскую норму: писать *оу* в начале слова и после гласного, *у* — после буквы согласного.

Для сербской рукописи характерно одноревое написание во всех позициях в слове, в болгарской рукописи встречаем и букву *ъ*.

Заслуживает внимания широкое употребление букв *ю* и *ѧ* в обеих рукописях южнославянского происхождения; пример «зияния» встретился только в болгарской рукописи в слове *Хр(с)тианина*.

Отметим попутно лексический факт: бытование этого корня с начальным *х* в южнославянских землях (по-видимому, с этимологией от слова *Христос*) и с *к* в древней Руси (этимология от *крестъ*). Как увидим ниже, древнерусские написания *к^р-* в средневековых русских рукописях будут заменяться на *х^р-*, и это следует связывать с южнославянским влиянием. Слово *монастырь* с *а* в первом слоге свойственно древнерусской орографии (и соответственно произношению еще до развития аканья), позднее проникнет написание *монастырь* (здесь в приведенных выше примерах доевфимиевской орографии читаем *моно-*).

В приведенных материалах не представлена буква І. В древнерусских рукописях она употреблялась в именах *Ікоусъ*, *Іванъ* и на конце строки при необходимости экономить место, чтобы закончить строку буквой гласного (древнерусский «закон конца строки»).

Вопрос о том, когда и где возникнет рекомендация писать І перед буквой гласного (фактически, в положении перед ю), требует уточнения.

Склоняя читателя к мысли о том, что правописание средневековых славянских рукописей в какой-то мере (в какой именно — требует еще многих разысканий) связано с редакциями памятников (т. е. произведений), списками которого они являются, воспроизведем с особенностями их правописания две русских рукописи. Каждая из них представляет свою разновидность русской краткой редакции: первую — рукопись 1530 г. Чертк-242, вторую — рукопись веком старше — Фолио-48, 1432 г., она написана на пергамене, по-видимому, в Новгороде. Располагаем их в соответствии с датами написания, а не редакциями.

Фолио-48, 159аб

М(с)ца того (ж) въ .кд. днѣ
стր(с)тъ сты(х)га мнинци. евгѣни. |
иже с н(м).|
Ко цр(с)тво комида ц(с)ра вѣ
стата евгѣниа. дѣти филипа |
епарха римскаго. оци же | ега
послану бытию во александрию
комито(м). да и тако бу|де(т)
епархъ. с ним же и жена е(г) ||
и дѣти. иде стата евгѣниа.
и тамо наоучися всакому
писанию. елинскому и
хр(с)тапанскому. поне же
быташ(!) книгу и о чтени
сттого павла | посланіе. и ѿ
тг҃хъ познах(ши) истиннаго ба.
и бы(с) хр(с)тапана. на бы(ч)
всакон добродѣтели. и по сему
остави оцаскую славу. и ѿиде
в монастыре. | и бы(с)
черница. но в мужестт(м) | образѣ.
иже себѣ скопца быти глаше по
времени же познаша бы(с). и

Чертк-242, 235 об.—236

М(с)ца того (ж) дк днѣ.
стрг(с)тъ стыла моу|чен'цы. соув'-
гении, и(ж) с нею г(с)и ба(с)и ш(ч).|
Ез цр(с)тво комада. вѣ стата
соувгени(а) | а'чи филипа епарха
ри(м)скаго. ѿшоу (ж) ега во|
александрию послану бык'шоу.
комадомъ. да боуде(т) тѣ
епархъ. ими (ж) и жена (е(г)) | и
дѣти идоша. иде стата соувгениа.
и тамо наоучися всакому
писанию. елленскому писанию и
кр(с)тапанскому. поне (ж)|
к'ниги быташ(. почте и
сттого паоула посла(н)е — и ѿ
тє(х) быв'шин. кр(с)тапана.
на бы(ч) | всацеи добродѣтели,
по се(м) ѿставиша |
щескою славу, иде в мана-
стыре и к'ре|стися. и бы(с)
ческоризица, в моужес'тє| образе,
ибо себѣ сконча (!) глаше быти,|
въ время познана быв'ши

тказана бы(с) ѿцю своему.
оукъяки и того | хр(с)татана.
тако же и мѣри и оужики. по малѣ
же постаѣленъ бы(с) еп(с)пмъ.
се оукъяки ц(с)рна многы мукы
предада. и в тѣхъ конецъ прита |
в руцѣ бжини и дши скота | предада.
ч(с)тныя же ихъ | моци положены
кыша. ко | александрии.: -

ѡцоу своимъ | и того ст'ори
кр(с)татана. та (ж) и матеря ||
и оужики, по мале (ж) бы(с)
ѡцъ ета еп(с)пмъ и по | си(х)
еси(х) моучениа конецъ приглаша,
и ахъ оу|бо свои предада к'
роуце бжини,
ч(с)тныя (ж) | моци и(х) погребо-
ша ко граде алекса(н)дреисте(м).: +

При сопоставлении обоих русских списков обращает на себя внимание употребление паерка в новых группах согласных (д'чи, к'ниги, бык'шоу, бык'шии, чѣр'норизица, к'роуце), в группах согласных, не имевших ранее редуцированных (к'рестиса, моужес'те, а также епар'хъ), и даже на месте старого суффиксального и (моучен'цы), обязанное своим появлением новомодной орфографии, в Чертк-242. В этой же рукописи постоянно встречаем двубуквенное оу после букв согласных (моучен'цы, ѿцоу, бык'шоу, боуде(т), в'сакому, єлленъскомоу, ѿческоу, слакоу, моужес'те, ѿцоу, роуце), которое было вытеснено в русской орфографии XIII—XIV вв. Возможно, южнославянской модой следует объяснять написания слова ѿцъ, ѿстакиша, ѿразе через ѿ, но с полной уверенностью это утверждать нельзя, поскольку четкое противопоставление широких и узких вариантов букв было выработано на Руси ко второй половине XIV в.: широкие варианты — о широкое или омега, є якорное или язычковое — писцы употребляли в начале слова, и в том числе в начале слова: узкие варианты употребляли после букв согласных (в эту же общую норму укладывалось употребление оу — ѿ).

Однако писец, писавший в 1530 г., еще не знал нормы употребления буквы і. Он писал єоукгения, алекса(н)дрю, єоуегениа, писанию, писанию, кр(с)титанъскомъ, кр(с)титана, моучениа, приташа, бжини, и даже кр(с)татана. Полагаем, что последнее написание, так же как оба написания этого корня с начальным к и манастыра через а в первом слоге, обязаны своим присутствием оригиналу, бывшему ближе к древнерусской орфографической норме, чем Чертк-242.

Два написания буквы а после гласных, противоречащие древнерусской орфографии (єоукгения, моучениа), следует также отнести за южнославянский счет, так как в древней Руси очень рано была выработана норма писать а после согласных, та — после гласных, независимо от происхождения гласного из *'а или *ѣ. Только очень небольшое число писцов допускало та после

буквы согласного, к их числу относился, например, первый писец Успенского сборника XII—XIII вв.²⁴

Пример зияния в рассматриваемом тексте один: в заголовке *стыда*, ср. *стыда* дважды ниже в тексте, а также *ета*, *приаша*, *ч(с)тына*, *кр(с)тианском*.

Сопоставив рассмотренные написания с соответствующим материалом рукописи 1432 г., нельзя не заключить, что в первой трети XV в. русские рукописи переписывались с оригиналов русских редакций без какого бы то ни было южнославянского влияния на их орфографию. Эти данные не случайны: ср. выше орфографию ЖЕ той же второй краткой русской редакции в рукописи Син-839, написанной в 1425 г.

В приведенных рассуждениях есть, с нашей точки зрения, лишь одно слабое место: неправильное правописание на месте *ѣ*. Так, во всем тексте через *ѣ* написано и притом правильно только одно слово *ѣѣ*. В других случаях писец Чертк-242 последовательно заменяет *ѣ* на *є*: *дети*, *тє(х)*, *к'сацєи*, *добродетели*, *к моу-жеє'тє шбразє*, *по мале*, *к'є(х)*, *к'роуцє*, *ко граде алекса(н)дреистє(м)*; написания *крема*, *предаша* и имя собственное *єоуїгенија* не показательны сами по себе, так как они были возможны и даже законны для древнерусской орфографии. Такая последовательность заставляет думать, что писец был не просто неграмотный, но, не имея в своем живом языке особой фонемы в соответствии с буквой *ѣ* оригинала, он сознательно отказался от ее употребления. Можно полагать на этом основании, что в норме орфографии его времени существовало определенное узаконенное употребление *ї*, но сам писец сознательно отказался от нее, не видя в ней смысла (как не видел его в букве *ѣ*).

Приведенный материал русских списков русских редакций Пролога показывает, что в XVI в. в них уже обнаруживаются особенности орфографии, которые принято связывать с нормами южнославянской письменности. Что касается русских списков с русских редакций первой половины XV в., то в них, как и в рукописях XIV в., почти никаких следов этой орфографии мы не обнаруживаем.

Таким образом, время распространения в русской письменности орфографических особенностей, сходных с орфографией южнославянских рукописей, определяется примерно на век позже, чем это принято в нашей литературе вопроса. Следовательно, ни с завоеванием Балкан турками, ни с деятельностью Киприана это явление не может быть связано.

Существование нескольких книг, переписанных болгарами, в том числе, возможно, и самим Киприаном, не создало и не внедрило этой орфографической нормы в русскую письменность второй половины XIV—первой половины XV в., как полагал А. И. Со-

²⁴ Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. подготовили Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М., 1971, с. 23—24.

болевский. Все это, по данным Пролога, происходило веком позже, и, следовательно, причины этого явления должны были быть иными.

Существование на Руси отдельных болгарских или сербских книг в XIV—XV вв. было делом естественным и отражало давние связи единой культуры родственных народов (ср. историю Изборника 1073 г., историю Савиной книги — болгарского памятника, по-видимому, Xв., но очень рано попавшего на Русь и дополненного где-то в ее северо-западной части в XII—XIV вв., ср. сербско-псковские связи XIV в., выявленные Н. М. Каринским и не имеющие отношения к так называемому южнославянскому влиянию²⁵). Во времена Киприана таких книг, написанных в южнославянских землях или лицами южнославянского происхождения в его собственном окружении, должно было стать несколько больше. При переписывании таких книг русские писцы изначально отказывались от мены юсов и смешения а — е, что было им сделать нетрудно, опираясь на свой живой разговорный язык, но о сознательном восприятии остальных особенностей южнославянской орфографии можно говорить, видимо, лишь не ранее середины или второй половины XV в. (!).

Имеющаяся в нашем распоряжении первая датированная рукопись такого рода относится к 1481 г. Это Пролог, содержащий ЖЕ в краткой второй русской редакции, рукопись ГПБ, Фолио-311. Приведем этот текст.

Л. 360 б-г М(с)ца того (ж). къ. кд. дна

стР(с)тъ стыл мчнц
еоугеніа иже с нюо:
Ез цр(с)тко комода
вѣ стата еоугеніа.
дци филипа е-
парха римаскаго. ||

360в оци же еа посланоу
быкши къ александ-
арю комодомъ. да
и тамо боудетъ спа-
рхъ. с нимъ же иде
и жена его и дѣти.
иде (и) стата еоугеніа. и
тамо наоучиса вса-
комоу писаню. ел-
наскомоу и христіа(н')-
скомоу. и понеже пы-
таше книгъ, о чте-

²⁵ Каринский Н. М. Исследование о языке Псковского Шестоднева 1374 г. — Журнал Мин-ва народного просвещения (Пг.), 1916, февраль, с. 11.

ни съто пакла посл(а)-
ниа. и ѿ тѣхъ познава-
ши истиннаго бга,
и бы(с) хр(с)тіана. и нае(ы)-
че вѣакон добродѣ-
тели. по сему оста-
ви очаскоу славоу
и ѿиде в монасты-
ри, и бы(с) чёрноризіца.
но въ моужкастѣмъ
образѣ. ибо себѣ ско-
п'ца быти глаше. по вѣ-
ремени же познана
бы(с) и сказана оцию сво-
ему. оукѣцакши ||

360г. же и того створи хр(с)ті-
ана. таکо же и мѣрд
и оужики. по малѣ
же оциа еа поставлена
бы(с) еп(с)кпомъ. и си(и) оу-
видѣвъ цра, въ мно-
гы моукы предаста а.
и въ тѣхъ конецъ прі-
аша. в роуцѣ бжіи лѣ-
ша своя предавше. че-
стныя же ихъ моци
положены быша въ
александри.

Рукопись эта крайне интересна. Она написана в Коломне двумя писцами. Запись с датой оставил первый на л. 290в, где он закончил свою работу, переписав Пролог с сентября по ноябрь включительно. Первый писец тоже очень хорошо владел новой орфографией, которая прекрасно представлена в только что приведенном тексте ЖЕ у второго писца, но иначе употреблял диакритику.

В самом деле: второй писец последовательно употребляет і (еоугеніа, — 3 раза, алѣксандрию, писанію, хрістіа(н)скому, чтеніи, посланія, хр(с)тіана — 2 раза, пріаша, алѣксандри), после согласных последовательно употребляет двубуквенное начертание оу (примеры очевидны), у него представлены выразительные примеры зияния (стыа, еоугеніа — 3 раза, хрістіа(н)скому, хр(с)тіана — 2 раза, пріаша, честныа, и даже а: предаста а), буква іа встретилась только дважды в слове стаіа, отмечен а в этой позиции.

(сюда). Но у него нет ѿ, нет ж, нет даже є, только в слове еп(с)клюз он пишет несколько расширенный вариант є, но он гораздо уже в первого писца, который пишет согласно древнерусским нормам.

Наконец, рассмотрим пространную редакцию ЖЕ, с которой мы познакомились в начале статьи по русскому списку Трц-720, написанному не позже 1469 г. Пространная редакция непременно предваряется двустишием: сти(х). виена первые болгарами ск'гъниа. чръвленци обагрик'ши цр(с)коую ю меча — датируем по рукописи 2-й пол. XV в. Олон-1, 1146. Сама она может предшествовать Стостишию, рассмотренному выше и представляющему совершенно особую редакцию. Однако существуют списки Пролога, в которых содержится пространная (или стишная; не стиховая!) редакция при отсутствии Стостишия. Таковы русские рукописи Ешарч-482, XV в.; Увар-56, кон. XV в.; Егор-214, 1518 г.; Романч-93, 1-й четв. XV в.; Егор-809, 1611 г. Кроме того, нам известны две болгарские рукописи Болгарской АН: — БАНБ-73, XIV в. и № 74, XIV—XV в., так называемый Дамянов пролог. В этих рукописях ЖЕ представлено в пространной (стишной) редакции, но имеется ли в них Стостишие, мы в свое время при кратковременном знакомстве с обеими рукописями в Гос. Третьяковской галерее во время дней болгарской культуры в Москве, к сожалению, не отметили. Сербских списков пространной редакции без следующего за нею Стостишия нам пока не известно.

Если относительно Стостишия в русских списках Пролога можно было с уверенностью говорить о его болгарском происхождении, то о происхождении пространной редакции ЖЕ мы пока судить воздерживаемся. Лишь поскольку все русские списки, содержащие ее, датируются не ранее, чем второй половиной XV в., допускаем южнославянское происхождение ее.

В обобщающей работе Н. Ю. Бубнова о Стишном прологе, в котором она представлена, читаем следующее: «Стишной пролог появился у греков в XII в. и был переведен на славянский язык в XIV в. От XIV в. славянских стищных прологов до нас дошло немного. Сергию был известен лишь один полный список 1370 г. за мартовское полугодие сербского извода (ГИМ, Хлуд, 188; ПС, № 526) и отрывок XIV в. болгарского извода (ГИМ, Хлуд, 190; ПС, № 844). Сергей упоминает только один русский список Стишного пролога до XV в. из собр. Чудова монастыря (XIV или нач. XV в.) без указания шифра рукописи»²⁶. Речь идет о рукописи Чуд-17, также представляющей мартовскую половину Пролога.

Стишные прологи имеют не только ЖЕ в пространной редакции и следующее за ним в некоторых списках Стостишие, но и некоторые другие специфические тексты, очевидно, южнославянского происхождения. Из них для изучения мы отобрали текст о перенесении мощей Иоанна Рыльского (19 октября), о Михаиле

²⁶ Бубнов Н. Ю. Указ. соч., с. 280.

Болгарском (22 ноября) и Савве Сербском (14 января). Тексты эти и некоторые другие представлены в списках Стишного пролога не всегда последовательно. Источники их нуждаются в специально направленном исследовании. ЖЕ восходит к греческому оригиналу.

Для возможного ответа на вопрос об источниках русских списков пространного ЖЕ рассмотрим его в сопоставлении с аналогичным материалом тех же южнославянских списков, которые позволили нам выше соотнести протограф русских списков с болгарским, а не сербским источником. Для того, чтобы расширить источниковедческую базу статьи в качестве русского списка предлагаем Егор-214, материал которого выше не привлекался. Эта рукопись написана в 1518 г. и позволит нам познакомиться с русской орографией начала XVI в.

Егор-214, 1518 г.
л. 271—271 об.
русск.

М(с)ца того (ж) .кд.
стыя прп(а)бныя|
м(ч)ница. евгени. |
с(х). биёма пръвъе
болѣзнями е[в]гение.
чръбленицѫ шваг-
рившъ

цр(с)кою ѿ меча:- |
Та баше въ цр(с)тво
комодово. д'ци филипа
епархъ римскаго.

шѹ же еа въ алексан-
дрѣж комодома посланъ

бывшъ. да и тамо.
епархъ бѣдетъ. и

понеже съ всѣмъ
домом(м) поиде. иде

етаа евгениа| съ ни(м).
и тамо науучи всакое

писаніе ел'линско| и
хр(с)тланское. елма
(ж)полѹчиши еписто-

лж па[вл]а ап(с)ла.
и проч(т)аши сіж

Хлуд-192, 1541 г.
л. 304 об.—305 об.
сербск.

М(с)ца того кд.
стыйе м(ч)нци| и прпо-
(а)бніе евгеніе.
с(х) биёма пръвъе
болѣзнями евгеніа.
чръбленициѹ швагрик-

ши цръскоую ѿ меча:-|
Таа бѣше въ цр(с)тво
комидово дацци филиппа|
епархъ римскаго.
шѹ же єа въ але[д]-
ндию комодома по-
лану

бывшъ, да и тамо|
епархъ боуде(т). и

понеже съ всѣмъ
домом(м) поиде. иде и

етаа евгениа съ нимъ.
и тамо науучи всако

писаніе еллінское и
хр(с)тланское. ел'ма
же полуучивши епи-
столю|

павла ап(с)ла.
и прочатши сию.

БАН-13.7.13, XVI в.
л. 117 об.—118 об.
болгарск.

М(с)ца то(г) кд.
стыйж прп(а)бно
м(ч)нициј єугеніј.
Биёма пръвъе
болѣзнями єугеніа
чръбленициј швагрик-

царскжа ѿ меча:
Таа бѣше въ царство
кодомодово. дацци фи-
липпа епархъ римскаго.
шѹ же єа въ але[д]-
дриј комодома посланъ

бывшъ. да и тамо
епархъ бѣдетъ. и...

съ всѣмъ домомъ
пойде. иде и стаа

евгениа съ нимъ.
и тамо научиша

касѣко

писаніе еллинское и
христланское. елма же
получивши пос(а)даніе

и проч(т)аши сија,

оукѣдѣ съетіе мира
сего.] его же и
всѣрдно оставивши.

и въ мѣжѣ прѣшѣ
зише
себе. съ двоими скопци.
и къ монастырю иже
прѣ(а) александре же
достигши. прѣата
бы(с) еп(с)пш(м)
сленемъ. и вѣ(с)твное
прѣимши крѣщеніе и
иже
съ нѣж сѣци(м). и
мнишескомъ чинъ
спо(а)бивши(с). и по
нѣкоемъ врѣмени вѣро-
чена] бы(с) игоумени ти.
иже и чудеса спо(а)-
биса творити. | тѣмъ и
нѣкоторон жентѣ бола-
ринѣ мелангіа] нариче-
ма. | страждаѹщъ нѣдѣ-

гомъ нѣкоторы(м)] и-
цѣли ж, по тома обо-
лгана бы(с) ѿ нѣа тако
къ смѣщеніј блажномъ
тыж нѣдаци. и къ
епархъ филипъ тыж
шпобѣда. шноу же
прѣ(а)бноимъ прѣ(а)-
ставлѧшъ. и всако
тависа о нен истинна.
не тачіж бо въ образѣ
мѣжестѣ жена сѣци
показавши(с). но тако
та малѣ е(с) а'ци
епархова. | тѣм же ѿца

и мѣтра и многы(х)

оукѣдѣка съетіе мира
сего, его (ж) и всѣ-
срѣдично оставивши.

|| и въ
моужка прѣобразивши и въ мѣжѣ прѣобра-
зивши

себе съ двоими скопци. себѣ съ двоими скопци.
и къ монастырю иже и къ монастырю иже
прѣ(а) алеѢандрію прѣ(а) алеѢ... дрѣ
достиг'ши. прѣата достигши, приата
бы(с) | еп(с)копи(м) бы(с) еп(с)копи(м)
сленемъ. || и вѣ(с)твное сленем... вѣ(с)твное
прѣемъ крѣщеніе. и иже приемши крѣщеніе. и
иже

съ нїю сѣцимъ. и съ нїю сѣцимъ. и
мнишескомъ чину мнишескомъ чинъ
спо(а)бивши. | по спо(а)бивши. | по
нѣкоемъ врѣмени вѣро- нѣкоемъ врѣмени вѣро-
чена бы(с) игоумени. чена бы(с) игоумени.
иже и чудеса сп(а)- иже и чудеса сп(а)...
биса творити. тѣмъ и биса творити. тѣмъ и
нѣкоторы жентѣ болари- нѣкои жентѣ болѣрины
ны мелан'їа наричема. мел... ѡла наричема
страждаѹщою нѣдоу- страждаѹщъ нѣ-

гомъ джш(м)

нѣкоторымъ исцѣли ю. нѣкыимъ, ... ли єж.
по тома оболгана бы(с) по тома оболгана бы(с)
ѿ нїе тако къ ѿ нїи ... ѿ блажномъ
смѣщенію блоудному тѣю нѣдаци. и къ тѣю нѣдаци. и къ
тависа о нен истинна. епархъ филип...
не тачію бо въ образѣ опобѣда. ономъ же
прѣ(а)бною прѣ(а)- епархъ филип...
ставла. и всака о ... и всѣкаа о нен
нїи тависа истинна. тависа истинна.
не тачіж бо въ образѣ мѣжестѣ жена сѣци
моужасѣ жена соуци показавши. | нѣ тако
показавши. | нѣ тако
та сама е(с) а'ци показавши, нѣ и тако
епархова. тѣм же ѿца та сама е(с) а'ци
епархова. тѣм же ѿца

и мѣтра и многы(х)

и мѣтра и многы(х)

ины(х) къ хѣѣ вѣрѣ
 приведе. и оуже
 тоа ѿцда чина епарше-
 єкыи ѿложица кр(с)-
 тиса. и еп(с)по(м)
 поставлена бы(с). и по
 сема м(ч)ніж конец
 приата. нападши(м) на
 на небѣрныи и зак-
 лаша
 его къ цркви ножем.
 стаа же еугеніа.
 в рима приведена бы(с)
 съ мѣріј и съ бра-
 тієх,
 и с протіема.
 накінто(м) кажникома.
 иже ѿ начала съ неж
 постга(д)вши(м), иже
 и глады! иха ѿскоща.
 инои же каменя нава-
 заше тажека. и въ
 фириадескъж рѣкъ
 въврзгоша. и ѿноу(а)
 съхранена бы(с).
 мечнож въспріата
 кончино:-
 Бз та (ж) дна стаа
 м(ч)нца василіа...

ины(х) иже ѿ домоу
 къ
 хѣѣ вѣрѣ приведе. и
 ѿже
 тоа ѿцда чина епа-
 ршица
 єкыи ѿложица кр(с)ти-
 се. и еп(с)копа
 постаиленна бы(с). и
 по сема моучению конца
 прѣета. | нападшила на
 на небѣрныи(м). и за-
 клаше его| ножем въ
 цркви. стаа же еугеніа
 въ рима приведена
 бы(с)
 съ мѣрію и съ братіа-
 ми. | и съ протіема
 накінто(м) каже-
 никю(м),
 иже || ѿ начела съ ней
 постга(д)вшиихъ.
 им же
 и глады и ѿскоще.
 инои же каменя нава-
 заше тежка, и въ
 тиберіадескъж рѣку
 рѣку
 въврзгоша. и ѿноуда
 съхранена быкли,
 мечногу| въспріата
 кончино:-
 Стихшве стѣни| еуге-
 ни:

ины(х) єже ѿ домъ
 къ
 хѣѣ вѣрѣ притръже. и
 оуже тож ѿцда чина
 епа-
 ршиескаго ѿложица кр(с)-
 тиса. и еп(с)кпд
 поставлена быка. и по
 сема мжченій конец
 приата. напа(д)шима на
 на небѣрныи и закла-
 вше его ножема къ
 цркви. стаа же еугеніа
 въ рима приведена бы(с)
 съ мѣріј и съ бра-
 тіа-
 ми. и съ протіема
 накінто(м) каженикома.
 иже ѿ начала съ неж
 постга(д)вши(х). им же
 глады ѿскоща.
 инои же каменя нава-
 заше тажека, и въ
 тиберіадескъж рѣкъ
 въврзгоша. и ѿтжад
 съхранена быкли,
 мечнож въспріата
 кончино:-
 Стихшве стѣни еуге-
 ни:

ѿцда тако... ѿцда тако... ѿцда тако...

Сопоставительное прочтение трех разных по языку текстов пространной редакции ЖЕ поражает текстологической близостью их, а также и общностью правописания по чертам его, относимым в русских списках за счет южнославянского влияния. Русский список Егор-214 в отличие от всех, материал которых приведен выше, имеет одну особенность: употребление ж вместо ю

после гласных: ѿбагрикшъж, александрѣж, епистоліж, сіж, александреј, съ нѣж, страждѹж, ж, смѣшніж, тыж, тыж, тгчіж, м(ч)ніж, съ мгтіж (ошибка: вместо мгтіж), братієж, съ нѣж, фириадаскѣж, мечнѣж; после букв согласных всего два написания: чрѣкленицж (возможно, тоже вместо ю) и в имени собственном вместо Ѹ: филипж. Буква ю употреблена в следующих случаях: цр(с)кбю, ѿцию, к монастырю, чудеса, По-видимому, здесь отражена какая-то искусственная орфография, согласно которой после мягких согласных следовало писать ю, а после гласных ж, т. е. как бы внешне, только в графике, отражать зияние. Сопровождалась ли эта орфография книжным чтением ж как ў, например, епистолиу, сказать не беремся, поскольку нет примеров написания в таких случаях Ѹ, ѿу или ў.

Обращает на себя внимание более последовательное употребление русским писцом буквы і перед гласным, чем писцами сербом и болгарином: прїага — пріета — прїатга, тгчіж — тгчию — тгчіж, м(ч)нію — моученію — мжченію, прїатга — пріетга — прїатга, съ мгтіж — съ мгтериу — съ мгтеріж, каспрата — каспрѣета — касприната. Из явлений искусственной для русского писца орфографии отметим написания ѿ вместо єр: прѣкіе, чрѣкленицж, каспрогаша, но, однако, ксердно (вместо кссердечно). В написаниях неполногласных форм наблюдается колебание: прешѣразиши, пре(а), во вѣмени; последнее явно под влиянием южнославянских образцов, поскольку в древнерусских рукописях слова, перешедшие из старославянского языка с неполногласием, писались через є (т. е. как в рассматриваемом тексте прешѣразиши, пре-).

В остальном орфография Егор-214 укладывается в собственные русские, восходящие к древнерусским, нормы; прежде всего это касается употребления букв на месте этимологических носовых. По своей старосербской норме употребляет буквы ѿ и є на месте носовых писец Хлуд-192. Только писец болгарин употребляет буквы ж — а по своим искусственным среднеболгарским нормам: царскѧ, прѣпо(а)вижа, тѣверадскѧ, мечнѧ. В остальных случаях болгарский писец употребляет буквы ж — а этимологически правильно, что свидетельствует о хорошей его грамотности. Исключение, но вполне закономерное, представляет союз нж при ю в русской рукописи и нѣ в сербской. Но здесь издавна в болгарских рукописях проявлялась определенная лексикализация.

Если отвлечься от орфографических особенностей трех сопоставленных рукописей, то обращает на себя внимание единство текста. Это свидетельствует не только о том, что каждый из списков пространной редакции отделен сравнительно небольшим числом промежуточных списков от общего южнославянского протографа, но, вероятно, и о том, что наступил такой период развития славянской письменной культуры, когда местнические тенденции

развития письма стали расцениваться как нежелательные. В частности, русские писцы в конце XV в. в центральных скрипториях перестают стремиться приспособить письмо к своему живому произношению, как это было в древней Руси, но, наоборот, по крайней мере, с XVI в. озабочены идеей общеславянского православного единства, во главе которого должна была оказаться «Москва — третий Рим». Но эта проблематика выходит за рамки поставленной в настоящей статье задачи.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ СОБРАНИЙ РУКОПИСЕЙ И РУКОПИСЕЙ, ИЗВЕСТНЫХ ПОД ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ²⁴

Номер, следующий за сокращенным буквенным обозначением, соответствует номеру рукописи в собрании или фонде.

АК — Собр. Археографической комиссии, БАН

БАН — Основное собрание БАН, за которым следуют три группы цифр, указывающие шкаф, полку и порядковый номер, БАН.

БАНБ — Библиотека АН Болгарии.

Барс — Собр. Барсова, ГИМ.

Безб — Собр. Безбородко, ЦНБ АН УССР.

Больш — Собр. Большикова, ф. 37, ГБЛ.

Вахр — Собр. Вахрамеева, ГИМ.

Волог — Собр. Вологодское, ф. 354, ГБЛ.

Востр. — Собр. Вострякова, ГИМ.

ВязФ — Собр. Вяземского, F (=«Фолио»), ГПБ.

Дамян — Дамянов пролог, Библиотека АН Болгарии, № 74.

Долг — Собр. Долгова, ф. 92, ГБЛ.

Егор — Собр. Егорова, ф. 98, ГБЛ.

Един — Собр. Единоверческое, ГИМ.

Епарх — Собр. Епархиальное, ГИМ.

Забел — Собр. Забелина, ГИМ.

К+ группа цифр + П + группа цифр — рукописи небольших Киевских собраний «по Петрову», ЦНБ АН УССР.

Калик — Собр. Каликина, БАН.

Кварт — Собр. Основное, Q (=«Кварт»), ГПБ.

²⁴ В лингвотекстологических исследованиях возникает необходимость указывать многие десятки или сотни списков памятника, что даже при наборе петитом и самых минимальных археографических сведениях о рукописях требует большого листажа (ср.: Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, где принятые в работе шифры, содержащие в себе текстологические характеристики выше 500 рукописей, заняли 19 страниц петита (с 314 по 332); список тех же рукописей по собраниям и шифрам в книге «Текстология и язык древнейших славянских памятников», см. выше прим. 10, занял 12 страниц петита (с 355 по 366). В связи с этим в работах о Прологе, где мы не вводим текстологическую информацию в сокращенные обозначения рукописей по их шифрам, ограничиваемся раскрытием первой части применяемых в работе шифров: буквенных обозначений рукописных собраний по хранилищам. Только в сочетании с номером рукописи в собрании или фонде, стоящим за этим буквенным шифром, он становится индивидуальным обозначением определенной рукописи, по которому последняя легко может быть идентифицирована в соответствующем древлехранилище. Указанный способ приведения шифров может быть полезен и в других аналогичных работах, что позволит существенно сократить справочный аппарат в каждой статье.

- КДАЛ — Собр. Киевской духовной академии, нумерация «по Лебедеву», ЦНБ АН УССР.
- КДАП — Собр. Киевской духовной академии, нумерация «по Петрову», ЦНБ АН УССР.
- КБел — Собр. Кирилло-Белозерское, ГПБ.
- Костр — Собр. Костромское, ф. 138, ГБЛ.
- КСоф — Собр. Киевской Софии, ЦНБ АН УССР.
- Лобк — Лобковский пролог, ГИМ, собр. Хлудова, № 187.
- ЛОИИЛ — Коллекция Н. П. Лихачева, Русская секция, ЛОИИ АН СССР.
- ЛОИИРК — Коллекция Рукописные книги, Западноевропейская секция, ЛОИИ АН СССР.
- Макед. — Македонский пролог, описанный В. А. Мошиным, см. прим. 19.
- МГАМИД — Собр. МГАМИД, ф. 181, ЦГАДА.
- МДА — Собр. Московской духовной академии, Фундаментальная библиотека, ф. 173, ГБЛ.
- Музейн — Собр. Музейное, ф. 178, ГБЛ.
- Музск — Собр. Музейское, ГИМ.
- Обол — Собр. Оболенского, ф. 201, ЦГАДА.
- ОИДР — Собр. ОИДР, ф. 205, ГБЛ.
- ОЛДПК — Собр. ОЛДП, Q (=«Кварты»), ГПБ.
- ОЛДПФ — Собр. ОЛДП, F (=«Фолио»), ГПБ.
- Олон — Собр. Оловецкое, ф. 212, ГБЛ.
- ОРук — Собр. Отдела рукописей, ф. 218, ГБЛ.
- ПДА — Собр. Петербургской духовной академии, ГПБ.
- Перц — Собр. Перетца, ИРЛИ (Пушкинский дом).
- Пог — Собр. Погодина, ГПБ.
- Романч — Собрание Романченко, БАН.
- РСАДА — Рукописное собрание ЦГАДА, ф. 188, ЦГАДА
- Рум — Собр. Румянцева, ф. 256, ГБЛ.
- Син — Собр. Синодальное, ГИМ.
- СинИА — Собр. Синода (в Историческом архиве), ф. 834, ЦГИАЛ.
- Солов — Собр. Соловецкое, ГПБ.
- Соф — Собр. Софийское (Новгородское), ГПБ.
- СПрил. — Спасприлуцкий пролог, собр. ПДА, А, I № 264, ГПБ.
- ТекП — Собр. Текущих поступлений, БАН.
- Тип — Собр. Типографской Синодальной б-ки, ф. 381, ЦГАДА.
- Тит — Собр. Титова, ГПБ.
- Тихн — Собр. Тихонравова, ф. 299, ГБЛ.
- Трд — Собр. Троице-Сергиевское, ф. 304, ГБЛ.
- Увар — Собрание Уварова, 1^о, ГИМ.
- Унд — Собр. Ундельского, ф. 310, ГБЛ.
- Финл. — Финляндский пролог, БАН, 4.9.20 (Финляндские отрывки).
- Фолио — Собр. Основное, F (=«Фолио»), ГПБ.
- Хлуд — Собр. Хлудова, ГИМ.
- ЦГАЛИАДА — Собр. ЦГАЛИ, ф. 187, ЦГАДА.
- Чертк — Собр. Черткова, ГИМ.
- Чуд — Собр. Чудовское, ГИМ.
- Щук — Собр. Щукина, ГИМ.

ОБ АФОНСКОЙ РЕДАКЦИИ
СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ПСАЛТЫРИ
В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ДРУГИМ РЕДАКЦИЯМ

В истории среднеболгарской письменности XIV век характеризуется интенсивной работой по исправлению богослужебных книг. Необходимость этой работы была вызвана введением нового иерусалимского устава в славянское богослужение, а вместе с тем и потребностью упорядочения книжного языка среднеболгарской письменности, который под влиянием существенных перемен в живом болгарском языке утратил к этому времени свой нормативный характер, что могло приводить к искажению текста священного писания.

Одним из главных центров, где велась такая работа, был Афон. Исследования болгарских ученых последних лет, направленные на изучение истории книжного языка, реформы Евфимия Тирновского и предшествующей работы болгарских книжников по созданию новых редакций и переводов церковных книг, существенно продвинули освещение этого вопроса. В работе Г. Попова «Новооткрыто сведение за переводаческа дейност на българските книжовници от Света гора през първата половина на XIV в.»¹ убедительно доказывается, что так называемая евфимиевская редакция Триоди, получившая широкое распространение в славянских землях в послеевфимиевское время, была создана на Афоне в первой половине XIV в. Были обнаружены новые приписки в рукописях Триоди № 23 и № 24 Синайского собрания (ГПБ Мф^Р 533 и Мф^Р 534), освещдающие переводческую и редакторскую деятельность афонских книжников. Путем текстологического сравнения автор доказывает идентичность редакции созданных на Афоне Постной (№ 23) и Цветной (№ 24) триодей с древнейшими из доселе известных списков Триоди евфимиевской редакции. Это позволило сделать заключение о том, что «святогорские переводы послужили основой при установлении и утверждении текстов богослужебных книг в кругу Евфимия»². По свидетельству приписок, найденных в рукописях Синайского собрания, наряду с другими книгами, подвергшимися переработке и редактированию, на Афоне была создана и новая редакция славянского перевода Псалтыри. В приписке, находящейся в рукописи Октоиха № 19 из монастыря св. Екатерины на Синае, названо имя одного из создателей новых болгарских изводов богослужебных книг — старца Иоанна, который «*мъбокѣ и желанѣемъ й багтижъ отто ахъ прѣложъ и нѣспнаа книги*

¹ Български език, 1978, кн. 5, с. 11.

² Там же, с. 11.

иже имена зе. тетраэулз. пребнаплз. лигоургіж. тнпн. фалтирь.
ческарь. мнеч. дгрицъ. богослова. лестинцж. исака. варлаама.
дороеа. патерикъ. антиш. и ина многа. сачини и предаде бжткы и
стынмъ црквамъ, благар'скыж земля». В перечне этих книг упоминается и Псалтырь. Эти книги переписывались как образцовые. В той же приписке иероманах Мефодий сообщает: «понежднх са и
аз ѿ слад'кии извода старцовъ. и испна икоанко книга фалтирен до
з. часники .е. лигоургіж .а. лестинца .г. и ина многа»³.

Другая приписка, свидетельствующая о том, что Псалтырь святогорского извода служила образцом и переписывалась в XV в. на Синае, приводится М. А. Сперанским в перечне рукописей Синайского собрания под № 10: «Псалтирь, in 8°, на бумаге. В конце следованная. Приписано: аз грешни рабъ бжини иеромона ишанъ. испна син патръ оу стон горѣ синайскон, изведо га из дѣю патроу извода стогорскага да млю ви брати и ишн исправляюще чагре. а не кланите, ибаче блажите, а васъ ба. аминъ»⁴.

Сведения об этой Псалтыри имеются у еп. Порфирия Успенского, который в своих заметках в «Каталоге сербских рукописей» пишет: «Этот поп Иоанн жив был в 1481 году. Тогда он написал четвероевангелие (см. мой каталог сербских евангелий под 1481 г.)»⁵. Там же Порфирий приводит выписки из этой Псалтыри. В заглавии к своим выпискам он цитирует приписку попа Иоанна в некоторой перефразировке: «Рукописная Псалтырь» иже грешни рабъ бжини иеромона ишанъ испна оу стон горѣ синайскон. изведо га из дѣю патроу извода стогорскага. Далее подзаголовок, который определяет характер данных выписок: «Места, в коих текст читается иначе, нежели в наших Псалтырях Российских». Разночтения приведены из всей Псалтыри, включая Библейские песни.

Сопоставление выписок еп. Порфирия с микрофильмом рукописи № 10 Синайского собрания (ГБЛ МФ 520) показали, что это разные рукописи. Прежде всего, в микрофильме рукописи № 10, которой, по описанию М. Н. Сперанского, принадлежит данная приписка, приписки попа Иоанна не обнаружено. Полагая, что за столетие, прошедшее со времени просмотра рукописи еп. Пор-

³ Приписка цитируется по микрофильму Октоиха № 19 (ГПБ МФ 529).
Полный текст приписки см.: Розов В.Л. Болгарские рукописи Иерусалима и Синая. — Миндо. Българско-Македонско научно списание. София, 1914, с. 17—19; Иванов И. Български старини из Македония. София, 1931, с. 275.

⁴ Сперанский М. Н. Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине. — ИОРЯС АН СССР. Л., 1927, т. XXXII, с. 99.

⁵ ГПБ, Архив преосв. Порфирия. Каталог сербских рукописей. F XVIII, 34, с. 168.

фирием, лист с припиской мог быть утрачен, мы провели выборочное сопоставление текста микрофильма рукописи с выписками еп. Порфирия. При этом обнаружено, что выписки Порфирия начинаются с XVIII псалма, в то время как Псалтырь № 10 содержит весь предшествующий текст, начиная с Предуготовительной молитвы. Кроме того, у Порфирия находим пометы об отсутствии отдельных листов, например, пс. ХХV «вырван листок», пс. XXXII «вырван листок». В Псалтыри № 10 пропуска текста в этих местах не обнаружено. Наконец, выборочная сверка отдельных мест показала, что текст не всегда идентичен. Например, пс. CLI ст. 6 у Порфирия читаем: аз же **н**страгъ ѿ него мачъ, а в Псалтыри № 10 — аз же **н**страгъ иже оу него мачъ. В псалтырях правленой редакции это место варьируется. Наблюдаются различия в словообразовании, формах, написании отдельных слов. Например:

Псалом и стих	Выписки еп. Порфирия	Псалтырь № 10
XXX, 7	хранецеи соуетнага	суетъстка
	за тацеи	за таце
XXXI.3	зокоуцоу мн	зокоуцин мн
XXX.11	смоутгниш ^е	смутгниш се
XXX.14	свырахоу се	сабирах ^е се

В выписках Порфирия отступления в передаче текста касаются главным образом графики. Он употребляет иногда букву та для передачи я (а йотированного), букву у вместо диграфа оу, допускает иногда некоторые русизмы, например, а вместо е на месте а, написание гласной перед р в сочетаниях плавных с редуцированными: де^ржакна, сердце. Но это встречается лишь в отдельных случаях, обычно же воспроизводятся особенности орфографии рукописи. Наряду с я, в выписках часто употребляется и буква ж. Внесено ли это еп. Порфирием или отражает особенности орфографии подлинника, сказать трудно. Порфирий воспроизводит надстрочные буквы и титла, различия написаний оу и ѿ, о и ѿ, лигатуры, расположение букв над строкой, иногда ставит ударения, однако всех надстрочных знаков, видимо, не воспроизводит.

Обширность выписок Порфирия, сделанных им из рукописи Псалтыри, которая содержит приписку попа Иоанна с указанием на то, что протографом являлись две псалтыри святогорского издания, позволяет нам использовать эти выписки как этalon для выявления среди псалтырей правленой редакции тех, которые могут быть идентифицированы со святогорской редакцией, проследить ее распространение, а также отношение к другим редакциям Псалтыри.

Для сопоставления мы берем отрезок текста, равный 50 псалмам (18-го по 58-ой), т. е. примерно одну треть псалтырного текста.

Текст выписок для нашей основной цели может считаться выбранным произвольно. Однако существенным в этой выборке является то, что в ней приведены такие места текста, в которых встречаются варианты. И, действительно, в выписках еп. Порфирия почти нет текста, который бы не дал разнотений в нашем сопоставлении.

Для сопоставления с Псалтырем попа Иоанна привлекаем семь рукописных псалтырей XIV—XVI вв.: Норовская псалтырь (ГИМ, Увар., № 285) — восточноболгарская рукопись первой половины XIV в. (*Нор*), Шоповская псалтырь (НБКМ № 454) отрывок, объемом в 8 листов, с XVII по XXV псалом (*Ш*), рукопись, XIV в. Злетовско-Кратовской школы⁶, Псалтырь № 1138 той же библиотеки, которая, по признанию современных палеографов, является продолжением Шоповской псалтыри⁷, две рукописи молдовлахийского письма Погодинского собрания ГПБ — *Пог 4* 1470 г. и *Пог 5*, — рукопись XV или XVI в.⁸, Псалтырь митрополита Киприана (*К*) XV в. (ГПБ фонд 174, фунд. 142) и Пловдивская псалтырь № 44 (*Пл*) XVI в. (Пловдивская народная библиотека им. И. Вазова) цитируются по разнотениям, приведенным в подготовленном издании Норовской псалтыри.

Из числа изданных псалтырей нами привлечена Киевская псалтырь 1397 г.⁹ (*Киев*), написанная на древнерусской орфографии, видимо, писцом из круга митрополита Киприана¹⁰. Эта псалтырь, а также Псалтырь митрополита Киприана XV в. (ГБЛ), написанная на Руси (по среднеболгарской орфографии), дают возможность проследить, как рано появились варианты, отличающие русский текст правленой псалтыри от южнославянского.

Представителями архаической редакции в нашем сопоставлении взяты Синайская псалтырь в издании С. Северьянова¹¹, Болонская и Погодинская псалтыри в издании В. Ягича. Учтены также разнотения, проводимые В. Ягичем по Софийской псалтыри 1337 г. (*Соф.*) (София, БАН № 2) и Бухарестской псалтыри 1411 г. (*Бух*), представляющей собой сербский список новой правленой редакции¹². Греческие тексты приводятся по изданию

⁶ Буюклиев Ив. Среднобългарски псалтирен откъс от XIV в. (Шопов псалтир). Трудове на Висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методий» във В. Търново, т. II, в. 4. София 1965, с. 52.

⁷ Идентификация рукописей № 454 и № 1138 впервые произведена О. А. Князевской.

⁸ В каталоге Е. Э. Гранстрем (Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с. 11) эта псалтырь датируется XV в. Однако в рукописи имеется вкладная запись Анастасия Кримковича, датированная 1616 г. Тому же лицу принадлежит вкладная запись 1622 г. — в рукописи ГПБ Пог. 35, датируемой XVI—XVII вв. По типу почерка рукописи похожи.

⁹ Киевская псалтырь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ОЛДП I—6). М., 1978.

¹⁰ Вздорнов Г. Исследование о Киевской псалтыри. М., 1978, с. 31—32.

¹¹ Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Подг. к печати С. Северьянов. Пг. 1922.

¹² Psalterium Bononiense. Ed. Jagić V. Vindobonae—Bergolini—Petropoli, 1907.

А. Ральфа¹³. Поздние греческие тексты цитируются по Феодоритовой псалтыри X—XI в. в издании архим. Амфилохия¹⁴ и рукописи XII в. РАИК 9 (Библиотеки АН СССР в Ленинграде).

Создание новых редакций богослужебных книг болгарскими книжниками XIV в. предполагало исправление неточностей перевода, искажений и разнобоя в тексте, возникших благодаря изменениям, происходившим в живом языке писцов, а также внесение в текст церковных книг дополнений и изменений в соответствии с изменениями греческого текста. Тенденция максимального приближения славянского перевода к греческому тексту была ведущей тенденцией переводчиков и правщиков этого времени.

Мы располагаем псалтырями, созданными в XIV в., в которых данная тенденция проведена с разной степенью последовательности. Норовская псалтырь представляет собой редакцию, в которой приближение к греческому тексту представлено более последовательно, чем в других псалтырях правленой редакции, соответственно и отличия текста Норовской псалтыри от псалтырей архаической редакции более значительны, чем в других псалтырях. Среди псалтырей архаической редакции наибольшие отличия от псалтырей правленых редакций наблюдаются в тексте Синайской псалтыри.

Материал, которым мы располагаем, дает возможность осветить следующие вопросы.

1) Отношение Норовской псалтыри и псалтырей так называемой новой правленой редакции, получившей широкое распространение в послеевфимиевский период, к святогорскому изводу, представленному выписками из Псалтыри попа Иоанна, переписанной на Синае в XV в.

2) Отношение всех сопоставляемых псалтырей правленой редакции к псалтырям архаической редакции.

3) Отношение псалтырей разных редакций к греческому тексту.

4) Изменения, внесенные в святогорскую редакцию на Руси в XIV—XV вв.

5) Новые редакции церковных книг как источник второго южнославянского влияния на язык древнерусской письменности.

Материалы, на основании которых мы делаем свои заключения, приводятся в виде трех таблиц сопоставлений: 1) сопоставление Норовской псалтыри и Псалтыри попа Иоанна; 2) сопоставление Синайской псалтыри и Псалтыри попа Иоанна в чтениях, совпадающих с Норовской псалтырью; 3) сопоставление Киприановской и Киевской псалтырей в чтениях, которые хотя бы в одной из этих псалтырей отличаются от вариантов, представленных в Псалтыри попа Иоанна.

После текста из основных сопоставляемых псалтырей — Норовской и Псалтыри попа Иоанна в первой таблице Синайской и

¹³ Rahlfs A. Septuaginta. Wurttembergische Bibelanstalt, v. II, Stuttgart, 1935, S. 1—183.

¹⁴ См.: Древле-славянская псалтырь Симоновская до 1280 года. Труд архимандрита Амфилохия. 2-е изд., т. 1. М., 1880.

Псалтыри попа Иоанна — во втором, указываются псалтыри, имеющие то же самое чтение. Лексические, морфологические и синтаксические варианты из других псалтырей приводятся с указанием источника, из которого цитируется текст, перед цитатой. После цитаты указываются псалтыри, в которых представлено то же самое чтение.

При идентификации чтений фонетические и орфографические варианты игнорируются. Они указываются лишь в том случае, если проясняют значение формы, не ясной из контекста.

Греческий текст дается при том варианте, с которым имеет наибольшую формальную близость.

1. *Отношение Норовской псалтыри и псалтырей новой правленой редакции к святогорскому изводу.* Чтобы охватить все возможные различия, мы приводим два ряда сопоставлений: выписок из святогорской псалтыри — сопоставление с Норовской псалтырью и сопоставление с Синайской псалтырью, при этом указываем, с каким из вариантов совпадают чтения других сопоставляемых псалтырей. Чтения, не совпадающие с каким-либо из двух вариантов, также приводятся.

Первая таблица сопоставлений показывает, что различия Норовской псалтыри и Пс. попа Иоанна (примерно 145)¹⁵ значительно превышают количество различий Пс. попа Иоанна со всеми другими псалтырями правленой редакции (число различий этих псалтырей с Пс. попа Иоанна колеблется в пределах от 6 до 20 для болгарских псалтырей, и несколько больше — для Бухарестской (57 отличных при 97 общих чтениях). В псалтырях, написанных на Руси — Киевской — 35 отличий, в Киприановской — 80 отличий от Псалтыри попа Иоанна.

Рассмотрение первой таблицы позволяет сделать вывод о том, что Норовская псалтырь и Пс. попа Иоанна, представляющая афонскую (святогорскую) редакцию, являются псалтырями разных редакций. Напротив, остальные болгарские псалтыри — Шоповская № 454 и ее продолжение Пс. 1138, Пог. № 4 и Пог. № 5, Пловдивская № 44 — составляют единую редакцию с Пс. попа Иоанна, т. е. именно эти псалтыри являются представителями святогорской редакции, созданной на Афоне и получившей в дальнейшем широкое распространение не только в Болгарии, но и за ее пределами. По наблюдениям И. Буюклиева, «все псалтыри, которые сохраняются в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия и относятся к XIV, XV, XVI в. и более позднему времени — сербской и болгарской редакции (в том числе и валахийские) — полностью принадлежат к новой правленой редакции»¹⁶. Наиболее

¹⁵ Мы говорим «примерно», так как в некоторых из приведенных разночтений содержится по два и более различных, которые в других псалтырях могут комбинироваться иначе, чем в Норовской псалтыри, а потому и рассматриваются как самостоятельные разночтения.

¹⁶ Буюклиев И. Среднобългарски псалтири откъс от XIV в. (Шопов псалтир). — Трудове на Висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методий», с. 72.

Таблица 1

Разночтения Норовской псалтыри с Псалтырю попа Иоанна

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
18.12	вънегда съхранитъ ж 3669 (Киев нхъ)	вънегда съхранитъ нхъ Ш, Пог 4, 5, Пл, К, Бух; С съхранитъ Пог, (Бол, Соф, в отс.); гр. єнту фулáссен айтá
19.2	оуслышатъ та гк 37а3, Ш, Бух, Бол, Пог, Соф; С га; гр. єпакоусаі соу хброс.	услышатъ те гк Пог 4, 5, Пл, К, Киев.
19.4	блокавтома твоа тоучна вжди 37а 7-8, Бух; гр. тó блокавтумса. Бол. блокавтима; Соф блокавтимата.	всесъжега(е)моів твоів тоучно воуди Ш, Пог 4, 5, Пл, Пог; К вск съжежента Киев; С всесъжагама.
19.9	мы же, выстахомъ ѿ всправиҳомъ са 3764-5; гр. ануфрауфїмев.	ми же вътахомъ и нсправиҳомъ (са) Ш, Пог 4, 5, Пл, К; С прости вътиҳомъ Бол, Пог, Соф, Бух, Киев.
20.5	живота проси та 37616; гр. ҃ѡнъ ѡтъсато се.	живота проси ти в Ш, Пог 4, 5, Пл, К, Киев; С проси оу теве Бол, Пог, Соф, Бух.
21.15	и расипаш са вися кости моя 3963, К, Киев.	и разыдошъ все кости моів Ш, Пог 4, 5, Пл, Бух; С разида ся Бол, Пог, Соф; гр. діескорпісфї.
21.19	и ѿ іматизмѣ моемъ меташ жрбій 39616-17; гр. καὶ ἐπὶ τὸν ἴματισ- μόν μου.	и в матнэмѣ моів мѣташе Ш, Пог 4, 5, Пог, Соф; Бол и в лантнэмѣ мон; С и в різя моів; К ѿ б одѣжды моів Пл, Бух, Киев.
21.25 ¹	ии Швратиль есть 40а13-14, Пог 4, 5, С, Бол, Соф; Пог ии Шв- ратиль Бух, Киев	ни Швратиль же юст Ш; Пл ниже Швратиль есть; К ии Швратиль же Киев; гр. одѣ апестрефев.
21.25 ²	лице свое 40а14; гр. тó прօσωπον аўтой	лица своего Ш, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
21.27	идатъ ници, и насытят са 4063, Ш, С; гр. φάγονται πέντες καὶ єμπληθθονται.	идатъ ницин и насытет се Пл, К, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф.
22.5 ¹	прѣмо стражажиїмъ мнѣ 41а15	прѣдъ стужаюшими мнѣ Ш, Пог 4, 5, С, Бол, Пог, Бух, Соф. К
22.5 ²	ико дръжавна 41а17-41б1, К, Киев, Пог; (в гр. свяка отс.)	прѣк стѣкамции мнѣ Киев; гр. єнавгіас тѡн ѹлібнту ме.
23.1	гнѣ земѣ и испльненне еж 41б6; (в гр. свяка отс.)	кољ дръжавна Ш, Пог 4, 5, -наа Бух; С кољ дръжавна есть Бол, Соф.
		гнѣ ю земли Ш, Пог 4, 5, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
24.7	ραδι βλ̄τη τνοέκ 44α3, Κ, Κιεβ; гр. ἐνεκα τῆς χρηστότητάς σου	βαλοτήνε τνοεε (ραδи) Ш, Пог 4, 5, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
24.8 ¹	ραδи сего 44α4; гр. διὰ τοῦτο	сего ραδи Ш, Пог 4, 5, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
24.8 ²	законоположитъ 44α4 К; гр. νομοθετήσει;	законъ да Ш, Пог 4, 5, Бух, С, Бол, Пог, Соф; Киев законъ по- ложитъ.
24.12	законоположитъ ёмѹ въ пъти 44α12—13, гр. νομοθετήσει ἐν δόδῳ.	законъ поставитъ ёму на путь Ш, Пог, 4, 5, Бух, С, Бол, Пог, Соф; К законъ подложи Киев.
24.17	Ш вѣдъ моихъ изведай м. 44бб—7 Бух, Киев, Бол, Пог, Соф.	отъ вѣдъ моихъ изведай ме Пог 4, 5, Пл, С, гр. ἐξάγαγέ με. Ш изведи; К изведе.

Далее текст Шоповской псалтыри отсутствует

27.2 ¹	вънегда молити ми ся къ тебѣ 47а 10—11; гр. ἐντῷ δέεσθαι με πρὸς αέ.	егда млю се къ тебѣ Пог 4, 5 Пл, К, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф; С егда въззов къ тебѣ.
27.2 ²	вънегда въззовати ми ржкъ мон 47а13—14, К, Киев; гр. ἐν τῷ αἰρεῖν με Alex, РАИК 9.	А д л иага въззову роуце ми Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
27.3	неправедж 47а15, К, Киев, С, Бол, Пог, Соф, Бух; гр. ἀδίκιαν	беззаконіе Пог 4, 5, Пл; гр. тру аюмиян С.
27.7 ¹	на ны оупока срце мое 47б11, К, Киев, Пог; гр. ἐπὶ αὐτῷ.	на того үпка срце мое Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Соф.
27.7 ²	и почи ми бысть 47б11; С помоци ми бысть Пог 4, 5, Бол, Пог, Соф; гр. καὶ ἐβοηθήθην (Aor. pas. 1 л. ед. ч.)	и помощникъ ми бысть Пл (и отс.) Киев, Бух; К и поможе мн.
28.6	си нноригшамъ 48а16; гр. εἰδός мо- нохервтвон.	снъ иинорожъ Пог 4, 5, Пл, С, Бол, Соф; К ёдинорожъ Киев; Пог юдинорога Бух.
28.7	рас'стекажшаго пламень 48а17; гр. διακόπτοντος.	просекающаго Пог 4, 5, Пл, Соф, -жшаго Бол, Пог, Бух; К прѣк- камшаго; Киев прѣкѣкающаго; С просекающа.
28.8	поустыни каддискжж 48б2, Киев; С кадн ^{сжж} ; гр. τὴν ἔρημον Καδης.	поустыниоу каддискоу Пог 4, 5, К; Бол гаддискжж; Пл кадискоу Пог, Соф, Бух.
28.9	глазъ гнъ съвершажши йленни 48б3; Пл съвершас; гр. φωνὴ χυρίου κα- ταρτιζομένη ἐλάφους. Ф. РАИК 9.	съвершашшаго юленни Пог 4, 5, К, Киев, С, Соф, -жшаго Бол, Пог, Бух; гр. καταρτιζομένου Р, П. 862.

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
28.9 ¹	въ храмѣ єго 4864—5; гр. ἐν τῷ ναῷ αὐτοῦ.	въ цркви его Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф; С (въ отс.) цркви.
28.9 ²	кто гласть 4865, К, Киев; гр. τις λέγει.	иже гласть Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
28.10 ¹	скдитъ гк црк 4866—7 Пог 4, 5, Пл, К, Киев, С, Бол, Пог, Бух; гр. καθίεται κύριος βασιλεύς.	скдитъ (гк отс.) црк Соф.
28.10 ²	въ вѣкѣ 4867, К, Киев, С, Бол, Пог, Бух; гр. εἰς τὸν αἰῶνα.	въ вѣкѣ, -ы Пог 4, 5, Пл, Соф.
29.10 ¹	внегда скдитъ ми 49a11 Киев; К внегда сходитъ ми; гр. ἐν τῷ καταβῆται με.	иогда скдидоу Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
29.10 ²	въ растлѣниѣ 49a11; гр. εἰς διαφθοράν.	въ пастлѣнии Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
30.6 ²	прѣдамъ дхъ moi 50a1, С, Бол, Пог, Соф, Бух.	прѣдадоу дхъ мен Пог 4, 5, Пл, К, Киев; гр. παραθήσαμαι
30.7	хъ въненавѣдѣль єсн 50a1—4; гр. ματαιότητας.	храненіемъ соуетнаи Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бол, Пог, Соф; гр. τοῦ διαφυλάσσοντας. С храненіемъ соуетна, -наа Бух; Пл храненіен.
30.10	смѧтє сѧ въ ѹрости 50a12—13; гр. ἐν θυμῷ.	смѹтти се Ш ѹростя Пог 4, 5, Пл, Киев, С смѧтє сѧ Бух; К смѧтє сѧ ѹростію; Бол съмѧтє сѧ ѹростію Пог, Соф.
30.11 ²	й кости мої смѧтош сѧ 50b1, Бол; С съмѧши сѧ Пог, Соф.	смѹтнише Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух
30.14	внегда събрати сѧ ѹмъ 50b10, К, Киев; гр. ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι αὐτοῖς.	д ѹга събрахѹ се Соф, Бух, -дхъ Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Пог.
30.23	внегда възкати мї к тевѣ 51b4; гр. ἐν τῷ κεκραγέναι με πρὸς σέ.	д ѹга възбоу к тевѣ Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух; К възва С, Бол, -дхъ Соф; Пог възвахъ.
31.3	шветашаж кости мої ѿже вонж-циѹ мн весь днъ 52a2; гр. ἀπὸ τοῦ κράζειν με.	(Ш ѿже отс.) Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф; С въсна кости (Ш ѿже отс.) вонжще мї.
31.5	й тѣ ѿставиль еси нечестие 52a9, Бух; С і тѣ оставиль еси нечестие, Пог ѿставай нечестия	и ти ѿпостиль юси нечестие Пог 4, 5, Пл, К, Киев; гр. ἀφῆκας τὴν ἀσέβειαν Бол ѿпостиши нечестии; Соф нечестии.
32.20	защититель нашъ есть 55b2—3, Пл, Бух, С, Соф.	защитникъ нынъ есть Пог 4, 5, К, Киев, Бол, Пог.

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
33.21	съхране́ть г̄ 56617, С, Бол, Пог, Соф, Бух.	съхранить г̄ Пог 4, 5, Пл, Киев; К хранит гр. фуласеи.
34.1	възвра́ни виражи́мъ мж 57а9; К виражи́мъ мж; гр. τούς πολεμούντας με.	възвра́ни виражи́мъ се съ лию-юнімъ се Киев, -ижтімъ съ С, -вишнам ся Пог 4, 5, Пл, Бол, Пог, Соф, Бух.
34.3	и закрн и прѣмо гоници́мъ мж 57а 12—13	и закрн прѣдъ гоници́мъ ме Пог 4, 5, Соф, -шиїмъ Пл, Бол, Пог; С прѣдъ гониаштнмъ Бух, -чишмъ Киев; К с'противъ гоницинхъ; гр. ἐξ ἐναυτίας τῶν καταδιωκόντων με.

Далее начинается текст Псалтыри 1138 (продолжение Шоповской)

34.5	и аггель гнъ настажаж имъ 5763—3, Пс. 1138; гр. ἐκθίβων.	и аггель гнъ стажанс имъ Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф; К докръблѣмъ ихъ
34.9 ¹	възра́гает см о гн 57612, Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Бух, С,	возвращает см о господѣ Киев.
34.9 ²	насладит ся 57613, Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф; гр. τερφθῆσεται.	да насладитъ се К възвесел ся.
34.11	може не вѣдѣхъ 58а3, К; гр. ἀ οὐχ ἔγινωσκον;	и може не вѣдѣхъ Пог 5, -ка Пог 4, Пог, Бух; С не съвѣдѣхъ, -бахъ Бол; Пс. 1138 може не вѣдѣхъ; Киев и може не вѣдѣ.
34.12 ¹	възда́мъ мн лжкава 58аб; гр. ἀνταπ-δīδοσάν μοι πουηρά. К въздаш мн лжкава; Бух зла.	въздающе мн зла Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, С. Бол възда́мъ Пог, Соф
34.15 ²	не познахъ 58а16, Пог 4, 5; гр. οὐχ ἔγνωνу	не чюхъ Пс. 1138, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
34.24	и да не порадоу́жътъ ся 58а5, С; гр. καὶ; К (текст отс.)	(союз и отс.) Пс. 1138, Пог, 4, 5, Пл, Киев, Бол, Пог, Соф, Бух.
35.2	рече...еже съгрѣшати 5963; гр. τοῦ ἀμαρτάνειν К (еже отс.)	да съгрѣшаистви Пс. 1138. Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф; С да съгрѣшаистви.
35.4	не въсхвати разоумѣти єже оублажити 5968—9; гр., οὐκ ἐβούληθη συниéнаи тоū ἀγαθόναι К да вълажи	не възболи разоумѣти да оублажити Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев. Пог, Соф, Бух; Бол да оублажити С и не изволи.

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
35.10	С тебе источникъ живштоу 60а5—6; гр. παρὰ σοὶ πηγὴ ζωῆς Бол оу тебе есть источникъ живштоу Пог, Соф; С есть источникъ жицата.	Ш тебе источникъ живштоу Пс. 1138 Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух.
35.13 ¹	тамо падошк 60а12, К	тоу (падошк) Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух; С тоу паджъ Бол; Пог тоу падж Соф.
35.13 ²	и не възмогж стать 60а14; гр. οὐ μὴ δύνωται.	и не могуутъ стать Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Соф; Пог и не могж.
36.1	не прѣревноуи въ лжкаиногжци ииже 60а16; гр. μὴ παραζήλου ἐν πονη-реюмёноис μηδе...	не ревнуня ико лжкаиновати Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, С, Бол. Соф, -вымъ Пог; К лжкаинож-циимъ -циимъ С, Бух.
36.8	не прѣревноуи макоже лжкаиновати 60б17; гр. μὴ παραζήλου ώστε πο-нгреуеодати.	не ревнуня ико лжкаиновати Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, С, Бол, Пог, Соф; Бух (ико отс.) К еже лж-каиновати; гр. ἐν τῷ πονηρεύεодати S ⁺ .
36.21	щедръть 61б14, К; гр. εἰκάσει.	млюютъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
36.23	стопы члвкоу иэправлѣхт са 62а1, Бол; гр. κατευθύнетαι.	исправетъ се Пс. 1138, Пог 4, 5, К, Киев, Бух, С, Пог, Соф. Пл — поздняя вклейка: испра-вить се.
36.25	юннѣи быхъ 62а4; гр. νεώτερος έγеномъ	юннѣи быхъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Соф; Киев оуна вѣхъ; К юннѣши; Пог вѣхъ.
36.24	ёгда падетъ не разбнет са 62а3, Бол, Киев, Соф, Бух,	не пороуетъ се Пс. 1138, Пл, К, С, Пог; Пог 4, 5 не смѣтит са
36.27	и въсеми са въ вѣкъ вѣка 62а12, К; гр. κατασκήνου εἰς αἰῶνα αἰῶνος.	и живи въ вѣкъ вѣка Пог 4, 5, Киев; Пс. 1138 и живи; Пл и живи; Бол въ вѣкъ вѣкоу Пог, С; Соф въ вѣкъ вѣкоу Бух.
36.34	вънегда потрѣблѣти са грѣшикъ 62б13—14, К; гр. ἐν τῷ ἔξολεθ-реуестати ἀμартѡлоус.	хъ юга потрѣбуетъ се грѣшица Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев., Бух, С, Бол, Пог, Соф.
37.7	пострадау и слакох са 67б10 К, Бух, Бол, Соф, Пог 4, 5; С сълвихъ са Пог.	пострадау и сълвихъ се Пл, Киев смирихъ са.
37.11	ср҃це мое смоутъ са 68а2, С, Бол, Пог, Соф, Бух.	серце мое смоутъ се Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев.
38.2	еже не съгрѣшашъ мн 68б17; гр. τοῦ μὴ ἀμартάνειν με РАИК № 9, Алекс; К (мн отс.) Р.	а не съгрѣшашъ; Бол да не съгрѣшаш Соф, Киев; Пс. 1138 да не съгрѣшаш Пог 4, Пл, Бух, С, Пог; Пог 5 да не съгрѣшашъ.

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
38.5	что бы ляш сж азъ 69а11, Киев; гр. ти ѿстерь.	чесо мышоу се азъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Пог, Соф; К лишам ся.
38.7	съкровиществоуетъ 69б1—2	съкровиществоуетъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев., Бух, С, Бол, Соф; К скровиществоуетъ; Пог събираетъ.
38.11 ²	и изчево ^х 69б10, К; гр. εξέλιπον.	скончах се Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев.; С исконъчах ся Бол, Пог, Соф, Бух.
39.5	и не призрѣ въ соуты 70а17, Бух; гр. εἰς ματαιότητας.	и не призрѣ въ соутыма Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев.; С въ соута Пог, Соф; Бол въ соуда (еже отс.) Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
39.9	еже сътвориша 70б12; гр. τοῦ ποιῆσαι	заступниста мѣ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух.
39.12	застижите мѧ 71а5—6, С, Бол, Пог, Соф.	иже мѣ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, Бол; С на помощь моих прѣзри Бол, Пог, Соф, Бух.
39.13	пожаж мѧ безаконнѧ мѡи 71а8; гр. κατέλαθον	гдѣ на помощь мою вѣльми Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух.
39.14	гдѣ на еже помоци ми потыци ся. 71а12—13; гр. εἰς τὸ βοτρῷσαι мѡи; К (на еже отс.)	гдѣ съхранять и живѣть и Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог; Соф схр. и жив. и оу (Сокращения И. В. Ягича)
40.3	гдѣ съхранять єго и оживиенъ єго 71б13—14	боудеть боудеть Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, С, Пог, Бол; Соф бждетъ и бждетъ Бух.
40:14	вжди вжди 72б9; гр. γένοιτο γένοιτο.	сквозѣ мѣсто крова дневна Пог 4, 5, С, Пог; Пс. 1138 скроѣт; Бол скоеѣ; Соф скозѣ.
41.5	ико преидж въ мѣсто крова дневна 73а4—5, Бух, Киев, К, Пл; гр. єн топѡ.	иуда стояжает мн врагъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев; К вънегда стражаетъ врагъ; С отъ печали врага моего Бол, Пог, Соф, Бух, Пл.
41.10	вънегда стражати врагоу 73б6—7; гр. єн тѡ єхълібен тѡу єхъдрон РАИК № 9, Ф.	иуга стояжает мн врагъ Пс. 1138, Пог 4, 5, С, Бол, Пог, Соф, Бух; К вънегда стражаетъ врагъ; Пс ѿ печали врага.
42.2	вънегда стражати врагоу 74аб; гр. єн тѡ єхълібен тѡу єхъдрон РАИК № 9, Ф.	егда скроуашоу се кости (мѡи) Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев, С, Бол, Пог, Соф, Бух; К вънегда Пл.
41.11	вънегда скроуашти ся кости мѡи 73б8; гр. єн тѡ хатаѳлѣсфай тѡ ѡстѣ мѡи Ф, РАИК № 9.	

Таблица I (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
42.4	и вънідъ къ жртвенноку бѣ 74а11, К; гр. θυσιαστήριον.	и вънідъ къ шлътароу вожю Пл, -ю Пс. 1138, Пог 4, 5, Бух, Бол, Пог, Соф; С къ алтарю.
43.2	дѣло єже съдѣла въ дни яхъ, въ дни прѣкы 74бб	дѣло иже съдѣла въ дни и въ дни прѣкы Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Соф; Бол и въ дни прѣкы Пог, Бух; К въ днехъ и въ днехъ прѣкы; гр. ἐν ταῖς ἡμέ- ραις αὐτῶν, ἐν ἡμέραις ἀρχαῖαις.
43.4 ¹	и въ ѿржжи бѣ своемъ наслѣднш земя 74б8—9; гр. οὐ γὰρ ἐν τῷ ρουφαὶ αὐτῶν.	и въ ѿржжи бѣ скимъ наслѣднш землю Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев, С, Бол, Пог, Соф, Бух; К и въ срѣднѣмъ скимъ Пл.
43.13	преда людн своихъ 75а15	предасть людн своихъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф; К Шадстъ; гр. ἀπέδου.
44.16	въ храмъ црквъ 77б9; гр. εἰς ναὸν βασιλέως.	въ црквъ цркву Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, Соф; С въ цкъвъ црк; Бол црк Пог
44.17	въ мѣсто ищъ твоихъ 77б9—10, К; гр. ἀντὶ τῶν πατέρων σου.	въ штыкъ твоихъ мѣсто Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
45.7 ¹	сматошъ си жзыци 78а13 Бух, Бол, Соф; С сълнца си; Пог смата си.	смоуташе Пс 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев.
45.7 ²	и подвиже си земѣ 78а15; гр. ἐσ- λεύθη	и потресе се землѣ Пс. 1138 Пог 4, 5, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
46.2	възкинкнѣте боу въ гласѣ радости 81а5—6; гр. ἐν φωνῇ ἀγαλλιάσεως.	възкинкнѣте боу гласѣ радости Пс. 1138 Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
47.6	сматошъ си 82а1, Бол, Бух; С съмъсия си Пог, Соф.	съмѹтши се Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев.
47.7	тамо болѣзни 82а2; гр. ἐκεῖ ὠδίνες.	тамо болѣзни Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Соф, Киев; гр. ἐκεῖ ὠδίνες, С болѣзни К, Бол, Пог, Бух.
48.3	живущий въселенїи 82б10—11; гр. ои хатоихоунтес тѣн оікоуменїу.	живущий по вселенїи Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, -ции С, Бол, Пог, Соф.
48.3 ¹	земнороднїи же 82б11; гр. ои тѣ ѹѹгненїс.	земнороднїи же Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
48.3 ²	и съноже 82611—12 <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>К</i> , <i>Бух</i> , <i>Соф</i> ; гр. <i>καὶ οἱ ψοι</i> .	(и отс) <i>С</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Киев</i> .
48.11	штавитъ 83a15 16, <i>С</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> , <i>К</i> ; гр. <i>καταλείφουσιν</i> .	штавитъ <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Киев</i> , <i>Бух</i> ; <i>Пл.</i> оставитъ.
48.12 ¹	храмини ихъ 83a15—16, <i>Пог</i> 4, 5.	храмини ихъ <i>Пс.</i> 1138, <i>Пл.</i> , <i>Бол</i> , <i>Бух</i> ; <i>С</i> в храми ихъ <i>Пог</i> , <i>Киев</i> ; <i>К</i> жилница, гр. <i>οἰκίαι αὐτῶν</i> .
48.12 ²	селента ихъ 83a17, <i>К</i> .	села ихъ <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>Киев</i> , <i>С</i> , <i>Бол</i> ; <i>Пог</i> селъ именъ <i>Соф</i> , <i>Бух</i> .
48.12 ³	на земли 8361, <i>К</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> , <i>Бух</i> , <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4.	на землии ихъ <i>Пог</i> 5, <i>Пл.</i> , <i>Киев</i> , <i>С</i> , гр. <i>ἐπὶ τῷ γαῖᾳ</i> .
48.18 ¹	ико не вънегда ли оумирати емоу штавитъ въскѣ 84a 2—3; <i>Пл</i> (и отс.) оумирѣти емоу прѣиметь въса; гр. <i>δὲ οὐδὲ ἐν τῷ ἀποθνήσ- κειν αὐτὸν λίγῳ φεται τὰ πάντα</i> .	иаде оумирати не штавит ли въскѣ <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Киев</i> ; <i>Бол</i> иаде оумирати не штавитъ ли въскѣ <i>Соф</i> , <i>Бух</i> ; <i>Пог</i> иаде оумирати не штави ли въскѣ; <i>С</i> иаде оумирати и не штавитъ ли въскѣ; <i>К</i> ико егда фмирастъ, не штавит ли въскѣ.
48.18 ²	ниже съннишетъ ємоу слѣ его 84a4—5; гр. <i>οὐδὲ συχαταθήσεται αὐτῷ η δόξα αὐτοῦ</i> .	ниже съннишетъ съ нимъ слава его <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>Киев</i> , <i>К</i> , <i>Бух</i> ; <i>С</i> слава домоу его <i>Пог</i> , <i>Бол</i> , <i>Соф</i> ; и сънде.
49.2	и сънна баголѣпте красоты єго 84a16—17, <i>К</i> , <i>Пл</i> ; гр. <i>ἐκ η εὐπρέπεια τῆς ὡραιστητος αὐτοῦ</i> .	и сънна красота лѣпоты его <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Киев</i> , <i>Бух</i> , <i>С</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> .
49.3	вогрѣ вѣла 8463, <i>К</i> ; гр. <i>κατα- γίς σφοδρά РАИК № 9.</i>	вогрѣ велины, —та <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>Киев</i> , <i>С</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> , <i>Бух</i> .
49.14	матви твоѣ 85.12. <i>К</i> , <i>Пл</i> ,	вѣѣти твои <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Киев</i> , <i>Бух</i> , <i>С</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> ; гр. <i>τὰς εὐχάς</i> .
49.15	иамж та 85a14; гр. <i>έξελοῦμαί σε</i> .	иевавлоу та <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>Киев</i> , <i>Бух</i> , <i>С</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> .
49.16	възпрѣмлени завѣтъ 8562; гр. аналамбѣнис.	принемлени завѣтъ <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>К</i> , <i>Киев</i> , <i>Бух</i> , <i>С</i> , <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> .
49.17	и въръже словеса моя въспомътъ 8564— 5, <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> , <i>Бух</i> ; гр. <i>έξ- βαλες</i> .	въръже <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>К</i> , <i>Киев</i> ; <i>С</i> въвръже.
49.18	сътницаша ємоу 8566—7; гр. <i>α- νέτρεχες αὐτῷ</i> .	течаше (съ нимъ) <i>Пс.</i> 1138, <i>Пог</i> 4, 5, <i>Пл.</i> , <i>К</i> , <i>Киев</i> , <i>Бух</i> , <i>С</i> , —даше <i>Бол</i> , <i>Пог</i> , <i>Соф</i> .

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
49.21	представи прѣмѣцъ 85617, К; гр. парастїѡс.	поставлю предъ лицемъ, —ла Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
49.22	разумѣти же си 86а2, С, Пог, Соф; Бол си.	разумѣти же сиа Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев; Бух си.
50.3	по множеству цидротъ твоихъ 86а10—11, К; гр. катѣ тѣ плѣносъ тѡи оиктирѡи сиу.	по многимъ цидротамъ твоимъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Соф, многими Пог.
50.18	ище бы въскотѣль жртвѣ 87а 14—15, Пл; гр. ѿти еи тѣнѣлъсасъ Ѹсіа.	ище бы въскотѣль жртвѣ Пс. 1138, Пог 4, 5, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
51.3	что хвалити ся въ злобѣ 87611; гр. ти єг҃хавхѣ єн хахіа.	что се хвалити въ злобѣ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, С, Бол, Пог; Соф злобой; Бух о злобѣ.
51.7	прѣсанти та 88а3—4, Пл; гр. метанасѳеусати ся	прѣсанти та Пс. 1138, Пог 4, 5, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
51.2	иѣсть ба 8866; гр. оўх єстив Ѹсіс	иѣсть ба Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
52.5 ¹	сънѣдающи людни моѣ въ иадѣ хлѣба 88617—89а1, гр. ои єсѳонтиес тѡи лаѹи мои єн Ѹрѡсей дѣтоу Ф РАИК № 9.	сънѣдающи людни мои въ хлѣба мѣсто, —щен Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, С, Бол, Пог, Соф, Бух.
52.5 ²	га не призываши 89а1, Пл; гр. ху- рюю S.	га не призываши (-ша) Пс. 1138, Пог 4, 5, К, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф; гр. тѡи Ѹбди.
52.6	тоу оўбоашж ся въззни 89а2, гр. єхѣт єфобѣтъсаш фѣбоу РАИК 9. Бол страха Соф, Бух. С вѣкши ся страха.	тоу оўстрашиша се (страх) Пог 4, 5, Пл, Киев, Пог; К тамо вѣтрашиша ся Пс. 1138.
54.5	смите ся 90а5, Бух, Бол, Пог, Соф, С.	смогти се Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев.
53.7	възврати зла 8965 Пл, Пог 4, 5; К Шврдти, гр. апострѣфи.	възврати зла Пс. 2138, Киев, С, Бол, Пог; Соф възвратиши зла Бух.
54.8	въселих ся 90а11	оудориХ се Пс. 1138, Пог 5; С вѣдориХ ся Пог 4, Пл, К, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф; гр. ѹ- лісѳтъ.
54.12 ¹	иако ище бы врагъ поносилъ мн 90б 4—5, К; гр. ѿти еи ѡ єхѣроs ѿнѣ- бісевъ мѣ Ф, РАИК № 9	(иако) ище бы мн врагъ поносилъ Пл; мн бы Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев, С, Бол, Пог, Соф, Бух.
54.12 ²	трѣпѣль быхъ оўбо 9065—6.	прѣтрапѣль (быхъ ѿбо) Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев; Бух быхъ оўбо; С оўбо быхъ; Бол быхъ (оўбо отс.) Пог, Соф; гр. ѻпѣнєтъ бы.

Таблица 1 (продолжение)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь папы Иоанна
54.15	Ходи́хъ въ єдномыше́нии 906 12—13; гр. ἐν ὁμοίᾳ.	и единомышленнием Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, Бол, Пог; С иноческимъ, —немъ Соф.
54.16	иаку́лъжество въ жианцихъ ихъ 90616. К; гр. πονηρία. РАИК № 9.	иако злоба въ жианцихъ ихъ Пс. 1138. Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
55.3	иако мнози ворожини ми Ш высоты 93613—14; гр. οἱ πολεμοῦντές με ἀπὸ ψυχους; К ворожен ми съвши.	мнози ворожие се съ мною съвши, (ижии ся, ворожен ся) Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
55.8 ¹	ии ѿ чемъже 94а8; Бол ии ѿ чимъже.	ии ѿ чесомъже Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, С, Пог, Соф.
55.8 ²	иарнешин ихъ 94а8—9; Пл Шры- нешин, гр. ὥσεις РАИК № 9; К встакинш.	спаси ихъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев; и С, Соф, Бух, Бол. гр. съсеси абоус.
55.8 ³	въ гнѣвѣ люди ииавѣши 94а9; гр. ἐν ὄργῃ λαοὺς κατάκεις.	гнѣвомъ людъ ииавѣши Бух; ии- авѣши Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бол, Пог, Соф; С ииавѣши и.
55.9	иже животъ мои ииавѣши ти 94а10; гр. ἑξῆγγειλά сол К възвѣстѧхъ тебѣ	воже животъ мои исповѣдахъ тебѣ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф; С исповѣ- дахъ.
55.14 ¹	благодійскъ прѣдъ гдемъ 94б7—8, К, Киев; гр. εὐαρεστήσω Ф, РАИК № 9	благодійскъ прѣдъ гдемъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
56.7	слаковож душъ мої 95а10, Пс. 1138, Пог 4, 5, Бух, К, Соф; С сълышаша Бол, Пог.	смѣришъ Пл; Киев смириша.
56.10	покъ ти въ зыцѣ. 95б1 Пс 1138; гр. φαλῶ сол.	пою тебѣ Пог 4, 5, Пл, Киев, К, Бух; С въспиш Бол, Пог, Соф.
57.2	правоты сждите 95б8—9; Пл пра- вими, гр. εὐθείας Ф. РАИК № 9.	право судите Пс. 1138, Пог 4, 5. Бух, С, Бол гр. εὐθεία; правъ Пог, Соф; К правда.
57.4	штоуѓданш ся грешица 95б12; гр. ἀπηλλοτριώθησαν	штоуѓена више грешица Пог 4, 5, Пл, К, Соф; С оутоуѓдені въ- шам Пс. 1138, Бол, Пог, Бух.
57.5 ¹	иаростъ ихъ по подобиоу замѣни 95б14—15, К; гр. κατατὴν ὁμοί- оасиу	иаростъ ихъ по образѣ замѣни Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев., Бух, С, Пог, Соф, Бол, иаростъ.
57.5 ²	иако аспиды глоухы и затыкаю оўшг сен. 95б15—16, Пл и заты- кающе, С (и отс.) затыкаючи Бол (и отс.) Пог; гр. ὥσεὶ ἀσ- πίδος κωφῆς καὶ βυούστης τὰτα αὐτῆς	иако аспиды глоухы и затыкаю сущий затыкаючи К, Пс 1138, Пог 4; Бух аспидъ глоухы и затыкаючи Пог 5, Киев; Соф аспидъ глоухы и затыкаючи;

Таблица 1 (окончание)

№ псалма и стиха	Норовская псалтырь	Псалтырь попа Иоанна
57.6	йже не слышитъ гласа 95б17; Бол иже С, Пог, Бух, Соф; гр. ἡτις οὐκ εἰσαχοῦσεται	иже не слышитъ Пог 4, 5, К; иже Пс. 1138, Пл, Киев.
57.10	трыни нашего 96а11, К, гр. ἡμῶν Simeon.	трынина нашего Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф; гр. ὑμῶν
57.11 ¹	егда видятъ юмциене 96а14, К; гр. ἐκδίκησιν	мкстъ Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, С, Бол, Пог; Соф
57.12 ¹	оуко есть въ 96б1, Пл, гр. ἀρα έστιν δὲ θεός. К аще е въ.	и ю оуко въ; (и отс.) Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев, Бух, С, Бол, Пог, Соф.
57.12 ²	сѧдъ имъ на земли 96б1—2, Пс. 1138 Пог 4, 5, Пл, К, Киев, С, Соф; гр. κρίνων αὐτοὺς ἐν τῇ γῇ.	сѧдъ на земли; Бол сѧдъ имъ на земли Пог, Бух.
58.2	и ѿ въстанихъ на мѧ низвѣн мѧ 96б4—5, Пл; гр. λύθροσαι με.	и ѿ въстаници на мѧ ѿними ме Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев, С, Бол, Пог; К низви Бух, Соф.
58.4	ниже беззаконіе мѹѣ, ниже грѣхъ ^x 96б10, гр. οὐδε... οὐδε. П 962.	ни беззаконіе мѹе ни (грѣхъ) Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев; С ни беззаконіе же мѹе ни; Бол ни беззаконіе же мѹе ни... Пог, Соф, Бух; гр. οὐτε ... οὐτε
58.3	низвѣн ѿ ѿ въстанихъ беззаконіе 96б6—7; гр. ἐκ τῶν ἐργαζομένων	ѡ творенихъ Пог 4, 5, К-чины С, Бол, Пог, Соф, Бух, Пс. 1138.
58.8	въ оустнѣхъ 97а3, Пс. 1138.	въ оустнахъ Пог 4, 5, Пл, К, Киев, С; Бол въ ѿстнѣхъ Пог, Соф, Бух.
58.12	разженн и въ снахъ твоен 97а12; гр. διασκόρπισον αὐτούς ἐν τῇ δυ- намеи сѹи.	разженн ихъ силою твою Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, (и) С, Бол, Пог, Соф, Бух.

характерным представителем этой редакции И. Буюклиев считает Шоповскую псалтырь¹⁷. Именно эта псалтырь является наиболее близкой к Пс. попа Иоанна и в нашем сопоставлении.

Выводы, которые сделаны на основании рассмотрения первой таблицы сопоставлений, т. е. разночтений Норовской псалтыри и Пс. попа Иоанна, должны быть проверены на материале другой таблицы разночтений, в которой приводятся чтения, общие для Норовской псалтыри и Пс. попа Иоанна, но отличные от чтений Синайской псалтыри.

Вторая таблица сопоставлений подтверждает наш вывод, сделанный на основании рассмотрения первой, о том, что болгарские псалтыри новой правленой редакции показывают большую близость к Псалтыри попа Иоанна: Шоповская псалтырь дает полное

¹⁷ Там же, с. 76.

Таблица 2

Отличия псалтыри попа Иоанна от Синайской псалтыри,
соппадающие с Норовской

	Синайская пс.	Пс. попа Иоанна, Норовская пс.
18.11	въжделана паче злата и камені драга многа; Бол камене драга много- цкни; Соф драгаго (-аго) многа Пог.	камене чѣтна много Ш , Бух , Пл ; Нор честна много К , Киев Ног 4, 5, гр. λιθον τίμιον πολύν.
18.14	поштыди раба своего Пог, Соф.	раба твоего Ш Пог 4, 5, Пл , К , Киев , Бух , Бол ; гр. τοῦ δούλου σοῦ.
19.2	оуслышь тво гн	гъ все остальные.
20.5	дамъ емоу еси Пог; Бол моу;	дамъ еси емоу Ш , Пог 4, 5, Пл , К , Киев , Бух , Соф . гр. ἐδωκας αὐτῷ.
21.15	тко вода излихъ сѧ Пог. гр. εξε- χύθη.	иадыах се Ш , Пог 4, 5, Киев , Бух , Бол ; Пл издаше се; К издаша сѧ, гр. ἐξεχύθη Φ, РАИК 9.
25.2	и ты тяжк мѧ	и истежки ме Ш Пог 4, 5, Пл , К , Бух , Пог , Соф ; Бол мѧ; Киев истежки мѧ; гр. καὶ πειρασόν με.
26.10	а гъ примиатъ мѧ Пог, Бух ; Бол а гъ мѧ примиатъ Соф ,	гъ же примиат ме Пог 4, 5, Пл ; К въсприят мѧ Киев ; гр. δὲ κύ- ριος προσελάβετο με.
27.3	съ твориаштим Соф , -цини мѧ Бол , Пог, Бух .	съ дѣлающими Пог 4, 5, Пл , Киев , -цини мѧ К ; гр. μετὰ ἐργαζομένων.
28.6	възлюбленъ; Бол възълюблен.	възлюбленни Пог 4, 5, Пл , Киев , К ; Пог възълюбленъ Соф , Бух ; гр. δὲ ἡγαπημένος.
30.11 ¹	тко осюдѣ болѣзни жівотъ мѹи Бол , Пог, Соф.	тако оскудѣ въ болѣзни Пог 4, 5, Пл , К , Киев , Бух ; гр. ἐν ὀδύνῃ.
30.11 ²	кости мѹи съмѣши сѧ Пог, Соф.	смоутнисе Пог 4, 5, Пл , К , Киев ; Нор сматоша сѧ Бол , Бух .
31.1	блажені имъже сѧ.....ть безакон- ненѣк; Бол ѿпушена сѧть безаконни Соф ; Пог нѣкже ѿсташа безаконни.	имже ѿпуштиша се безаконна Пог 4, 5, Пл , К , Киев , Бух ; гр. ἀφέθησαν αἱ ἀνομίαι.
31.5	нечисти Бол , Пог, Соф.	нечисти 4, 5, Пл , К , Киев , Бух .
31.6	въ врѣмѧ подобѣно	въ врѣмѧ поѣдѣно Пог 4, 5, Пл , Бух , Бол , Пог , Соф ; К блгопо- тѣдѣно Киев ; гр. εὑθέτω.
33.18 ¹	възѣдавши праведнинци	възѣдавше праведнныи Пог 4, 5, Пл , К , Киев , Пог , Соф ; Бол праведнн Бух ; гр. οἱ δίκαιοι.
33.18 ²	гъ оуслыша икъ Бол , Пог, Соф.	услыша икъ Пог 4, 5, Пл , К , Киев , Бух ; гр. έισήχουσεν αὐτῶν.

Таблица 2 (продолжение)

	Синайская пс.	Пс. попа Иоанна, Норовская пс.
33.21	и и единна отъ нихъ не съкроушитъ ся <i>Бол, Пог, Соф.</i>	и единна ѿ иныхъ не съкроушитъ се <i>Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух;</i> гр. єн єхъ автѡн.
34.12 ²	въз добра <i>Бол, Пог, Киев, Соф, Бух;</i> гр. ἀντὶ χαλῶν. <i>Пс. 1138</i> въз добра.	въз блага <i>Пог 5, Пл, К; Пог 4</i> въз благ; гр. ἀντὶ ἀγαθῶν Alex. Ф. РАИН № 9.
35.8	на крокъ крѣлу твою надѣжть ся <i>Бол.</i>	на крокъ крѣлу твою надѣжть се <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Соф;</i> гр. εἰς σχέπτη <i>С. К</i> въ крокѣ <i>Пл, Бух, Пог,</i> гр. єн σχέπτη. <i>Кiev-</i> въ крокъ . . . надѣю ся.
35.10	оу тебе есть источникъ жївота; <i>Бол</i> животоу <i>Пог.</i> гр. παρὰ σοι.	оу тебе есть источникъ животоу <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев;</i> Нор оу тебе (в гр. связка отс.)
35.13 ¹	паджъ <i>Бол;</i> <i>Пог</i> падж <i>Соф.</i>	падша <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух;</i> гр. ἐπεσον.
36.14 ¹	оржне извѣши <i>Бол, Пог.</i>	ароужие извѣкоша <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, Соф.</i>
36.14 ²	грѣшни <i>Пог, Пог 4.</i> гр. οἱ ἄμαρτωλοι.	грѣшницы <i>Пс 1138, Пог 5, Пл, К, Киев, Бол, Соф, Бух.</i>
36.17	мышыци <i>грѣшни</i>	мышь <i>грѣшны</i> <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф.</i>
36.18	съвѣсть гъ путь <i>Бол, Пог, Соф, Бух, К, Пл.</i>	съвѣсть господъ путъ <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев;</i> гр. τὰς δόδοις.
36.21	праведникъ же	праведни же <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Пог, Соф, -ны Бол, Бух;</i> гр. ὁ δὲ δίκαιος.
39.11	не потай <i>милости твою</i> <i>Бол, Пог, Соф, Бух.</i>	не потанхъ <i>милость твою</i> <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Киев;</i> К не съкрыхъ- гр. οὐ ἔκρυψα τὸ ἔλεός σου.
40.4	въсе ложе его обратна естъ въ неджъ его	все ложе его обратналь еси въ недоугъ его <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, Бол, Пог, Соф;</i> гр. ἑστρεψας. К въ болѣзни его
42.2	ко тѣ еси бже крѣпостъ моя <i>Бол, Пог, Соф, Бух, Пл.</i>	ко тѣ еси бе дрѣжда моя <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, К, Киев.</i> гр. κρα- талома.
44.4	прѣпокши ся жржнемъ твоимъ; <i>Бол</i> шржнемъ <i>Пог, Соф</i>	препомаши ароужие <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К, Киев, Бух;</i> гр. περιέωσαι τὴν ῥομφαίαν.
47.6	подвигашимъ ся <i>Бол, Пог, Соф,</i> <i>Пс. 1138</i>	подвигаше (3 л. мн. ч.) <i>Пог. 4, 5, Пл, К, Киев, Бух.</i>

Таблица 2 (окончание)

	Синайская пс.	Пс. попа Иоанна, Норовская пс.
48.11	безоумънъ съ несъмъслънъимъ по- гыбнетъ	безоумънъ и несъмъслънъ погыбнета <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, К, Киев, Бух; Бол</i> безоумънъ и несъмъслъ- ленъ погыбнетъ <i>Пл; Пог</i> безоумъ- нн и несъмъслън погыблатъ; <i>Соф</i> погыбнетъ ἄφρων καὶ ἀνους ἀπο- λόбутαι.
48.12	нарѣшил <i>Бол, Пог, Соф.</i>	нарекоше, -шж <i>Пс. 1138, Пог 4,</i> <i>5, Пл, К, Киев, Бух.</i>
48.15	вътрінж съ;	изрѣноше се, -шж ся <i>Пс 1138,</i> <i>Пог 4, 5, Пл, Киев, Бух, Бол</i> Пог гр. ἐξωθησαν Alex. ФРАИК 9 К изрѣненіи въмѣш <i>Соф</i>
48.18	слава домоу его <i>Бол, Пог, Соф.</i>	слава его <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл,</i> <i>К, Киев, Бух; гр. ἡ δόξα αὐτοῦ.</i>
49.20	сканьдѣль <i>К.</i>	съблазнъ <i>Пс. 1138 Пог 4, 5, Пл,</i> <i>Кiev, Bol, Pog, Sof, Bux.</i>
54.5	страхъ съмрѣтины <i>Киев.</i>	стра ^х смрѣти <i>Пс. 1138, Пог 4, 5,</i> <i>Пл, К, Бух, Bol, Pog, Sof;</i> гр. δειλία θανάτου.
55.14 ²	въ странѣ	въ скѣтѣ <i>Пс. 1138, Пог 4, 5,</i> <i>Пл, К, Киев, Бух, Bol, Pog,</i> <i>Sof; гр. ἐν φωτὶ.</i>
56.10	въспомѣж <i>Соф.</i>	пож <i>Пс. 1138, Пог 4, 5, Пл, К,</i> <i>Киев; гр. φαλῶ.</i>
57.6	гласа обакающаго <i>Бол, Соф, Пл,</i> —щааго <i>Пог, Бух.</i> гр. ἐπαδонтоς <i>П.</i> 862.	гласа обакающихъ <i>Пс. 1138, Пог 4,</i> <i>5, К, Киев.; гр. ἐπαδόντων.</i>
57.10	прѣжде даже не разоумѣкъ <i>Пог;</i> не разоумѣкете <i>Бол, Соф, Бух;</i> не разоумѣж <i>Пс. 1138.</i>	прѣжде даже не разоумѣти <i>Пог 4,</i> <i>5, Киев; (не отс.) К, Пл. гр.</i> прѣжде даже не разоумѣти <i>Пог 4,</i> <i>5, Киев; (не отс.) К, Пл. гр.</i> прѣжде даже не разоумѣти <i>Пог 4,</i> <i>5, Киев; (не отс.) К, Пл. гр.</i>
58.5	тѣхъ <i>Бол, Пог.</i>	текохъ <i>Пс. 1138, Пог 4, 5. Пл,</i> <i>К, Киев, Бух, Соф.</i>
58.6 ¹	не помилуоги <i>Бол, Пог, Соф, Бух.</i>	не ощадарн <i>Пс. 1138, Пог 4, 5,</i> <i>Пл, К, Киев; гр. μὴ οἰκτίρητος.</i>
58.6 ²	въсѣхъ твориющихъ <i>Бол, Пог,</i> <i>Соф, Бух.</i>	всѣхъ дѣлающихъ <i>Пс. 1138, Пог 4,</i> <i>5, -ни Hor, Пл; вси дѣлающи</i> <i>К, Киев.; гр. πάντας τούς ἔργαζο- μένους.</i>
58.17	въ день печали моей <i>Бол, Пог,</i> <i>Соф, Бух, Пс. 1138, Пог 4, 5,</i> <i>Пл, К, Киев; гр. ἐν ἡμέρᾳ θλί- ψεώς μου.</i>	въ день печали моей

совпадение — 7 совпадений из 7-ми сопоставлений; Псалтырь № 1138 — 23 из 26; Погодинская № 4 — 42 из 44; Погодинская № 5 — 43 из 44; Пловдивская — 37 из 44-х. Меньше совпадений в Бухарестской псалтыри — только 31 из 44-х; это самое меньшее число совпадений из всех псалтырей новой правленой редакции. Кирилановская псалтырь XV в., написанная на Руси, дает примерно то же число совпадений с Псалтырем попа Иоанна, что и Пловдивская псалтырь — 36, а Киевская псалтырь 1397 г., написанная по русской орфографии, показывает еще большую близость к Псалтыри попа Иоанна — 40 совпадений из 44-х случаев. Данные первой и второй таблиц позволяют отнести Киевскую псалтырь к группе псалтырей новой правленой редакции.

Таким образом, как в сходстве с Норовской псалтырью, так и в своих отличиях от нее, псалтыри новой правленой редакции в подавляющем большинстве случаев совпадают с псалтырем попа Иоанна, т. е. так же, как и эта последняя, могут быть отнесены к святогорской редакции.

2. *Отношение псалтыри попа Иоанна и Норовской псалтыри к Синайской псалтыри и другим псалтырям архаической редакции.* Во второй таблице сопоставлений насчитывается 44 разнотечения с Синайской псалтырью как у Псалтыри попа Иоанна, так и у Норовской псалтыри (поскольку в этом списке представлены общие чтения этих двух псалтырей). По первой таблице (в которой чтения Псалтыри попа Иоанна отличаются от Норовской) насчитывается 70 разнотечений Псалтыри попа Иоанна с Синайской псалтырью. Приведем адреса этих разнотечений: 18.12*, 19.2*, 19.4, 19.9*, 20.5*, 21.15*, 21.19, 21.25*, 21.27, 22.5*, 27.2¹, 27.3², 27.7^{2*}, 28.7, 28.8*, 28.9², 28.10¹, 28.10², 30.6², 30.7, 30.10*, 30.11^{2*}, 30.23*, 31.3, 31.5*, 32.20, 33.21*, 34.3, 34.9^{1*}, 34.9^{2*}, 34.11*, 34.24, 35.2, 35.10*, 35.13^{1*}, 36.1, 36.27*, 37.7*, 37.11*, 38.11^{2*}, 39.5*, 39.12*, 39.13, 39.14*, 41.10*, 44.16, 45.7^{1*}, 47.6*, 48.11*, 48.12¹, 48.18^{1*}, 48.18^{2*}, 49.17*, 49.22*, 52.6, 54.5*, 54.8*, 54.12*, 54.12^{2*}, 54.15, 55.8^{2*}, 55.8^{3*}, 55.9, 56.7*, 56.10*, 57.4, 57.5^{2*}, 57.12^{2*}, 58.4*, 58.12*.

Всего по двум спискам насчитывается 114 разнотечений Псалтыри попа Иоанна с Синайской псалтырью, в то время как разнотечений с Норовской псалтырью (см. первую таблицу) было 145. Отсюда следует, что Норовская псалтырь и Псалтырь попа Иоанна представляют разные редакции, так же как разными редакциями признаются Синайская псалтырь и Псалтырь попа Иоанна, единство которой с псалтырями новой правленой редакции было выше доказано.

Чтобы установить полную картину отношений Псалтыри попа Иоанна и Норовской псалтыри к архаической редакции, нельзя ограничиться только Синайской псалтырью, нужно учесть также и отношение к среднеболгарским псалтырям архаической редак-

* Звездочкой отмечены чтения Псалтыри попа Иоанна, отличающиеся от всех псалтырей архаической редакции.

ции. Из 70 разночтений Псалтыри попа Иоанна с Синайской псалтырью, в 22-х случаях зафиксированы совпадения чтений с какой-либо из среднеболгарских псалтырей архаической редакции (Болонской, Погодинской, Софийской). В оставшихся 48-ми случаях представлены, следовательно, самостоятельные чтения Псалтыри попа Иоанна, отличные от псалтырей архаической редакции. Во второй таблице — 29 самостоятельных чтений, а всего по двум таблицам 77 отличий от архаической редакции.

Отличия Норовской псалтыри от Синайской по 1 таблице составляют 132 случая, в том числе отличия от всех среднеболгарских псалтырей архаической редакции — 114 случаев. По второй таблице отличия Норовской псалтыри от Синайской составляют 44 случая, а отличия от среднеболгарских псалтырей архаической редакции — 29 случаев. Таким образом, в сумме по двум таблицам отличия Норовской псалтыри от Синайской составляют 186 случаев, а от среднеболгарских псалтырей архаической редакции — 143 случая.

Итак, Норовская псалтырь отстоит дальше от архаической редакции (143 разночтения), чем Псалтырь попа Иоанна (77 разночтений), а следовательно, и другие псалтыри святогорской или новой правленой редакции

Из 48 случаев самостоятельных чтений Пс. попа Иоанна, отличающихся как от Норовской псалтыри, так и от псалтырей архаической редакции, можно выбрать диагностические тексты для определения святогорской редакции Псалтыри. Это такие тексты, в которых все или большая часть псалтырей новой правленой редакции дают единое чтение.

3. *Отношение псалтырей разных редакций к греческому тексту.* Мы уже говорили о том, что создание новой редакции псалтырного текста преследовало цель приближения перевода к греческому подлиннику. В правленой редакции Псалтыри, созданной в XIV в., прослеживается стремление к дословности перевода, которое проявляется в попытке найти соответствие каждому элементу греческой фразы, сохранить количество слов, равное количеству слов в предложении подлинника, сохранить порядок слов, передать греческие синтаксические конструкции, глагольное управление, artikel и некоторые другие формы. В словообразовании наблюдается усиление калькирования греческих словообразовательных моделей, в лексике — рост числа греческих заимствований, семантических калек. Почти все эти особенности нашли отражение и в приведенных выше разночтениях. При этом создатели новой редакции либо дают свой вариант, либо из существующих вариантов архаической редакции выбирают тот, который в большей мере отвечает принятому принципу перевода.

Сопоставление Норовской псалтыри с псалтырями святогорской редакции показывает, что наряду с общими чтениями эти две правленые редакции имеют существенные отличия. При этом Норовская псалтырь представляет текст со значительно большими изменениями по отношению к архаической редакции, чем святогорская

редакция. Кроме того, эта рукопись изобилует гречизмами, которые нарушают закономерности славянского употребления, и такие гречизмы не находят или почти не находят места в правленой редакции Псалтыри, созданной на Афоне и канонизированной патриархом Евфимием.

Уже чисто количественные показатели говорят о том, что текст Норовской псалтыри ближе к греческому тексту, чем текст свято-горской редакции: в первой насчитывается 105 греческих соответствий, во второй — только 25, в том числе 8 греческих вариантов которые дают соответствия в обоих рядах. Во второй таблице греческих соответствий больше к псалтырям правленой редакции, чем к Синайской псалтыри: первые насчитывают 33 соответствия, вторая — только 5.

Не останавливаясь на анализе лексических (словообразовательных) и морфологических соответствий, которые ясны из приведенного текста, рассмотрим подробнее синтаксические гречизмы.

I. Стремление найти соответствие каждому элементу греческой фразы проявляется в следующих особенностях.

1) Наблюдается употребление предложной конструкции там, где в славянском данном значение более естественно выражается беспредложной конструкцией. Например: 36.1 *Нор* не *πρέκνομ^η κα* *λήκακνου^χτι* в соответствии с гр. *μὴ παραχέλου ἐν πονηρευμένοις*. В псалтырях свято-горской редакции так же, как в псалтырях архаической редакции, здесь употреблен дательный падеж.

2) Очень часто в Норовской псалтыри употребляется предложная конструкция «*κα* + местный падеж» в соответствии с гр. «*ἐν+* дательный падеж», что в самом греческом является гебраизмом. В славянском этому обороту обычно соответствует творительный беспредложный в различных функциях. Например: 43.4 *Нор* не *κα ὥργιν* *βῶ* *своēмъ* *наслѣдншж* зема — гр. *οὐ γὰρ ἐν τῷ ρ̄ομφαιᾳ*. В остальных псалтырях, как в Синайской — творительный падеж. См. также 30.10; 46.2; 54.15; 55.8; 58.12.

3) Греческий артикль при целевом или объектном инфинитиве последовательно передается в Норовской псалтыри с помощью частицы *εже*. Например: 38.2 *Нор* *ρ̄έχα* *сахрана* *пжтн* *мож* *εже* *не* *сагрѣшил^η* мн. — гр. *τοῦ μῆ αἰματάνειν* мс РАИК 9, Алекс. Конструкция с *εже* сохраняется в данном случае также в Кирииановской псалтыри, где отсутствие местоимения связано с греческими вариантами. См. также 35.2; 39.9.

4) Инфинитив с артиклем в греческом может быть употреблен с предлогом. Эта конструкция также дословно передается в Норовской псалтыри. Например: 39.14 *гн* *на* *εже* *помоцн* *мн* *погицн* *са*. — гр. *εἰς τὸ βοηθῆσαι* *μοι πρόσχες*. В другом случае, встретившемся среди наших примеров, греческий текст *ἀπὸ τοῦ* *χρῆσιν* *μεῖδην* *τὴν ἡμέραν* (31.3) переведен в архаической редакции славянской псалтыри с помощью причастного оборота, в Болонской и Погодинской — с помощью дательного самостоятельного

зокажиоу мн къса денъ. В Норовской псалтыри оставлена эта конструкция, но в соответствии с греческим добавлены слова ὅτι же.

5) В греческом языке artikelъ может быть отделен от существительного, к которому он относится, другими словами. Эта конструкция также может калькироваться в славянском тексте. Например: 151.7 Нор. *ձա же նչելքը էյժ ՛ո մե՛*; Пл *իստրցъ նյժ օւ ներ մե՛*, что соответствует гр. ἐγώ δὲ σπασάμενος τὴν παρὰ αὐτοῦ μάχαιραν. В Пс. попа Иоанна соответствие греческому artikelю опускается: *ձա же նշտրցъ ՛ո մե՛*; та же конструкция в Псалтыри 1138 г. и в Киевской псалтыри; в Киприановской псалтыри — *նշտրցъ մե՛* ՛ո ներ. Примеров такого типа в сопоставляемых отрезках текста не встретилось.

II. Наряду с желанием дать соответствие каждому элементу греческого текста, что приводит к вставке слов или частиц, в славянском тексте излишних, наблюдается и обратная тенденция — тем или иным способом убрать из славянского текста слова, которым нет соответствия в греческом. Это наблюдается в следующих случаях.

1) Предложная конструкция заменяется беспредложной в соответствии с греческим текстом. Например: 48.2 *Нор յիշյան կը սեղն յ* — гр. οἱ κατοικοῦντες τὴν οἰκουμένην. В других псалтырях правленой редакции, как и в архаической редакции — по *կը սեղն*; 55.3 *Нор յակ մնօն բօթան մա ՛կ մօտց* — гр. οἱ πολεοῦντες μὲ ἀπὸ ὕφους. В этом примере по сравнению с архаической редакцией произведено двоякое изменение текста: предложная конструкция *բօթան մա* заменена беспредложной, а наречие *մօտց* заменено предложной конструкцией. Этим достигается точное повторение греческого текста. Во всех псалтырях новой правленой редакции, кроме Киприановской, повторен приведенный текст Синайской псалтыри. См. также 48.18, 49.18.

Замена предложной конструкции беспредложной в соответствии с греческим текстом встречается и в псалтырях новой правленой редакции: 20.5 *С յիշու պրօւ օւ տե՛* (то же *Бол, Пог*). Во всех псалтырях новой правленой редакции — *յիշու պրօւ* тн є, где, как и в греческом предлог отсутствует: ζωὴν ἡτήρατο σε. В Норовской псалтыри не только сохраняется количество слов, но калькируется и управление: *պրօւ տա*.

2) Пропускается глагольная связка в соответствии с греческим текстом. Например: 23.1 *Нор ընէ զմնէ ն նըլանենէ էյ* — гр. τοῦ κυρίου ἡ γῆ. Во всех псалтырях новой правленой редакции, кроме Пловдивской, имеется связка, как и в псалтырях архаической редакции. Однако примеры пропуска связки встречаются и здесь.

3) Греческие формы страдательного залога, которые в архаической редакции обычно передаются страдательным причастием со связкой, в Норовской псалтыри, как правило, представлены страдательными формами глаголов на *са*. В псалтырях новой

правленой редакции подобные замены встречаются значительно реже. Приведем примеры.

57.4 *Нор* югоу́жднш са грѣшици — гр. ἀπηλλοτριώθησαν. В псалтырях новой правленой редакции, как и в Синайской, находим страдательное причастие со связкой: оутоужденіи вѣща, юоужденіи бышж.

31,1 *Нор* блаженнѣйшъ юпоустынш са безакониа. Ту же форму находим в псалтырях новой правленой редакции: Пс. попа Иоанна иже юпоустынш се безакониа *Пог* 4.5, *Пл*, *К*, *Бух*, *Киев* в соответствии с гр. μαχάριοι ὃν ἀφέθησαν αἱ ἀνομίαι; ср. *Бол* блаженнѣйшъ юпоустынш съгъ безакониа.

4) Соответствие в количестве слов достигается также заменой словосочетания из двух слов одним словом. Например: 105.24 С не тася вѣра *Пог*; К не аша вѣра *Пс.* 1138, *Пл*, *Киев*, чему в Норовской псалтыри соответствует не вѣровашж — гр. οὐκ επίστευσαν. Среди примеров нашего сопоставления также встретились два случая, когда словосочетанию из двух слов в псалтырях архаической и новой правленой редакции будет соответствовать одно сложное слово в Норовской псалтыри: 24.8 С сего ради законъ дасть *Бол*, *Пог*, *Ш*, *Пог* 4, 5, *Пс.* попа Иоанна, *Бух*, *Киев*. В Киприановской и Пловдивской псалтырях, как и в Норовской: законоположитъ — гр. νομοθετήσει. См. также 24.12.

III. Изменение порядка слов в соответствии с греческим текстом более последовательно представлено в Норовской псалтыри, чем в псалтырях новой правленой редакции. Рассмотрим примеры.

В славянском тексте в форме перфекта краткая форма местоимения стоит обычно между причастием и вспомогательным глаголом, например: 20.5 Бол даъ моу еси. Полная форма может стоять как перед, так и после вспомогательного глагола. В том же месте в Синайской и Погодинской псалтырях находим: даъ емоу еси. В Норовской псалтыри и псалтырях новой правленой редакции местоимение стоит на конце: даъ еси емоу, что соответствует гр. καὶ ἔδωκας αὐτῷ.

Замена краткой формы местоимения полной формой с изменением порядка слов встречается и при глаголах на са, например: 6.6 *Нор* къ адѣ же кто исповѣста са тѣбѣ 17а13; В Киевской псалтыри къ адѣ же кто исповѣста ти са К, *Пл*.

2) Часто в Норовской псалтыри встречается перестановка послелога РАДН в положение перед словом, к которому он относится. Например: 30.4 *Нор* ради именъ твоего, гр. ἐνεκεν τοῦ δινόματά σου.

Один такой пример зафиксирован и в наших сопоставлениях: 24.8¹ *Нор* ради сего, гр. διὰ τοῦτο. В остальных псалтырях сего ради.

Изредка перестановка послелога ради на место предлога встречается и в Киприановской псалтыри.

IV Конструкция *какогда + инфинитив + Дат. субъекта* является в Норовской псалтыри регулярным соответствием греческому септуагентизму *ἐν τῷ + inf. + Acc. subj.*, например: 36.34 *ἐν τῷ ἔστεθε
ρεύεσται ἀμαρτωλός* в *Нор* передано: *какогда погреблѣти са грѣшилъ*. Та же конструкция в Киприановской псалтыри. В других псалтырях представлена конструкция с личной формой глагола. 48. 18 *Нор* *ιάко не какогда ли оумирати емоу* *оставитъ късъ* — гр. *οὐδὲ οὐκέτι εἰν τῷ ἀποθυνήσκειν αὐτὸν λήμφεται τὰ πάντα, С* *ижде оумирати не оставитъ ли късъего.* В других псалтырях кроме Пловдивской представлено причастие или личная глагольная форма. См. также 41.10; 42.62; 41.11. 41.10 *Нор* *какогда стжжати врагоу* — гр. *ἐν τῷ ἐκθλίβειν τὸν ἔχθρον,* РАИК 9, Ф; *С* *отъ печали врага* *моего Бол, Пог, Соф, Бух;* в других псалтырях — личная форма глагола. Оборот этот часто встречается в Киприановской и Киевской псалтырях. См., например, 29.10; 27.2; 30.14.

V. Единичными примерами отражены в нашем сопоставлении различия в употреблении полных и кратких форм прилагательных и причастий. Между тем в Норовской псалтыри довольно четко прослеживается тенденция к употреблению кратких форм прилагательных и причастий в соответствии с прилагательными и причастиями, употребленными в греческом тексте без артикля. Например: 21.27 *Нор* *иадати ици*, где субстантивированное прилагательное в краткой форме употреблено в соответствии с гр. нечленной формой *πένητες.* 34.12 *Нор.* *къздахъ мн лжака* — гр. *ἀνταπεδίδοσάν μοι πονηρά.* И в том, и в другом случае в остальных псалтырях употреблены полные формы. 28.9 *Нор* *гласъ гна съвр-
щажци єлени* — гр. *φωνὴ κυρίου καταρτιζομένη ἐλάφους* Ф, РАИК 9. В других псалтырях здесь употреблена полная форма причастия в соответствии с греческой формой р. п. *καταρτιζομένου*, употребленной без артикля: *С* *съвршаша жига^{ро}*

VI. Среди различий в употреблении падежей, кроме рассмотренных выше примеров на предложное и беспредложное употребление падежей, следует отметить различия в употреблении родительного, винительного и именительного падежей при отрицании. Например: 21.25 *Нор.* *ии ѿбратилъ єстъ лище свое ѿ мене* — гр. *οὐδὲ ἀπέστρεψεν τὸ πρόσωπον αὐτοῦ.* В псалтырях архаической редакции и большинстве псалтырей новой правленой редакции *лица* *своего.* 52.2 *Нор* *нѣста ба* — гр. *οὐκ ἔστιν θεός,* в других псалтырях *нѣста ба.*

Замена родительного при отрицании винительным встречается также и в псалтырях новой правленой редакции, однако реже, чем в Норовской псалтыри. Один пример встретился в тексте нашего сопоставления: 39.11 *С* *не потайхъ мности твоемъ Бол,
Пог, Соф, Бух, Пл.* В остальных псалтырях новой правленой редакции, как и в Норовской, *мности твожъ.*

Ряд других различий в употреблении падежей в Норовской псалтыри и псалтырях новой правленой редакции не нашли отражения в материале нашего сопоставления, видимо, потому, что святогорская редакция и «современная российская псалтырь» в этих местах не содержат различий.¹⁸

Можно полагать, что редакция Норовской псалтыри была создана ранее святогорской редакции, что это один из первых опытов создания нормализованного книжного языка на основе правки по греческим моделям, крайности которого были позднее преодолены.

4. Судьба святогорской редакции на Руси. Рассмотрим далее особенности псалтырей, переписанных на Руси, — Киевской 1397 г. и псалтыри митрополита Киприана XV в. В третьей таблице, приведенной ниже, в левом столбце помещены чтения Киевской и Киприановской псалтырей, отличные от псалтырей новой правленой редакции, в правом — чтения новой правленой редакции по Пс. попа Иоанна¹⁹ или чтения из псалтырей Киевской и Киприановской, совпадающие с чтениями новой правленой редакции. Чтения, совпадающие в Киевской и Киприановской псалтырях, цитируются по Киевской псалтыри как более ранней. Кроме того особые чтения Киприановской псалтыри приводились еще в первых двух таблицах.

Сопоставление псалтырей, написанных на Руси — Киевской 1397 г. и Киприановской XV в., позволяет сделать следующие заключения.

Более ранняя Киевская псалтырь ближе к святогорской редакции, чем псалтырь XV в. Отличия Киевской псалтыри от Пс. попа Иоанна наблюдаются примерно в 40 случаях, в то время как отличий Киприановской псалтыри более 100, иначе говоря, эти отличия могут характеризовать Киприановскую псалтырь как псалтырь другой редакции (следует, правда, учитывать характер выборки разнотений, которая более полно характеризует своеобразие русских псалтырей, чем южнославянских. Напомним, что по первому списку Киевская псалтырь дает 35 отличий от Пс. попа Иоанна, а Киприановская — 80).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что до 31-го псалма текст Киевской псалтыри ближе к Киприановскому, чем в дальнейшей выборке. Создается впечатление, что в начальных псалмах они восходят к общему протографу (30 разнотений с Пс. попа Иоанна из 40 относятся к этим псалмам). Но затем протограф Киевской псалтыри изменяется — ее текст начинает следовать тексту святогорской редакции (в следующих псалмах с 31-го по

¹⁸ Вопрос об употреблении падежей в Норовской псалтыри в сопоставлении со среднеболгарскими псалтырями новой правленой редакции рассмотрен в докладе и статье: Чешко Е. В. Особенности падежного синтаксиса в среднеболгарских псалтырях правленой редакции. — Първа комплексна международна конференция по българистика, посветена на I 300-годишнина от създането на Българската държава. Шумен, 25.IV—1.V 1979 г.

¹⁹ Чтения Пс. попа Иоанна даются без указания источника.

Таблица 3

*Отличия Киевской и Киприановской псалтырей
от псалтырей святогорской редакции*

Псалом стих	Чтения, отличные от новой правленой редакции	Чтения, совпадающие с новой правленой редакцией
18.12	Киев съхранинъ ихъ	вънега съхранинъ ихъ <i>К.</i>
18.14	Киев аще не оудолѣютъ мн <i>К.</i>	аще мн не оудолѣютъ <i>Нор</i>
19.4	Киев всѣ сожженія	всесъжегамои
20.6	Киев велѣніе <i>К.</i>	велѣніе <i>Нор.</i>
21.15	Киев распаша см <i>К., Нор.</i>	разидаше; С разида см
21.16	Киев свѣл мѧ еси <i>К., Пл.</i>	свѣде ме <i>Нор</i> хатѣзасъ ѿ ш матизмѣ мои
21.19	Киев о одежнъ моен;	
	К Ѱ дѣжды моен <i>Пл., Бух.</i>	
21.22	Киев и ѿ рогъ единорожъ <i>К.</i>	инорожъ <i>Нор</i>
21.25	Киев на Шврати лица	на Шврати ^{ст} и лица
	К на Шврати же лица	
21.32	Киев рожьшнм см. <i>Бол.</i>	родеши м се
	К рожьшнм см	
22.2	Киев на мѣстѣ злачнѣ тамо <i>К.</i>	въ мѣстѣ паствнѣ тоу
22.5	Киев яко державна <i>Нор, К</i>	код державна
23.10	Киев црь славы <i>К.</i>	црь славѣ <i>Нор</i>
24.7	Киев ради благости твоемъ <i>К., Нор.</i>	благотине твоемъ ради
24.8 ²	Киев законъ положить	законъ да
	К законоположитъ <i>Нор.</i>	
24.8 ³	Киев на поутъ <i>К., Бол.</i>	<i>Пл</i> на поутъ
24.12	Киев законъ положить <i>К.</i>	законъ поставитъ
24.17	К ѿ вѣдѣ монхъ йзвѣдѣ мѧ	изведи ме
	Киев избѣди мѧ <i>Нор, Бол., Пог.</i>	
26.10	Киев г҃ъ же въспрѣйт мѧ <i>К.</i>	принѣть ме <i>Нор</i>
	проселѣбето ме.	
27.1	Киев къ тебѣ гн въззову бѣ мой и не премолчайши ѿ мене <i>К.</i>	въззову . . . и не прѣмлѣчи <i>Нор</i>
27.2 ²	Киев вънегда въздѣти мн роуцѣ мон къ цркви стѣни твоен <i>К., Нор.</i> (въздѣти).	вънегда възѣю
27.3	Киев и с дѣлающи неправдоу <i>Нор</i> , — афиїми <i>К. Пл.</i>	беззаконіе
27.7 ¹	Киев на ны оупова срѣде мое <i>К., Нор.</i>	на того
27.7 ²	К поможе мн	Киев и помоющи мн бы
28.6	Киев яко снъ единоро; <i>К єдинорождъ</i>	инорожъ
28.9 ³	Киев всмѣ кто глагъ <i>К., Нор.</i>	въсакъ иже глагътъ

Таблица 3 (продолжение)

Псалом стих	Чтения, отличные от новой правленой редакции	Чтения, совпадающие с новой правлевой редакцией
28.10 ¹	Киев и скднть гъ црь въ вѣкъ К., Нор.	скднть (гъ отс.) црь въ вѣкън иогда сънидоу
29.10 ¹	Киев виегда си. .нти ми Нор; К виегда съходнти ми	
30.6	К въ ржкы твою прѣдам	Киев в роуцѣ твою предаю дѣхъ мон
30.10	К смѣти си ѹростъ Бол.	Киев смогти си ѹростъ бко мое шкроудѣ Нор
30.11 ¹	Киев нечезе К гр. єзѣліпен	
30.12	Киев въ всѣ врагъ мон К.	паче всѣхъ врагъ Нор
30.14	Киев виегда сорвти си имъ вкоупѣ К, Нор(коупно)	д игла смыраю се коупно
30.23 ¹	Киев аз же рѣхъ въ настоуплени моемъ К.	въ оужасѣ Нор
30.23 ²	К вънегда възка	Киев ёгда взовоу к тобѣ
31.6	Киев во время благопотребно К. Гр. єзѣтѡ	въ врѣмѣ потрѣбно
33.21	К хранн	Киев схранитъ гъ всѣ кости йхъ
34.1	К възвѣрніи борющжъ ми; Нор борющніимъ ми	Киев възвѣрніи борюцим са со мною.
34.3	Киев йзсоуни броужье, и заври прѣ гонющнми ми; К с'противъ гонющнхъ	прѣдъ гонющнми ми
34.5	К оскѣвлѣмъ йхъ	
34.9	К възвесели си о спенти твоемъ	Киев насладит си б спынъ твоѣ
34.12	К лжкавда	Киев въздающе мі зла
34.14	К ико ближнемъ	Киев ико. искренемоу
34.15 ¹	К на ми	Киев и ѿ мнѣ възвеселиша са
35.2	К рече законопрѣстїпнты съгрѣ- шати въ себѣ	Киев рече законопрѣстоуپникъ да согрѣшасть въсѣ
35.4	К не въсхотѣ разоумѣти Нор.	Киев не ѹзволи разоумѣти
35.8	К въ кровѣ Пл	Киев въ кровъ крилоу твою на- дѣю си; твою надѣють се
35.13	К тамо Нор.	Киев тоу падоша
36.1	К не ревнн лжкавижнцимъ	Киев не ревноуѣ лоукавымъ
36.8	К не ревноуї єже лжкавновати	Киев не ревноуї ико лоукавновати.
36.18	К пѣть непорочнѣхъ	Киев поутн непорочны
36.24 ¹	Киев егда си падеть и не разбѣт си	К не поржит си
36.24 ²	К покрѣплѣ, гр. аутистрѣт.	Киев гъ поемлетъ роукоу его
36.25	К юнѣши бы	Киев оунъ вѣхъ; юнь вѣхъ.
36.27	Нор и въсей си въ вѣкъ вѣка К	Киев и жнви въ вѣкъ вѣка
36.34	Киев виегда потрѣблѣти си г҃ѣшиникумъ К.	Киев ёгда потребят си г҃ѣшиници оузрішн.

Таблица 3 (продолжение)

Псалом стих	Чтения, отличные от новой правленой редакции	Чтения, совпадающие с новой правленой редакцией
37.7	Нор пострадаҳъ и слакоҳ см К, Бух, Бол.	Киев пострада ̄ и смирих см; смирих се.
38.2	К рѣхъ съхраню путь мои єже не съгрѣшати азыкомъ моимъ.	Киев рѣхъ съхраню поутн мои да не согрѣши азыкомъ моимъ.
38.5	Киев что лиши са азъ Нор. К чесо лиши са азъ, Пл.	чесо лиши са азъ
38.7	К скропицветъ	Киев скропицветъ
38.8	Нор и съставъ мой, Ш твое есть К, Пл	Киев и съставъ мой оу тобе есть.
38.11 ¹	К Шестин	Киев Шими и мене раны твоя Нор.
38.11 ²	Нор изишо ^x К.	Киев скон'чаҳ см
39.3	К Ш тиимѣна гложинъ	Киев Ш бернья тиименна.
39.7	К съвръшна мн еси	Киев тѣло же свершилъ еси и мнѣ
39.8	К въ главицѣ книжнѣ пиши и мнѣ ^y	Киев въ скитыцѣ книжнѣмъ
39.11	К не съкрухъ	Киев не потанхъ
39.13	К постѣгожж	Киев яша ма бязаконна моя.
39.14	К помоци мн потци см	Киев в помоци мою вонми
39.18	К ѿвогъ єсть и ници гъ попечёне моє	Киев ѿвогъ же ници єсть и ѿвогъ гъ принять ма; принатъ мн. Нор. С и др.
40.4	К обратнаъ єси въ болѣзни ёго	Киев все ложе ёго ѿбратнаъ єси в недоуѓъ ёго. Нор.
40.10	Киев възвеличн на ма патъ К.	Нор възвеличн есть на ма ковъ все остальные)
40.11	К възвенгни ма	Киев въскрсн ма (все остальные) сквозѣ място
41.5 ¹	Киев ико прондоу в място крова днена К, Нор, Бух	(даже отс.)
41.5 ²	Киев даже до дома бнам К(вжта)	Киев єгда стражаетъ врагъ
41.10	К вънегда стражаетъ врагъ	
и42.2		
43.2	К въ днехъ и въ днехъ пръвъ	Киев въ днн ихъ, въ днн первыя
43.4 ¹	К не бо брѣжжемъ своимъ Пл	Киев не оружиемъ бо своимъ на- слѣдниша землю
43.4 ²	К благоволиа еси	Киев благоволи Нор.
43.13	К ѿдасть гр. апѣдоу	Киев продастъ люди своя бес цѣни
43.18	Киев и не неправдичомъ К, Нор.	не бесприходомъ
44.3 ¹	Нор красенъ да брѣтеж К, Пл.	Киев краснѣши доброю
44.3 ²	Нор єагъ въ оустнахъ твоихъ К, Пл.	Киев иадна са єагъ во оустноу твоему.
44.5	Нор и налажн К.	Киев и напржн
44.16	К въведжт см	Киев приведоут см въ цркви цркоу.

Таблица 3 (продолжение)

Псалом стих	Чтения, отличные от новой правленой редакции	Чтения, совпадающие с новой правленой редакцией
44.17	<i>Нор въ мѣсто ѿць твоенъ К.</i>	<i>Киев въ ѿць твоенъ мѣсто</i>
48.12 ¹	<i>К. (и отс.) жилицы ихъ</i>	<i>Киев гроби ихъ и храмы ихъ</i>
48.12 ²	<i>Нор (и отс.) селенія ихъ К.</i>	<i>Киев и села ихъ въ и въ.</i>
48.15	<i>К изрѣнованіи бывшій</i>	<i>Киев ѿ славы своїя изрѣнѹша сѧ</i>
48.18 ¹	<i>К иконо вѣдьма вѣдьма не ѡставитъ ли всѣ</i>	<i>Киев иде оумирая не ѡставитъ ли всѧ; всѣ.</i>
48.18 ²	<i>К ниже сидѣть съ нимъ слава его</i>	<i>Киев ниже сидеть с нимъ слава его</i>
48.20	<i>К вѣсёлъ смѣ дѣже до рода ѿць свойхъ даже до вѣка ...</i>	<i>Киев винидеть до рода ѿць свойхъ. и до вѣк не оузврти свѣта.</i>
49.2, 49.3, 49.14, 49.21, 50.3,	— чтения совпадают с чтением Норовской, а чтения	
попа Иоанна.		<i>Киприановской псалтыри совпа- дывают с чтением Норовской, а чтения</i>
50.6	<i>К побѣдниши</i>	<i>Киев преприши</i>
51.7	<i>К ѿ селенія</i>	<i>Киев и преселить тм ѿ села твоего.</i>
52.6	<i>К тамо</i>	<i>Киев тоу Нор. и все остальн.</i>
53.7	<i>К Швѣрати^т</i>	<i>Киев възвѣрати здѣ</i>
54.12	<i>Нор ико дѣце би врагъ поносилъ мн К.</i>	<i>Киев ико дѣце мнѣ бы врагъ поносилъ; ви мн.</i>
54.16, 55.3	— <i>K</i> совпадает с Норовской, Киевская — с псалтырями	
новой правленой редакции.		
55.8	<i>К ии о чьсбм же ѡставиши ихъ</i>	<i>Киев ии въ чемъже спасши и</i>
55.9	<i>К възвѣстнхъ тѣвѣ</i>	<i>Киев вѣ животъ мон испокѣда тѣвѣ</i>
55.14 ¹	<i>Киев благоуложю К, Нор.</i>	<i>Киев вѣ благоуложю</i>
55.14 ²	<i>К вѣ скѣтѣ живыхъ, —ихъ Пл.</i>	<i>Киев вѣ скѣтѣ живѣнъ Нор и др.</i>
57.2	<i>К прѣвал сѣдните</i>	<i>Киев право соудните</i>
57.5	<i>Нор по подобиоу К.</i>	<i>Киев по євразоу змѣненоу</i>
57.10 ¹	<i>Киев прежде да иже не разоумѣти</i>	<i>Киев прежде не разоумѣти</i>
	<i>К прѣждѣ да же разоумѣти</i>	
57.10 ²	<i>К трѣнина нашого рамна</i>	<i>Киев терѣнина вашего рамна</i>
57.11	<i>Нор ѿмъщенте К.</i>	<i>Киев месть</i>
57.12 ¹	<i>К аще е бѣ</i>	<i>Киев и есть оубо бѣ</i>
58.3	<i>К намн мѣ</i>	<i>Киев избави мѣ</i>
58.6	<i>Киев не оуциди всѣ дѣлающиа безаконие К.</i>	<i>Киев вѣскѣхъ дѣлающии</i>
59.3	<i>К иизѣжналь еси на</i>	<i>Киев розроушна ии єси Нор.</i>
59.5	<i>К (напомъ еси настъ) вина ємнен- на</i>	<i>Киев напомна ии єси вина оумлению.</i>

Таблица 3 (окончание)

Псалом стих	Чтения, отличные от новой правленой редакции	Чтения, совпадающие с новой правленой редакцией
59.8	<i>К А́доль жи́лиць</i>	<i>Киев оудоль селомъ разъмъю Нор.</i>
60.5	<i>К въссеј ся въ жилицн твоесть</i>	<i>Киев вселю ся в селѣ твоесть</i>
60.5	<i>К крна твоицъ</i>	<i>Киев покрыю ся въ кровѣ крилоу твоею Нор.</i>
60.7	<i>К днѣ ѿ днѣ цркви приложиш аѣта его.</i>	<i>Киев днѣ на днѣ цркви приложи аѣта емоу</i>
60.8	<i>К въ вѣкъ Нор.</i>	<i>Киев пребываѣтъ въ вѣкы</i>
61.9	<i>Нор оупованте на ик К, С.</i>	<i>Киев надѣйтѣ ся на ик</i>
62.4	<i>Нор оустнѣ мон похвалитѣ тм К, Пл.</i>	<i>Киев похвалита</i>
62.11	<i>Киев частн иносомъ боудоутъ. Нор.</i>	<i>К частн исовимъ</i>
63.2	<i>Нор вънегда молити мн ся к тебѣ К.</i>	<i>Киев ёгда молю ся к тебѣ</i>
64.10	<i>Нор оуготоваль еси пнциж имъ К.</i>	<i>Киев оуготовала пнцию имъ</i>
64.14	<i>К одѣашж овнн</i>	<i>Киев ѿблекоша ся ѿвнн</i>
65.7	<i>Нор на ѡзыки призираѣтѣ К.</i>	<i>Киев на изыки призираѣтъ</i>
65.9	<i>К ногъ свонхъ</i>	<i>Киев не давшаго в смѣтенѣ ногоу мою.</i>
65.13	<i>К съ въсесъженнемъ</i>	<i>Киев со вссежегаемыи С, Пл; Пс. Иоанна; съ шлокавтоматамъ</i>
65.15	<i>Киев вссежегаеми маждмы К вссесъженїа моячна</i>	<i>Киев въсасъжегаема жана</i>
65.19	<i>Нор вънатъ гласть моленна моёго К.</i>	<i>Киев внатъ гла матвы моёж</i>
66.3	<i>Нор ёже познати на земли пожъ твой; К (ёже отс.)</i>	<i>Киев да познаемъ на земли поуть твой.</i>
66.5	<i>К правотом</i>	<i>Киев яко соудиши людь въ правость</i>

58-й имеется только 10—12 различий, что приближается к числу различий с Пс. поча Иоанна у болгарских псалтырей).

Распределение разночтений в Киевской псалтыри позволяет предположить, что Киприановская редакция псалтыри к моменту написания Киевской псалтыри (1397 г.) уже существовала. Видимо, она была в распоряжении писца Киевской псалтыри. В процессе работы произошла смена протографа, и святогорская редакция была почти без изменений воспроизведена в лицевой Киевской рукописи.

Со значительной степенью вероятности можно утверждать, что редакция Киприановской псалтыри идет от самого Киприана, а не возникла на Руси позднее: эта редакция существовала уже в 1397 г. Киприановская псалтырь написана по среднеболгарской орфографии евфимиевского времени, полностью совпадающей с орфографией рукописи 1387 г., написанной Киприаном — Лествицы

(ГБЛ фонд 173 фунд. 152) с собственноручной подписью Киприана²⁰.

Редкие русизмы, встречающиеся в Киприановской псалтыри, (написания *черное*, *а* и *и* на месте *я*, *оу*, *ю* на месте *ж*) свидетельствуют о том, что рукопись написана на Руси, но представляет, видимо, точную копию среднеболгарской рукописи. Трудно предположить, что писец, точно воспроизводящий все особенности письма Киприана, сознательно мог изменить что-либо в тексте рукописи.

Вопрос о том, какова была судьба редакции псалтыри, созданной Киприаном на Руси, нуждается в специальном исследовании. Однако уже сейчас можно предположить, что многие особенности русского псалтырного текста восходят к Киприану. Об этом говорит хотя бы тот факт, что «разнотечения с современной Российской псалтырью» значительно полнее отражают различия Пс. попа Иоанна с Киприановской псалтырью, чем с болгарскими псалтырями новой правленой редакции.

Бухарестская псалтырь 1464 г. сербского извода также в большей степени отличается от Пс. попа Иоанна, чем среднеболгарские псалтыри. Однако все ее отличия от болгарских псалтырей свидетельствуют о возврате к чтениям архаической редакции.

Иной характер и происхождение имеет редакционная правка, представленная в Киприановской псалтыри. Значительное число совпадений с Норовской псалтырью позволяет предположить, что в распоряжении Киприана, помимо псалтыри святогорской редакции, имелась рукопись, отражающая особенности редакции Норовской псалтыри, или же это была правка самого Киприана, который в своем стремлении приблизить славянский текст к греческому подлиннику пользовался в ряде случаев приемами аналогичными приемам создателя Норовской редакции. Рассмотрим некоторые примеры.

В отличие от святогорской редакции в Киприановской псалтыри (а частично и в Киевской) находим: употребление сложных слов, например, *законоположътъ* (24.12); постановку послелога *ради* перед существительным, например, *ради благости ткоєа* (24.7); употребление инфинитивного оборота с дательным субъекта в соответствии с гр. *ἐν + τῷ + винительный* субъекта, например, *когда въздахъ мн — гр. ἐν τῷ αἴρειν με* (27. 2. См. также 29.10; 30.14; 36.34 и. др.); калькирование греческого глагольного управления, например, *възбрани боражъ ма — гр. τοὺς πολεμοῦντάς με* (34.1), *с'протигъ гонацинъхъ — гр. ἔξ ἐνατίας τῶν καταδικόντων με* (34.3), не *въстакътъ ли ксѣ — гр. λήμφεται τὰ πάντα* (48.18. См. также 58.6); перестановку местоимения в соответствии с греческим текстом, например, *тако аще врагъ поносилъ мн — гр. διτ ε*

²⁰ Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского. — Тырновска книжовна школа. 2. Ученici и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980, с. 284.

έχρος ὥνειδισέν με. (54.13); передачу греческого артикля при инфинитиве с помощью местоимения *εή*, например, *εή με στράγη* — гр. тоб μὴ ἀμαρτάνει (38.2).

Новшества в области синтаксиса и словообразования, которые появились в болгарском книжном языке под влиянием тенденции к грецизации текста и отсюда попали в текст русских псалтырей, а также развитие тенденции к грецизации на русской почве могут рассматриваться как результат второго южнославянского влияния. Распространение некоторых конструкций, известных, но менее употребительных ранее, которые под влиянием тенденции к грецизации текста утвердились и стали нормой книжного языка, также можно рассматривать как результат второго южнославянского влияния. Примером этому может служить конструкция *καλέγεται + инфинитив + дательный субъект* в соответствии с гр. εὐ τῷ + инфинитив + винительный субъект, получившая в русских псалтирях свое гражданство.

P. A. Симонов

КАЛЕНДАРНО-АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ НОРОВСКОЙ ПСАЛТЫРИ

В Норовской псалтыри (ГИМ, Увар. 285) в верхней части первого листа приведены три таблицы с общим названием под ними *ῳβχѡждěніа лѣтъмъ некѡнечнѣе сълаганіе* (рис. 1).

А. Х. Востоков кратко сообщал о таблицах следующее (1836): «на 1 листе замечены полууставным почерком пасхальные числа», и частично воспроизвел эти «числа», т. е. таблицы¹. То же писал о таблицах Леонид: «На л. 1 полууставом пасхальные числа» и воспроизводил одну таблицу полностью, другую частично и давал к ним общее наименование². М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина и В. С. Голышенко датировали внесение таблиц в Норовскую пс. XVI веком: «На л. 1 болгарским полууставом XVI в. проставлены пасхальные числа; под ними той же рукой, но киноварью: «Обхождѣния летом неконечнѣе сълаганіе»

По нашим наблюдениям, указанные таблицы специально не изучались. Для их исследования автору настоящей статьи была предоставлена О. А. Князевской фотография первого листа ру-

¹ Востоков А. Х. Описание рукоисных и печатных книг словенских, принадлежащих г[осподи]ну [А. С.] Норову. — Журнал Министерства народного просвещения (СПб), 1836, № 9, с. 35.

² Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, часть 1. М., 1893, с. 9.

³ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские. — Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 276.

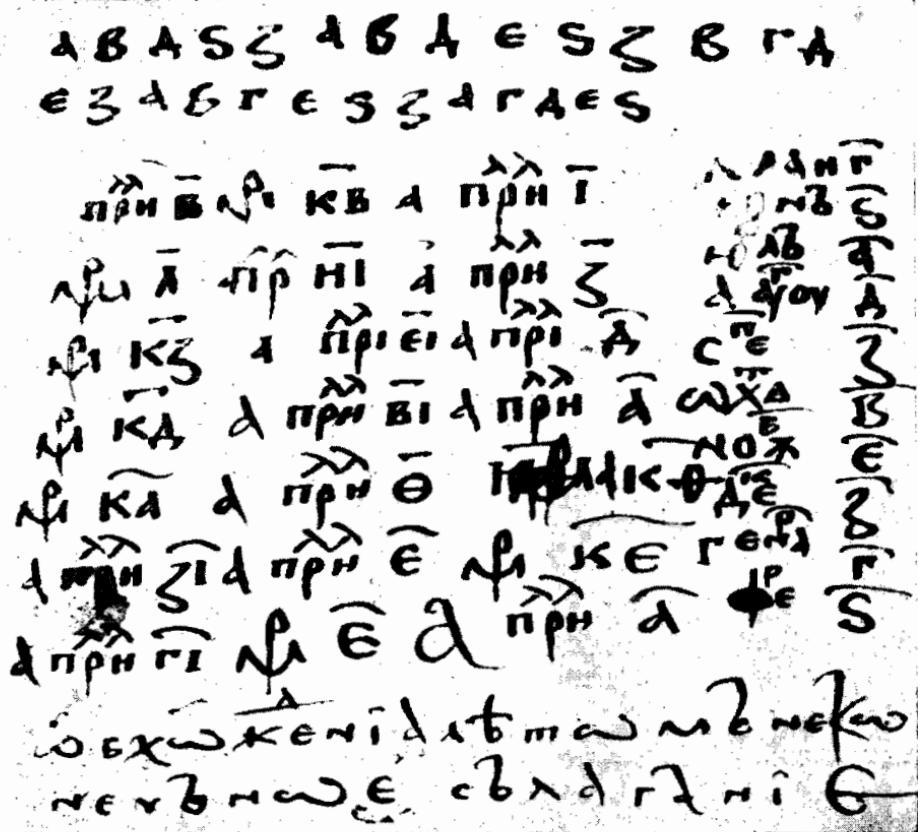

Рис. 1

кописи. Результаты расшифровки заключаются в следующем. Важнейшее значение для понимания смысла системы таблиц имеет таблица, идущая ниже двух верхних строк, расположенная левее столбца чисел с названиями месяцев (см. табл.). Это — таблица дней весенних полнолуний. Пользоваться ею можно было так. Чтобы найти дату первого весеннего полнолуния, например, 1136 г. (=6644 г.) по юлианскому летосчислению от «создания мира»), нужно знать номер года так называемого лунного круга (19-летнего цикла), который является остатком от деления 6644 на 19. Для 6644 г. номером года лунного круга будет 13. Ищем в таблице дату, находящуюся на 13-м месте; это — 21 марта. Действительно, в 6644 г. весеннее полнолуние было 21 марта. Аналогичная таблица дней весеннего полнолуния встречается в русских пасхалиях под названием «Законная фаска» и другими подобными⁴.

⁴ «Круг миротворческий», рукопись XVII в. Отдел рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. 173, № 103, л. 10, 62, об., 88 об.

Таблица

Передача Норовских таблиц современными цифрами

1	2	[3]*	4	6	7	1	2	4	5	6	7	2	3	4
5	7	1	2	3	5	6	7	1	3	4	5	6		
Ап—2 **	Мр—22		Ап—10			Май 3								
Мр—30	Ап—18		Ап—7			Июнь 6								
Мр—27	Ап—15		Ап—4			Июль 1								
Мр—24	Ап—12		Ап—1			Авг. 4								
Мр—21	Ап—9		Мр—29			Сент. 7								
Ап—17	Ап—5		Мр—25			Окт. 2								
Ап—13	Март—5		Апрель—1			Ноябр. 5								
						Дек. 7								
						Янв. 3								
						Февр. 6								

* В квадратных скобках помещен пропущенный в источнике знак.

** Ап — апрель, Мр — март.

Для чего нужно было знать день весеннего полнолуния? В славянском календаре, заимствованном с принятием христианства из Византии, этот день имел узловое значение, т. к. на первое воскресенье после него приходилась Пасха — центральная дата христианской календарной системы. В 1136 г. (=6644 г.). Пасха должна была быть в первое воскресенье после 21 марта. Поэтому нужно знать не только дату, но и день недели весеннего полнолуния. Это соображение дает направление для расшифровки двух других таблиц на л. 1. Норовской пс.

Две верхние строки, ниже которых расположена таблица дат весенних полнолуний, являются разверткой таблицы, подобная которой была реконструирована С. А. Высоцким (1976) по таблице, датируемой им XIII в., открытой на стене Софии Киевской⁵. (рис. 2). Сравнение развертки из Норовской пс. с таблицей-граффити показывает, что в развертке из рукописи нехватает одного символа — «глаголя», который должен был располагаться на 3-м месте, между «веди» и «добро». С. А. Высоцкий таблицу-граффити считает предназначавшейся для определения дня недели начала любого года. Пользоваться таблицей-граффити и соответственно исправленной разверткой, например, применительно к 1136 году (=6644 г.) можно так.

Деля число 6644 на 28 и получая в остатке 8, находим тем самым № года солнечного круга (28 летнего цикла). Отсчитываем в исправленной развертке 8-й знак, им оказывается «веди». Для установления, какому дню недели соответствует этот знак, воспользуемся вспомогательной таблицей А. С. Высоцкого. Из нее следует, что знаку «аз» (1) соответствует воскресенье, «веди» (2) — понедельник, «глаголю» (3) — вторник, «добро» (4) — среда, «есть» (5) — четверг, «зело» (6) — пятница, «земля» (7) — суббота. В нашем примере получается «веди», значит, первый день 6644 года

⁵ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976, с. 202—205.

Г	Д	Е	З
Е	2	3	Δ
З	Δ	В	Г
В	Г	А	Е
А	Е	2	3
2	3	Δ	В
Δ	В	Г	А

Рис. 2

был понедельником. Как перейти от знания дня недели начала года к исключому выводу о дне недели даты весеннего полнолуния? Необходимые данные содержит третья таблица в системе таблиц из Норовской пс.

В поисках решения вопроса обратимся к византийскому источнику, раскрывающему методику соответствующих календарных вычислений, опубликованному А. Менцем (1906) по греческой рукописи XIII в.⁶. Изложенный в этом источнике метод определения дня недели любой даты года сводится к отысканию суммы следующих трех слагаемых. Надо найти год солнечного круга данного года, затем разделить найденную величину на 4 и прибавить полученное частное к году солнечного круга. Так

получается первое слагаемое. Например, для 1136 г. (=6644 г.) год солнечного круга равен 8; делим 8 на 4, получаем 2; $8 + 2 = 10$. Значит, 10 — первое слагаемое. Для получения второго слагаемого нужно произвести следующие подсчеты: начиная с октября месяца, каждому 31-дневному месяцу ставится в соответствие тройка, каждому 30-дневному месяцу — двойка, а февралю — ноль. Если суммировать указанные числа, приходящиеся на все месяцы от октября до марта, в котором было весеннее полнолуние, то для марта этим числом будет 11, а для апреля — 14. Одно из этих чисел берется вторым слагаемым. Так, для 6644 г., в котором весеннее полнолуние приходится на март, вторым слагаемым будет 11. Третьим слагаемым, по византийской методике, должно быть число, равное количеству дней в дате весеннего полнолуния. Для 6644 г. соответствующая дата — 21 марта, значит, третьим слагаемым будет — 21. Сумму из найденных указанным образом трех слагаемых следует разделить на 7, и по остатку определить день недели дня полнолуния, руководствуясь правилом, аналогичное которому указывалось выше. Если в остатке единица, то день полнолуния — воскресенье, двойка — понедельник, тройка — вторник, четверка — среда, пятерка — четверг, шестерка — пятница. Если полученное число делится на семь без остатка, то день полнолуния — суббота. Проверим сказанное на примере 6644 года. Три слагаемых 10, 11, 21 в сумме дают 42. Это число делится на 7 без остатка, т. е. день полнолуния 21 марта 1136 г. (=6644 г.) должен быть субботой, а следующий день воскресеньем, т. е. 22 марта — день Пасхи. Так и было в действительности⁷.

⁶ Mentz A. Beiträge zur Osterfestberechnung bei den Bisantinen. Königsberg, 1906, S. 90—93.

⁷ Черепин Л. В. Русская хронология. М., 1944, с. 59.

Перейдем теперь от изложенного византийского метода к третьей таблице из Норовской пс. По византийскому методу отсчет ведется от октября месяца. Третья таблица связана с этим месяцем. Если исходить из того, что октябрь начинается с воскресенья (это соответствует по приведенному выше правилу «азу», или 1), и проверить, с каких дней при этом будут начинаться последующие месяцы, то окажется, что март начнется с четверга («есть», или 5), апрель — с воскресенья («аз», или 1), май — со вторника («глаголь», или 3), июнь — с пятницы («зело», или 6), июль — с воскресенья («аз», или 1), август — со среды («добро», или 4), сентябрь — с субботы («земля», или 7), октябрь — с понедельника («веди», или 2), ноябрь — с четверга («есть», или 5), декабрь — с субботы («земля», или 7), январь — со вторника («глаголь», или 3) февраль — с пятницы («зело», или 6). Именно такие знаки стоят при соответствующих месяцах в 3-й таблице из Норовской пс. Такое совпадение позволяет заключить, что эта таблица есть таблица дней недели начал всех месяцев определенного мартовского года.

Следует учесть, что третья таблица из Норовской пс. имеет специфическое расположение. Ее начальная часть — данные о первых днях марта и апреля — является продолжением последней строки таблицы весенних полнолуний. Остальная часть третьей таблицы расположена в виде столбца записанных друг под другом данных об оставшихся десяти месяцах. Такое «спряжение» таблицы полнолуний с третьей таблицей является существенным для понимания назначения последней. Данные о днях недели начал марта и апреля, присоединенные к таблице полнолуний, могут иметь отношение к установлению дня недели весеннего полнолуния.

По разобранной выше бестабличной византийской методике, первое слагаемое итоговой суммы, в результате деления которой на 7 получается искомый результат о дне недели весеннего полнолуния, связано с солнечным кругом. Верхние две строки Норовских таблиц также связаны с кругом солнца. Поэтому, возможно, что первое слагаемое, которое получалось по византийской методике, эквивалентно данным, заложенным в верхних двух строках. Выше было разобрано, как можно пользоваться исправленной разверткой на примере 1136 г. (=6644 г.), а именно, установлено, что году круга Солнца в этом случае отвечает знак «веди» (2). Примем соответствующее число 2 в качестве первого слагаемого.

По византийской бестабличной методике второе слагаемое связано с отсчетом чисел, начиная с октября месяца; причем, для марта это число равно 11, а для апреля — 14. Третья таблица из Норовской пс., как было показано выше, может быть связана с октябрем месяцем. Начальные данные третьей таблицы, «спряженные» с таблицей полнолуний, также содержат числовые данные для марта и апреля, только они другие: для марта 5, а для апреля — 1. В 1136 г. (=6644 г.) весеннее полнолуние было в марте, поэтому примем в качестве второго слагаемого число 5.

По византийской бестабличной методике третью слагаемое — это число, равное количеству дней в дате весеннего полнолуния. В 6644 г. весенне полнолуние было 21 марта, поэтому третью слагаемое число 21. Это число прибавим к двум первым числам, выбранным указанным образом из таблиц Норовской пс. Получится: $2+5+21=28$. Число 28 делится на 7 без остатка, значит, день 21 марта 1136 г. был субботой, а 22 марта — пасхальным воскресеньем. Таким образом, опираясь на византийскую методику, нами смоделирован алгоритм использования норовских таблиц для определения дня Пасхи.

Проверим правильность этого алгоритма на других примерах. Положим, требуется определить день пасхи 1300 года. Соответствующая ему дата от «создания мира» — 6808 г. — будет иметь 4 год круга солнца и 6 год круга луны. 6-й по счету в таблице полнолуний из Норовской пс. идет дата 7 апреля. Значит, в первое воскресенье после этой даты в 6808 г. была пасха. Каким был день недели в этом году 7 апреля? Для этого нужно знать три слагаемых. Первое дает исправленная развертка в верхней части 1 листа Норовской пс. В ней на четвертом месте (год круга солнца для 6808 г.) стоит знак «добро» (4). Значит, первое слагаемое равно 4. Второе слагаемое дает присоединенная к таблице весенних полнолуний часть третьей таблицы из Норовской пс. Для апреля здесь приводится знак «аз» (1). Поэтому второе слагаемое возьмем равным 1. Третье слагаемое — 7 (число, равное количеству дней даты 7 апреля). Складываем найденные три слагаемых: $4+1+7=12$. Их сумму 12 делим на 7, в остатке получается 5, что соответствует четвергу. Значит, весенне полнолуние 7 апреля 6808 г. было в четверг, следовательно, пасхальное воскресение приходится на 10 апреля. Так и было в действительности: пасха в 1300 г. праздновалась 10 апреля⁸.

Оба рассмотренных примера относятся к високосным годам — 6644-у и 6808-у. Простые годы насчитывают на один день меньше, чем високосные. Поэтому для простых лет из итоговой суммы нужно вычесть единицу. Рассмотрим пример. Определим день пасхи в 1657 г. Соответствующая этому году дата от «создания мира» — 7165 г. — будет иметь 25-й год круга солнца и 2-й год круга луны. По счету 2-й в таблице полнолуний из Норовской пс. расположена дата 22 марта. Каким был день недели этого числа? Для этого нужно знать три слагаемых. Первое находим в исправленной развертке, здесь на 25 месте (год круга солнца для 7165 г.) находится «глаголь» (3). Значит, первое слагаемое равно 3. Второе слагаемое дает присоединенная к таблице весенних полнолуний часть третьей таблицы. Для марта здесь указывается знак «есть» (5). Следовательно, вторым слагаемым будет 5. Третье слагаемое — 22 (число, равное количеству дней даты 22 марта). Складываем найденные три слагаемых: $3+5+22=30$. Так как 7165 год простой, то из найденной суммы вычитаем единицу $30-1=29$.

⁸ Там же, с. 61.

Полученное число 29 делим на 7, в остатке будет 1, что соответствует воскресенью. Значит, 22 марта 1657 г. в полнолуние было воскресенье, и день пасхи падает на следующее воскресенье — 29 марта; так и было в действительности⁹. И другие, сделанные автором настоящей статьи расчеты дня пасхи различных лет на основе системы норовских таблиц, подтвердили правильность разработанного правила.

Рассмотренный выше византийский бестабличный способ установления дня недели любой даты любого года является своего рода универсальным, а не исключительно пасхальным вычислительным средством. Связь между этим способом и таблицами из Норовской пс. будет более тесной, если удастся обосновать, что на основе норовских таблиц также можно было определять дни недели любой даты, а не только дат весеннего полнолуния. Покажем, что это действительно так, причем предложенное выше правило использования таблиц сохраняется в принципе тем же, что и для отыскания дней недели дат весеннего полнолуния.

Пример 1. Определим, каким днем недели было 12 июля 1552 г. Этому году в летосчислении от «сотворения мира» соответствует 7060 год. Находим год круга солнца, деля число 7060 на 28 и получая в остатке 4. Число 4 будет номером года круга солнца для 7060 г. В исправленной развертке норовской системы таблиц на четвертом месте идет «добро» (4). Значит, в качестве первого слагаемого берем число 4. В правом столбце норовской системы таблиц для месяца июля указывается «аз» (1). Следовательно, вторым слагаемым будет число 1. Третьим слагаемым берем число, равное количеству дней в дате, день недели которой требуется определить, т. е. 12. Сложив полученные три числа $4 + 1 + 12 = 17$ и разделив их сумму (число 17) на 7, получим в остатке 3. Тройка соответствует вторнику. Значит, 12 июля 1552 г. был вторник, что отвечает действительности¹⁰.

Пример 2. Требуется определить, каким был день недели 13 мая 1467 г. Указанный год в летосчислении от «сотворения мира» выражается числом 6975. Год его солнечного круга будет равен 3. В исправленной развертке норовской системы таблиц на третьем месте стоит «глаголь» (3). Следовательно, в качестве первого слагаемого берем число 3. В правом столбце норовской системы таблиц для мая указывается «глаголь» (3). И в качестве второго слагаемого берем 3. Третьим слагаемым будет число, равное количеству дней в дате, день недели которой требуется определить, т. е. 13. Сложим полученные три числа $3 + 3 + 13 = 19$ и вычтем из суммы 1, т. к. 6975 год — простой. Получим $19 - 1 = 18$, разделим 18 на 7, в остатке будет 4. Четверка соответствует среде, следовательно, 13 мая 1467 г. была среда, что отвечает действительности.¹¹

⁹ Там же, с. 59.

¹⁰ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 304.

¹¹ Там же, с. 302.

И другие расчеты по определению дня недели дат некоторых лет, сделанные на основе предложенного алгоритма с использованием норовских таблиц, подтверждают верность разработанного правила.

В результате проведенного анализа можно сделать следующее заключение о существе и назначении системы трех таблиц, помещенных на первом листе болгарской Норовской псалтыри. Верхние две строки являются разверткой таблицы для определения дня недели начал года в последовательности лет солнечного круга (28-летнего цикла).

В развертке пропущен символ «глаголь» (3), который должен был идти на третьем месте, между знаками «веди» (2) и «добро» (4). Ниже развертки расположены еще две таблицы. Слева помещена таблица дат весенних полнолуний в последовательности годов лунного круга (19-летнего цикла). Конец этой таблицы «сращен» с началом третьей таблицы, ее продолжение (основная часть) расположено в виде столбца дат и как бы обрамляет таблицу полнолуний с правой стороны. Третья таблица указывает дни недели начал всех месяцев такого мартовского года, для которого предыдущий октябрьский год был невисокосным и начинался с воскресенья. Все три таблицы даны по юлианскому календарю в летосчислении от «сотворения мира».

Назначение норовских таблиц заключается в определении дня недели любой даты любого года по юлианскому календарю в летосчислении от «сотворения мира». Центральное место в системе таблиц отводится отысканию дня пасхи. Это понятно, т. к. в византийско-славянском календаре день пасхи играл узловую роль даты, от которой отсчитывались многие так называемые подвижные календарные даты. Определение переменной даты пасхи является сложной календарно-математической задачей. В норовских календарно-астрономических таблицах расчет дня пасхи не выделяется в самодовлеющую задачу, как это представлено в специальных пасхальных таблицах (пасхалиях), предназначенных лишь для определения дня пасхи, а выглядит хотя и самым важным, но все же частным случаем общей задачи установления дня недели любой даты любого года. Кстати, и название норовских таблиц — Обхождения летом неконечное сълагание — не содержит пасхальных терминов.

Каково место норовских таблиц в ряду византийско-славянских календарных источников? В рукописи XIII в. Codex Parisinus Graecus 854, по данным А. Менца, содержится описание византийского бестабличного метода для отыскания названия дня недели любой даты любого года. Анализ структуры этих расчетов позволил реконструировать правила пользования норовскими таблицами в аналогичных целях. Это свидетельствует о родстве византийского бестабличного метода и системы норовских таблиц. Византийский бестабличный метод требовал проведения достаточно длинной цепи промежуточных вычислений, что было чревато возможными ошибками в конечных результатах. С помощью норов-

ских таблиц соответствующие промежуточные подсчеты сократились, и, следовательно, облегчался вычислительный процесс и возрастала степень надежности метода.

Теперь остановимся на вопросе значения норовских таблиц как источника, раскрывающего новые стороны древнеславянских календарно-математических знаний.

Обнаруженная С. А. Высоцким календарная таблица XIII в. на стене Софии Киевской дошла до нас в поврежденном виде. Первоначально указанный исследователь реконструировал ее как таблицу вруцелет¹², но во втором издании его книги она истолкована по-другому: как таблица дней недели начал года¹³. Норовские таблицы, среди которых содержится развертка аналогичной таблицы, подтверждают правильность последней реконструкции С. А. Высоцкого.

Так как норовские таблицы представляют собой системы органично дополняющих друг друга таблиц, то вполне вероятно, что таблица Софии Киевской является фрагментом системы таблиц типа норовской, и что подобная система таблиц употреблялась и на Руси для календарных расчетов. Как известно, в 1136 г. Кирик Новгородец написал ученый трактат, в котором касался теоретических основ календаря. В нем Кирик сообщает, что для определения дня пасхи он пользовался понятиями лунного и солнечного кругов (без вруцелета). Подробностей пасхального расчета он не привел. Новые источники (таблица-граффити и норовские таблицы) показывают, как Кирик мог производить календарные вычисления.

Еще один важный вывод. В большинстве работ, посвященных истории календаря, понятие вруцелета трактуется как неизменный атрибут древнерусских календарных расчетов. Однако в древнерусских источниках понятие вруцелета раньше XV в. не встречается. Поэтому в научной литературе существовало два мнения: либо в предшествующий период вруцелета на Руси не употреблялось, либо вруцелета употребляли, но не сохранились свидетельства об этом.

В частности, Н. В. Степанов (1910), исходя из содержания «Учения» Кирика и др. данных, придерживался мнения, что до XIV в. на Руси не знали вруцелет¹⁴.

На основе новых источников следует считать, что это мнение получило дополнительное подтверждение. На Руси в XII—XIII вв. использовались методики календарных расчетов, аналогичные византийским без употребления вруцелет. В XIII в. в Киеве, по-видимому, применялась усовершенствованная методика календарных вычислений без вруцелет с использованием таблиц, о чем

¹² Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI—XIV вв. Киев, 1966, с. 114.

¹³ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской, с. 202—205.

¹⁴ Степанов Н. [Б.] Заметка о хронологической статье Кирика (XII век). — Изв. ОРЯС, т. XV, кн. 3, 1910, с. 138—139.

свидетельствует таблица-граффити Софии Киевской того времени. Соответствующая полная система таблиц сохранилась в качестве позднейшей записи в болгарской Норовской псалтири первой половины XIV вв., что имеет в свете вышеизложенного важное значение для истории научной мысли славян в период средневековья.

M. A. Момина

ТИПЫ СЛАВЯНСКОЙ ТРИОДИ

Предварительные замечания. Триодь¹ — это богослужебная книга, которая содержит переменные части богослужения для подвижных дней, начиная с воскресенья мытаря и фарисея и кончая воскресеньем всех святых². Слово Триодь (*τριῳδίον* — трипеснец) происходит от определенного рода песнопений, характерных только для этой книги. Это каноны, состоящие из трех песен и потому называемые трипеснцами. Они ставятся на будние дни в то время, как на воскресенье полагаются полные каноны из восьми, реже девяти песен, а на субботы — четверопеснец — *τετραῳδίον*.

Но в Триоди помимо трипеснцев, четверопеснцев и полных канонов есть и другие виды песнопений: седальны, стихиры самогласны и подобны, светильны, кондаки с икосами и различного рода тропари. Позднее в Триодь были включены еще паремийные чтения и синаксари. Таким образом, эта книга содержит несколько сот песнопений, паремийные чтения, и потому очень сложна по составу и велика по объему.

В Триоди мы находим собрание прекраснейших образцов византийской поэзии, начиная с V до XIV в. Лучшие поэты Византии и Ближнего Востока участвовали в ее составлении. Среди них были Роман Сладкопевец (VI в.), Андрей Критский (660—740 г.), Иоанн Дамаскин (ум. 749 г.), Косма Маюмский (ум. ок. 777 г.), Федор Студит (ум. 826), Кассия (IX в.) и многие другие.

Как образовалась Триодь на греческой почве? Ее предшественницами можно считать все те книги, куда включались песнопения на четыредесятницу и пятидесятницу. Это *τριῳδόν*, Стихирарь, Кондакарь. Здесь песнопения триодного круга располагались среди песнопений минейного круга. Поводом для выделения триодных песнопений в отдельную книгу послужил их возросший объем

¹ *Τριῳδίον* и *Πεντήκοστάριον* — в славянской терминологии Постная и Цветная Триодь — рассматриваются нами как две части одной книги.

² Подробнее см.: Момина М. А. Постная и Цветная триоди. — Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 2. М., 1976, с. 389—391.

и составление трипеснцев, четверопеснцев, седальнов и подобных стихир Федором Студитом, Климентом Студитом, Иосифом Сицилийцем. Позднее к ним прибавлены песнопения других иерусалимских и константинопольских гимнографов.

Триодь была переведена на грузинский и на славянский. Эти переводы имеют длительную традицию существования. По нашему мнению, следует изучать Триодь на всех трех языках одновременно. Это обогащает и углубляет исследование. Например, славянская Триодь, а тем более грузинская, сохранили такие виды Триоди, которые не сохранились в греческих списках. С другой стороны, историю славянской Триоди невозможно изучать, например, без греческой, как это мы покажем в настоящей статье. В противном случае выводы будут неполны и односторонни.

Как известно, источниками изучения языка служат не только оригинальные, но и переводные памятники, которые дошли до нас в громадном количестве списков. Трудно переоценить тот факт, сколько дало нового и еще даст для истории славянских языков тщательный анализ перевода Евангелия, Апостола, Псалтыри по древнейшим рукописям. Но Триодь славистами еще мало привлекалась для этой цели. Лишь отдельные списки использовались исследователями для изучения языковых явлений. Так, еще А. И. Соболевский приводил примеры из интереснейшего памятника XII—XIII вв. Триоди Моисея Киянина³.

В наше время объектом исследования стали Хлудовская триодь — список, хранящийся в Государственном историческом музее (ГИМ) под шифром Хл 133 и Орбельская триодь — среднеболгарский список, хранящийся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) под шифром F. п. I 102.

По Хлудовской триоди обследованы склонение и лексика этого памятника⁴. Орбельская триодь была привлечена для исследования истории болгарского склонения в книге Е. В. Чешко⁵.

Но несмотря на эти и некоторые другие отдельные работы, Триодь остается неизученной. Показательно, что Словарь старославянского языка Чешской Академии наук совсем отказался от включения лексики из Триоди.

Славянская Триодь имеет одну особенность, которая делает ее сложным и гораздо более трудным для изучения памятником, чем Евангелие, Апостол, Псалтырь. Эта особенность — разнообразие. Памятник по своему составу очень сложен, разнообразен и сохранился во многих списках начиная с XI в. Списки очень различаются между собой и непонятно их соотношение. Списки славянской Триоди до XIV в. особенно разнообразны. Среди всех сохра-

³ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 59.

⁴ См., например: Изв. на Института за български език, 1969, кн. XVII, с. 149—179 и др. работы.

⁵ Чешко Е. В. История болгарского склонения. М., 1970, с. 291—300.

нившихся списков этой поры трудно найти два одинаковых. С XIV в., когда начинается правка богослужебных книг на Афоне⁶, это многообразие исчезает, хотя можно и здесь выделить несколько групп отличающихся списков.

Списки отличаются составом песнопений, их расположением и, главное, разночтениями текста. Чем объясняются эти отличия? Различия в списках славянской Триоди объясняются, во-первых, разнообразием греческой Триоди. Если мы посмотрим древнейшие известные нам греческие списки, то их разнообразие по составу, расположению песнопений и разночтениям так же велико, как и в славянской Триоди.

Н. Каппуинс делит все греческие Триоди на 3 типа: Иерусалимский, Константинопольский и Студийский⁷. Это самое общее деление.

Но разнообразие Триодей так велико, что в эти 3 типа не укладывается. Например, к Константинопольскому типу относятся такие разные греческие триоди как Vat. grec. 771 (XI) и vat. Barb. 484 (1120). Так, в первой самогласные стихиры, собранные все вместе, помечены в начале списка, а во второй они стоят в тексте там, где полагается им быть. Если вторая имеет только трипеснцы Федора Студита, и неакростихованные трипеснцы Иосифа на будние дни, то первая имеет помимо этого еще акrostихованные трипеснцы Иосифа и трипеснцы Климента Студита.

Во-вторых, разнообразие Триоди в славянских списках объясняется и тем, что славяне, переведя Триодь до 916 г., не остановились на этом, и непрерывно редактировали ее, сверяя с греческой и поправляя вплоть до XX в. А так как греческие списки им попадались разные по набору текстов, их расположению и чтениям, то каждый новый список оказывался копией греческого списка, по которому шла сверка, а не славянского протографа. Песнопения, которые уже были в славянском списке, лежащем перед справщиком, могли переноситься с некоторыми поправками в новый список, а те песнопения, которых не было, тут же переводились заново. Именно такой методикой работы можно объяснить, с одной стороны, разнообразие списков Триоди, а с другой, — сходство в переводе одних и тех же повторяющихся текстов.

Исследование языка перевода затрудняется тем, что различные песнопения Триоди переведены не одновременно, не в одном месте и разными переводчиками.

Одни гимны были переведены только один раз, а потом лишь редактировались, другие же переводились несколько раз. Так, например, списки ГПБ, Пог. 41 (XIV в., рус.) и ГПБ Ф. п. I 74 (XII—XIII в., болг.) относятся, несомненно, к разным типам Триоди.

⁶ Попов Г. Новооткрыто сведение за преводаческа дейност на български книжовници от света гора през първата половина на XIV в. — Български език, 1978, кн. 5, с. 402—410.

⁷ Cappuyns N. Triodion. Étude historique sur sa constitution et sa formation. Thèse. PIOS. 1935; Idem. L'histoire de livres liturgiques grecs, — Studi Byzantini, 1940, N 6.

Об этом свидетельствует множество разнотений, отражающих греческие разнотечения, а также состав песнопений и их различное расположение. Поэтому неудивительно, что переводы акафиста Богородицы в этих двух списках разные. Но этого нельзя сказать о других песнопениях. Например, о кондаке сырной недели 6 гл. Приму́рьства настакниче. В обоих списках в этом тексте мы видим один и тот же перевод. Даже разные редакции проявились только в двух разнотениях: 1. не κλεψανο — неклэпсано — отражение греческого ρήχωβα — ἀκλέπτως. 2. Падшаго — отпадшаго — περιπέσοντα.

Для того, чтобы Триодь ввести в круг памятников, которые могут быть использованы языковедами, необходимо предварительно провести тщательное текстологическое исследование. Обязательно нужно различить: проводится ли анализ языка только данного списка или текста перевода, который выделяется привлечением многих списков. Лингвисты могут заниматься изучением того или другого. Но изучение языка перевода, а не отдельного списка, ставит исследователя перед многими трудными проблемами. При переводе и редактировании, особенно если оно проводилось при сверке с греческим оригиналом, тщательно обдумывалось каждое слово и грамматическая форма. В отдельном же списке многое может не принадлежать первоначальному тексту, а быть внесено переписчиком даже и не сознательно, а случайно и ошибочно. Поэтому очень большое значение имеют для истории языка именно разнотечения между редакциями.

Изучая каждое такое разнотечение, можно сделать много важных выводов не только по истории церковнославянского языка как общего литературного языка южных, восточных и западных славян, но также по истории болгарского, русского, сербского языков. Например, можно определить степень влияния на церковнославянский язык живых славянских языков и степень его замкнутости.

Изучение славянской Триоди имеет значение не только для истории языка, но и для истории литературы. Это была книжная поэзия, которую славяне знали очень хорошо, и под влиянием переводов этих замечательных образцов византийской поэзии появилась оригинальная славянская гимнография, которая пока почти не изучена. Все это имеет громадное значение для истории славянской культуры вообще. Мастерство в переводе греческой поэзии, использование ее образов, ее стилистики при создании оригинальных произведений, методы перевода показывают высокую культуру средневекового славянства⁸.

Изучение славянской Триоди важно и для византистов, поскольку славянская Триодь сохранила много из того, что утеряно в греческой Триоди, и по ней можно восстанавливать утраченное с большой достоверностью, как это будет показано дальше.

⁸ См.: Попов Г. Новооткрыта оригинална старобългарска част в текста на Триода. — Български език, 1978, кн. 6, с. 497—507.

Для изучения такого сложного памятника, как Триодь, очень важно иметь классификацию типов. Так, Карабинов первым определил типы триоди по расположению песнопений внутри службы и выделил пять типов⁹. Из последних работ следует отметить интересную статью Л. Славевой, где дается классификация славянских триодей по текстологическому принципу¹⁰.

Цель данной статьи — попытка классификации славянских Триодей. Принципы классификации следующие: 1. Чтения. 2. Набор текстов 3. Порядок расположения песнопений. 4. Кроме того следует учитывать деленность и неделенность Триоди.

На основании этих принципов выделяется 9 типов и несколько подтипов Триоди. Рассмотрим эти принципы.

1. *Чтения*. Если мы берем из Триоди один и тот же текст и начинаем сравнивать по многим спискам (приблизительно от 50 до 100), то отсеивается все то, что вносится в текст отдельными переписчиками, и перед нами остается текст перевода. Но и в этом тексте существует много разночтений, лексических и грамматических, поскольку перевод неоднократно правился по греческому оригиналу. Эти лексические и грамматические разночтения между разными редакциями одного текста делятся нами на две группы.

I. разночтение на славянской основе¹¹. Например: *видѣти* — *зрѣти* — *θεωρεῖν*, *образъ* — *зракъ* — *ἡ μορφή*, *пастухъ* — *пастырь* — *ὁ ποιμῆν*, *бразда* — *нива* — *ἡ ἀρούρα*, *утгрова* — *ложесна* — *ἡ μήτρα*, *растярзаги* — *раздрати* — *σχίζειν*. Чаще всего это синонимы.

II. Разночтения на греческой основе, которые отразились в славянском тексте. Например: *зѣфреи* *мжченіе* (ГПБ, Пог. 40, л. 136, XIV в.) — *врагъ* *πρόγκιканіе* (ГПБ. F. n. I 74, л. 93, XII в.) — *θηріон* *μαρτόριον* (Vat. Pii II 30, л. 131, XI в.) *έχθραν* *άμυντέριον* (Mg. 1340); *къ разоумѣ* *просвѣщеніи* (ГИМ, Син. 319 л. 269 об., XII в.) — *къ разоумѣ* *обогащеніи* (ГПБ, Пог. 40, л. 137) — *ἐν γνώσει φωτίζουσα* (Mg. 1344) — *ἐν γνώσει πλούτιζουσα* (Vat. grec. 339, 21 об., XI в.).

Множество таких разночтений (гораздо больше, чем принято считать) отразилось в славянских списках благодаря тому, что перевод неоднократно сверялся с разными греческими списками, в свою очередь имевшими разночтения. Такие славянские разночтения, отражающие греческие, имеют очень большое значение для истории текста, потому что они помогают установить редакции славянского текста. Если два славянских списка отражают такое разночтение, то они принадлежат к разным редакциям. Каждая редакция, следовательно, имеет группу славяно-греческих вариантов, по которым она безошибочно распознается. Но здесь, казалось бы, встречается большая трудность. Для того, чтобы подтвер-

⁹ Карабинов И. Постная Триодь. СПб., 1910, с. 208—216.

¹⁰ Славева Л. За старословенскиот Триод.— Slovo, 1972, 22, с. 93—116.

¹¹ Для простоты мы будем приводить примеры только лексических разночтений.

дить то, что такое-то славянское разночтение отражает греческое, нужно просмотреть множество греческих списков. Однако греческий список с искомым текстом мог и не сохраниться. В такой ситуации исследователь гимнографии имеет большое преимущество перед исследователем прозаического текста, потому что он может восстанавливать греческие разночтения по славянским, опираясь на силлабо-тонический размер греческого оригинала. Если в греческих списках гимнографического текста встречаются замены слов и словоформ, то, по нашим наблюдениям, размер стиха при этом не нарушается. Приведем примеры из акафиста Богородице, который помещается в Триоди в субботу пятой седмицы поста. В 9 икосе: *λαῖρε τῶν ἀλιέων τὰς σαγήνας πληρῶσ* (Mg. 1344) — в списке¹² тῶν Галилάων. В обоих случаях 5 слогов, 4-й — ударный; *ἀλή* (Mg. 1340) — *βούλῆ* (Vat. grec. 339, 17, XI в.); *νοητῆς* (Mg. 1345) — *τῆς Ἀδάμ* (Vat. grec. 339, 22, XI в.). Иногда меняются целые строки. *Χαῖρε ἀστέρος ἀδύτου μήτερ* (Mg. 1340) — *χαῖρε ἀστὴρ νοητοῦ ἄλιον* (ГПБ, Греч. 230, 83 об., XII в.). В обоих случаях 10 слогов, ударения на 1-м, 4-м, 7-м, 9-м слогах.

Славянские разночтения, отражающие греческие, как правило, не являются синонимами. Поэтому обычно в тексте они хорошо видны. Если их перевести на греческий и при этом окажется, что оба греческих слова (или словосочетания, или предложения) имеют одинаковое количество слогов и те же по счету ударные слоги, то из этого факта можно сделать вывод, что эти славянские разночтения появились благодаря вариантности в оригинале. Если такого совпадения не будет, варианты можно считать творчеством славянских редакторов или переписчиков. Примеры реконструкции.

Ἐκσια εἰς ιερούποτικόν προσεύχεσθαι ιερίνη (ГПБ F. п. I 680, 163, XIV в.) — *Λάμψας ἐν τῇ Ἀιγύπτῳ φωτισμὸν ἀληθείας* (Mg. 1341). В других списках *προσεύχεσθαι* *βλαγονέτην* (БАН 13.1.19, 259, XVI в.). Существительное *βλαγονέτης* — перевод гр. *ἐυσέβεια*. Поэтому греческое разночтение, по-видимому, было *ἀληθείας* — *εὐσέβειας* 4 слога, 3-й ударный.

Испланашж дръзости — так в переводе Шафариковской Триоди (л. 94 об.), а в остальных на этом месте избаклѣации слоужениѧ, например, в Орбелльской (л. 136), что соответствует греческому *λυτρούμενη θρησκείας* (Mg. 1340). Чтение Шафариковской Триоди могло соответствовать гр. *πληρουμένη τῶν τόλμων* (или *τῆς τόλμης*). В обоих случаях 7 слогов, ударные 3-й, 6-й. Действительно, испланати — испланити переводят гр. *πληρώω*, а дръзости — *ἡ τόλμα* (М. 178).

При определении типов Триоди мы опираемся на такие разночтения, которые отражают греческие. Приведенные нами примеры уже показывают, что славянские списки Триоди ГПБ F. п. I 74 (XII в., болг.) — Шафариковская и ГПБ. F. п. I 102 (XIII в.,

¹² 'Συχλητιστικὴ Ἀληθεία. Ἀθήναι. 1893, 9.IV, с. 47.

болг.) — Орбельская, относятся к разным типам Триоди. Разные типы представляют собой триоди: ГИМ, Син. 319 (XII в., рус.) и ГПБ, Пог. 40 (XIV в. болг.).

А вот, например, списки ГИМ, Син. 319 XII рус. (Гимовский тип) относится к тому же типу, что и ГПБ F. п. I 680 XIV в. рус. (Орбельский тип), так как славянские различия, отражающие греческие, у них совпадают. Например, в акафисте:

1) в том и другом списке находим первый из приведенных вариантов:

1. 1 к: *γραδε — рабъ — рабы — ὁ πόλις — ὁ δούλος — οἱ δούλοι.*
2. 1 ик: *καστανίε — καζкание — ἡ ἀνάστασις — ἡ ἀνάκλησις.*
3. 2 к: *κρήπιζε — дразостнѣ — ἀκραδάντως — θαρσαλέως.*
4. 2 ик: *πρέμε — обаче — πλήν — πρίν.*
5. 3 ик: *βεσμερтнаго — неглѣтнаго — ἀθανάτου — ἀκηράτου.*
6. 6 ик: *κλεκдение — исправление — ἀνάθασις — ἀνόρθωσις.*
7. 3 ик: *прикоддати — прѣкосходацти — προσαγάγουσα — ὑπερβαίνουσα.*
8. 3 к: *кнѣти — сладко — εἰδεῖν — ἥδον.*
9. 6 ик: *идоллскую — вѣсомъ — εἰδώλων — δαιμόνων.*

2) Следующие различия отделяют Гимовский тип от Орбельского:

10. 3 к: *жагти — жити — θερίζειν — διάγειν.*
11. 3 к: *канѣгда — всегда — ἐν τῷ — ἀεὶ.*
12. 3 ик: *тече — приде — ἀνέδραμε — ἀνήλυθον.*
13. 4 ик: *пасома — вѣспигѣна — βοσχηθὲντα — τρεφοθὲντα.*
14. 5 к: *крѣпко — крѣпкаго — κραταιῶς — κραταιόν.*
15. 5 ик: *многобожественнаго — идоллскаго — πολυθέου — τῶν εἰδώλων.*
16. 6 ик: *лажитамоу — лажж и тла — τοῦ ψεύδου τὸ σκότος — τὸ φεύδος καὶ φθόρον.*
17. 7 ик: *чиста — нѣглѣтна — ἄληπτον — ἄφθορον.*
18. 7 ик: *плѣтаниимъ — плѣнникимъ — σωματώδαις — αἰχμαλώτοις.*

Число примеров можно было бы умножить. Вторые чтения у первых 6-ти пар характерны только для редакции Триоди, которая появилась в XIV в. и которую мы называем условно Евфимиевской. Первые варианты у первых 9-ти пар отделяют от Евфимиевской редакцию Гимовскую и Орбельскую. Остальные первые чтения отделяют Гимовскую от Орбельской. Из них первые чтения в 13, 14, 15, 17 и 18 парах есть только в Гимовском типе Триоди, к которому относятся: Гим, Син. 319 (ХII в.); ГПБ, Соф. 84 (XIV в.); ГПБ, Пог. 41 (XIV в.); ГПБ F. п. I 680 (XIV в.), ИРЛИ, Свдв. 232 (XV в.). Единство триодей Гимовского типа подтверждается чтениями, взятыми из других текстов, например, из кондаков. Редакция кондаков в этом типе та же, что в Типографском Уставе XI—XII в. (Гос. Третьяк. гал. К-5349), Благовещенском кондакаре XI—нач. XII в. (ГПБ Q. п. I 32) и в Лаврском кондакаре XII—нач. XIII в. (ГБЛ Ф. 304, I, N 23). По совпадению редакции кондаков к этому типу Триоди относим список цветной Триоди ГПБ. Соф. 110.

При классификации списков Триоди можно опираться и на те славянские разнотечения, которые появились благодаря разному переводу одного греческого слова. Такие разнотечения не являются синонимами, так как они являются результатом того, что спрашивщики разного времени переводят разные значения одного греческого слова. Например: *θεατεῖα* — цѣлѣо (врачевание) и служител; *μύστις* — ученикъ и тайна; *ηττάομαι* — покиноватиा и побѣждатиа.

Наряду с разнотечениями II группы, т. е. обусловленными греческими вариантами, можно учитывать и разнотечения I группы, т. е. возникшие на славянской почве. Но только в том случае, если мы имеем несколько списков каждого типа. Например, Шафариковский, Орбельский, Гимовский типы Триоди имеют на месте гр. *θεωρέω* в 1 икосе, 4 кондаке, 4 икосе, 9 кондаке Акафиста — видѣти, а в Евфимиевской редакции зрети. В Гимовской редакции: в 4-м икосе акафиста *ἡ ποιμῆν* передается как пастухъ, в то время, как в остальных — пастырь. Но если мы имеем только один список Триоди данного типа, то следует опираться только на II род разнотечений, так как I род разнотечений может относиться к языку списка, а не текста. Например, в кондаке Великой субботы вместо обычного *πλαζάνισσον ομιγχ* (*συνδόνι ἐνειλημένος*) читаем *покидаемъ есть*. По-видимому, это славянское разнотечение, но мы не можем категорически утверждать, что *покидаемъ есть* относится к тексту, а не к списку, так как этот тип Триоди нам встретился в единственном списке.

2. *Набор текстов*. Славянская Триодь очень разнообразна по составу текстов, особенно до XIV в. Причина этого — разнообразие греческой Триоди. Мы наблюдаем такую закономерность: если две Триоди имеют отличия в составе, то они имеют и II тип разнотечений, и, наоборот, если две Триоди имеют II тип разнотечений, то они имеют отличия в составе. Например, Шафариковский тип Триоди имеет целый ряд разнотечений II типа, благодаря которым он отделяется от других типов, например, от Орбельского и от типа типографской Триоди 137 Моисея Киянина. Это легко проследить по канонам, трипеснцам, четверопеснцам, не касаясь даже седальнов, самогласных, подобных *стихир* и кондаков.

Так, сравним каноны недель Великого поста у 4-х типов Триодей: ЦГАДА, Тип. 137 (XII, Моисея Киянина), ГПБ Ф. п. I. 74 (XII—XIII, Шафариковская), ГПБ Ф. п. I 102 (XIII, Орбельская) и Триодь 1656 г. издания (Никоновская).

Состав трипеснцев наиболее устойчив, однако Битольская Триодь (София, БАН № 38 — XII в.) имеет много трипеснцев Климента Студита, как и Орбельский тип Триоди, в котором эти трипеснцы встречаются в первую неделю поста. В великую субботу некоторые типы Триодей имеют четверопеснец Кассии гл. 6 *Безумнне старе*, а для Шафариковского типа характерно соединение этого четверопеснца с четверопеснцем еп. Марка Отрантского гл. 6 *Господи, боже мой*.

Несмотря на то, что большинство кондаков в Триодах одинаковы, все же встречается исключение. Например, на 4 неделю

поста в некоторых типах Триоди ставится кондак 4 гл. Креста Твоего, господи, в других же гл. 6 На высотѣ Господь вздрожания. О подобных различиях дает представление следующая таблица:

Недели поста	Моисея Киянина	Шафариковская	Орбельская	Никоновская
1-я	Гл. 2. Прекрасный постъ	Гл. 4. Ликуетъ воужие мудростникъ днѣсъ	Гл. 4. Ликуетъ воужие мудростникъ днѣсъ и Гл. 3 Начало плодыни	Гл. 4. Плещуще с веселиемъ днѣсъ (тот же в Шафар и Орбельск.) и Гл. 5 Благодать мнѣ дати
2-я	Гл. 5. Жаждимъ съ неизреченному	Гл. 4. Многуетъ та и Гл. 4. Постигъ съ Господомъ	Гл. 2. Прекрасный постъ	Гл. 8. Късправившее теплыми слезами и Гл. 4. Риторовъ божественныхъ
3-я	Гл. 1. Поклонение днѣсъ	—	—	—
4-я	Гл. 5. Уподобившъ съ азъ	—	—	Гл. 5. Уподобившъ съ азъ (тот же) и Гл. 8. Къ свѣтъ невѣщественный
5-я	Гл. 8. Къ вратамъ богатаго	—	—	Гл. 8. Оставилъ ми яси благатство и Гл. 6. Любовиж свѣтоносъникъ
6-я	Гл. 4 иконы съ источниками	—	—	—

В стихирах же, особенно в подобнах, седальнах наблюдается еще большее разнообразие.

3. *Порядок расположения песнопений внутри службы.* Все Триоди можно разделить на несколько типов по расположению песнопений внутри службы. Так, Карабинов считает, что выделяется 5 типов¹³. Мы же, уточняя, выделяем 4 типа. I тип этой книги, который содержал трипесницы какого-нибудь одного автора (Федора Студита, Клиmenta Студита или Иосифа Песнописца), до нас не дошел. Ко II типу относим те старшие Триоди, в которых порядок песнопений не соответствует тому порядку, в котором они следуют в службе. Так, сначала ставятся седальны, самогласны, подобны, кондаки, трипесницы или каноны. К III типу относятся Триоди, в которых песнопения расставлены в порядке службы. Но в эти Триоди еще не включаются паремии, синаксари, мученичны, богородичны после седальнов, тропари пророчеств. Соот-

¹³ Карабинов И. Указ. соч., с. 208—216.

ветственно Триоди с расположением III типа и с включением последних видов текстов можно отнести к IV типу.

Разница в порядке расположения текстов обязательно соответствует разночтениям II рода.

Как исключение могут быть некоторые расхождения в этом отношении и в списках одного типа. Например, Гимовский тип имеет преимущественно расположение II типа, но есть списки, в которых расположение II типа смешивается в некоторых службах с III типом. Например, список ГПБ. F. n. I. 680 XIV в., где песнопения воскресных служб расположены в том порядке, какой требуется при богослужении, а в будничных службах по II типу после седальнов поставлены подобные стихиры, утренний самогласен, затем трипеснцы и вечерний самогласен. Например, в среду З седмицы л. 41—44.

Триоди, имеющие одинаковый порядок расположения и одинаковые виды текстов, далеко не всегда имеют одинаковые чтения. Например, если болгарские Триоди Шафариковская, Жеравинская, Загребская относятся к одному типу по З-му принципу, то по первым двум они относятся к разным типам.

Итак, классификацию славянских списков Триоди можно привести на основании сочетания З-х вышеназванных принципов, тем более, что разночтениям соответствует разница в составе, а часто и в порядке расположения песнопений внутри службы. Такое соответствие не случайно.

Это показывает, что правка текста по греческому оригиналу была связана с изменением состава книги и расположением ее текстов. Если увидеть определенные чтения, то сразу, не заглядывая дальше, можно сказать, какие тексты есть в этой Триоди, а каких — нет, и, наоборот, видя определенный текст, можно сказать, какие чтения будут в таких-то песнопениях. Так, если в акафисте, в *κοινού* чтение *καὶ σημειώθη τι ῥάβη τῷ* вместо *καὶ σημειώθη τι ῥάδη τῷ* или *καὶ σημειώθη τι ῥάβη τῷ*, то в этой Триоди не будет канона 5 гл. о впадшем в руки разбойников на 4-е воскресение¹⁴. Вместо этого мы найдем ссылку, что в этот день совершается по Минее служба Иоанну Лествичнику. Град — раб — рабы — отражение греческого разночтения *πόλις — δούλος — δούλοι*.

И наоборот, если в Триоди на 4-е воскресение будет только ссылка на службу Иоанну Лествичнику, можно ожидать, что в акафисте найдем *καὶ σημειώθη τι ῥάβη τῷ*. Таким образом, каждому выделенному нами типу Триоди соответствует свой греческий оригинал.

Какой принцип из названных трех следует предпочесть? Самое идеальное деление было бы на основании только первого, а остальные только дополняли бы. Но если имеющиеся немногие списки до

¹⁴ Найдено только одно исключение из этого правила. Это подтип Орбельского типа, куда относятся 2 списка: София, БАН 41. XIV в. и ГПБ, Пог. 40. XIV в.

XIV в. разделить только на основания славянских разнотечений, отражающих греческие, то практически получится, что каждый отдельный список, за редким исключением, относится к особому типу Триоди. Если бы до нас дошло больше списков, и не в отрывках, а полностью, то, несомненно, мы бы свободно объединили их в типы по славянским разнотечениям, отражающим греческие, и каждый тип насчитывал бы по крайней мере десяток списков, а некоторые типы, более распространенные, и больше. В такие типы входили бы Триоди с одинаковыми раннотечениями II рода, с одинаковым составом и расположением песнопений внутри службы. Но при малом количестве списков это невозможно. Например, списки Шафариковского типа ГПБ, F. п. I 74 (XII—XIII вв.) болг. и ГПБ, F. п. I 68 (XIV в.) серб. очень близки между собой по всем 3-м принципам. Но все же изредка встречаются разнотечения II рода, кроме того, они отличаются несколькими небольшими песнопениями. Это неудивительно, так как эти списки разделяет столетие, к тому же один из них болгарский, а другой — сербский.

То же можно сказать о болгарских списках Орбелльского типа: ГПБ, F. п. I 102 (XIII в.); БАН 13.1.4 (XIV в.); ГПБ, Пог. 40 (XIV в.); София, НБКМ № 933 (Аргирова, XIII в.). Несмотря на большое сходство, у них есть разнотечения, есть разница в составе стихир, в построении службы 12 тропарей Великой пятницы. По составу и чтениям в будних службах список ГПБ, Пог. 40 (XIV) совпадает со списком БАН, 13.1.4. (XIV), но в недельных службах — со списком ГПБ, F. п. I 102 (XIII в., Орбелльская), а некоторые песнопения, например, акафист, имеют ту же редакцию, что и Евфимиевский тип. Несмотря на все это, эти 4 списка четко противополагаются другим типам, например, Гимовскому.

Таким образом, чтобы у нас не получалось столько типов Триоди, сколько списков применительно к рукописям до XIV в., следует сделать главным такой принцип, который бы дал более крупное деление списков. Таким принципом является второй. Но при этом не следует учитывать небольшие песнопения, например, подобны, а только каноны, трипесицы, четверопесицы и распределение их по дням. Следует также обращать внимание на наличие или отсутствие паремий, так как Триоди с паремиями резко отличаются от Триодей без паремий.

В свою очередь, каждый выделенный по этому принципу тип можно разделить на подтипы, уже учитывая «малые» формы песнопений и разнотечения II рода. Выделение подтипов требует дальнейшего углубленного изучения каждого типа. Мы упомянем лишь некоторые из таких подтипов.

Следует остановиться еще на одном важном для классификации Триодей вопросе деления Триоди на Постную и Цветную. Мы рассматриваем Постную и Цветную Триодь как одну книгу, что подтверждается исследованием старших типов этой книги у греков и славян. Однако позднее Триодь была разделена у греков, что отразилось и на славянской книге. При этом деление было различным

в дониконовских и никоновских редакциях триодей¹⁵. Несмотря на деление единство двух книг Триоди всегда осознавалось греками и славянами, так же как единство 12 книг минеи. Поэтому Триоди — Постная и Цветная — создавались комплектами, как и месячные Минеи. Для нас сложность заключается в том, чтобы установить принципы отнесения двух списков Постной и Цветной Триодей к одному комплекту. Это относится к V, VIII и IX типам Триоди, так как остальные типы представляют собой полную Триодь. Для IX типа, второго подтипа (Никоновской) это не представляет трудностей, так как Постная Триодь, принадлежащая сюда, должна кончаться вечерней службой Великой Субботы, а Цветная должна начинаться службой Пасхи. Труднее устанавливается связь обеих частей Триоди для старшего периода (V и VIII типы). Мы предлагаем устанавливать это на основании прежде всего текстологических данных путем привлечения таких книг, как Кондакари и триодные Стихирари, которые содержат нераздельно кондаки и стихиры на четыредесятницу и пятидесятницу.

По нашим наблюдениям, кондаки русских кондакарей XI—XII — XIII вв., например, Благовещенского и других, имеют ту же редакцию, что и кондаки в Триоди V типа (Гимовского), так что, если редакция кондаков разрозненных частей Триоди будет совпадать с редакцией кондакарей типа Благовещенского, то можно с большой вероятностью заключить, что они принадлежат к одному и тому же V — Гимовскому типу Триоди. Таким путем, например, мы установим, что список Цветной Триоди ГПБ, Соф. 110 (XIV в.) является продолжением постных триодей Гимовского типа.

По-видимому, таким же образом при определении редакции списка Триоди можно опираться и на сопоставление текста Триоди с песнопениями из Стихираря.

Не малое значение имеет привлечение палеографических и кодикологических данных. Так, например, рукопись ГПБ, Соф. 110 (XIV в.) имеет сходный почерк и оформление с рукописью ГПБ, Пог. 41 (XIV в.), содержащую Постную Триодь, что заставляет предположить происхождение той и другой из одного скриптория.

Классификация полных списков Триоди. Просмотрев ряд списков XI—XX вв.¹⁶, мы выделили 9 типов Триоди на основании второго принципа — набора канонов, трислесницев, четвероцелесницев и их расположения по дням, не учитывая при этом состава самогласных, подобных стихир. Некоторые типы отличаются от других помимо этого еще расположением песнопений внутри службы, т. е. по третьему принципу.

Итак, в каждом типе Триоди должен быть охарактеризован:
1. Состав песнопений. 2. Разнотечения I и II рода с греческими па-

¹⁵ Момина М. А. Указ. соч., с. 391—393.

¹⁶ Ряд списков, которые нам известны, не отнесены к какому-нибудь определенному типу из-за недостаточной изученности. Например, списки Триоди ЦГАДА, Тип. 138 и Тип. 139 и др.

раллелями. 3. Порядок расположения песнопений. 4. Отсутствие или наличие деления на Постную и Цветную Триодь. В полной Триоди службы подготовительных недель, четыредесятницы и пятидесятницы входят в одну книгу. В деленой Триоди Постная и Цветная содержатся в разных книгах. При этом службы подготовительных недель и четыредесятницы входят в Постную триодь, а службы пятидесятницы — в Цветную.

Перечень всех типов Триоди с краткими пояснениями.

I тип — Шафариковский, по названию списка ГПБ, F. n. I 74 (XII—XIII в.) болг. Сюда же относится сербский список ГПБ, F. n. I 68 (XIII—XIV в.) и отрывки: София, БАН N 37 (XI в.), 1 л. и София, НБКМ N 1157 (XIII в.), 14 л.л.¹⁷ Расположение песнопений III типа. Полная.

II тип — Битольский. Представлен одним списком София, БАН № 38 (XII в.) болг. — Битольская триодь. Этот список содержит многие трипесицы Климента Студита, что является большой редкостью и для греческих списков. Мы считаем, что расположение песнопений в Битольской Триоди относится ко II типу, так как начинается будничная служба с трипесицами, затем идут седальны, 2 подобны, 2 самогласные стихиры. Полная это Триодь или деленная, судить трудно, так как рукопись с большими утратами.

III тип — Триодь Моисея Киянина, ЦГАДА, Тип 137 (XII в.), русская, но переписана непосредственно с болгарского оригинала, на что указывает орфография особенно в начале рукописи. Расположение песнопений II типа. Полная.

IV тип — Загребский. Представлен списком Загреб, ЮАЗУ. IV d. 107, болг. По третьему принципу такая же, как Шафариковская, но в наборе канонов, четверопесицев и трипесицев, не говоря уже о стихирах, имеет ряд особенностей, что дает основание выделить ее в особый тип. Например, в субботу 5 недели в Загребской Триоди помимо канона 4 гл. Иосифа Христоффа книж находим еще два трипесица, а в Шафариковской — канон 8 гл. Памата творце мъченикомъ. Или в Великую пятницу в Загребской ставится трипеснец гл. 6 Умыкъши ноги канон 6 гл. Богородице «Объщенаго видъ», а в Шафариковской только трипеснец 8 гл. «Приготовисѧ вечерѧ» и т. д. К тому же обе триоди имеют много разнотечений II-го рода, что говорит о разных греческих оригиналах. Расположение песнопений 3-го типа. Полная.

V тип — Гимовский. Гим., Син. 319 (XII в.), ГПБ, Соф. 84 (XIV в.) ГПБ, Пог. 41 (XIV в.), ГПБ, F. n. I 680 (XIV в.), ГБЛ, Вол. 241 (XIV в.) содержит только каноны, трипесицы, четверопесицы, ГПБ, Соф. 110 (XIV в.), ИРЛИ, Северод. 232 (XV в.)

¹⁷ Об основании отнесения этих двух последних списков к шафариковскому типу (см. ниже, с. 182).

Расположение песнопений 2-го типа. Деленая. Эти списки все русские¹⁸.

VI тип — Жеравинский. От этой Триоди сохранилось 6 отрывков, болгарских, относящихся к XIII в. Это БАН, 4.5.14; БАН, 4.5.14^е; БАН, 24.4.10 (Жеравинская); БАН, 32.5.22; ГПБ, Пог. 50; ГПБ, Пог. 53.

Все эти 14 листков написаны сходным почерком, имеют одинаковые языковые особенности и одинаковое кодикологическое оформление. Текст их не повторяется. Тщательное сличение позволяет установить, что эти листки происходят не только из одного скриптория, но и из одного кодекса¹⁹. Составители описания сообщают, что, по мнению проф. Б. С. Ангелова, четыре листа этой же рукописи находятся в Софии в Народной библиотеке (№ 574). Сравнение этих листов с другими списками Триоди показало, что здесь есть некоторые особенности в расположении канонов, наборе трипеснцев и, конечно, разночтения II рода. Например, в воскресенье сырной недели полагается канон 4 гл. Андрея Критского *Постиса Господъ чюлочъски*, который в других Триодях ставится в сырную среду. Расположение песнопений 3-го типа. Полная.

VII тип — Орбельский: ГПБ, Ф. п. I 102 (XIII в.) — Орбельская Триодь; ГИМ, Хлуд. 133 (XIII в.); БАН, 4.5.13 (XIII в.); БАН, 4.5.17 (XIII в.); БАН, 4.5.16 (XIII в.); БАН, 4.5.9 (XIII—XIV в.); Пловдив, НБИВ, 53 (XIII в.); София, БАН 39 (XIII в.); София, НБКМ, 579 (XIII в.); София, НБКМ 933 (XIII в.) Аргирова; ГИМ, Хлуд. 138 (XIV в.); ГПБ, Пог. 40 (XIV в.); БАН, 13.1.4 (XIV в.); София, БАН, 40 (XIV в.); София, БАН, 41 (XIV в.). Расположение песнопений 4-го типа. Полная.

Это в основном болгарские рукописи. Но среди них попадаются и сербские, например, София, БАН 41. Судя по некоторым данным, опубликованным Ильинским²⁰, сюда же относится и Копитарова Триодь (Любляна, Университетская библиотека. Cod. Kor. 9).

По-видимому, этого же типа была ныне потерянная Триодь Григоровича (об этом ниже).

Списки этого типа очень разнообразны и могут иметь не только разночтения II рода, но и разный состав стихир. Несмотря на это есть целый ряд существенных черт, которые их объединяют и четко противопоставляют предыдущим и последующим типам. Это набор и расположение канонов, трипеснцев, четверопеснцев и наличие паремийных чтений. Возможно, более тщательное изучение в дальнейшем даст возможность выделить здесь не один, а несколько типов. Пока что можно лишь увидеть, что здесь существует

¹⁸ Мы предполагаем, судя по разночтениям, что именно этот тип Триоди цитировал Владимир Мономах.

¹⁹ Пергаменные рукописи библиотеки Академии Наук СССР. Л., 1976, с. 43—45.

²⁰ Ильинский Г. Копитарова Триодь XIII в. — Русский филологический вестник (Варшава), 1906, т. 55, ч. 1, 2, с. 199—215.

несколько подтипов, судя по разночтениям, отражающим греческие, и по составу стихир. Например, триодь ГИМ, Хлуд. 133, очень близка к Пловдивской триоди и к списку София, БАН 40, Триодь ГПБ, Пог. 40 близка к сербской триоди София, БАН 41. Орбельский список ближе к I подгруппе, чем ко II. Особо стоит Аргирова Триодь (София, НБКМ 933, XIII в.), не имеющая, например, трипеснцев Андрея Критского в Великую среду и пятницу, а также канона 6 гл. «Объщена вижду».

По-видимому, этот тип Триоди был широко распространен в XIII—XIV вв. в Болгарии и к тому же неоднократно правился по греческому оригиналу, что показывает еще раз интенсивную редакторскую деятельность у южных славян в это время.

VIII тип. Сюда относятся все те списки, которые отражают правку XIV в., принятую Евфимием Тырновским. Поэтому мы условно называем этот тип «Евфимиевским». Такой тип Триоди отражает Иерусалимский устав, в то время как предыдущие типы составлены по студийскому уставу²¹. Расположение песнопений IV типа. Деленая. Рассматриваемый тип очень широко распространяется и существует во многих сотнях списков в России, Болгарии, Сербии в течение шести веков.

Этот тип Триоди характеризуется большими изменениями в составе канонов, трипеснцев, четверопеснцев. Например, на неделю блудного сына ставится канон 2 гл. «Иисуса какца...», на седмицу сырную трипесцы Иосифа, в первые четыре дня этой седмицы начинает писаться канон Андрея Критского, в первую субботу поста ставится канон 4 гл. Иоанна Евхайтского «Всехъ прѣвышшии», в 4-ю неделю поста в большинстве списков, а также в печатных изданиях полагается служба по Минее Иоанну Лествичнику и т. д. Этот тип Триоди находим в издании Фиоля Krakow 1491, в венецианском издании 1561 г., в Острожском издании 1598 г., в Московском издании 1590 г., в Виленском издании 1609 г. Этот тип Триоди на протяжении нескольких веков несколько раз правился. Имея в виду эту правку, предварительно можно выделить по чтениям несколько подтипов.

Так, например, болгарский список ГПБ F. п. I 55 (XV в.) сохранил до нас любопытную правку в сторону большей гречализации. Кроме того как и список ГПБ F. п. I 125 (XV в.), в котором есть следы той же правки, список ГПБ F. п. I 55 в 4-ю неделю Поста имеет канон 5 гл. «О впадшем в разбойники», что не наблюдается в списках Триоди до XV в. Впоследствии никоновские справщики будут пользоваться этой правкой и так же, как и киевские справщики, включат этот канон наряду с каноном Иоанну Лествичнику в службу 4-й недели поста.

К XV, XVI, XVII вв. относится большое количество русских и болгарских списков Триоди, которая несомненно, была правлена по греческому оригиналу. Например:

²¹ «Устав Студийский» по списку XII в. Фрагменты. (Подг. к печати Д. С. Ищенко). Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 109—110.

	Евфимиевская	Правка XV в.
1 к. акаф.	рабъ	ὁ δούλος
5 ик акаф.	вѣрнымъ	τῶνπιστῶν
5 ик акаф.	пресвѣтамцин	φωτίουσα
12 ик акаф.	свѣтла	φωτός
12 ик акаф.	спасение	σωτηρία
1 нед. стих на Гинд.	сту́ждение	ἀλλοτρίωσιν
		избавление
		ἀπολύτρωσιν

Кроме того есть различия в стихирах. Например, в вечер субботы сырной на «Господи воззвах» ставятся стихиры подобные 6-го гласа: «Зиждитель», «Одѣжду», «Раю всѣчстный», в то время как в других списках, например, болгарских XVI в. (БАН 13.1.19) находим стихиры 5 гласа: «Укы мнѣ Идамъ», «Подвигъ добродѣли», «Идамъ изъ раі».

IX тип имеет 2 подтипа: киевский и никоновский. Расположение песнопений IV типа. Деленая. 1-й появился в Киеве²². Архимандрит Печерской лавры Елисей Плетенецкий около 1616 г. устроил типографию и пригласил иеромонаха Памву Берынду — знатока греческого языка, который заведовал печатанием книг во Львове. Уже при Захарии Копыстенском — в 1627 г. киевская типография выпустила Постную Триодь, а в 1631 г. — Цветную. В этом типе не только заново отредактирован по греческому оригиналу текст Евфимиевской Триоди, но и добавлен ряд больших песнопений. Так, на сырную седмицу здесь ставятся вторые трипесицы, переведены второй канон Иоанна Евхайтского на первую субботу поста гл. 6 в «Чудный во святых», канон патриарха Мефодия на неделю православия (первое воскресенье великого поста), синодик на этот день, служба Григорию Паламе и т. д. Синаксари переведены Тараксием Левоничем Земкою на украинский, по-видимому, с греческого. Этот тип Триоди держался в Киеве до 1727 г., униаты в Почаеве напечатали такую Триодь в 1744 г., а во Львове в 1753 г.

Ко второму подтипу относится так называемая Никоновская Триодь, которая появилась в результате русского исправления богослужебных книг в XVII в. в Москве при патриархе Никоне. В 1656 г. была издана Постная триодь, а в 1661 — Цветная. В послесловии к Постной триоди едва ли не главный справщик Епифаний Славинецкий пишет, что книга была исправлена «съ греческихъ и харектейныхъ славенскихъ, и сербскихъ, древнихъ книгъ»²³. Следовательно, справщиками были использованы греческая Триодь, а также, как показало исследование, киевская Триодь, по-видимому, евфимиевская правленая Триодь,

²² Карабинов И. Постная Триодь. СПб., 1910, с. 233—242.

²³ ΤΡΙΩΔΙΟΝ си есть Трипеснецъ. М., 1656, Послесловие, л. 1.

о чем свидетельствуют некоторые чтения. По составу Никоновская Триодь ничем не отличается от Киевской. Единственная существенная разница состоит в том, что здесь другое деление на Постную и Цветную: 1-я кончается вечерней службой Великой субботы, а 2-я начинается службой на Пасху, в то время как в киевской было принято то же деление, что в Евфимиевской: Постная кончается службой в Пятницу 6-й недели, а Цветная начинается с Лазаревой субботы. По чтениям эта Триодь близка к Киевской, но имеет много своих чтений, которые внесли Никоновские справщики. Например:

Песнопения	Киевская	Никоновская	Греческий
Нед. 1. стих. на «Ги.вз».	чудный второне(а)ельна брожающе (324) ²⁴	дивный двоседниче текуще (226) ²⁵	θεσπέσιος δισέβδομα τρεπόντες
Нед. 1. стих. сам.	ницинъ	оувши(х)	πενήντων
Гл. 8	народословие	извлече	δημοσιεύοντες (247) ²⁶
муч. к этой стих.	оуверачуете (326)	исг'клаете (226 об.)	θεραπεύτε (248)
Пон. 2. стих. на «Ги.вз».	совершающи прилежанье мл(с)рдъ (337)	любящи пребывающе благотробенъ (234)	στέργουσα έπιμονή ευσπλαγχνος (254)

Среди приведенных примеров часть разночтений возникла на славянской почве, но другие отражают греческие разночтения. Например, существительным прилежание переводилось греч. ἐπιμονή, которое и находим в греческом печатном тексте²⁷, но переводу прѣѣкание в значении 'настойчивость, упорство', соответствовало греч. παραμονή²⁸. Так как оба слова имеют одинаковое количество слогов и ударение на одном и том же слоге, мы предполагаем, что в том греческом тексте, которым пользовался никоновский справщик, и было παραμονή.

Киевская и никоновская Триоди почти полностью совпадают по составу за небольшим исключением. Различие наблюдается только в «малых» формах песнопений. Например, на неделю Митаря и Фарисея Киевская Триодь 1627 г. ставит кондак 2 гл. «Митарта иногда», а Никоновская — кондак 4 гл. «Фарисеева увѣжимъ».

Из перечисленных нами 9 типов славянской Триоди I, IV, VI имеют 3-й тип расположения песнопений, II, III, V — 2-й, а VII, VIII, IX — 4-й. К тому же I, III, IV, VI, VII типы это полные

²⁴ ΤΡΙΩΔΙΟΝ си есть Трипѣснецъ. Киев, 1627.

²⁵ ΤΡΙΩΔΙΟΙΝ си есть Трипѣснецъ. М., 1656.

²⁶ ΤΡΙΩΔΙΟΙΝ, ἐν Ρώμῃ.

²⁷ Slovnik iazyka staroslovenskeho. 30. Praha, 1976, с. 281.

²⁸ Slovnik . . , 31, с. 405.

Триоди, а V, VIII, IX — деленные; относительно II типа это неизвестно.

Определение типа неполных списков Триоди. При установлении типа Триоди мы преимущественно пользовались достаточно хорошо сохранившимися списками. Но, как известно, в хранилищах находится очень много отдельных листочков из древних триодей. Нам кажется, что в ряде случаев, конечно, с большей или меньшей достоверностью, можно определить, к какому типу Триоди принадлежала рукопись, из которой были вырваны эти листки. Прежде всего следует посмотреть состав, последовательность, расположение песнопений на таких листках. Это очень важный для определения признак.

Например, 6 листов из болгарской Триоди XIII в. БАН 4.5.13 содержат часть вечерни в пятницу 6-й недели Поста, часть песнопений и паремий в субботу Лазаря, неделю Цветную, часть службы в Великий Пяток, часть службы вечерни Великой субботы. Оказалось, что состав стихир «на хвалитех» в Лазареву субботу тот же самый, что и в Орбельской Триоди. То же самое можно сказать и о стихирах на «Господи воззвах» в Великую пятницу. Последнее особенно важно, так как Орбельский список имеет особый состав таких стихир, отличный от других списков Триодей не только иных типов, но и того же самого. Кроме того, в названных песнопениях нет разнотений II рода²⁹. Это позволяет отнести эти листки к Орбельскому типу, по-видимому, и список был похож не на Аргирову Триодь или на ГПБ, Пог. 40, а именно на Орбельский список.

Листок БАН 4.5.17, который содержит отрывок службы на вторник 6 седмицы, по-видимому, относится к той же рукописи по палеографическим и языковым данным. Исследователя не должен смущать тот факт, что рукопись БАН 4.5.13 содержит часть Цветной Триоди, а листок БАН 4.5.17 — часть Постной Триоди, так как Триодь Орбельского типа была полной.

Или другой пример — Триодь Григоровича. Об этой болгарской рукописи XIII в., ныне утраченной, известно из работы И. Срезневского³⁰, где приводится служба 12 тропарей, которая очень менялась по составу тропарей и стихир. Мы предполагали, что эта Триодь относилась к вышеупомянутому Орбельскому типу, так как в службу 12 тропарей включены не только паремии, но и евангельские и апостольские чтения, а последнее было возможно лишь до правки XIV в., и по нашим наблюдениям, только в данном типе Триоди. Кроме того, в каноне сырной субботы в 6-й песне добавлен троепарь в честь Кирилла и Мефодия. Такое добавление опять же характерно для Орбельского типа.

Если текст относится к песнопениям, имеющимся во всех типах Триоди, то следует смотреть на разнотечения II рода. Это дает

²⁹ За исключением: «посласт тлѣнному» БАН 4.5.13 2 л. — «послалъ мрѣвнному» ГПБ. Ф. п. I 102, л. 162. тѣ фѣарѳ ѿ тѣ веарѳ.

³⁰ Срезневский И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 117—120, 331—343.

возможность с большой долей вероятности отнести этот отрывок к Триоди определенного типа. Например, отрывок (1 лист) Триоди, хранящийся в Софии под шифром БАН № 37 (XI в.), описанный и опубликованный Хр. Кодовым³¹, мы относим к Шафариковскому типу, так как при сравнении обнаружилось, что в этих двух списках нет разнотений II рода, зато они есть, если сравнивать с Орбельской и Загребской Триодью. Например: *прославимъ* (София, БАН № 37; ГПБ Ф. п. I 74 л. 58) δοξάζομεν — *ублажаемъ* (ЮАЗУ 107, л. 76 об.) ἀγάθουσι — *помице* (ГПБ Ф. п. I 102, л. 94) υμοῦбуетс или фάллоуетс. Эти 3 глагола во всяком случае служат всегда для перевода разных греческих глаголов.

Или другой пример: сравнение 2-й песни трипесница в пятницу 3-й недели поста, нескольких стихир, кондака, написанных на 14 л. пергамента рукописи начала XIII в., хранящейся в Софии под шифром НБКМ, № 1157, показывает большую близость к Шафариковской триоди и полное отсутствие I и II рода разнотений заставляет предположить, что это остатки списка того же типа. Имеющиеся немногие разнотения, возможно, относятся к списку, но не к редакции.

Хронологическая последовательность и распространение разных типов Триоди. Из выделенных нами 9 типов VII, VIII, IX типы отражают хронологическую последовательность. Относительно первых шести это пока не совсем ясно. Какой тип появился первым — этот вопрос мы оставляем открытым. Возможно, некоторые типы появились одновременно в разных местах. Например, I и III, или II и III или III и V. Несомненно, что, несмотря на различие, все эти типы обнаруживают в большинстве песнопений один перевод, хотя и в разных редакциях. Это позволяет думать, что самым древним был какой-то один тип Триоди, на основе которого впоследствии стали создаваться и другие типы. Этот древнейший перевод стал редактироваться в разных славянских областях, состав древнейшего типа Триоди стал меняться, переводились некоторые песнопения, которые отсутствовали в древнейшем типе Триоди. Все это делалось на основе сверки с греческой Триодью.

Кроме того, следует заметить, что некоторые типы славянской Триоди обнаруживают большее сходство, а некоторые меньшее. Например, Шафариковский, Загребский и Жеравинский типы близки между собой: они обнаруживают большое сходство в наборе песнопений, чтениях, все они имеют 3-й тип расположения песнопений, они полные. От них резко отличается из старших, например, V тип. Особо стоит III тип — Триодь Моисея Киянина.

К сожалению, мы видим, что количество списков, распределяющихся по типам, неравномерно. Конечно, здесь сыграло свою роль время. Но с большой осторожностью можно предположить, что в какой-то хотя и небольшой степени, это отражает распространенность различных типов Триоди. Например, от XIII,

³¹ Кодов Хр. Фрагмент от старобългарски ръкопис с глаголическа приписка. — Климент Охридски. 916—1966. София, 1966, с. 121—131.

XIV вв. до нас дошло сравнительно большое число полных списков Триоди, а еще больше отрывков. И все они, за редким исключением, относятся к Орбельскому типу, что позволяет сделать вывод о большой распространенности этого типа. То же самое можно сказать о распространенности Гимовского типа на Руси. Но возможно ли сделать вывод, что тип Триоди Моисея Киянина был малоупотребителен, на основе того, что пока у нас есть только один такой список? По-видимому, нет. Но это можно осторожно предположить относительно Битольской Триоди, которая имеет в своем составе большое число Трипеснцев Климента Студита. Триодь Климента Студита, по-видимому, мало была распространена в ту пору. Об этом говорит то, что она, будучи соединенной с Триодью Федора и Иосифа, сохранилась только в 3-х греческих списках: Сгурт. д. в. VIII (Х в.), Синайск. 734—735 (Х в.), Vatic. Grec. 771 (XI в.). Переводческая и редакторская деятельность в Болгарии была очень оживленной, возможно, проводилась в каждом болгарском монастыре. Видимо, когда справщики брали греческие списки, они не находили там трипеснцев Климента Студита, а только Трипеснцы Федора и Иосифа, которые они и правили. Поэтому Триоди Иосифа и Федора многократно исправлялись и изменялись в соответствии с греческими оригиналами. Битольский же тип с трипеснцами Климента Студита оставался изолированным, в то время как остальные типы Триоди, содержащие песнопения вышеуказанных авторов, были широко распространены.

Итак, нами выделено 9 типов Триоди. Конечно, это одна из попыток дать классификацию просмотренных нами списков, установить критерии определения типа. Привлечение новых списков и дальнейшее углубленное изучение каждого типа дадут возможность уточнить эту классификацию, и возможно, выделить новые типы и подтипы.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Акаф. — акафист.

Агирова триодь — София, БАН № 933.

БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).

Barb. — Собрание рукописей кардинала Барберини в Ватикане.

Vat. — Ватикан.

ГБЛ — Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

Гл. — глас.

Гос. Третьяк. гал. — Государственная Третьяковская галерея.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Жеравинская триодь — БАН, 24.4.19.

Загребская триодь — Загреб, ЮАЗУ IV d. 107.

ик. — икос.

к — кондак.

Сгурт. — Собрание рукописей Криптоферратского монастыря в Италии.

М. — Miklosich Fr. Lexicon paleoslovenico-graeaco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

Mg. — *Migne G. P. Patrologiae cursus completus, ser. graecae, v. 92. Parisiis, 1860.*

НБИВ — Народная библиотека «Иван Вазов» в Пловдиве.

НБКМ — Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии.

Орбельская триодь — ГПБ, Ф. п. I 102.

Рii II — Собрание рукописей папы Пия II в Ватикане.

Синайск. — Собрание рукописей Синайского монастыря св. Екатерины.

Триодь Моисея Киянина — ЦГАДА, тип. 137.

ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (Москва).

Шафариковская триодь — ГПБ, Ф. п. 174.

ЮАЗУ — Archiv Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (Zagreb).

Г. Попов*

О НАЛИЧИИ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ГИМНОГРАФИЧЕСКОЙ ЧАСТИ В ТРИОДИ

В средневековой болгарской словесности представлена богатая и разнообразная система жанровых форм, генетически связанных с установившимися принципами и нормами христианской конфессиональной литературы. Важную часть в этой системе занимают творения церковных поэтов-гимнописцев Романа Сладкопевца, Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Козьмы Маюнского, Феофана Начертаного, Феодора Студита, Иосифа Песнописца и ряда других. Значительная часть церковных песен была переведена еще в начальный период славянской письменности для нужд христианского богослужения и просвещения. Вместе с тем творчество лучших представителей византийской церковной поэзии послужило образцом для создания оригинальных древнеболгарских гимнов, предназначенных для богослужения.

Церковные песни помещались в различные специализированные по содержанию и предназначению гимнографические сборники. Одним из таких сборников является Триодь. Гимнографический материал в Триоди распределен в рамках подвижного круга церковного года (от недели мытаря и фарисея до недели всех святых). Различия в характере богослужения до Пасхи и после Пасхи, т. е. четыредесятницы (великого поста) и пятидесятницы, а также некоторые практические соображения обусловили постепенное обособление материала двух книг — Постной и Цветной триодей. Последняя называется еще Пентикостарь (*пεντηκοστάριον*).

На славянской почве триодь формируется постепенно еще в начальную Кирилло-методиевскую эпоху. Часть материала, по всей вероятности, была переведена братьями Кириллом и Мефодием, а затем дополнена их последователями и учениками. Об участии

* © Георги Попов, 1982 г.

Клиmenta Охридского в пополнении материала Цветной триоди имеется конкретное указание в его пространном житии (гл. XXVI, 73) ¹.

В книгохранилищах различных стран в настоящее время находятся сотни славянских рукописных триодей, из которых самые ранние относятся к XII в. Отдельные фрагменты имеются и от конца XI в. Эти рукописи, в которых отражены различные этапы эволюции триоди как специализированного богослужебного сборника, очень разнообразны по составу. Кроме гимнографического материала, многие триоди содержат ветхозаветные чтения (паремии), отрывки из евангелия и апостола, целые рубрики из церковного устава, слова и поучения. Начиная с XIV в. в триоди входят и так называемые синаксари ². Сам гимнографический материал также очень разнообразен и неустойчив. Все это обуславливает необходимость приложения специального метода сопоставительно-текстологического изучения славянских рукописных триодей.

В науке делались опыты классификации триодей на основе различных особенностей их состава и перевода. Наиболее значительный вклад в этом отношении принадлежит русскому ученому И. Карабинову. В вышедшей в 1910 г. книге по истории Постной триоди ³ дана краткая, но весьма существенная характеристика ряда наиболее старых славянских триодей, что может служить хорошей основой дальнейших исследований.

В последнее время исходя из структуры рукописей по отраженному в них церковному уставу, Л. Славева ⁴ выделяет несколько типов триодных сборников. Подобные классификации дают известное представление о наличии различных типов рукописей, но не раскрывают полностью этапы и причины эволюции триодного текста. Для этого необходимо прежде всего проследить судьбу отдельных гимнографических произведений в триоди, их наличие или отсутствие в той или другой рукописи, редакторские изменения в их тексте. Лишь после этого можно было бы приступить к целостной классификации самих рукописей.

В результате приложения указанного исследовательского подхода к материалу мне удалось установить наличие оригинальной

¹ Милев А. Гръцките жития на Климент Охридски. Увод, текст, превод и обяснителни бележки. София, 1966, с. 140.

² Автором этих чтений, целью которых является объяснение того, когда и почему была внесена в Триоди память о том или другом наиболее важном событии, является византийский писатель Никифор Калист Ксантопулос (умер примерно в 1335 г.). Синаксарь Н. К. Ксантопулоса был переведен на болгарский язык еще в первой половине XIV в. болгарином Закфеем Философом. См.: Попов Г. Новооткрыто сведение за преводаческа дейност на български книжовници от Света гора през първата половина на XIV в. — Български език, 1979 кн. 5, с. 402—410.

³ Карабинов И. Постная триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910.

⁴ Славева Л. За старословенскиот триод. — Slovo (Zagreb), 1972, 22, с. 93—116.

древнеболгарской гимнографической части в тексте триоди. Ниже я кратко остановлюсь на этом важном для славистики факте⁵.

Гимнографические произведения в триоди представляют различные формы византийской церковной поэзии — стихиры (самогласны, ἴδιόμελον и подобны, προσόμοιον), седальны, кондаки, каноны и т. д. Особенno распространена форма канона. Он ведет свое начало от припевов, которыми древние христиане сопровождали исполнение библейских песен. Утверждение канона как формы византийской церковной поэзии связывается с именем Андрея Критского.

Каноны состоят из отдельных песен, максимальное число которых — 9. Очень часто в полных канонах опускается вторая песнь, благодаря чему число песен фактически сводится к восьми. Кроме полных канонов существуют и краткие, которые состоят из 4-х, 3-х или 2-х песен. В зависимости от этого они носят название: четверопесницы, тривесницы и двупесницы. В триоди преобладают тривесницы. Они и дали название самому гимнографическому сборнику (*τριῳδιον*).

Песни в каноне состоят из отдельных тропарей (*τροπάριον*). Их число в песне в среднем 4 или 6. Первый, вступительный тропарь в каждой песне, который называется ирмос (*εἰρμός*), служит образцом ритмики и мелодии для остальных тропарей.

Очень часто каноны связаны в акrostих. Он образуется из начальных букв отдельных тропарей. Византийские гимнописцы употребляли в своих канонах различные виды акростихов — азбучные, прозаические, стихотворные⁶. Обыкновенно в прозаических и стихотворных акростихах сообщалось и имя автора. В триоди акrostих очень распространен. Известен, например, цикл акростихов тривесницев и четверопесницев Иосифа Песнописца и многие другие акrostичовые каноны⁷.

Краткие каноны в триоди, т. е. так называемые тривесницы и четверопесницы (последние употреблялись только в субботние дни), были предназначены для будничного богослужения. На основе материала десятков греческих и славянских триодей И. Карабинов⁸ устанавливает наличие четырех циклов будничных канонов для четырехдесятницы (великого поста). Их авторы — Феодор Студит, Иосиф Песнописец (автор двух циклов, один из которых содержит акrostих) и подражатель Феодора Студита Климент⁹. Наряду с этим Карабинов отмечает, что в Шафариковой

⁵ Первое предварительное сообщение о своем открытии я сделал в журнале «Български език», см.: Попов Г. Новооткрита оригинална старобългарска част в текста на триода. — Български език, 1978, кн. 6, с. 497—507. В процессе подготовки находится всестороннее исследование и издание этого большого по объему и значению древнеболгарского произведения.

⁶ Weyh W. Die Akrostichis in der byzantinischen Kanones dichtung. — Byzantinische Zeitschrift, 1908, 17, s. 1—69.

⁷ Карабинов И. Указ. соч., с. 11.

⁸ Там же.

⁹ О византийском гимнописце Клименте сохранилось очень мало сведений. В синаксарях он обозначен как τοιητής τῶν καυόνων. См.: Карабинов

триоди (среднеболгарской рукописи XII в.) для первых трёх дней — понедельника (только 9 песнь), вторника и среды первой недели поста — помещены анонимные трипесици, которые, по всей вероятности, являются частью другого — пятого — полного цикла¹⁰. Карабинов не сомневается, что и этот пятый цикл трипесицев возник на греческой почве, и высказывает предположение, что он, видимо, является делом неизвестного подражателя Феодора Студита. В конце своей книги (в дополнениях и поправках) автор снова возвращается к высказанному предположению о существовании пятого цикла трипесицев для четыредесятницы. В опубликованных Й. Ивановым частях Битольской триоди (в книге «Български стариини из Македония». София, 1908, с. 87—104) Карабинов отмечает два анонимных трипесица — для четверга второй и пятницы третьей недели поста, которые также причисляются к предполагаемому пятому циклу¹¹.

В процессе сопоставительной работы над среднеболгарскими триодями я имел возможность подробно познакомиться с составом и содержанием Битольской триоди, среднеболгарской рукописи второй половины XII века¹². Анализ действительно показал, что почти для каждого дня в этой рукописи записаны трипесици византийского гимнографа Климента и другого «неизвестного» автора. Следовательно, предположение Карабинова о существовании пятого цикла трипесицев для четыредесятницы оказалось правильным. Не подтвердилось, однако, другое его предположение, а именно, что этот цикл появился на греческой почве и что его автором является неизвестный подражатель Феодора Студита. При внимательном изучении трипесицев я установил, что их тропари (без ирмосов) связаны в акrostихах, который образует целостный древнеболгарский текст. Это — надежное указание на древнеболгарское происхождение и самих трипесицев. В результате дальнейших исследований и подробного текстологического анализа некоторые трипесици с акростихами были найдены и в ряде других рукописей, главным образом, среднеболгарских. Кроме того, было установлено, что к древнеболгарскому циклу будничных канонов для четыредесятницы, в которых находим акrostихи, принадлежат и четверопесици на субботние дни. Так на основе найденного материала появилась возможность расчитать большую часть текста акrostиха, который публикуется ниже¹³.

нов И. Указ. соч., с. 138; Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 11.

¹⁰ Карабинов И. Указ. соч., с. 148.

¹¹ Там же, с. 290.

¹² Битольская триодь хранится в Научном архиве Болгарской АН. См.: Кодов Хр. Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската академия на Науките. София, 1969, с. 62—75, № 38. Рукопись неполная. Имеющийся текст охватывает службы от пятницы первой до среды шестой недели поста, но имеется много утраченных листов. Кроме того, во многих местах текст плохо читается.

¹³ В сравнении с опубликованным в журнале «Български език» (1978, кн. 6, с. 500—502) текстом акrostиха здесь добавлены новые буквы на основе

В связи с публикацией акrostихов необходимо сделать следующие разъяснения:

1. Первоначальный текст акrostичных канонов был написан глаголицей. Это нашло отражение в некоторых правописных особенностях в тексте акrostиха, которые будут рассмотрены в специальной статье. За исключением некоторых глаголических строк в Битольской триоди, текст канонов дошел до нас только в кириллических списках. При публикации акrostих восстанавливается в соответствии с общепринятым способом транслитерации глаголического текста.

2. При составлении акrostичных канонов автор придерживался следующей схемы — по 4 акrostичных тропаря в песне. Нарушение этой схемы, то есть наличие меньшего или большего числа тропарей, отмечается лишь в нескольких местах. На основе этого может быть с достаточностью определено общее число акrostичных тропарей, а отсюда и число букв в акrostихе. При публикации текста на месте незасвидетельствованных букв ставим тире в соответствии с числом (действительным или предполагаемым) акrostичных тропарей. Восстановленные по смыслу буквы даются в скобках.

Текст акrostиха в порядке будничных канонов четырнадцати:

I неделя

Понедельник:	ГРЯНЕСЯ ДОБРИ
Вторник:	КОНСТИНТИНОБИ
Среда:	СЛАВЯ КРИЖНИЙ
Четверг:	И Я(П)ОЕТ(О)ЛЕКИЙ
Пятница:	СЕ СЛОВО ДОБРО
Суббота:	-----

II неделя:

Понедельник:	----- Я — ЯИ
Вторник:	ИА ТЕЧЕН(И)И СЕМ
Среда:	СИ ХБИЛИ ДОБРИ
Четверг:	И СЕ ПЪНН(Е) ЗЕЛО
Пятница:	Ц КРН(Ж)НОЕ ПИЧЕ
Суббота:	ДОБРО Е(С)Т БОГА ПЪТИ

III неделя

Понедельник:	ПРИБНЛЯ ЧИСТИ
Вторник:	СИ ИЯ (И)ОКИЛН(Е)

вновь открытого материала по рукописи № 574 НБКМ в Софии. Это четыре пергаменных листа из триоди, которые вместе с хранящимися в Ленинграде отрывками (БАН, 4.5.14; 4.5.14^a; 32.5.22; 24.4.10 и ГПБ, Погод. 50 и Погод. 53), по всей вероятности, являются частями одной и той же среднеболгарской рукописи XIII в. См. Бубнов Н. Ю., Лихачева О. П., Покровская В. Ф. Пергаменные рукописи библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков. Л., 1976, с. 43, 44, 45. В рукописи 32.5.22 находится часть акrostичовых трипесиц на понедельник и четверг первой недели поста.

Среда:	Д О К Р О Е Г(Т) П Ъ Т Н
Четверг:	И Б О(Г) А (Г) Л И В Н Т Н
Пятница:	П О В Е С Н (З) Е М Л Н
Суббота:	Е Б Е Р Ъ Т Е С Е С Л О В Ъ Н Н

IV неделя

Понедельник: ХРСТЯ ЖЕ П(О)НТЕ
Вторник: (--) ВНТЕ ДРѢБО
Среда: СЕДНЕ КРИЖНОЕ
Четверг: ----ЖЕ БЕР(Н)НИ
Пятница: СП(И)СЕННЕ----
Суббота: СТВ(О)РЕННОЕ НЯ ЗЕМЛН

V неделя

Понедельник:	ПРИНМІ БОЖЕ МИ
Вторник:	ПЪННЕ СЕ МИЛОЕ
Среда:	ПОДАЖД МИ---
Четверг:	(ПОЩ)РАТИ ВРЯГИ
Пятница:	ПОШТЕННЕ МІСИМ
Суббота:	БЕНІ СТР(Я)ЕТ ОТ -----

VI неделя

Понедельник: **СЕ ДОБРО ПЪНИЕ**
Вторник: **КОЛ ЕСТ КРИСНО**
Среда: **БОЖИН БОДР ЕСТ**
Четверг: -----
Пятница: -----
Суббота: (**-----**)

Общее число акrostичовых тропарей было примерно 457¹⁴. В настоящее время в различных рукописях обнаружено 376 из них. Самый большой материал найден в Битольской триоди.

Одной из важнейших особенностей акrostиха является его стихотворный характер. В следующих строках сделана попытка разделения приведенного выше текста на стихи:

¹⁴ Сомнительно наличие четверопесница для субботы шестой недели поста (Лазарев день). Поэтому, возможно, общее число акrostичовых троцарей было несколько меньше — примерно 441.

се дес крижное же вѣр(н)и
сп(ас)енне ств(о)реное на земли
приним боже мн пѣнне се малое
подажда мн (поп)рати врага
паштеннем сим єси ств(а)ет от
се добро пѣнне кол ест красно
божин бо дар ест

Разделенный таким образом текст акrostиха представляет собой стихотворное произведение, которое состоит из заглавия, 16 стихов и, по всей вероятности, завершившего его эпилога. О ритмической организации стиха трудно сделать какие-либо заключения, из-за неполноты текста, однако можно думать, что автор придерживался с известными отклонениями двенадцатислогоового размера.

В заглавие акrostиха автор вставил и свое имя: *гранеса добра константина* («Добри стихове Константинови»). Кто же этот Константин?

При рассмотрении вопроса об авторе этого древнеболгарского произведения необходимо иметь в виду важное хронологическое свидетельство в содержании самого гимнографического цикла канонов. В одном из тропарей, а именно в третьем тропаре девятой песни трипесница на четверг пятой недели поста, упоминается о «разогнанных триязычниками (божиих) рабах, которые ходят по земле». Вот текст этого тропаря, засвидетельствованный в Битольской триоди, среднеболгарской рукописи второй половины XII в.¹⁵

ГОННМН ВАЙКШЕ ЦРН. Н КНАЗДАИ Н ЛЮДАМН. АПЛН.
СТЖЖ ВЕРЖ ПРОПОВЕДАДЖИЧЕ ЖЭКМН. Н ННК РАЗГНАНАДЖ
ТРИЖДАЧНИКАИ РАБЗИ БАШЖ. ХОДАЦЖ ПО ЗЕЧМН. СВЛЮДДТЕ
СТИНН. ВА ПРАВЕН ВЕРЖ ХА СЛАВАЦЖ ..

¹⁵ Впервые тропарь был опубликован мною в одной краткой статье. См.: Попов Г. За одно споменаване на триезичници в Битолския триод. — Старобългарска литература, 1978, кн. 3, с. 86—90. Там было высказано предположение, что трипеснец, в состав которого включён тропарь о триязычниках, является произведением Иосифа Песнописца. Основание для такого предположения давали первые два тропаря из сохранившихся восьмой и девятой песни, которые почти полностью совпадают по содержанию с соответствующими тропарями трипеснца на тот же день, принадлежащего Иосифу. Однако позднее я установил, что трипеснец, в который входит тропарь о триязычниках, является частью акrostичового цикла. Начальные буквы его тропарей образуют следующую часть акrostиха: (Поп)рати врага. Буква г в слове врага является начальной буквой тропаря о триязычниках. Следовательно, этот трипеснец также принадлежит к древнеболгарскому циклу канонов. Часть его содержания автор заимствовал из трипеснца Иосифа Песнописца на этот же день.

Содержание этого тропаря непосредственно обращено к событиям, наступившим после смерти Мефодия (885 г.), когда противники славянского богослужения — латинские духовники — прогоняют учеников Кирилла и Мефодия из Моравии. Нет никакого сомнения, что автор акrostичовых канонов в триоди является современником этих событий. Фраза *и нѣ разгнаїж. тиражычнѣй рабѣ башж.* ^ходащж по земѣма достаточно красноречиво говорит об этом. Язык самого произведения также свидетельствует о том, что автор является одним из древнеболгарских книжников, участвовавших в моравской миссии. Показательны в этом отношении типичные лексикальные особенности, имеющие моравское происхождение, например, прилагательное *крайни* в тексте акrostиха ¹⁶.

При решении вопроса об авторстве этого древнеболгарского произведения следует принять во внимание также большое сходство тропаря о триязычниках с определенными местами канона в службе Мефодию.

Тропарь в триоди

*Разгнаїж. тиражычнѣй рабѣ башж.
свѧтѹщтвѣ стнн. Еа праѣн
вѣрѣ*

ходащж по земѣма

Канон Мефодия ¹⁷

*Разгнаѣ єретнка . стадо
скоѣ (2 тропарь V песнь)
и хранн. въ вѣрѣ праѣвѣрѣн
(2 тропарь V песнь)*

*ходащѣ по земнн стран'нѣн
(2 тропарь IX песнь)*

В науке почти единодушно принято считать, что автором канона, а, следовательно, и самой службы Методия является древнеболгарский книжник Константин Преславский ¹⁸. Убедительным аргументом в пользу этого служит акrostих канона, который гласит: *Добро Методи та поїж Константн* ¹⁹. Сопоставление этого акrostиха с заглавием акrostиха в триоди *граенса добра Константнска* не оставляет места для сомнения в том, что оба древнеболгарских произведения принадлежат одному и тому же автору.

Окончательно вопрос об авторстве будет решен после полного сопоставительного исследования самого произведения, но уже сейчас с большой уверенностью можно утверждать, что это Константин Преславский.

Акростичевые трипесицы и четверопесицы на четыредесятницу были написаны в процессе перевода вместе с другими триодными

¹⁶ О *крайже* и *крайнѣн* см.: *Jagič V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin, 1913.

¹⁷ Тексты цитируются по изданию: *Иванов Й. Български старини из Македония*, с. 303, 305.

¹⁸ См. *Зъков Э. Г. О литературном наследии Константина Преславского*. — Старобългарска литература, 1978, кн. 3, с. 34—47.

¹⁹ Об этом акrostихе см.: *Kostić Dr. Бугарски епископ Константин — писац службе св. Методију*. — *Byzantinoslavica*, 1938, VII, с. 189—211.

песнопениями. В своем исследовании И. Карабинов отмечает, что в старых славянских триодях — Шафариковой, Типографской 137, Орбелльской, Погодинской 40, Синодальной 319 — насчитывается более 70 седален и стихир на четыредесятницу, которые вообще не встречаются в греческих рукописях²⁰. Эти песнопения Карабинов определяет как дополнительные седальны и подобны к триоди Феодора Студита. Вот что говорится об их авторе: «... В то время как некоторые седальны и стихиры стоят одиноко, почти на каждый день приходится по седальне и по стихире одного и того же гласа. Вероятно, эти парные песнопения принадлежат одному автору. Любопытно, что в первые три дня 40-цы они по гласу совпадают с вышеуказанными трипеснцами из триоди Шафарика, представляющими из себя подражание трипеснцам св. Теодора. Не составлены ли обе названные группы песнопений одним и тем же лицом?»²¹ Отмечая наличие анонимных трипеснцев в Битольской триоди, Карабинов также подчеркивает, что по своему гласу они совпадают с гласом дополнительных песнопений на соответствующие дни²². Как мы видели, трипеснцы, которые Карабинов определил как анонимные, оказались древнеболгарскими произведениями.

О связи между циклом канонов четыредесятницы и отмеченными И. Карабиновым дополнительными седальными и стихирами говорит и другой важный факт. В одной из стихир, которая предназначена для службы в пятницу пятой недели поста, также упоминается о еретиках триязычниках²³. Это связывает ее по содержанию с указанным выше тропарем из акrostичовых канонов.

Следовательно, в самых древних славянских рукописных триодях сохраняются следы древнеболгарского гимнографического цикла, который был создан одновременно с переводом триоди. С большой степенью вероятности можно утверждать, что автором этой работы является известный древнеболгарский поэт книжник Константин Преславский. В триодный цикл вложена большая творческая мощь и поэтическое дарование. Особенно ярко талант и умение автора проявляются в построении акrostиха. Создание стихотворного произведения из начальных букв определенного числа тропарей, равномерно распределенных в структуре целого цикла канонов, — явление уникальное не только для древнеболгарской, но и для византийской церковной поэзии.

Древнеболгарская гимнографическая часть в триоди раскрывает один очень важный момент деятельности первых древнебол-

²⁰ Карабинов И. Указ. соч., с. 171—178.

²¹ Там же, с. 178.

²² Там же, с. 290.

²³ На содержание этой стихиры обратил внимание еще И. Карабинов. См.: Указ. соч., с. 226—227. Позднее на ней останавливаются и другие авторы. См. вышедшие в последние годы статьи: *Mosin V. Heretici trojezičnici i staroslavenskom prijevodu Trioda. — Slovo (Zagreb)*, 1972, 22, с. 117—125; *Славеева Л. Триезичната ерес во Климентовиот превод на триодот. — Гласник на Институтот за национална историја*, 1973, XVII, 1, с. 157—167.

гарских книжников. Наличие оригинальных древнеболгарских гимнов в сборнике общехристианского содержания и предназначения показывает, что в процессе усвоения и восприятия христианской культуры древнеболгарские книжные деятели не ограничились только переводами, но внесли свой вклад в обогащение и развитие гимнографического жанра. Результатом такого творческого подхода к материалу греческих богослужебных книг является и гимнографический цикл в триоди. Его всестороннее изучение и издание прольет новый свет на древнейшее состояние древнеболгарской книжности, раскроет новые черты и моменты личности и деятельности одного из первых древнеболгарских книжников и послужит основой для поисков новых древнеболгарских произведений и среди других сборников гимнографического содержания.

Перевела с болгарского Е. В. Чешко

С. Б. Бернштейн

АКАДЕМИК П. С. БИЛЯРСКИЙ И ЕГО ВКЛАД
В ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА
СРЕДНЕБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Деятельность Билярского, осмотрительная в своих началах, была истинно утешительной для меня новостью в нашей ученой литературе.

Ф. И. Буслаев

Среди русских лингвистов середины XIX в. Петр Спиридонович Билярский занимает особое место. Отличный филолог, он одновременно был хорошо знаком с новейшими достижениями лингвистической мысли своего времени, по многим трудным вопросам теории имел свое собственное мнение. Человек сильного и независимого характера, прогрессивных политических взглядов, он смело выступал против рутинеров, против устаревших порядков в Академии наук, против чинопочтания и угодничества. На этом пути ему приходилось бороться с очень сильными противниками, опытными в закулисной борьбе и интригах. Сравнительно короткая жизнь ученого (он умер 49 лет от роду) была полна тяжелых испытаний, материальной нужды и физических страданий. С самых молодых лет Билярский встречал на своем жизненном пути много препятствий и лишений. Уже будучи известным ученым, он вынужден был искать случайные заработки, которые отвлекали его от серьезных научных занятий. С молодых лет он был болен туберкулезом. Эта болезнь и явилась причиной его преждевременной смерти.

Не очень повезло имени Билярского и в дальнейшем. Историки славянской филологии в России мало уделяли внимания деятельности этого ученого. Акад. В. М. Истрин с горечью писал о «друзьях» Билярского, которые ничего не сделали для увековечения памяти ученого: «Друзья» покойного несколько «позамедлили». Через несколько лет (2 января 1907 г.) минет сорок лет со дня его смерти, а «поучительная» его биография осталась для публики неизвестной. «Друзья» сами уже сошли в могилу, и теперь нет возможности восстановить его биографию, небогатую внешними фактами, но богатую «для науки» и «за науку», по выражению его, так сказать, духовного патрона, Ломоносова¹. Перед отъездом из Петербурга в Одессу Билярский в состоянии тяжелой депрессии уничтожил значительную часть своего архива. Сохранилось мало документов, освещающих его жизнь и деятельность.

П. С. Билярский родился в семье священника 29 июня 1817 г.² в селе Биляр-озеро Казанской губернии Чистопольского уезда. В то время жители сельских местностей еще не имели устойчивых фамилий. Дед ученого был Гнездовский, отец — Раковский. Дети Раковского уже носили фамилию Билярские от наименования родного села. В воспитании Петра Спиридовича большую роль сыграл его старший брат Иван. Уже в раннем детстве мальчик обнаружил большие способности. Перед ним — сыном священника была одна дорога. Сперва Казанская духовная семинария, затем Казанская духовная семинария. После завершения курса в семинарии Билярский в 1834 г. поступил в Московскую духовную академию, которую закончил в 1838 г.

Ко времени переезда в Москву у Билярского уже совершенно определенно оформились историко-филологические интересы. К своим богословским занятиям в Академии он относился небрежно, что вызывало законные нарекания со стороны духовного начальства. Вместо занятий в Академии он регулярно посещал лекции в Московском университете, принимал самое активное участие в семинарских занятиях. Наиболее тесно в это время Билярский был связан с проф. М. П. Погодиным. Одно время он даже жил в пансионе Погодина. Здесь Билярский познакомился и близко сошелся с будущим академиком А. А. Куником.

После завершения курса в Академии Билярский по состоянию здоровья был уволен из духовного ведомства. Продолжая посещать университет, он добывал средства к существованию частными уроками. Одно время был домашним учителем у сенатора Васильчикова, преподавал в семье известного московского славяно-

¹ Истрин В. М. Письма к академику П. С. Билярскому, хранящиеся в Новороссийском университете. Одесса, 1906, с. XLIII.

² В некоторых источниках указан 1819 (см. кн.: Маркевич А. И. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890, с. 213). Однако наиболее достоверный источник (неопубликованные воспоминания И. С. Билярского) указывает на 1817 г. (Об этом см.: Истрин В. М. Указ. соч., с. VII—VIII). 1817 год указывает и И. В. Ягич (см. Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 545).

филы Д. Н. Свербеева. В доме последнего встречался с известными славянофилами, но остался чужд к их взглядам и теориям.

Мы не знаем, когда у Билярского пробудился специальный интерес к славяноведению, к древней славянской письменности, к языкоznанию, к истории болгарского языка. Нам лишь известно, что уже в 1840 г. он переписал весь текст Летописи Манасии по списку, хранящемуся в Москве. Возникновение у молодого Билярского интереса к зарубежным славянам, к их культуре в условиях тогдашней Москвы объяснить не трудно. На первое место здесь нужно поставить историка М. П. Погодина, который активно содействовал формированию и развитию славяноведения в Московском университете. Именно он пробудил у молодого ученого интерес к древней славянской письменности, к палеографии, научил его читать древние тексты. Этой науке были обязаны Погодину многие молодые московские филологи и историки. Акад. Ф. И. Буслаев, вспоминая свои молодые годы, писал: «Погодину же я обязан великою благодарностью и за то, что он первый научил меня читать и разбирать наши старинные рукописи, во множестве собранные в его так называемом древлехранилище, которое помещалось тогда в собственном его доме, на Девичьем поле»³.

В формировании филологических интересов Билярского велика роль В. М. Ундорского, знатока памятников древней славянской письменности, палеографа, собирателя. Их соединила не только близость специальных интересов, но и сходство жизненных обстоятельств. Нет никаких сомнений в том, что именно Ундорский, большой знаток древней болгарской литературы (трудов Климента, Константина Пресвитера и др.), открыл Билярскому новый для него мир. Вероятно от Ундорского он впервые узнал о патриаршем списке Летописи Манассии. Сам Билярский об этом писал так: «Случай и благосклонность одного из ревностных славянистов дозволили мне ознакомиться с этим памятником, и я начал изучение его без всяких предположений»⁴. Из славистов в этот период своей жизни Билярский был тесно связан только с Ундорским, о котором ниже он прямо пишет: «В последние годы ученьи друг мой В. М. Ундорский...»⁵. Сохранилось несколько писем из обширной переписки этих двух ученых.

Был еще в Москве третий человек, который сыграл значительную роль в формировании ученых интересов Билярского. Это А. А. Куник. Куник познакомил Билярского с лингвистическими взглядами В. Гумбольдта, с теоретическими аспектами философии языка, с проблемами типологии языков. Куник был первым учителем Билярского в области теоретического языкоznания.

³ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897, с. 128.

⁴ Билярский П. С. Судьбы церковного языка. 1. О средне-болгарском вокализме по патриаршему списку Летописи Манассия. Изд. второе. СПб., 1858, с. 22.

⁵ Там же, с. 26.

Годы после завершения Академии и до отъезда в Петербург (1838—1843) были полны лишений и нужды. Билярский жил на случайные заработки, часто голодал. Положение несколько улучшилось, когда его друг И. И. Введенский уехал в Петербург и передал ему свое место наставника в пансионе Погодина. Под влиянием настойчивых советов Введенского Билярский принял решение тоже переехать в Петербург. Переезд состоялся в 1843 г. Здесь он прожил до 1865 г.

На первых порах жизнь в Петербурге в материальном отношении мало отличалась от жизни в Москве. После длительных и изнурительных хлопот Билярский, наконец, получил в 1844 г. должность чиновника первого разряда в Правлении Академии наук. Эта должность дала ему постоянный заработок, но отнимала много времени. Кроме того, он сотрудничал в Журнале Министерства Народного Просвещения, где публиковал рецензии на новые книги. Так продолжалось до 1855 г.

Однако в Петербурге существенным образом к лучшему изменилась научная и общественная среда. Незадолго до появления здесь Билярского домой после длительного заграничного путешествия по славянским землям вернулся П. И. Прейс, первый руководитель кафедры «истории и литературы славянских наречий» в столичном университете. Поразительно быстро между Прейсом и Билярским устанавливается тесный творческий контакт, который скоро перерос в дружбу. Прейс придал специальной подготовке Билярского подлинную завершенность. Он познакомил его с филологическим методом акад. А. Х. Востокова, научил анализировать язык древних рукописей. Позже Билярский писал о П. И. Прейсе: «Надежда снискать когда-нибудь его одобрение и сочувствие была для меня источником одушевления и подкреплением к избранному мною, вдвое для меня трудному роду занятий»⁶.

Для понимания многих фактов из жизни Билярского необходимо знать, что в Петербурге он стал активным членом так называемого «кружка Введенского», в котором широко обсуждались актуальные вопросы современной политической жизни Европы и России. Через Введенского Билярский познакомился с Н. Г. Чернышевским. Сохранились любопытные дневниковые записи Чернышевского, в которых упоминается имя Билярского. 28 октября 1849 г. Чернышевский записывает: «Вечером был у Ир. Ив. Введенского. Разговор был о заговорщиках. Когда я вошел, было уже человека 4 или 5, между прочим, Билярский». Запись от 10 мая 1850 г.: «... Был у Ир. Ив. У него сидел Минаев с женой и Билярский. Мы говорили о перевороте у нас»⁷.

Сохранилось очень мало конкретных фактов из жизни Билярского в первые годы его пребывания в Петербурге. В 1847 г.

⁶ Там же, с. 5.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1939, с. 346, 371.

он публикует в «Мемуарах Академии Наук» исследование о языке Летописи Манассии, а через год выходит отдельным изданием его монография о Реймском евангелии. Это можно было осуществить только в результате титанического труда. «Эти два труда сразу поставили Билярского в ряд выдающихся ученых и до сих пор не потеряли своего значения»⁸.

Исследование о Реймском евангелии поражает и современного читателя высоким уровнем научной полемики. Автор проводит безупречный анализ труда Ганки, утверждавшего, что кирилловская часть евангелия написана Прокопием, умершим в 1053 г. Билярский приходит к другому выводу: эта часть Реймского ев. представляет собою копию XIV в., сделанную в Валахии с южно-русского списка среднеболгарского оригинала⁹.

Исследования Билярского о Летописи Манассии и о Реймском евангелии получили широкую известность и признание в академических кругах тогдашней России. По представлению акад. А. Х. Востокова автору была присуждена Демидовская премия. Однако, несмотря на это, ученый вынужден был продолжать работу в канцелярии Правления Академии наук, получая за свой труд ничтожное вознаграждение. В 1850 г. он перешел на службу в Сенат на должность протоколиста.

В 1852 г. в военно-учебных заведениях России по инициативе Я. И. Ростовцева было усилено преподавание гуманитарных дисциплин, прежде всего русского языка и русской словесности. Во главе этого дела был поставлен неутомимый И. И. Введенский, который был назначен главным наставником-наблюдателем за преподаванием этих новых для военного ведомства наук. После смерти Введенского в 1855 г. на эту должность был назначен П. С. Билярский. Это коренным образом изменило правовое и материальное положение ученого, но свободного времени для научных занятий оставалось мало. Билярский работал без отдыха, отрывая время от сна. В этих трудных условиях он однако, продолжал интенсивную научную деятельность. Во второй половине 50-х годов она шла в трех направлениях.

1. Билярский подготовил и опубликовал новое переработанное и расширенное издание своего исследования о языке Летописи Манассии. В этот раз оно было издано в 1858 г. уже отдельной книгой (первое издание было опубликовано малым тиражем в *Mémoires présentés à l'Academie Impériale des sciences de St Pétersbourg*, t. VI.).

2. Ученый перевел и опубликовал известный труд В. Гумбольдта — «Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschenge schlechts». Этот перевод потребовал от Билярского титанических усилий. Нужно было не только точно передать на русском языке сложный труд по теоретическому языкознанию, но одновременно

⁸ Истрип B. M. Указ. соч., с. XV.

⁹ Билярский П. Судьбы церковного языка, 1 . . . , с. 283.

и создавать новые лингвистические термины, которых в то время в русском языке еще не было¹⁰. Находясь под влиянием теоретических взглядов Беккера, Билярский не всегда удачно и точно находил русский эквивалент. Так, в его русском переводе труд великого немецкого лингвиста назван «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода» (СПб., 1859). Нужно было перевести — «О различии строя...». Здесь сказалось влияние биологических теорий, популярных в языкоznании в середине XIX в. Перевод частями публиковался в «Журнале Министерства Народного Просвещения», а позже вышел отдельной книгой. Тщательное изучение труда Гумбольдта, а затем его перевод на русский язык не был для Билярского отходом от специальных занятий в области славянского языкоznания. Сам он об этом писал так: «Он (т. е. автор. — С. Б.) полагает, что от Введения Гумбольдта (труд Гумбольдта имеет подзаголовок «Введение во всеобщее языкоzнание». — С. Б.) для славянского филолога самый первый и верный шаг — к церковной азбуке. Равным образом он уверен, что сравнительно-лингвистическая метода, не обуздав себя в строгой школе церковно-славянских исследований, не найдет истории языка и не оживит науки».¹¹.

3. Все эти годы Билярский продолжал сотрудничать в «Журнале Министерства Народного Просвещения», в котором помещал разного рода критические заметки.

В 1860 г. по инициативе акад. А. Х. Востокова П. С. Билярского избирают в адъюнкты Академии Наук единогласно. Желая избежать конфликта со всеми членами Отделения (особенно с Востоковым), И. И. Срезневский не только присоединяется к мнению всех академиков Отделения, но и пишет для Отделения краткую характеристику научной деятельности ученого. Однако он решительно отказывается писать представление для общего собрания. Это вынужден был сделать П. А. Плетнев. По этому поводу В. М. Истрий пишет: «Однако не менее странным кажется другое обстоятельство, что официальная записка о трудах Билярского при избрании его в академики писана не Срезневским, а Плетневым, менее всего способным оценить ученье заслуги Билярского»¹².

В Академии наук перед Билярским была поставлена новая для него программа деятельности, далекая от его специальных интересов. В 1865 г. высшее научное учреждение страны готовилось отметить столетнюю годовщину со дня смерти М. В. Ломоносова. На Второе Отделение была возложена задача подготовки к печати материалов и трудов великого русского ученого. Вся эта трудоемкая работа была поручена новому академику. Она по-

¹⁰ В описании языка Летописи Манассии Билярский пишет: «Всем известно, как бедна и неопределенна наша грамматическая терминология, как скоро дело выходит за пределы школьной грамматики» (с. 97).

¹¹ Билярский П. С. Судьбы церковного языка, 1..., с. II.

¹² Истрий В. М. Указ. соч., с. XXVI.

требовала от Билярского огромного напряжения всех сил, длительной работы в архиве Академии наук. В результате был подготовлен фундаментальный труд «Материалы для биографии Ломоносова», опубликованный в 1865 г. Параллельно с этим Билярский решил составить словарь Ломоносова. Еще в 1863 г. он опубликовал программу такого словаря с отдельными образцами словарных статей («Опыт словаря к сочинениям Ломоносова», Зап. Академии наук, III). Времени для занятий специальной славяноведческой проблематикой у Билярского уже не оставалось.

Много времени и сил у Билярского отнимали и научно-организационные дела. С 1862 г. Отделение начало издавать «Записки Академии Наук». Редактором «Записок» был избран Билярский. Эта перемена была встречена сочувственно многими русскими филологами.

С появлением «Записок» научный уровень публикаций Второго Отделения заметно повысился. Но это потребовало от редактора не только много времени, но и большого нервного напряжения. Поднять научный престиж нового издания было трудно. Билярский делал все возможное, чтобы осуществить это. Об этой стороне его деятельности некоторое представление дают «Записки и дневник» акад. А. В. Никитенко (том второй, СПб., 1893).

В мае 1865 г. в Одессе был открыт новый университет, получивший наименование Новороссийского. Он был учрежден на основе существовавшего в Одессе с 1817 г. Ришельевского лицея. В университете было открыто три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. Перед руководством нового университета стояла трудная задача комплектования штата профессоров. В первом списке преподавателей значилось только семь профессоров, один исполняющий обязанности профессора и три доцента. Кафедру славянской филологии в новом университете возглавил проф. В. И. Григорович. На кафедру истории русского языка и русской литературы был приглашен академик Билярский. Уже 24 марта Билярский сообщил на заседании Отделения, что покидает Петербург и переезжает на жительство в Одессу. Переезд состоялся в апреле 1865 г.

Главной причиной переезда в Одессу было не плохое состояние здоровья. В письме к брату Ивану от 22 марта 1865 г. Билярский пишет: «Я еду в Одесский университет ординарным профессором, оставаясь в звании академика с тем, чтобы воротиться в Академию, когда наступят для нее лучшие обстоятельства... Предоставляю, впрочем, полную свободу объяснять мой отъезд вредным влиянием климата, хотя в самом деле, несмотря на то, что я не оставил бы Петербурга, как хороший солдат поле сражения, если бы здесь можно было вести дела как следует»¹³.

Начался новый для Билярского период его жизни, продолжавшийся всего полтора года. Впервые он получил возможность

¹³ Там же, с. XXXI.

читать лекции, общаться со студенческой молодежью. В 1865/66 уч. г. он читал курс истории русского языка. В 1866/67 уч. г. Билярский уже не мог читать лекций. Переезд в Одессу пагубно сказался на его здоровье. 2 января 1867 г. Билярский скончался.

* * *

П. С. Билярский не был славистом *ex officio*. Жизненные условия сложились так, что ему приходилось заниматься главным образом русским языком и русской словесностью, методикой преподавания русского языка, теоретическими вопросами языкоznания. И формировался он не так, как первые наши слависты. В отличие от них он не выезжал в славянские земли, практически не владел славянскими языками, у него не было контактов с известными зарубежными славистами. Вероятно, этим объясняется отсутствие подлинного интереса к творчеству Билярского у многих историков русского славяноведения. А между тем его труды о языке Летописи Манассии и о Реймском евангелии поражают современного читателя оригинальностью суждений, глубиной филологического анализа, самостоятельностью оценок трудов современных Билярскому исследователей. Он дал анализ принципов акад. Востокова, показал их оригинальность и глубину не только в сравнении с современниками великого ученого, но и с учеными более молодого поколения (например, Миклошича). Каждый древний памятник славянской письменности, по мнению Билярского, до изучения его языка должен быть подвергнут всестороннему филологическому анализу, «должен быть очищен предварительной филологической критикой от примеси и порчи под влиянием разных времен и мест»¹⁴. По справедливому утверждению Билярского, Миклошич в первом томе своей сравнительной грамматики славянских языков не проделал этой важной и необходимой работы и поэтому во многих случаях опирается в своих суждениях на тексты, язык которых несет на себе следы разнородных и поздних влияний. Только этим, по мнению Билярского, можно объяснить выделение в особый разряд Ассеманиева ев., Супрасльской рукописи, Клоцева сборника. «Если бы г. Миклошич заранее приучил себя к аналитической методе Востокова, то убедился бы, что и эти памятники, прежде филологического употребления, не менее всех других требуют очистительной критики; а убедившись в этом, он не стал бы оказывать такое безусловное доверие к каждой их форме, не отдал бы им решительного предпочтения перед древними памятниками других разрядов, даже едва ли сделал бы из них особый разряд»¹⁵.

В первой половине XIX в. известным престижем пользовалась теория Копитара, согласно которой в основе первых славянских переводов, выполненных Солунскими братьями в 60-х годах IX в.,

¹⁴ Билярский П. С. Судьбы церковного языка, 1 . . . , с. 14—15.

¹⁵ Там же, с. 15.

лежат говоры Паннонских славян, т. е. древних словенцев. Таким образом, Копитар считал старославянский язык древнесловенским языком. Не разделял этой гипотезы И. Добровский, который сам, однако, высказывался об этнической принадлежности старославянского языка крайне неопределенно и противоречиво. Одно время он склонен был считать его древнесербским языком *lingua serbica antiqua incognita*, позже «сербо-болгаро-македонским языком». Новый период в изучении данного вопроса начался в 1820 г., когда А. Х. Востоков опубликовал свое небольшое сочинение «Рассуждение о славянском языке», в котором доказывал, что первый перевод священного писания был сделан на язык, имевший в своей основе один из диалектов древнеболгарского языка. Этот взгляд быстро приобрел сторонников в России и в других странах. Однако еще сохранила сторонников и теория Копитара, которая была поддержана Миклошичом. Миклошич все древнейшие памятники славянской письменности классифицировал на паннонские, болгарские, сербские, хорватские и русские. Первые в наибольшей степени сохраняют черты кирилло-мефодиевского языка. Это не противоречит тому, что деятельность Константина и Мефодия протекала главным образом в Моравии. По мнению Миклошича, значительная часть Моравии в IX в. была заселена предками словенцев, а не мораванами.

Язык паннонских памятников письменности представлял, как известно, существенные отличия от языка Фрейзингенских отрывков. Это являлось серьезным препятствием для признания теории Копитара. Миклошич из этого противоречия вышел следующим образом. Уже в IX в. существовали два различных словенских диалекта. На одном говорили словенцы, жившие в районе Блатенского озера (совр. Балатон) и в Моравии. Их язык и лег в основу первых славянских церковных книг. На другом, отличном, диалекте говорили словенцы Каринтии. Именно этот диалект и отражен в Фрейзингенских отрывках.

Несмотря на большой авторитет Миклошича, значительное большинство славистов середины XIX в. в решении данного вопроса шло за Востоковым. Однако взгляд Востоковаставил перед исследователями немало сложных вопросов. На некоторые из этих вопросов и попытался ответить Билярский.

По мере знакомства с современным болгарским языком, с его поздними памятниками письменности, диалектами, языком народной словесности все ярче и рельефнее выявлялось существенное отличие его грамматического строя от старославянского языка. Это касалось прежде всего именного склонения, членных форм, некоторых синтаксических особенностей. Своеобразие болгарского языка, которое особенно подчеркивал Миклошич, ставило перед исследователями задачу изучения истории этого языка. Среди русских славистов середины XIX в. это глубже всех понимал Билярский. Исследователи старославянского языка того периода мало внимания уделяли изучению языка тех болгарских памятников, которые связывают собственно старославянский период с ново-

болгарским. Речь идет о языке памятников болгарской письменности, идущих от XII—XIV вв. Некоторые тексты этого периода изучались русскими славистами, но только в русских редакциях, так как они не ставили перед собою задачу изучения истории болгарского языка. Впервые в русском славяноведении Билярский приступил к изучению языка болгарского памятника не как специалист по старославянскому или древнерусскому языку, а как историк болгарского языка. И в этом его крупная заслуга.

Для Билярского очевидно, что многие вопросы не будут решены, «пока в болгарских рукописях среднего периода церковной литературы не будет найдено постепенное преобразование древнего церковного до нынешнего болгарского»¹⁶. Для решения этой задачи необходимо начинать изучение языка тех среднеболгарских памятников письменности, которые «еще не потеряя свойств древнего языка, в то же время представляли бы определенные особенности своего времени и посредством их примыкали бы к позднейшему состоянию болгарского языка»¹⁷. Для этой цели наиболее пригодны те сравнительно поздние среднеболгарские тексты, которые содержат в своем языке черты новоболгарского языка. Таким текстом, по мнению Билярского, и была Летопись Манассии.

Выбор Билярского не нашел полной поддержки среди русских филологов того времени. Сам он по этому поводу пишет: «Междуд тем нашлись люди, которые спрашивали, или, вернее, восклицали: «Какая польза для отечественного языка и словесности от разбора памятника, подобного Манассии?»! Если странно слышать такие восклицания против исследований о древнем и среднем болгарском вообще, то еще страннее это по поводу памятника, из которого, как показано гг. Востоковым и Чертковым, целые страницы заимствованы в русские летописи и хронографы. Такое мнение, конечно, не заслуживало бы внимания, и я не упомянул бы о нем, если бы оно не было высказано на ученом форуме»¹⁸.

Исследование памятника начинается с тщательного и всестороннего палеографического анализа. Здесь Билярский внес ряд весьма существенных коррективов в известный труд А. Д. Черткова «О переводе Манассийной летописи на славянский язык» (1843). Автор делает некоторые сопоставления патриаршего списка летописи с Ватиканским списком, пользуясь для этого данными Черткова, Шевырева и Востокова.

Для историка славянской палеографии представляет большой интерес та характеристика, которую дает Билярский состоянию русской палеографии первой половины XIX в. В своем исследовании Чертков утверждал, что вся рукопись написана одним почерком. «Автор, — пишет Билярский, — говорит: «все статьи Сборника писаны, кажется, одной рукой»: таково палеографическое

¹⁶ Там же, с. 22.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 38.

доказательство. Это «кажется» убедительно доказывает, что по-куда славянская палеография будет оставаться личным знанием, наглядной опытностью, искусством, а не наукой, до тех пор одним этим словом можно поддерживать самое смелое разногласие в палеографических мнениях¹⁹. Билярский ратует за самый точный и скрупулезный анализ начертаний букв, надстрочных знаков, заставок и пр. Этот анализ дает ему основание утверждать, что текст летописи написан двумя почерками. Убедительна аргументация Билярского о хронологии памятника. В отличие от Черткова, который относил летопись к XII в., Билярский считает, что «вероятнее было бы отоснить перевод к XIII веку, если бы не было причины почитать его произведением XIV века»²⁰.

После палеографического описания памятника идет издание его отрывков с указанием разночтений по Ватиканскому списку и греческого оригинала. Завершается труд описанием вокализма. В кратком «Прибавлении» автор полемизирует с Миклошичем по вопросу о языке семиградских болгар.

Основную часть исследования занимает глава «О среднеболгарском вокализме». Конечно, нет ничего удивительного в том, что у современного читателя она может порой вызвать ироническое к себе отношение. Некоторые утверждения и формулировки автора теперь могут казаться наивными и даже ошибочными. Но то же самое можно сказать о трудах почти всех современников Билярского, в том числе и о сочинениях Востокова. Критиковать с позиций современной науки систему доказательств и терминологию Билярского было бы бесполезным занятием. Важно другое. Некоторые положения автора свидетельствуют о том, что он по ряду кардинальных вопросов исторической фонетики высказывал такие мысли и соображения, которые в полной мере стали понятными и важными лишь в языкознании XX в. Я имею в виду прежде всего его характеристику сверхкратких з и ৎ.

В течение длительного времени в славянском языкознании упорно защищался взгляд, согласно которому сверхкраткие гласные з и ৎ рассматривались как гласные второго ранга, гласные непостоянные, ослабленные и т. д. Отсюда сам термин «редуцированные», который упорно держится до сих пор. В лекциях по сравнительной грамматике славянских языков проф. Р. Ф. Брандт еще в XX в. учил: «з и ৎ можно отождествлять с русскими глухими из безударных а (о), е (и) и в начальных слогах речений: пъмагать, бърегу»²¹. Даже в наше время А. Вайан мог писать: «По своему звучанию они (т. е. з и ৎ. — С. Б.) были звуками неясными и непостоянными»²². В понимании природы сверхкратких, их места в системе языка Билярский был ближе к истине, нежели некоторые наши современники. Он не устает повторять, что «з и ৎ звуки

¹⁹ Там же, с. 24.

²⁰ Там же, с. 29.

²¹ Брандт Р. Ф. Краткая сравнительная грамматика славянских языков (Фонетика и морфология). М., 1915, с. 7.

²² Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 34.

определенные и самостоятельные с фонетической стороны», что они являются «звуками самостоятельными, отличными от других качеством звука»²³. Билярский резко возражал Срезневскому, который в «Мыслях об истории русского языка» учил, что сверхкраткие хранятся в русском языке доныне в немногих остатках старины, как междометия *гмъ*, *бръ*, в произношении *чълаекъ* вм. *человекъ*. «Ясно, что г. Срезневский дает понятию полугласных какой-то общий, современный смысл, в каком их можно находить не только в славянских, но и в разных других языках... Между тем, говоря о славянских языках, надо было понимать полугласные именно в том виде, в каком они являются в церковнославянском языке... В круге означенных исследований дело идет собственно об исторической судьбе именно этих, положительно данных полугласных, а не о каком-нибудь физиологическом свойстве или явлении человеческого языка вообще»²⁴. Выражаясь современным языком, Билярский относил сверхкраткие гласные к самостоятельным фонемам, а не к вариантам фонем. Билярский имел представление об иерархии звуков более глубокое, нежели Срезневский и Брандт.

Естественно, что у Билярского еще не было и не могло быть ясного и четкого представления о сильной и слабой позициях сверхкратких, в ряде случаев он не понимал, что под написаниями *ъ* и *ъ* могут скрываться совершенно различные фонетические явления. Естественно, что чередования *ъ с ѿ* и *ъ с и* он рассматривал только на фонетическом уровне. И тем не менее для того времени анализ употребления сверхкратких в летописи Манассия можно считать безупречным.

Важнейшим разделом главы является параграф о носовых гласных. Совсем еще недавно было сделано открытие Востокова, что под кириллическими буквами *ж* и *ѧ* скрываются носовые гласные. Это было доказано Востоковым сравнением старославянских слов, содержащих юсы, с соответствующими словами польского языка. Это сравнение нашло большую поддержку в среднеболгарских памятниках, характерным признаком которых является мена юсов. Востоков заметил, что и в польском в одних и тех же словах носовые могут чередоваться (*dąb* — *dęby*, *pięć* — *piąty* и под.). Примечательно, что ни Добровский, ни Копитар не признали открытия Востокова. Тем не менее оно быстро утвердилось в славянском языкоznании как в России, так и за рубежом. У Билярского в данном случае не было никаких сомнений. Но он не просто повторил аргументацию Востокова. Он нашел новый аргумент, опирающийся, как бы мы теперь сказали, на условия дополнительной дистрибуции, т. е. на чередования типа *жати* — *жанж.*

В центре наблюдений автора стоит вопрос о мене юсов. «Наш памятник в употреблении юсов, — пишет Билярский, — как замечено выше, постоянно соответствует древне-церковному право-

²³ Билярский П. С. Судьбы церковного языка, 1..., с. 66.

²⁴ Там же, с. 13—14.

писанию, но отличается от него тем, что смешивает юсы, что и признано отличительной особенностью среднеболгарского и верным признаком его в рукописях. Но до сих пор, кажется, не было замечено, что это злоупотребление в среднеболгарском имеет свои границы»²⁵. Билярский впервые в истории изучения языка среднеболгарских рукописей дает всестороннее и точное описание всех позиций этой мены в патриаршем списке Летописи Манассии. Для того времени это описание можно считать образцовым. Автор прежде всего выделяет случаи и позиции, в которых мены нет, где употребление юсов точно соответствует старославянской традиции. Так, после букв *л*, *м*, *и*, *ρ*, *а*, *т*, *з*, *б*, *п*, в корневой части слов мены носовых нет. «Действительно, можно подумать, что писец имел в своем выговоре верное средство правильно передать древние юсы, что правильный их выговор не потерпел еще значительных искажений. Но чтобы разочароваться, стоит только со вниманием рассмотреть употребление юсов в других случаях, из которых открывается, что более или менее ясное различие их в выговоре зависело от свойства предшествующих им согласных, и что сами по себе они, если и имели какое-нибудь звуковое различие, то столь незначительное, что оно не могло руководствовать писца к постоянному, не говорим уже правильному, их употреблению»²⁶. Автор описывает случай мены после шипящих *ж*, *ш*, после *щт*, *жд*, после *ј*, *џ*, строго разграничивает позиции в корне и в окончании слов.

Билярский не ограничился лишь описанием всех случаев мены юсов. Естественно, он пытался за этой меной вскрыть подлинную природу самого явления. Принять его толкований теперь уже нельзя. Но не будем очень строги к Билярскому: ведь он мог опираться только на один памятник. Он не имел никаких сведений о следах среднеболгарской мены носовых в народных говорах болгарского языка. Эти сведения ученые получили значительно позже. Важно знать, что Билярский был первым ученым, давшим всестороннее и точное описание всех случаев мены юсов в одном среднеболгарском памятнике. Многие из его наблюдений прочно вошли в болгаристику.

В параграфе о *ѣ* Билярский справедливо указывает на близость этого гласного в болгарском к гласному *а*. Это подтверждается не сопоставлением с другими языками, а данными церковнославянских памятников письменности. «Главным основанием для решения вопроса о букве *ѣ* остается все-таки сам церковный язык, и как бы ни было скучно определенностью решение вопроса на этом основании, все же филологи должны скорее удовольствоваться этим скучным, но прочным фундаментом, нежели прибегать к вероятным, но недостоверным предположениям и догадкам»²⁷. Здесь мы видим четкое изложение одного из фундаментальных

²⁵ Там же, с. 80.

²⁶ Там же, с. 81.

²⁷ Там же, с. 104.

принципов Билярского, которым он неукоснительно руководствовался в своих исследованиях: прежде всего необходимо исходить из данных самого языка, а уже затем привлекать факты родственных языков. Это положение прочно вошло в сознание лингвистов лишь в XX в.

Описание употребления других гласных в Летописи Манассии (гласных ё, а, ы и др.) не представляет особого интереса. Оно свидетельствует, что Билярский не различал фонетических позиционных изменений от грамматических чередований. Но кто в этом может упрекнуть Билярского? Ведь даже в трудах многих современных ученых мы постоянно сталкиваемся со смешением фонетики и грамматики!

Завершается основная глава общими соображениями автора об эволюции болгарского языка. Билярский полагает, что утрата склонения в болгарском языке была обусловлена фонетическими преобразованиями среднеболгарского периода. В противоположность Миклошичу он не склонен видеть в этом результат внешнего влияния: «А для меня ясно, что исследование преобразования языков совершенно напрасно начинать предположениями внешних влияний и отвлечеными об них рассуждениями, и что во всяком случае нужно прежде всего знать положительно историческую судьбу подлежащего объяснению материала»²⁸. Думаю, что теперь с этим положением Билярского должны согласиться не только противники теории субстрата, но и те лингвисты, которые в эволюции языков придают большое значение контактам языков.

«Прибавление» к книге, на первый взгляд, не имеет непосредственного отношения к теме исследования. Но это только на первый взгляд. В действительности же теория Миклошича о языке семиградских болгар имела прямое отношение к основной проблематике истории болгарского языка. Здесь была сделана новая попытка доказать справедливость теории Копитара—Миклошича о паннонском происхождении старославянского языка. Билярский убедительно показал несостоятельность этой попытки.

П. С. Билярский работал в те годы, когда изучение истории болгарского языка находилось еще на самой начальной стадии. Очень скучными были сведения о языке болгарских памятников письменности, не существовало еще болгарской диалектологии. Несмотря на это, одному из первых русских болгаристов удалось внести существенный вклад в болгаристику, решить ряд важных вопросов и наметить пути дальнейших исследований. Среди русских болгаристов XIX в. имя Билярского должно стоять на одном из первых мест.

²⁸ Там же, с. 135.

ГРАФИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЫЛЬСКОГО Б ЕВАНГЕЛИЯ НАЧАЛА XIV в.

• Рыльские глаголические листки XI в.¹ и два кириллических евангелия на пергамене (Рыльское А евангелие XIII в. и Рыльское Б евангелие начала XIV в.) являются древнейшими памятниками, хранящимися в библиотеке Рыльского монастыря. В первом описании рыльских рукописей, сделанном В. Чолаковым в 1859 г.,² Рыльское А евангелие числится под № 9, в описании Е. Спространова³ — под № 1/13. По типу письма эта рукопись схожа с Карпинским евангелием (ГИМ, Собрание Хлудова № 28) и с Норовским евангелием (ГИМ, Собрание Уварова № 38 (289)). Об отдельных особенностях языка этого памятника писали Л. Милетич⁴ и К. Мирчев⁵.

Предметом изучения в данной статье является Рыльское Б евангелие, которое до сих пор не исследовалось в лингвистическом отношении. О Рыльском Б евангелии нет упоминания в описании В. Чолакова. Можно предположить, что в середине прошлого века рукопись не находилась в Рыльском монастыре. Впервые о ней сообщают Б. Цонев⁶ и Л. Милетич⁷. Оба ученые считают ее памятником XIV в. В описании Е. Спространова, вышедшем в 1902 г., рукопись находится под № 1/12 и отнесена к XIII в.⁸

В последнее время было опубликовано подробное археографическое и палеографическое описание рукописи Рыльского Б евангелия, в котором она датирована началом XIV в.⁹

По содержанию рукопись представляет собой евангелие апракос с началом Лк 12.16. Она состоит из 29 листов. Не сохранились начало (8 тетрадей, т. е. 64 листа) и конец кодекса. Текст написан

* © Боряна Велчева, 1982 г. ■

¹ Гошев Ив. Рилски глаголически листове. София, 1956.

² Чолаков В. Български книжици, 1856, год. IV, бр. 21, ч. 3, с. 688—692.

³ Спространов Е. Опис на ръкописите в библиотеката на Рилския манастир. София, 1902, с. 15.

⁴ Милетич Л. Членът в българския и руския език. — СБНУ XVIII. София, 1901, с. 14—15.

⁵ Мирчев К. Неизвестные лексические варианты в одном среднеболгарском недельном евангелии XIII века. — Prace filologiczne, 1964, XVIII, с. 2, 407—411; Он же. За одно старобългарско наименование на «квачаката». — Български език, XI, 1959, с. 252—253.

⁶ Цонев Б. Ръкописната сбирка в Рилския манастир. — Български преглед, 1900, кн. X, с. 3.

⁷ Милетич Л. Славянските ръкописи в библиотеката на Рилския манастир. Слопмен от Рилския манастир. София, 1902, с. 63.

⁸ Спространов Е. Указ. соч., с. 15.

⁹ Велчева Б. Към среднобългарската палеография. Ръкопис № 1/12 от библиотеката на Рилския манастир. — Palaeobulgarica, 1977, 1, кн. 3, с. 13—32.

две писцами. Второй писец заполнил две страницы — л. 11а (начиная с 7 строки) и л. 11б.

В написанной первым почерком части рукописи употребляются следующие буквенные, надстрочные знаки, знаки препинания и цифровые знаки.

а. Буквенные: абкгдежзи тікамнопрстоуұғұжұ

В редких случаях встречается также з (два раза), о широкое (три раза в отъ-), ё (два раза в ёчи), перевернутое надстрочное э (глаци 7а, слышит 10б — и два раза в конце строки). Отмечены следующие лигатуры: р и Ѳ, т и к, т и р, т и и; а и у в ҏауи (ҏадоуи), л и к в лоука.

б) Надстроочные:

1) Спиритус аспер или точка над ё, и, А, Ж, а в интервокальном положении, которые употребляются непоследовательно.

2) Двойной гравис и двойной акут — встречаются наиболее часто над *ы*: *силы* (3 случаев), *ты* (6 случаев), *ы* (1 случай), *ыж* (9 случаев), *турьбы* (1 случай). Как ударение может быть истолкован знак над *и* в *сылы* 25а.

3) Паерок между согласными встречается в 83 случаях.

4) Интерес представляют несколько случаев, в которых надстрочный знак ставится между буквами, обозначающими согласный и гласный звуки: жн'ж 7б, Лк 19.22; н'еи 7б; н'емъ 16б; н'емъ 20б. Эти написания свидетельствуют о связи с орфографией, в которой обозначалась мягкость согласных. Сравнительно часто встречается точка над г в ёго, гкоёго (в случаях), что объясняется, по-видимому, влиянием местоименных форм ёю, ёй и под., в которых два надстрочных знака следуют друг за другом.

5) Простые и буквенные титлы. Простым титлом в памятнике служит неперечеркнутая черта.

в. Сокращения. Под простым титлом употребляются сокращенные написания следующих морфем¹⁰: ангел- англ-; бог- б- (бъ, бома и др.); божк- бж-; благ- блг-; блажк- блж-; въскръс- въскрс-; глагол- гл-; господ- г- (гъ, ги и др.); господин- гн-; ден- дн-; давидов- даѣ-; доух- ах-; доус- ас-; доуш- аш-; исоус- ис-; икоус- ис-; икоусов- иск-; крыщ- крщ-; молитв- матк-; мол- мл; небес- нес-; нынѣ- ннѣ; сльниц- сльнц-; сват- ст-; сватааго стто; съпас- спс-; сващ- скщ-; сын- сн; оченик- оченк-; очениц- оченц-, очинц-, ѹчинц-; очител- очигл-; очигл-; ѹчтгл-; отъц- ѿц-; отъч- ѿч-; црквь- цркв-; царьство¹¹ цраство; чловѣк- члк-; чловѣч- члч-; чловѣчск- члваск-.

¹⁰ Раскрыты сокращения даются в соответствии с правописанием памятника.

¹¹ Или цѣарьство, ср. в части памятника, написанной вторым почерком на л. 11б: царство наряду с синомъ, человѣческимъ, ангелы.

Сокращенные слова имеют в памятнике высокую фреквентность. Кроме упомянутых сокращений, которые известны и многим другим памятникам, в Рыльском евангелии часто употребляются также сокращения с надстрочными буквами. Распространены и несокращенные формы с надстрочными буквами.

I. Наиболее часто над строкой пишется буква д. Такие написания наблюдаются в следующих случаях:

а. В сочетании жд: ^дсжж, ^дсзижж, ^дпродажа, ^дтажа, ^дтожема, ^дкало.

б. В сочетании зд: ^дпразника, ^дразди, ^дказдахж, ^дказери, ^дзаки.

в. Между двумя одинаковыми буквами, одна из которых опускается:

1. -ада-: ^дмла, ^дgra, постграти, ^дзапа.

2. -ѣдѣ-: ^двсрѣ, посрѣ, скѣтѣла.

3. -еде-: ^дзѣкоба, ^дкета, ^дпракена (вероятно, по аналогии с не-^дпракеніем).

4. -одо-: ^дзюб, ^днарома.

5. -ада-: ^дпришка, ^дсрце.

6. -ждж-: ^дбжта.

7. -иди-: ^дказненавитга.

г. В предлогах и приставках: ^дпрѣ, ^до, ^дпрѣстожциима.

д. В словах ^дкогда, ^дтогда, ^дкогда, ^дега. Может быть, такое написание было вызвано стремлением избежать старого колебания между написаниями когда и кодга и под., встречающимися в памятниках.

е. В конце строки.

ж. Другие случаи: ^драи, ^дра, ^дсаны, ^дча (чадо), ^дчюса (чудеса). ^драуєте, ^двиноград.

II. Надстрочная буква х встречается:

а. В глагольных окончаниях: ^храсточи, ^хад, ^хположи, ^хби.

б. В падежных окончаниях: ^хнесь, ^хчайѣ, ^хтрыжици, ^хслакны^х, ^хпрѣмжадри, ^хтѣ, ^хвѣдѣ, ^хси, ^хи, ^хсвои, ^хмои, ^хтѣ, ^хменаши, ^хбыважци, ^хзаканы и др.

III. Надстрочная буква т употребляется:

а. Между двумя одинаковыми буквами, обозначающими гласные, одна из которых может быть опущена: ^тсткории, ^траби, ^тбра, ^тпома.

б. В глагольных окончаниях:

1. С сохранением конечной буквы *и*: *ходи^иа*, *боли^иа*, *беже^иа*, *киса^ить*, *иде^иа*, *рекже^иа*, *приходи^иа*.

2. С пропуском конечной буквы *и*: *боли^т*, *сж^т*, *беже^т* же.

в. В других случаях.

IV. Надстрочная буква *с* употребляется:

а. В сочетании *ст*: *спти*, *дointь*, *матына*, *цртко*, *м^тго*, *к^тть*, *ю*, *бы*, *да*, *кл^т*. Некоторые из этих форм представляют собой старые сокращения, в которых буква *с* ранее не была надстрочной: *спти*, *ц^тртко*. Аналогичными являются и случаи: *блкен^с*, *Ірлм^с*, *небыл^сж*, *вскрет^ся*.

б. В конце слова: *ча^с*, *ка^с*, *да^с*.

Некоторые написания, например, *мышл^таше*, по-видимому, можно было бы интерпретировать как проявление колебания между более старой формой *мышл^таше* и более новой — *мысл^таше*.

V. Надстрочная буква *о*: *пррк^ти*, *мла*, *изб^титка*, *ег^т*.

VI. Надстрочную букву *ч* находим в сегменте *-e^ч-* (вм. сочетания *-еч-*): *дал^ч*, *ре^ч*.

VII. В ранних памятниках надстрочная буква *м* встречается редко. В XIV в. случаи надстрочного написания буквы *м* учащаются. В Рыльском Евангелии находим прежде всего в падежных окончаниях: **з^маны^х*, *ва^м*, *гробо^м*, *пра^мк^х*, *архиеро^м*. Отмечен также единичный случай надстрочного написания *м* в глагольном окончании: *пропове^мда^х* 15б.

VIII. Надстрочная буква *л* наиболее часто встречается над *м* и над *т*. Можно предположить, что эти написания возникли под влиянием глаголических лигатур: *з^леми*, *м^лт^лы*, *8^луг^л*.

IX. Надстрочная буква *н*, кроме постоянно встречающихся форм *д^ни^н* и *ш^н*, отмечена также в единственном примере в конце строки: *каме^ни*.

Кроме перечисленных выше типов сокращений находим и такие, которые хорошо известны из многочисленных евангелических текстов. Данные сокращения встречаются часто в пояснениях к евангельским чтениям, например: *сж^н*, *еу^н*, *г^н*, *н^не^н*, *м^н*, *и^нш^н*, *кели^н*, *по^н*, *еу^нл^на*, *м^напо^н*, *и^нша^н*, *м^нка^н*, *л^ну^н*, *8^н*, *г^нл^н*, *ша^н*, *к^нт^н*, *сыроп^н*, *м^насна^на*, *ч^не^н*, *кто^н*, *ср^нк^н*, *сжбогта^(sic)* 17б, *у^н (sic)* 17а и др.

г. Знаки препинания. В первом почерке всюду употребляется одинарная точка, за исключением 8 случаев, в которых знаком препинания является запятая.

д. Цифровые. В памятнике употребляются следующие буквы, имеющие цифровые значения:

а — 1	е — 5	ө — 9	м — 40	п — 80
к — 2	с — 6	и — 10	н — 50	Г — 90
г — 3	з — 7	к — 20	է — 60	ր — 100
ձ — 4	ի — 8	լ — 30	օ — 70	Ը — 200

Встречаются также «11» и «12» в следующем оформлении: *ա, ակ.*

В части, написанной второй рукой (л. 11а — б), употребляются следующие знаки:

а. Буквенные: *աբգդյշզկմնօրտօչչֆշվչկյունկայա.*

б. Надстрочные знаки не встречаются. Исключение составляет простое титло (перечеркнутая черточка) и два случая, употребления буквенного титла.

в. Знаком препинания является двоеточие.

г. Цифровые знаки в части второго писца не встречаются.

В части, написанной вторым почерком, сокращения более редки, чаще встречаются лигатуры. Лигатурно связанными буквами являются *ա և կ, թ և է, տ և կ, ձ և կ.* Титло встречается и над полностью написанными словами: *սինալ շլօքեցին 11ա; սին շլօքէց 11ա; ճեղէտ 11ա;* ср. также *դարձ 11б.*

Количественное сопоставление графических средств Рыльского Евангелия, с одной стороны, и других евангелических памятников, с другой, — дает возможность определить его приблизительное место в ряду этих памятников. Полученная характеристика, а также отдельные ошибки и отступления от принятой в памятнике орфографической нормы содержат известную информацию о времени и месте создания Рыльского Евангелия. Кроме того, проведенный анализ показывает, что в этой рукописи нашли отражение различные графические системы и различные орфографические правила. Это обнаруживается не только в частях, написанных разными писцами, но и в отдельных местах текста, написанного первой рукой (см. избранные евангельские чтения до л. 19 и следующие за ними до 29б) ¹².

Отмечается также смешанное употребление графических средств первым, основным, писцом. Можно предположить, что к факторам, вызвавшим это смешение, относится не только влия-

¹² Текст Рыльского Евангелия был сопоставлен с аналогичным текстом в некоторых изданных и хорошо известных евангелических памятниках по следующим изданиям: *Ягич В.* Марийское Евангелие. СПб., 1883; *Ягич В.* Quottuor evangeliorum codex glagoliticus, olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Berolinii, 1879; *Курц І.* Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus, t. 2. Praha, 1955; *Щепкин В. Н.* Саввина книга, СПб., 1903; *Донев Б.* Добрейшово четвероевангелие. Среднобългарски паметник от XIII в. — Български старини, кн. I. София, 1906; *Он же* Врачанско Евангеле. Среднобългарски паметник от XIII в. — Български старини, кн. IV. София, 1914; *Мошин Вл.* Македонско Евангелие на иоан Йован. Скопје, 1954.

ние разговорного языка, но прежде всего и отражение орфографических правил, свойственных различным в территориальном и хронологическом отношении школам письменности.

Сведения об этих различиях мы получаем прежде всего из анализа дистрибуции таких букв, как а, ё, і, и, о, оу, є, ѿ, Ѻ, Ѽ, Ѵ, ѵ, Ѷ, ѻ, ѽ, ѷ, Ѹ, ѹ и др. Показательными в том или ином отношении являются также взаимные замены таких букв, как ѿ и Ѻ, ѿ и о, а и ј, ј и а, Ѷ и а, а и Ѵ, ѿ и ѻ, и и Ѵ и др. Эти случаи сопоставляются нами с древнеболгарскими и среднеболгарскими орфографическими нормами.

Юсы

Рыльское Евангелие является типичным среднеболгарским памятником, в котором не соблюдаются последовательно определенные правила употребления юсов. Вероятно, данная рукопись отражает тот момент развития какого-то книжного центра, в котором в конце XIII—начале XIV в. в ситуации смешения норм употребления юсов намечалось два возможных выхода из этого положения, а именно: или принять правописание с употреблением одной из указанных букв¹³, или же принять распространявшееся в XIV в. в Западной Болгарии сербское правописание с ѿ и є¹⁴. В целом неправильное употребление ј и ј характерно прежде всего для памятников XIV в., происходящих из западных областей. В культурных центрах, таких как Зограф и Тырново, некоторые правила употребления юсов соблюдаются сравнительно строже. В первом почерке описываемого памятника отмечено несколько редких случаев употребления а вм. ј, свидетельствующих о тенденции к одноюсовому правописанию (см. ниже). Во втором почерке встречается почти одна только буква а.

В первом почерке Рыльского Евангелия на месте древнеболгарских знаков носовых гласных писец употребляет буквы а и ј. В ряде мест встречаются и неясные начертания, которые трудно идентифицировать с а или ј (см. ниже).

В употреблении юсов первым писцом отразилось смешение трех различных орфографических систем, а именно — системы без смешения знаков носовых (под влиянием древнеболгарского образца или собственного говора), и двух систем, характеризующихся смешением этих знаков: 1. орфографической системы

¹³ По отношению одноюсового правописания следует различать две группы кириллических памятников: ранние, которые связаны с глаголической графикой (см.: Велчева Б. Въпроси на късната глаголица. Носовките във вървия почерк на Охридския апостол. — Български език, 1966, кн. 1, стр. 3—9), и поздние. В поздних памятниках одноюзовое правописание выступает как известный выход из ситуации второй половины XIII в., характеризующейся сильным смешением юсов в связи с начавшимся процессом деназализации носовых гласных.

¹⁴ О подобном развитии свидетельствуют данные целого ряда памятников. Ср., например, Пловдивское Евангелие конца XIII в., в котором употребляется только один юс и иногда ѿ на месте ј. Ср. также Симеоново Евангелие, написанное в 1361 г. в Рыльском монастыре (рукопись № 31 из НБКМ) и многие другие.

с шж, жж, ча и ж в интервокальной позиции или, точнее, после знаков гласных и в начале слова; 2. орфографической системы с шж, жж, ча и а после знаков гласных и в начале слова; соотношение случаев с ж и а, в том числе на месте (иж и я), — 222:42. Среди сравниваемых нами памятников¹⁵ данная рукопись занимает следующее место (см. табл. 1).

Колебание в употреблении ж и а на месте знаков я и ј особенно явно проявляется в тех 10 случаях, в которых буква ж исправлена на а (и наоборот), или же в случаях, когда в написании улавливаются элементы буквы ж и буквы а. В результате возникают затруднения при прочтении текста: искоша?и 4б, при?гъ 10а, масна? (вин. ед.) 13б, а (вин. ед.) 17а, оубижтъ 18б, ?же (вин. ед.) 19а; к'кюани? 22а, до кръке захария 27б, којж смртия 29б¹⁶.

Согласно орфографической норме, которой придерживается первый писец, после букв л, н, р для этимологических *nj*, *lj*, *rj* и знаков мягких лабиальных согласных должна была стоять буква а. Сопоставление с аналогичными отрывками в других привлеченных к сравнению текстах среднеболгарских показывает, что в этом отношении Рыльское Б евангелие ближе к Бр и Мак, чем к Дш. (см. табл. 2).

Можно привести несколько примеров, наглядно свидетельствующих о том, насколько писцу было трудно следовать среднеболгарскому правилу. Ср: 1) Случай колебания в употреблении знаков носовых после букв, обозначающих сонорные согласные — исправления ж на а (и наоборот), или случаи, когда писец начинал писать один знак, но исправлял его или заканчивал другим: гор?ще 2а, кон? 22б, гл?тъ 18б, мл?тын? 2а, гн? 14а, жен?тъ са 25а, начан?тъ За и др. 2) Неправильное употребление а вместо ж (случаи сверхстарательности — гиперизма): траинъм 24а, сграна 7а, халагы За, слакши 11б (в древнеболгарских евангелиях и в Дш — слажка, в Мак — слака Лк 13, 10).

По всей вероятности, данные случаи можно интерпретировать как указание на то, что в родном говоре писца гласный после этимологических *nj*, *lj*, *rj* имел заднее образование, и правило употребления буквы а было понято им неправильно, а именно как «пиши а после л, н, р».

Подобное колебание в употреблении юсов наблюдается и в некоторых случаях после букв, обозначающих лабиальные согласные шюм?цуу 10б, кел'бжда (здесь буква а исправлена на ж).

¹⁵ В работе употребляются следующие сокращения: Рыльское Б евангелие (Рыл), Добрейшово евангелие (Дш), Македонское евангелие (Мак), Саввина книга (Сав), Ассемиево евангелие (Ассем), Зографское евангелие (Зогр), Зографское II евангелие (Зогр II), Мариинское евангелие (Мар), Врачансское евангелие (Вр).

¹⁶ Знак ? ставится там, где в написании буквы улавливаются элементы ж и я.

Таблица 1

На месте дрб. ик				На месте дрб. я				На месте дрб. як				Всего			
	ж	ик	я		ж	ик	я		ж	ик	я		ж	ик	я
Мак	57	32	6		42	14	7		99	46	13		1		
Дш	74	28	2		20	8	30		94	36	32		8		
Вр	109	11	8		65	—	3		174	11	11		—		
Рыл	130	—	24		92	—	18		222	—	42		—		

Таблица 2

дрб. як				дрб. я				дрб. як				дрб. як				Соотноше- ние в целом	
	дрб.	як	я		дрб.	як	я		дрб.	як	я		дрб.	як	я		
	дрб.	як	я		соотноше- ние	дрб.	як		дрб.	як	я		дрб.	як	я		
Дш	9	1	4		2	13:3	36		22	—	58:2	1	1	4	1	5:2	76:7
Мак	4	7	—		6	4:13	—		16	0:51	—		4	5	0:9	4:73	
Вр	2	8	—		5	2:13	2		20	2:53	—		4	4	0:8	4:74	
Рыл	2	9	—		9	2:18	1		23	1:77	1		2	7	3:8	6:103	

Такие примеры как *такжт са* 12б, 13а (буква ж исправлена), *приматъ 8а*, наряду с *прид?тъ 10б*, *жен?тъ са 25а*, *гл?тъ 18б*, представляют несомненный интерес с точки зрения морфологии некоторых среднеболгарских говоров и могут, по-видимому, свидетельствовать о тенденции к обобщению одного окончания 3 л. мн. ч.

После букв *ш*, *ж*, *щ*, *жд* (которые мы условно обозначаем как III) соотношение букв *ж* и *а* является следующим (см. табл. 3).

Таблица 3

	дрб. шж		дрб. шж		Соотношение ж : а
	ж	а	ж	а	
Дш	10	3	4	9	14 : 12
Мак	9	1	8	2	17 : 3
Вр	11	—	9	1	20 : 1
Рыл	9	5	14	3	23 : 8

В соответствии со среднеболгарскими правилами орфографии в этих случаях следовало употреблять только букву *ж*. Первый писец Рыльского Б евангелия стремился строго следовать данной орфографической норме, но, как показал анализ, ему это удалось в меньшей степени, чем писцу Врачанского евангелия. Может быть, смешение гласных, продолжающих носовые, не было для него живой разговорной чертой. Случай колебания наблюдаются в следующих примерах: *къзпиш?* 3б, *разоумѣш?* 28а, *чаш?* 19б, *кѣрокаш?* 21б, *дш?* 1а, 17а, *къзаш?* 21а, *полож?* 25б.

После буквы *ч* такое разнообразие в употреблении юсов в Рыльском Б евангелии не отмечается (см. табл. 4).

Таблица 4

	дрб. чж		дрб. чж		Соотношение ж : а
	ж	а	ж	а	
Дш	3	4	—	9	3 : 13
Мак	2	8	—	6	2 : 14
Вр	5	6	8	2	13 : 8
Рыл	—	12	1	11	1 : 23

Колебание в выборе написаний с одним из юсов наблюдается и в причастных формах, сп.: *къход?щж* 15б, *сѣд?ща* 16б, *сѣд?цили* 4б.

Немаловажными являются и несколько случаев колебания в употреблении юсов в местоименных формах *са* и *ма*: *кесели сж*

1а, нареци сж 9б, аблазните сж 10б, помолити сж За (с буквой ж, исправленной на а), бы же кого мж глесте быти 18б. Количественное соотношение примеров с сж (4) и мж (1) могут подсказать, каким образом возникли формы мж, тж, сж в болгарских говорах. Если можно допустить, что появление сж обусловлено фонетическими причинами¹⁷, то наличие форм мж, тж свидетельствует, очевидно, об обобщении данной гласной морфонемы.

Таким образом, смешение букв ж и а в Рыльском Б евангелии свидетельствует о том, что: 1. писцу оказалось трудным соблюдать принятую среднеболгарскую орфографическую норму употребления юсов. Этот факт, со своей стороны, указывает на то, что среднеболгарские орфографические системы отражали различные с точки зрения диалектной принадлежности и хронологии языковые черты; 2. колебания и ошибки встречаются прежде всего после букв, обозначающих лабиальные согласные, сонорные, сибилянты и *j, а также в глагольных окончаниях и причастных формах; 3. при наличии трудных и неясных случаев выявляется тенденция писать а, или же писец начинает писать ж, но исправляет эту букву и заканчивает ее как а. В памятнике отмечено несколько случаев, которые явно сближают Рыльское Б евангелие с теми рукописями, в которых употребляется только а: настапати 1а, забомъ 3б и др. Для установления произношения ж и а представляют интерес следующие примеры: приата 10а (с буквой а написанной по е?). Такое же исправление наблюдается и в камѣгаце 8а. Эти два примера подсказывают, что произношение звуков, изображаемых буквами а или е, было близко. О произношении ж мы в какой-то степени можем судить по примерам постжца са 6б; кжснита 28б, стжгны 2б. В этих трех примерах ж употреблена в корневой морфеме на месте з в слабой позиции. Важен и пример са дроугы скими, который убедительно свидетельствует об одинаковом произношении гласных, заменивших дрб. ж и дрб. з (о са и сж см. выше), а также пасца ба.

Буквы а и з

В первом почерке встречается только один из этих знаков, а именно — а. Он употребляется на месте дрб. з в сильной или слабой позиции, а также на месте дрб. ь в слабой позиции. На месте дрб. ь в сильной позиции находим в Рыльском Б евангелии букву е.

Сопоставление текста Рыльского Б евангелия с другими евангелическими текстами раскрывает типичные для Рыльского евангелия черты. В корневых морфемах и приставках не отмечены случаи с о вм. дрб. з, которые могли быть показательными для определения диалектной основы отраженных в памятнике черт. В сохранившемся тексте встретилось 13 случаев, в которых мы

¹⁷ Ср. также в памятнике такие формы, как само (скмо), посажаже 28а наряду с птецж (вин. мн.) 27б и ѿата 21б, ѿапѣнѣваеть 18а.

могли бы ожидать «вокализацию» дрб. з в корневой морфеме в таких словах, как *сънамице*, *бъна*, *тъкъмо*, *ръпътадъж* и т. п. Соотношение примеров с о и с з в сравниваемых случаях текста следующее (см. табл. 5).

Таблица 5

Памятник	Мар	Зогр	Зогр II	Ассем	Сав	Дш	Мак	Вр	Рыл
ъ о	8 6	13 —	2 —	14 2	13 —	10 —	8 —	10 4	13 —

Характерными для памятника являются формы со з в кон и тои. Исключение составляет тли 29б. Отмечен единичный пример каждого 1б.

С точки зрения колебания в употреблении о и з в когда /когда, тогда/ тъгда в Рыльское евангелие входит в одну группу с такими памятниками, как Ассеманиево евангелие, Саввина книга, Добрейшово евангелие и Врачанско евангелие (см. табл. 6).

Таблица 6

Памятник	Мар	Зогр	Ассем	Сав	Мак	Дш	Вр	Рыл
ъ(ъ) о	11 6	9 7	15	11	14 1	14	12	16

В двух примерах находим вторичный [з]: есама 20б, петръ 18б. В сопоставленных нами памятниках подобные случаи характерны прежде всего для Добрейшова евангелия, где мы находим 5 подобных примеров.

Очень важным фактом является замена буквы з буквой о в суффиксальных морфемах. Ср. следующие случаи: крѣпокъ 21б, крѣпокъ 9б, избытъка 9б Лк 15.1 (в остальных памятниках данное слово в этом тексте не употреблено), избытъка 8а, Лк 21.4. Последний пример может быть показателен для характеристики говора переписчика, так как в оригинале ясно видно, что первоначально было написано избытка (ср. в этом же стихе избытка в Дш и избытъка в других памятниках); затем буква и была исправлена на ы, а а на з. Над словом дополнительно надписана буква о (ср. греческое соответствие в ед. ч. — тοῦ περιδέουοντος).

Перед указательным местоимением, употребленным постпозитивно, буква о встречается достаточно часто, а именно: о находим в семи случаях, з — только в одном. Сравниваемые тексты дают

следующее соотношение в употреблении *з* и *о* в данной позиции: Дш — 0 : 4, Мар — 4 : 3, Зогр — 3 : 1, Зогр II — 2 : 1, Асsem — 3 : 2. Врачанскому Евангелию присущи конструкции типа *рабъ тъ*, *образъ сми* и под.

Однако случаи, которые могут быть сопоставлены, немногочисленны. Кроме того, общими для целой группы памятников являются часто встречающиеся примеры типа *работа* и *работъ*, в которых можно предположить взаимовлияние при копировании. И все же общее соотношение примеров, в Рыльском Б Евангелии в пользу написаний *с о* представляет интерес. Уникальной является зафиксированная в этом памятнике форма *работа* 14.21, л. 20 (Мар, Сав *рабъ тъ*; Асsem, Вр *рабъ тъ*; Зогр, Дш, Мак *рабъ*).

Дрб. *а* в сильной позиции передается в Рыльском Б Евангелии буквой *е*, например: *темници* 12, *чест'нти* 4б, *места* 7а, *слѣпецъ* 5б, *кѣрена* 5а, 7б, *кохажеца* 22б, *многоцѣнна* 22б и др. Кроме того, отмечен только один раз *каса* 21б (наряду с *кеса* 20б, 3б; *кеса градъ* 22а, *кесъ миръ* 17а, 20б) и два раза *сли* (наряду с шестью употреблениями *сен*). Обычную среднеболгарскую форму *шъ* (например *шъ* 16а: *к'шашъ* 22а и др.), употребляемую в Рыльском Б Евангелии, следует читать как *шедъ*,ср: *пришедъ* 23б, *изшедъ* 17б, *пришелъ* 20б *шесткие* 3а).

Встречаются довольно многочисленные случаи морфологического обобщения основы: *пришлца* 26а (вероятно, под влиянием формы им. ед. *пришлца*); *младенецъ* 22а (под влиянием формы *младенца* или других подобных форм), *демета* 11а, *скрежечета* 17б, *чег-кѣднекен* 21а и др. Процентное соотношение случаев употребления форм *с е* и случаев форм *с а* на месте дрб. *а* в сильной позиции в анализируемом тексте всех сравниваемых памятников отражено в табл. 7.

Таблица 7¹⁸

1. В корневых морфемах:

Памятник	Мар	Зогр	Асsem	Сав	Мак	Дш	Вр	Рыл
Кол-во в проц.	54	0	61,3	0	74	78,7	92,2	96,2

2. В суффиксальных морфемах:

Памятник	Мар	Зогр	Асsem	Сав	Мак	Дш	Вр	Рыл
Кол-во в проц.	82,6	20,2	95,4	0	94,1	78,9	100	96,4

¹⁸ Случаи *сен* и *сен* не учитываются.

В середине слова в слабой позиции *а* в Рыльском евангелии часто опускается. Ср. процентное соотношение подобных случаев в данном тексте в сравнении с другими памятниками (см. табл. 8).

Таблица 8¹⁹

Памятник	Мар	Асsem	Сав	Вр	Мак	Дш	Рыл
Кол-во в проц.	5,5	32,1	19,3	48,7	58,4	65,2	77,7

Написание еровой буквы в слабой позиции в корневых морфемах, по всей вероятности, отражает живое произношение ср.: *шблажжта* 19а *млазды* 12а, 12б, *млсти* 7а, *млцж* 7а, *млсти* 15а, *шбластата* 24а, *тамъ* 29б. *ка* *тамъ* 24а, и др. Ср. также такие примеры, как *стжгны* 2б и *погжца* *са* 6б.

Об утрате гласных на месте *а* и *и* в слабой позиции в тех среднеболгарских говорах, которые отражены в языке Рыльского Евангелия можно судить по следующим случаям: *камнита* (вм. *камъа* *мнита*) 25, *ташка* 25б, *дѣска* 18а (в Мар — *дѣска* Мр 9,21), *свалици* 8а.

Для решения вопроса о локализации рукописи представляют интерес такие примеры, как *жнешъ* 7б (Мар, Зогр, Асsem, Вр *жненши*, Мак *жнешъ* Лк 19,21), *жнж* (Зогр *жна*, Асsem *жнж*, Вр. *жнж*, Мак *жнж* Лк 19,22), *пропнете* 27а—б (Мар *пропнете*, Зогр II *пропнете*, Асsem, Вр *распнете*Mt 23, 34).

Как известно, морфема *жн-* в настоящее время встречается в западных и юго-восточных говорах, а изогlossenны употребления морфем *пън-*, *пен-*, *пн-* четко очерчивают три ареала в современном болгарском диалектном континууме, ср.: *опъна*, *распъна* в северовосточных говорах, *опена*, *распена* — в самых южных говорах и *опна*, *распна* — в западных говорах (к северу от Разлога, Велинграда и Пазарджика и к западу от Никополя, Тетевена и Пирдопа)²⁰.

Первый писец регулярно употребляет букву *а* в конце слова (за исключением случаев написания слов с надстрочными буквами типа *мої*, *прѣ* и под.), причем слово как единицу речи он определяет через морфемообъединяющую роль акцента. В конце фонетического слова буква *а* пишется регулярно. Перед энклитиками буква *а* очень часто пропускается. Наиболее последовательно это отражено перед *са* (58 случаев без *а*, 1 случай — с *а*). Перед же

¹⁹ Случаи с паерком в данной статистике не учтены.

²⁰ См. карту, отражающую диалектическое распространение *пън-/пен-/пн-* в статье: Младенов М. Из българската диалектна морфология (II). 3. Повторителни глаголи от типа *опин'ам* (*опъвам*) в българските говори. — Зборник за филологију и лингвистику (Нови сад) 1974, XVII/1, с. 173—180.

наблюдаются значительные колебания, буква *ь* пропущена в 36 случаях и написана в 20. Перед энклитическими местоименными формами написание без *ь* встречается 4 раза, с паерком — 2, с *ъ* — 15. Перед *во* — по 2 примера написания слов без *ь*, с паерком и с *ъ*. Перед *ли* находим 2 случая без *ь* и 1 — с *ъ*.

Большая самостоятельность в Рыльском Б евангелии отмечается у приставок, ср. изъбъгокъ 9б, изъжъгъду 8б, къздалкъ 12а, разъмыслика 23б и др. Это явление хорошо известно. Несколько иным оказывается положение с написанием приставок *къ*, *къ*, *съ*. Так, написания *к* и *к'* составляют в памятке около 37,5%.

При сравнении одного и того же отрывка в различных памятниках нами отмечено 15 случаев написания *к* и *к'* в Рыл, 5 в Дш, по 3 в Сав и Мак и 1 во Вр. Частота употребления *к* и *к'* в этих среднеболгарских памятниках почти одинаковая: Рыл 10 примеров, Дш — 10, Вр — 11, Мак — 10. Проведенное сопоставление показывает, что пропуск *ера* в *къ* особенно характерен для Рыльского Б евангелия. Такое написание встречается здесь даже перед *к(к')*: *къасъ* 19б, *къесъ* 20б, *к'киноградъ* 23б, *к'кражетъ* 18а, *к'крабзи съ* 23б и в значительном проценте случаев написаний *книти*²¹.

В слове *какестъ* написание без *ь* и в Рыльском Б евангелии не встречается. В памятнике находим также несколько случаев с отсутствием знака редуцированного в приставке *къз-*: *к'злюбили* 25а, *къстока* 3б, *къходжца* 14б, *къкренетъ* 18б, *къкрѣси* 29а, *къкритъ* 24б, *къкрѣши* 25а, *къкрашенѣ* 24б. Кроме одного примера из Македонского евангелия, такие написания в сопоставляемом тексте сравниваемых памятников не встречаются, но вообще данное явление хорошо известно²².

По количеству примеров с отсутствием знака редуцированного в морфеме *съ* Рыльское Б евангелие занимает следующее место в ряду сравниваемых нами памятников (см. табл. 9).

Таблица 9

Памятник	Мар	Зогр	Асsem	Сав	Зогр II	Дш	Вр	Мак	Рыл
Кол-во случаев в проц.	0	2,7	0	45,4	55,5	61,1	82	85,4	84

Соотношение написаний *стъкоригти* и *сътъкоригти* в Рыльском Б евангелии составляет 23 : 6.

²¹ В. Н. Щепкин (см. «Болонская псалтырь». СПб., 1905, с. 11) предполагает наличие билабиального характера *в* в западноболгарских говорах и в более позднее время. Приведенные нами примеры, по крайней мере, не противоречат данному предположению.

²² Ср. также Von Arnim B. Macedonisch-Bulgarische Studien 2. — ZfslPh, 1934, 11, S. 78; Гълъбов Ив. Надписите към Боянските стенописи. София, 1963, с. 14—16.

Стяженные еры. На месте **ъ* в Рыльском Б евангелии находим чаще всего *ы*, реже *ы:* никан 5а, прокан 7а, коданыи 4а, кѣрныи 5а, кланыи 26б, кѣчныи 12а, ѿслабленыи 16а, пришѣдыи 22б, которых 23б, грады 10а, сы 10а, нѣбы 13а, прѣбы 23б, не имы 23б, сўмѣры 22а, шесты 22а. Об указанном колебании свидетельствуют и такие случаи, как дроутыи 7б (с и, надписанным над строкой), градыи 22а (с *ы*, написанным по и — о замене *ы* буквой и см. ниже) и др.

На месте **ъ* находим чаще всего *ы*, реже *и* или *и:* днѣи 1а, костен 27б, колен 26б, (*bis*), бжѣи (с буквой *и*, переправленной на *е?*) 14б, 20а, третии 19а, трети 19а.

О формах кон., тои, сен см. выше.

Дрб. з перед **jV* в слабой позиции передается в памятнике с помощью буквы *ы*, а дрб. *и* — с помощью букв *и*, *ї* и реже *l*. Например: *ыж* 9б, знаменіе 23а, прогрѣсенїа 22а. Об употреблении *и*, *ї* и *l* в памятнике см. ниже.

В целом дистрибуция знаков редуцированных и их замен в Рыльском Б евангелии характеризуется известной системностью, что дает возможность сделать вывод о последовательности некоторых древнеболгарских изменений, результаты которых отражены в правописании памятника.

1. Понижение высоких кратких гласных [ъ] и [ъ] в сильной позиции — [ъ] в [е] и [ъ] в нелабиализованный гласный среднего или низкого подъема: [э], или [а], или [л].

2. Вероятно, такое понижение в данной системе предшествовало изменению [ъ] в [ъ] после шипящих согласных — говор писца отражает диалекты, характеризовавшиеся не произношением *-шъ-*, например *дошъл*. (ср. Савину книгу), а произношением *-ше-*, например, *дошел* (ср. Синайский требник). См. также выше такие примеры, как *шестыи*, *пришель* и под.

3. Понижение гласных [ъ] и [ъ] в сильной позиции предшествовало изменению данных гласных в [и] и [ы] в позиции перед **jV*. Ср. еще раз такие примеры как *шестыи* и *пришѣди*.

4. Написание типа *је*, *ја* следует читать как [ије], [ија] или [је], [ја] например, *каменије*. В последнем случае мы допускаем изменение *iV* → *jV*, хорошо известное болгарским говорам.

Сочетания *ръ*, *лъ*

В той части, которая написана главным писцом, отмечено 33 случая, в которых буква *ъ* после *р* пропущена, а сверху поставлено титло, например: *ка срди* 28б, *вскрси* 28б, и под. В четырех случаях после *р* находим паерок: *смрти* 19б, *клсршени* 25а. Особенно важными являются те написания, в которых знак редуцированного пропущен без введения титла, обозначающего,

что слово сокращено: *смртъ* 19а, *мртвъ* 18а, *мртвъхъ* 22а. Эти примеры, возможно, отражают произношение со слоговым *p* — [p_o] типа [ср_oтъ], [мр_oтвихъ] и под.

Слов с дрб. сочетанием *лъ* в памятнике сравнительно немного. Написания этих слов без знака редуцированного или без титла не отмечены, ср. слнцы 10б.

Буква ы

Писец явно старается сохранить древнеболгарскую дистрибуцию буквы ы. Об этом свидетельствуют.

1. 17 случаев, в которых буква и исправлена на ы, например: *сили* 25а, *клєрѣтъ* 28б, *мыгара* 8б и др.

2. Один случай, в котором буква ы исправлена на и: *вихомъ* 27а, Мт 23.30.

Неисправленными остались: *настити* *са* 9б, *власи* *моими* 19б, *изгомими* 3б, Лк 13, 28, *анѓалы* им. мн. 25а, Мт 22, 30, *дны* 20а, Йо 11.5

Буквы и, і, ѿ

Наиболее часто в Рыльском Евангелии употребляется буква и — она встречается более 3300 раз.

Буква і употреблена 119 раз, а — 104 раза (92 раза в слове іс, 6 раз — в бжі- и 4 раза — в начальной позиции перед буквой, обозначающей гласный звук, в заимствованных именах — *юдана*, *іерамъ*).

Наибольший интерес представляют случаи употребления і. Наблюдаются различия в написании этой буквы на страницах до листа 19 и на страницах после листа 19 до конца сохраненной части рукописи. Буква і между согласными и в конце слова встречается в общей сложности 38 раз, из которых 7 случаев употребления находим в конце строки. Например: *прѣдѣ*, *прѣкѣдѣ*, *црѣтѣ* и др. Из всех зафиксированных случаев только три случая употребления і между буквами, обозначающими согласные, отмечены в первой части рукописи, а 35 случаев — во второй, между листами 19 и 29. Подобное колебание наблюдается в употреблении і и перед буквами, обозначающими гласные. Так, например, в положении между буквами, обозначающими согласный звук и гласные [e] и [a] (ср. например, *каменѣ*, *цѣлоканѣ* и под.) процент употребления і в первой части рукописи составляет около 27,7 %, во второй — 86,6 %.

В целом количество употреблений букв и, і и ѿ перед буквами е, я, и, ѿ, ю, ж, а (с надстрочным знаком или без него) распределено в рукописи следующим образом (см. табл. 10).

В начальной позиции і встречается 8 раз (6 из них — перед е), и — 13 раз (7 из них — перед ю), ѿ — 6 раз (4 из них — перед ѿ и 2 раза — перед е).

Таблица 10

Буквы	Перед											Всего
	е	ё	а	ä	и	ж	ж	а	и	ю	у	
ї	24	29	1	18	—	1	—	1	6	1	1	82
и	19	—	5	2	25	36	1	1	13	1	7	110
ї	4	—	—	—	—	2	—	—	2	4	—	12

Отсюда следует, что в данном памятнике в правилах употребления и, і и ї прослеживается как минимум две среднеболгарские орфографические нормы, причем написание і после буквы, обозначающей согласный звук, встречается преимущественно во второй части рукописи.

Буквы оу, ё

Эти знаки имеют следующее распределение в исследуемом памятнике (см. табл. 11):

Таблица 11

Буквы	В начале	После согласной буквы	В конце строки	Всего
оу	68	26	21	115
ѹ	90	260	26	376

Отмечается сравнительно большая частота случаев употребления ё в начальной позиции во второй части рукописи. Так, до листа 19 зафиксировано 24 примера с ё в начальной позиции, а в следующей части (листы 19—42) — 44 примера. И в этом отношении обе части рукописи различаются между собой.

Употребление сочетаний Шю, Шоу

После букв, обозначающих шипящие согласные, находим в Рыльском Б евангелии 9 раз оу и 10 раз ѿ, при этом насчитывается 7 случаев употребления ѿ после ш и 3 случая — после ч (сочетание шоу зафиксировано 1 раз). Написания шю, ѿ связывают Рыльское Б евангелие со стариинными орфографическими образцами, известными из древнеболгарских глаголических памятников и из Саввиной книги.

Буквы є, ѿ

Употребление буквы ѿ зафиксировано в рукописи 48 раз; из них 45 раз ѿ употреблено в ѿ. Остальные случаи: до ѿна 9б, Лк 15.19 (ср. во Врачанском евангелии до ѿна), в остальных памятниках — до ѿна); ѿже 13б; ѿце 29б.

Употребление ё исключительно или преимущественно в формах глагола быти представляет собой отличительную особенность не только Рыльского Б евангелия, но и других памятников (ср. Добромирово евангелие, Лесновский паренесис 1353 г., многие рукописи, написанные в Рыльском монастыре в XIV в. и др.). Эта особенность является западноболгарской чертой. В данном случае писец следует определенной орфографической норме и, видимо, воспринимает написание ё как единое графическое целое, ср. на л. 5б (Лк 16.15) в конце строки ё/сътє; надстрочная буква с стерта дополнительно. В остальных случаях регулярно находим естє, если.

Буквы о, оу и ё, и

Встречаются малочисленные случаи колебаний в написании о и оу, ё и и: оустроуєтъ 7б, Лк 19.20 (ср. оустроуєтъ в Мар., Зогр., Ас.; остроуєтъ в Сав. Мак., Ди., Бр.); заткорины вм. заткорены 8б. Лк 11.7; оустоисти 12а, Мт 25.45.

Буквы т, ё, а

Дистрибуция этих букв подчинена в исследуемом памятнике следующим правилам.

1) После букв ж, ч, ш, ц, жд на месте этиологического т употребляется а: мождаше бб, слышака ба, печаше са 22б, про-
смражажаца 13а, потжциа са 6б. Исключением является только пример тремнитъ 22а. После буквы ц наблюдается колебание между употреблением букв т и а: рцтє 21б, цѣлоканіа 25б, ѿѣждаажии 26б, многоцѣненъ 22б, рцата 21б, ѿцапѣкаетъ 18а и др.

2) После этиологического сочетания «сонорный согласный + ј» буква т сохраняется: землтъ 24а, колтъ 13а, кертж ба, диклтхжса 17б и др.

3) В начале слова и после буквы, обозначающей гласный звук, т не встречается. В начальной позиции буквы а и я распределены по отдельным словам, ср.: а, аще, но тако, таица, та(чиги), тасти. После буквы, обозначающей гласный звук, наблюдаются колебания в одних и тех же морфемах (о вариативности употребления а и я после ё и и уже говорилось выше). После букв, обозначающих задние гласные, сравниваемые тексты показывают следующее соотношение в употреблении а и я (см. табл. 12).

В Рыльском Б евангелии буква я встречается чаще после буквы о, чем после буквы а: после о — 21 пример с я и 2 — с а, а после а — 3 примера с я и 14 — с а (ср. также: во Врачанском евангелии — после буквы о отмечено 14 примеров с я и 4 — с а, а после а — 3 с я и 7 с а; в Македонском евангелии соответственно 14:3 и 6:7; в Савиной книге и Добрейшовом евангелии

Таблица 12

Памятник	Мар	Зогр	Асsem	Сав	Дш	Мак	Вр	Рыл
и (в глаг. т) а	27 10	28 7	30 8	25 1	20 1	20 10	27 11	24 16

отмечается несомненный перевес в употреблении буквы та как после о, так и после а).

Частые написания -да- в Рыльском Б евангелии связаны с одной архаической особенностью рукописи, а именно — сохранением таких нестяженных форм, как *пракеднааго* 27б, *приходдааж* 22б и под. В этом отношении Рыльское Б евангелие стоит более близко к глаголическим памятникам (Мар, Зогр, Асsem), чем к сопоставляемым кириллическим. Так, в данных текстах соотношение между случаями употребления -да- и -д- выражается в процентах следующим образом: в Рыл — 58,7%, употребления -да-, в Мар — 85,7%, в Зогр — 81,9%, Асsem — 91,2%, в Сав — 7,7%, в Дш — 17,6% в Мак — 30,2%, во Вр — 9,7%.

О сознательном стремлении писцов сохранить нестяженные формы свидетельствует также и исправление буквы г на вторую букву а в примере *блаждашааго* 6б, Лк 19.10. Представляют интерес и примеры *внезапаж* 10б, *к'незатаж* 11а, *постилааж* (2 раза) на 22а, Мт 21,8.

Употребление «l—epentheticum»

На фоне сравниваемых памятников Рыльское Б евангелие обнаруживает сравнительно частые случаи употребления «l—epentheticum». Так в тексте Рыльского евангелия на месте *j *и* после лабиального согласного отражен приблизительно в 40,5% написаний по отношению к написаниям без *и*. В аналогичном тексте других памятников отмечено следующее количество примеров с *и* на месте *j: Мар: 77,2% Зогр — 90,3%, Асsem — 65,7%, Сав — 40,8%, Дш — 42,8%, Мак — 12,5%, Вр — 33,3%.

В сравниваемых текстах уникальными следует считать такие написания, как *покапленомъ* 27а, Мт 23.27 (Рыл) *покапан-* (Мар), *покапн'ен-* (Зогр II). В остальных сопоставляемых нами памятниках данный отрывок отсутствует.

Сочетания оц и ст, скк и ск, стк и ст

Известно, что в древнеболгарских и среднеболгарских памятниках отсутствует единство в передаче группы согласных *sc*, заменивших сочетание **sk* в результате второй регressiveвой палатализации. Ср. такие встречающиеся в памятниках примеры как *мъдасци* и *мъдости*. Формы с -ст- представляют собой, как предполагают, результат фонетического изменения *sc* → *sts* → *st* (ср. *šč* → *štš* → *št*). В данном случае имеет место утрата резкого согласного звука

после сочетания [резкий согласный + нерезкий недлительный согласный]. По существу подобное же явление представляют и изменения *skv* → *sk*, *stv* → *st*; ср. такие варианты как *листки* и *листие*, *сквозь* и *скозь* и такие более новые формы как *сторя* из *створя*, *вдигна* из *вдвигна* и под. В Рыльском Б евангелии встречаются формы с *ст* из *сц*, *ск* из *скв*, *ст* из *стк*, ср.: *мудости* 23б, *скозь* 5а, 18б, *листки* 23а, *листкē* 24а, и регулярно *стко(иги)*, *шесткие* 3а, *пришесткие* 28а.

Вторым почерком написаны только две неполные страницы, которые представляют собой интересный, но к сожалению, чрезвычайно короткий памятник. Наиболее важным отличием между частью рукописи, написанной первой рукой, и частью, написанной второй рукой, является то, что в первой части употребляются *ж*, *ѧ* и *ъ*, а во второй — две буквы для обозначения редуцированных гласных (которые, в сущности, слабо различаются между собой, так как имеется много переходных начертаний при написании данных букв), и одна буква для обозначения носовых гласных. На месте дрб. *ы* последовательно употребляется буква *и*. Представляется вероятным, что второй писец является выходцем из школы с одноеровым (*ы*) письмом, к которой относятся многие памятники, написанные подобным почерком (ср. Битольские листы, Драгинио евангелие и др.). Часть, написанная вторым почерком, может служить интересным примером одного из переходных типов письма, свидетельствующего о вероятной замене буквы *ы* буквой *ъ* не только в некоторых одноеровых школах, но и в практике отдельных лиц.

Характерной особенностью в употреблении еров во втором почерке Рыльского Б евангелия является наличие манерно архаизированных форм со «слабым ером», который пишется и в тех местах, где он никогда не был, например: *къзълкахъ* 11б, *десна* 11б, *тогда* 11а, *погътакъта* 11—11б, *псалтирь* 11а и под.

В части, написанной вторым почерком, употребляется только *ѧ*. Исключение составляет лишь пример *жаджца* 11б, Мт 25.37.

Представляет интерес и пример *къгда* 11б, который следует, по-видимому, читать как *къгда* (= *къгда*).

Буква *ы* употребляется вторым писцом совершенно неправильно, ср. *съподыкътѣ*, *козыцѧ* наряду с *синомъ*, *синъ*, *слики* (род. ед.), *наситихомъ*. Форма *разлачатахъ* 11б (= *разлъжата ихъ*), вероятно, восходит к старинному изводу. Так же, возможно, следует объяснять и две формы с *чѣ* в этой части рукописи, а именно: *разлачаетъ* 11а Мт 25.32 и *чѣси* 11а, Лк 21.36.

В заключение можно сказать следующее.

О поздней датировке Рыльского Б евангелия свидетельствуют убедительные данные о дефонологизации [*ы*] и «носовых гласных». Эти данные встречаются наряду с архаическими особенностями, которые связывают Рыльское Б евангелие с древнеболгарскими и, прежде всего, с глаголическими памятниками. Мы имеем в виду сравнительно редкое употребление нестяженных форм,

следы глаголической дистрибуции н, ѫ и л, правописание ѿ, ѿ наряду с ша, ча, возможно, частое употребление л — epentheticum и др.

На основе анализа состава и дистрибуции буквенных знаков могут быть установлены те живые черты, которые представлены на современной болгарской языковой территории и о которых, предположительно, можно утверждать, что они содержат информацию о диалектной локализации памятника. Это следующие черты. 1. Изменение [ъ] в [о] только в суффиксах и в членной форме. 2. Однаковое произношение гласных, стоящих за буквами ъ и ж в остальных позициях. 3. Изменение [ъ] в [е]. 4. Отсутствие следов изменения [ъ] в [ъ] после [ш, ч, ж], что свойственно говорам типа «дошел». 5. Известные данные о несвойственности изменения [ѧ] в [ж] после шипящих согласных. 6. Изменение [цъ] в [ца]. 7. Наличие написаний, позволяющих допустить слоговой характер [р]. 8. Написание, отражающее сохранение протетического [в]. 9. Наличие таких характерных написаний, как жнешъ и пропнетъ. Здесь, кроме того, следует упомянуть еще и о написаниях кнагъра, кнагърнал, кнагъръждоу л. 26б—27а, Мт 23.25—27 и кождеке 26а (наряду с кожди 26б). 10. Наличие форм ск и мж вместо са и ма. 11. Наличие двух примеров (видимо, случайные ошибки) с употреблением буквы и на месте безударного е.

За исключением последних двух особенностей, все остальные перечисленные выше черты отражают диалектные особенности, которые встречаются в настоящее время в западноболгарских говорах²³. Следует, однако, подчеркнуть, что все вместе они не представлены ни в одном современном говоре. Тем не менее это обстоятельство не может нас смущать, если иметь в виду возможность напластования языковых и орфографических черт в процессе многократной переписки рукописей, стремление писца сохранять определенную орфографическую норму и т. д.²⁴ Кроме того, исследования языка болгарских памятников XVII и XVIII вв., предпринятые в последние годы, свидетельствуют о том, что диалектные ареалы не были постоянными в течение многовекового развития языка, а расширялись или сужались в результате внутренних процессов междиалектных взаимодействий²⁵.

²³ Некоторые из них (такие, как например, наличие формы дошел, отсутствие следов смешения юсов, наличие о на месте дрб. ъ в членной форме и некоторых суффиксах, формы жнешъ, *вннтре*) встречаются не только в западных, но и в ряде восточноболгарских говоров.

²⁴ Так, например, Рыльское Б евангелие принадлежит к большой группе памятников, не имеющих специальной буквы для передачи [дз]. На основании этого факта рискованно делать заключение, что в говоре переписчика отсутствовал согласный звук [дз].

²⁵ См. об этом подробнее: Велчева Б. Към установяването на среднобългарските правописни типове (Стаматово четвероевангелие от XVII в.). — ИИБЕ, 1968, 17, с. 233—237; Она же. Показателни местоимения и наречия в новобългарските паметници от XVII и XVIII в. — ИИБЕ, 1964, 10, с. 226—230.

Если все же попытаться определить те современные болгарские говоры, которые содержат наибольшее количество перечисленных выше черт, то скорее всего ими окажутся говоры, занимающие небольшую территорию к югу и юго-востоку от Софии. Упомянутые диалектные черты характеризируют эти говоры или полностью, или же их изоглоссы проходят через данную диалектную область²⁶.

Перевела с болгарского Т. В. Попова

²⁶ См. Български диалектен атлас, т. III. София, 1974.

*E. Дограмаджиева **

ОТРАЖЕНИЕ РАСПАДА СКЛОНЕНИЯ В БАНИШСКОМ ЕВАНГЕЛИИ

В развитии языков передко переплетаются взаимосвязанные явления, обусловленные различными закономерностями и имеющие различную направленность. Сложность подобных процессов требует дифференцированного подхода при их изучении.

Комплексный характер изменений особенно отчетливо прослеживается в переходе болгарской именной системы от синтетического строя к аналитическому¹. С одной стороны, происходили изменения в системе окончаний при сохранении системы падежных соотношений. С другой стороны, шел процесс, разрушающий систему склонения и приведший к ее исчезновению.

Первый тип изменений совершается на морфологическом уровне. Без изменения самих падежных отношений преобразуются их формальные показатели: уменьшается число типов склонения за счет палатальных вариантов; расширяется область функционирования окончаний одного типа склонения за счет имен, первоначально относящихся к другому типу склонения; изменяется основа; окончания местоименного склонения устанавливаются в склонении прилагательных и причастий. Именная парадигма перестраивается в рамках синтетической организации. Второй тип изменений осуществляется на синтаксическом уровне и затрагивает падежные отношения. В системе склонения происходит функциональное перераспределение, которое через этап упрощения падежей ведет к установлению общей формы имени во всех

* © Екатерина Дограмаджиева, 1982 г.

¹ Этот переход, явившийся одним из самых важных процессов в развитии болгарского языка, многократно служил объектом изучения и толкования. Малый объем настоящей статьи не позволяет дать обзор обширной литературы вопроса, что к тому же и не входит в задачи данного исследования. Отметим только, что мы принимаем концепцию К. Мирчева, убедительно изложенную и подтвержденную серьезным языковым материалом в его книге «Историческа граматика на българския език» (2-е изд., София, 1963).

синтаксических позициях его в предложении. Так устанавливается новый тип синтаксической организации имен — аналитизм. В результате потери восприятия функционального предназначения падежных форм появляются случаи неправильного употребления падежных окончаний.

Задача нашего исследования — показать, как в Банишском евангелии (рукопись № 847 собрания Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии) отражены различные процессы в именной системе в среднеболгарский период. Так как сопоставление списков одного и того же текста, относящихся к разным векам, позволяет особенно ясно видеть происшедшие изменения, мы сравнили текст Банишского евангелия, списка четвероевангелия конца XIII в., с текстом Мариинского евангелия, древнеболгарского памятника X—XI вв.

В языке Банишского евангелия нашли отражение разнообразные процессы, происходившие в именной системе живого разговорного языка.

1. Преобразование системы окончаний.

1.1. Засвидетельствовано ограничение мягких вариантов в склонении имен *o*- и *a*-основ²: *сълеромъ* (тв. ед.) Лк 12.58, *сама-рѣннзі* (род. ед.) Йо 4.6, *югнпѣннзі* (род. ед.), *вдокнци* (им. мн.) Лк 4.25, *окнци* (им. мн.) Йо 10.4, *птннци* (им. мн.) Мт 8.20, *шкнци* (вин. мн.) Мт 25.32, *окнци* (вин. мн.) Йо 10.3, Йо 10.4, Йо 21.16, Йо 21.27, *птннци* (вин. мн.) Лк 12.24, *стжзай* (вин. мн.) Лк 3.4.

1.2. Небольшая группа существительных с *ja*-основами и окончанием *-н* в им. ед. слилась с преобладающей группой существительных с той же основой, принял окончание им. п. *-ia*: *ладнн* Мк 3.9, *млннна* Мт 24.27, Мт 28.3, *раблнк* Мт 26.69, *скднк* Лк 12.58.

1.3. В одном случае засвидетельствован переход существительных с *ii*-основой к *a*-основе: *смоккы* (род. ед.) Мт 7.16.

1.4. Отмечены случаи окончаний дат. ед. и род. мн. существительных с *ii*-основами у имен со старой *o*-основой и *jo*-основой: *архнсоунаагогкн* Мк 5.36, *бгокн* Йо 16.2, *ахокн* Лк 8. 29, *иродкн* Мк 6.18, Мк 6.22, *искн* Мк 9.5, Лк 6.1, *мъроокн* Йо 12.47, *монсекн* Йо 5.46, Йо 9.28, *петрокн* Мк 8.33, 14.37, 14.66.

1.5. Широко отражено окончание *-нje* им. и зват. п. мн. ч. имен с *i*-основой у существительных с *jo*-основой, обозначающих лиц: *архнерене* Мт 21.15, 27.62, *вождне* Мт 23.16, 23.24, *дѣлателне* Мт 21.35, *дѣлателне* Лк 13.27, 20.10, *лицемѣрне* Лк 11.44, *мытарне* Мт 9.10, Мк 2.15, *мытарне* Мт 21.31, 21.32,

² Поскольку иллюстративный материал приводится нами только для демонстрации падежной системы, в целях облегчения набора надстрочные буквы спущены в строку.

мъжнѣе Мт 12.41, садоукеніе Мт 16.1, 22.23, фарисеніе Мт 9.10, 12.38, 16.1, 27.62, црнѣе Мт 17.25.

1.6. Один раз употреблено окончание -нъ для мѣстн. п. мн. ч. вместо окончания -ехъ у существительных со старой ез-основой: нѣснхъ Мк 13.32.

1.7. Среднеболгарской особенностью является также общее употребление окончания -и-и для твор. п. мн. ч. в именах всех основ: цѣлми Мк 13.9.

1.8. Типичная среднеболгарская особенность — образование косвенных падежей мн. ч. от основы форм им. п. мн. ч. — проявляется в таких случаях, как: жндокомъ Ио 18.14, 18.36, 18.38, 19.40, санницахъ Мт 6.2, 6.5.

1.9. Местоименные окончания у прилагательных и причастий наблюдаются в следующих случаях:

1.9.1. Окончание -аго вместо -аго в род. п. ед. ч. муж. и ср. р.: *стого* 188а26, 188627, 191624, 19269, 194а4, 19562; 19569.

1.9.2. Окончание -ому вместо -оумоу в дат. п. ед. ч. муж. и ср. р.: *внжциомъ* Лк 6.29, *бывшому* Лк 24.12, *бѣсномъ* Мк 5.16, *великому* 187а5, 189а14, 190631, *владацомъ* Лк 2.2, *капацомъ* Лк 10.36, *кѣрѣжцомоу* Мк 9.23, *кѣчномъ* Мк 3.29, *дажцомъ* 205а16, *дрѣгомъ* Мт 21.30, Лк 16.7, *дроугомоу* Ио 19.32, 20.2, *закономоу* Лк 2.27, *знакомъ* Лк 14.12, *зыжджцомъ* Лк 6.48, *иамциомъ* Мт 18.25, 25.28, 25.29, Мк 3.3, Лк 3.11, 6.8, 19.24, 19.26, *нацѣлѣвшомоу* Ио 5.10, *капетолъскому* 18865. *лжакомъ* Лк 11.30, 199а2, *морекомъ* Лк 8.24, *наречному* Лк 22.22, *начинаемомъ* 205а17, *нейстомъ* Мк 9.25, *нейстомъ* Лк. 9.42, *обладжцомъ* Лк 3.1, *ославленомъ* Мт 9.2, 9.7, Мк 2.5, 2.9, 2.10, Лк 5.23, 5.24, *штрем-лацомъ* Лк 6.29, *пнсаномъ* Лк 22.37, *понаскомъ* Лк 3.1, 20364, *послакъшомоу* Ио 5.24, 7.33, 16.5, *послѣдоужцомъ* Лк 7.9, *послѣ-нелъ* Мт 20.14, *праѣнкомъ* 191а27 (2x), *прнiemлацомъ* 193а3, *пропатомоу* Ио 19.32, *просацомъ* Лк 6.30, 19868, 201а11, *праѣкомъ* Мт 21.28, Лк 16.5, Ио 19.32, *прѣблагомъ* 205а16, *прѣѣденомъ* 187а4, 18761, 190616, 193а7, *реченоноу* Лк 2.24, *стомъ* 100а1, 187627, 18862, 189а1, 189а4, 189а19, 190а10, 196615, 197а20, *скарништѣскому* Ио 13.2, 13.24, *стгрѣтномъ* 144620, *сткоршомоу* 193а17, *свѣздавшомъ* Лк 6.49, *творацомъ* Мт 21.43, *тлѣкжцомъ* Лк 11.10, *чачѣскому* Мк 8.31, *члѣскомъ* Лк 9.22, *члѣчѣскомъ* Лк 27.7, *члѣскому* Ио 3.14, *члѣскому* Ио 12.34, *чѣтномъ* 186а13, 187а4, 192а18, 194а31, *чѣтномъ* 18761, *юренскому* Лк 1.9.

1.9.3. Окончание -ою вместо -ою в род. п. двойств. ч. муж. р.: *брѣхомоу* 196а14, *стю* 189а32, 196а14.

1.9.4. Окончание -ыж вместо -ж в вин. п. ед. ч. жен. р.: *касленыж* Лк 2.1.

1.9.5. Окончание -н вместо -е в им. п. мн. ч. муж. р.: *лоучашн* Лк 12.24, *мжарфншн* Лк 16.8.

2. Преобразование падежных отношений, сопровождающееся нарушением связи между падежным окончанием и синтаксической функцией, что приводит к установлению общей формы имени.

2.1. В Банишском евангелии широко отражен процесс замены родительного притяжательного падежа дат. притяж. *братніа іемъ* Мт. 13.55 — *братья* его Мар. ев., *комачніе кѣкъ* Мт. 24.3 — *комачане* *кѣка* Мар. ев., *гн нѣсн* и *землн* Лк 10.21 — *гн нѣсё* и *землн* Мар. ев., *спса мнроу* Ио 4.42 — *спсь* *мнро* Мар. ев. и др. Особенно многочисленны случаи с дат. притяж. в литургических пометках и в синаксарной части рукописи: на *сбора* *вѣн* За19, на *исповѣдь* *женамъ* 186а29, на *освѣщеніе* *маслу* 186а31, *паматъ* *прѣпѣбномъ* *автоноу* 18761, *поклоненіе* *честномъ* *арѣкоу* 18761, *въ поклоненіе* *честному* *арѣкоу* 18764, *паматъ* *стомъ* *маргннъ* *папѣ* *римаскоу* 187624, *паматъ* *стомоу* *проркоу* *авдоу* 190а10, *овѣтѣніе* *мечемъ* 193а11, *овѣтѣніе* *честномъ* *крѣстоу* *гню* 194а31 и др.

2.2. Для выражения прямого дополнения генерализируется форма вин. п., которая устраивает падежные формы с более низкой фреквенцией: а) род. при отрицании: *не бол* *са* *прнатн* *марна* *женж* *свою* Мт. 1.20 — *жензы* *твою* *мары* Зогр. ев., *не имѣ* *одѣяніе* *врачю* Мт. 22.12 *одѣяннѣ* *врачна* Мар. ев., *не разумѣ* *крѣма* Лк 19.44 — *крѣменѣ* Мар. ев. *аза* *вѣса* *не имамъ* Ио 8.49 — *вѣса* Мар. ев.; б) род. партитивный: *прижтъ* *хлѣба* Ио 21.13 — *хлѣба* Мар. ев.

2.3. Стирание разницы между категориями 'покой' и 'направление' проявляется в превращении формы вин. и формы местн. п. в факультативные варианты после предлогов *въ* и *на*. Форма вин. п. появляется на месте формы местн. и наоборот: а) *сѫчи* *въ* *точеніе* *кѣкъ* Мк 2.25, *вѣ же юднн* *казлежъ* *шт* *сученикъ* *его*, *на лено* *їссоко* Ио 13.23; б) *да иджтъ* *въ* *галилен* Мт 28.10, *и оутѣрь* *са* *стадо* *вѣс* *по* *вѣтгоу* *въ* *иезерѣ* Лк 8.33, *паде* *на* *вѣн* *его* Лк 15.20, *казложенъ* *на* *вѣн* *его* Лк 17.2.

2.4. Расширение употребительности предложно-падежных конструкций за счет беспредложных свидетельствует о повышении функциональной роли предлогов и уменьшении функционального значения падежных окончаний. В Банишском евангелии этот процесс отражен в следующих случаях:

2.4.1. Род. разделительный заменен конструкцией «*отгъ + род. п.*»: *да вѣдѣтъ* *штажченъ* *шт* *сборнца* Ио 9.22 — *отгѣлченъ* *сонашншта* *вѣдѣтъ* Мар. ев.

2.4.2 Род. атрибутивный заменен конструкцией «*отг + род. п.*»: когда не съкроушит *са* от него Ио 19.36 — когда не съкроушит *са* его Мар. ев., и съшед с ними. и ста *тебя* на месте равно. и народ *от* ученика юго. множество много люден Лк 6.17 — и народ *от* ученика его Мар. ев.

2.4.3. Род. количественный заменен конструкцией «*отг + род. п.*»: послал два от ученика сконч *Лк 19.29* — послала дважды от ученика сконч *Мар. ев.*

2.4.4 Дат. п. после глаголов говорения заменяется конструкцией «*къ + дат. п.*»: фарисеи глах *къ* от учеником юго Мт. 9.11 — учеником юго Мар. ев.

2.4.5. Дат. цели и предназначения заменяется конструкцией «*на + дат. п.*»: и места *юго* в род и род на божиим *са* юго Лк 1.50 — и мноста *юго* в род и род бояштии *са* юго Мар. ев.

2.4.6 Твор. причины заменен конструкцией «*род. п. + ради*»: и не обрѣтишъ *каждоу* и *благы* народа ради Лк 5.19 — народомъ Мар. ев.

2.4.7. Твор. образа действия заменен конструкцией «*съ + твор. п.*»: и взбояшъ *са* *съ страхомъ* велиемъ Мк 4.41 — и взбояша *са* *страхомъ* велиемъ Мар. ев.

2.4.8. Особого внимания заслуживает случай и раздѣлъ *са* юци *на* стада Мт 26.31 — и раздѣлъ *са* овца стада Мар. ев. Предлог *на* написан дополнительно тем же переписчиком над строкой. Можно предположить, что род. притяжательный *стада* оказался для него недостаточно выразительным и поэтому он дополнил его предлогом *на*. В таком случае это, вероятно, самый ранний из открытых до настоящего времени примеров аналитического способа выражения отношения притяжания посредством предлога *на*.

2.4.9. Род. п. при контекстуальном обусловленном эллипсисе глагола чутъ заменен конструкцией «*о + местн. п.*»: отѣцъ *и* юдина юмоуже има клюпа. рече *къ* немоу. таи ли юдина прѣшлеца иси въ юралъ. и не чю бывшъ *къ* нема въ днн сиже. и рече има о *кычъ* Лк 24. 18—19 — *кычъ* Мар. ев.

2.5. Последним этапом установления аналитизма в именах является употребление общей формы независимо от синтаксической функции имени. Банишское евангелие обнаруживает колебания в установлении общей формы: в одних случаях в этой функции выступает форма им. п., в других — вин., а в третьих — общая им.-вин. форма. Генерализированная форма встречается как после предлогов, так и в беспредложной позиции:

2.5.1. Форма им. п.: а) вместо вин.: и. трыжникомъ расыпа пѣлавы Ио 2.15, *какъ* во рекохъ дроузы Ио 15.15, *рече* гдѣ прнча сна 12966; б) вместо твор. после предлога *съ*: и быт юмъ *блзел-*

жажцуу ба домоо се мновы грашнцы н мыттарне. пришедше базлекааж с иимд. н оученцы юго Мт. 9.10; в) вместо местн. после предлога **къ**: боли ба рожденн женамн пророкъ. ишана крестят никтоже нестъ Лк 7.28; г) вместо дат.: базвестностъ брати мон Мт 28.10; д) вместо твор.: вѣ же ишана шелчена власи веллблаждын Мк 1.6, н базааж н жини жалѣзни Лк 8.29.

2.5.2. Форма вин. п.: а) вместо им.: н дацера на мѣрѣ Лк 12.53, н шт всѣхъ книгъ жже вѣхъ о немъ Лк 24.27, сиж ган нестъ вѣсацаго са Йо 10.21; б) вместо род. после предлога отъ: шт четирн вѣтре Мк 13.27; в) вместо дат.: н послы рабы ском ба года вечера. рецин звани градѣте Лк 14.17; г) вместо местн. после предлога **къ**: в лоук 204626.

2.5.3. Им.-вин. форма: а) вместо род. п. после предлогов отъ, до, прѣжде: реч гд от члка влс 3761 в литургической пометке, которая повторяет фразу из Мт 19.26 на той же странице: ісъ рече. шт члка влс невозможно іес; н сама штотжн шт иихъ. таю до вражение каменъ Лк 22.41, прѣжде шесты дна паски 203а18; б) вместо дат. после предлога по: по падесата Мк 6.40; в) вместо твор. после предлога **съ**: кѣръ же бывшъ. базлеке ісъ са шба на. Г. тѣ оученникомъ Мт 26.20; г) вместо местн. после предлогов **къ** и **съ**: оучихъ . . . ба храмѣ бжини Йо 18.20, с дефадесата н де-бата прауденика Лк 15.7; д) вместо атрибутивного род.: таю влсъ младенецъ. мжжаскаи полъ. разбрзда ложесна. сїго ген наречт са Лк 2.23; е) вместо дат.: старѣшина лиднє Лк. 19.47, падно іес црестко несное члка сатко 190б14; ж) вместо твор.: юдин вѣ должна патъ сїта дннарии Лк 7.41, н базлеке мжжа число. патнацаиа Йо 6.10.

3. Неправильное употребление падежных форм, которое свидетельствует о распаде падежной системы.

3.1. Неправильное употребление падежного окончания после предлога: а) После предлога **къ**: сїтъ же ина многа. таю саткорн іссъ. нже аци по юдиному писана выважта. нн самомуу мна влсмоу мишу влмѣстнгн. ба пишемыхъ книгъ Йо 21.25. Предлог **къ** здесь вставлен в результате переосмысления фразы: дополнение при глаголе с отрицанием, выраженное посредством формы родительного падежа пишемыхъ книгъ, преобразовано в обстоятельство места с предлогом **къ**, после которого, однако, флексия именной части осталась без изменения. Желание переписчика изменить фразу понятно, так как она содержала очень архаичную и, вероятно, уже непонятную конструкцию «дат. при инфинитиве». н оупенне сїго бїца ишего кнрла филосфа оучигтел словѣнскому языку створшомо (!) писмена н прѣложаша шт гречка

кетхаго и нового закѣта въ лѣтѣ създания всѣго мириа г. тицацио
о.з. въ юнднкто .в. 193а16. После предлога въ неправильно употреблено окончание местн. п. вместо вин. темпорального, что привело к несогласованию с его определяемым тицацио; б) После предлога до: тма быс по всен землн. до б. тжж годниж Мт 27.45; в) После предлога из: югда бо из мрткы въскрѣнїя Мк 12.25; г) После предлога надъ: въдн швласта имѣн надъ десатн град Лк 19.17, и прикладн камен. надъ дверен гроба Мк 15.46; д) После предлога о: въпросж и азъ ѿ юднного словесе Мт 21.24, въпросж азъ ѿ юднного словесе Мк 11.29. Функционально ограниченный род. п. в роли объекта при глаголе въпросити заменен предложной конструкцией посредством дополнительно введенного обычного при глаголах говорения предлога о. Флексия именной части осталась неизмененной, т. е. не соответствует управлению включенного предлога. не о сихъ же мола такмо на и о вѣроуѣжнныи словесема нхъ въ ма Йо 17.20. После предлога о неправильно употреблено окончание дат. п.; е) После предлога отъ: ѿт г. стжж же годниж Мт 27.45, ѿт рыбж Йо 6.11, ѿт самарѣнка Йо 4.39, ѿт деснка Мт 25.33, ѿт деснж Мт 25.34, 27.38, ѿт деснж странж Йо 21.6, ѿт шоужж Мт 25.33, Мк 15.37, Лк 23.33, ѿт шважж Мт 25.41, ѿт шважж Мт 27.38. В древнеболгарских евангельских текстах в этих случаях употреблен предлог о. Многочисленные случаи из Банишского евангелия свидетельствуют о тенденции к замене предлога о в наречном сочетании, относящемся к левой и правой ориентации, предлогом отъ, который полностью утвердился в современном болгарском языке (ср. от ляво, от ясно). Замена предлогом с другим управлением не повлекла за собой и перемену во флексии именной части. Замена предлога о предлогом отъ, при сохранении старой падежной формы, не соответствующей новому предлогу, представлена и в следующем случае: шед же при немы .е. таланѳм. дѣла ѿт нхъ Мт 25.16; ж) После предлога по: покеи мн прінти к тѣбѣ по бодахъ Мт 14.28. После предлога по механически употреблено окончание местн. п., обычно стоящего после предлога по с иной функцией, вместо окончания дат. п. по швамъ же днн Йо 20.26. Преобразование существительного осмъ в числительное требовало, чтобы флексия соответствовала определяемому существительному. Поэтому форма днн в род. п. количества во мн. ч. заменена формой местн. п. ед. ч. после предлога по для обозначения темпоральной последовательности. Числительное из определяемого превратилось в определяющее, но вместо того, чтобы быть согласованным с существительным, приняло механически окончание дат. п. мн. ч. (который обычен после предлога по с локальным значением); з) После предлога съ: вѣчръ же быкъ. възлеже ісъ съ шба на .и. тѣ оученикома Мт 26.20 — оученикома Мар. ев.

3.2 Неправильное употребление падежного окончания в беспредложной позиции: а) Им.-вин. форма вместо род. п.: и величества подметы въскрелие риза скончъ Мт 23.5 — въскрелъ Мар. ев., и имамы зде вице патъ хлѣба Лк 9.13 — патъ Мар. ев., памят возвращеніе моцн сценомичка игнатна богоносца 192616; б) Им.-вин. форма вместо местн. п.: прикоснѣ са въскрелие риза юго Мт 9.20 — въскрелъ Мар. ев., и манж и да тако прікоснѣ са въскрелие риза юго Мт 14.36 — въскрелъ Мар. ев.; в) Форма род. п. вместо им.: начесоже есть Мт 23.16, 23.18 —ничтоже есть Мар. ев., аще ли же ии. и побож раздеретъ. и ветхъ не прилучитъ са. приставленія отъ нового Лк 5.36 — приставленіе Мар. ев.; г.) Форма дат. п. вместо вин.: что требуетъ женѣ Мт 26.10 — женѣ Мар. ев.; е) Форма вин. п. вместо им.: множансъ же народн. постнлахъ ризы скоя по пажи Мт 21.8 — множинѣ Мар. ев.; ж) Форма вин. п. вместо твор.: клѣтвъ же клатъ са Лк 1.73 — клатвъ есть же клата са Мар. ев.; з) Форма твор. п. вместо род.: яко же есть писано въ книгахъ. словесы исанж пророка глаголи Лк 3.4 — словесъ Мар. ев.

3.3. Неправильное употребление падежных окончаний, проявляющееся в отсутствии формального согласования между определяемым и определением: болш сеи ино заповѣди есть Мк 12.31 — больша Мар. ев., изъ оуста младенецъ сѣдѣцъ сидришилъ иеси хвалъ Мт 21.16 — сѣдѣштихъ Мар. ев., югда же оузднте мразости и запоустѣніе. речнага даннлемъ пророкомъ Мт 24.15 — речеожъ Мар. ев., ка тои чѣтъ Мт 17.18 — томъ часѣ Мар. ев., варнти на ии полоу Мт 14.22. — на оному полу Мар. ев., и тогда прішелъ прненс дара твоихъ Мт 5.24 — даръ твои Мар. ев., иже мака носатъ. въ домъ црнхъ сѣта Мт 11.8 — въ домохъ црнхъ Мар. ев., написатъ са са мариеж. обржинцеж юмъ женож. сѣцжъ непразнож. Лк 2.5 — сѣштеож Мар. ев. отъ прѣдѣла тураских и индонеских Мк 7.31 — отъ прѣдѣла тураских и индонеских Мар. ев.

3.4. Неправильное употребление падежного окончания вследствие механического уподобления форме соседнего имени: отъ жены самарянинъ сѣцж Йо 4.9 — женѣ самарянинѣ сѣштѣ Мар. ев., и оуспенне ёто ѿца ишего кирла филосфа оучителѣ словескоу жзыкоу стгоршомо (!) писмена и прѣложаша отъ гречка ветхаго и нового закѣта 193а16, ациннє стажъ вѣж 187а17, рождество стажъ вѣж 187а20, в памят вѣчнож. стажъ мчицж теклай 188а11 памят... и стажъ мчицж екатерини 190а20, сабора стажъ вѣж 191а22, страстъ стажъ мчицж татланж и тевадрѣ 192а13, благовѣщеніе стажъ вѣж мриж 194а2, памят стажъ мчицж оулманнож 196а1, спине цркви стажъ

въж 19664, събора стъж съмнж 19665, оуспенне стън анѣ мрн стъж въж 19662, нѣна же слвша — въ жиницд аѣла тѣхова по-слава оученїка свож Мт 11.2, и скажж. да любовнж южк ма юен вазионна. въ ннхъ въдегъ Йо 17.26, съ радостніє велніє Лк 24.52.

3.5. Неправильное употребление падежных окончаний при конструкции дат. абсолютного: и скончѣше нмъ послѣдъ ваза¹ Лк 4.2 — кончакашима са нмъ Мар. ев., онъ же сашедше са тѣмамъ народа Лк 12.1 — о ннхъ же ганемашема са тѣмамъ народа Мар. ев., разоумѣжциу же народоу многъ и граджцинхъ шт вѣхъ град къ немоу Лк 8.5 — граджцинъ Мар. ев.

3.6. Механические ошибки в падежных окончаниях: вѣшъ же падшнхъ, четырн тисжца Мк 8.9 — четырн тисжшга Мар. ев. памат още ншнмъ архнпскоупомъ 190a11, еї стъго прорка захарнж. петра донинна и ароужнна его 195a9.

Исследование Банишского евангелия еще раз показывает, что книжный язык среднеболгарского периода, несмотря на верность традиции, испытывал влияние процессов, происходивших в живом языке.

Перевела с болгарского М. Г. Рожновская

I. В. Платонова
**ОТКЛОНЕНИЯ
В УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИГЛАГОЛЬНОГО
ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
В СРЕДНЕБОЛГАРСКИХ РУКОПИСЯХ**

Становление аналитического способа выражения синтаксических отношений существительных является одним из интереснейших вопросов истории болгарского языка.

Из наиболее крупных работ, посвященных этой проблеме следует назвать труды П. Михова, К. Мейера, С. Б. Бернштейна, И. Дуриданова, К. Штайнке, Е. В. Чешко и др.¹

¹ Михов П. За новобългарското изказване на дателния падеж. — Известия на семинара по славянска филология в София, кн. III. 1911; Meyer K. Der Untergang der Deklination im Bulgarischen. Heidelberg, 1920; Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Языки валашских грамот XIV—XV веков. М.—Л., 1948; Дуриданов И. Къмъ проблемата за развой на българския език от синтетизъм къмъ аналитизъм. — Годишник на Софийския университет, филологически факултет, 1955, 1956, т. LI, 3; Steinke K. Studien über den Verfall der bulgarischen Deklination. Das bulgarische Kasussystem zu beginn des 13. Jahrhunderts. München, 1968; Чешко Е. В. История болгарского склонения. М., 1970.

Дательный падеж, широко распространенный в языке, взявшись на себя посессивную функцию родительного, утратился в живом болгарском языке позднее, чем родительный, местный и творительный². И если беспредложные родительный, местный и творительный падежи вначале вытеснялись конструкциями с предлогами, уточнявшими и усиливавшими их значение, а впоследствии были заменены теми же предлогами в сочетании с общей формой, то вместо дательного беспредложного лишь в некоторых значениях обстоятельственной функции стал употребляться общий падеж с предлогом *к*, в остальных же значениях беспредложный дательный был вытеснен конструкцией с предлогом *на*, который в древнеболгарском соединялся не с дательным падежом, а с винительным и местным.

Это могло произойти потому, что конструкции с предлогом *на* и дательный беспредложный вначале сблизились в функциональном отношении, а затем «*на+вин.*» стал употребляться на месте дательного. Именно это сближение и интересовало ученых, так как оно могло показать, во-первых, как шел процесс замены падежа аналитической формой, а, во-вторых, уточнить хронологию этого процесса.

Каждый новый пример, свидетельствовавший о возможности употребления конструкции «*на+винительный падеж*» на месте дательного беспредложного, приобретал большое значение, поскольку в архаичный, значительно отличавшийся от народного книжно-письменный язык среднеболгарских рукописей с трудом проникали новые элементы.

Занимаясь сопоставлением конструкций, стремясь представить как можно больше примеров, особенно на синонимику в выражении объектной функции, исследователи не связывали это с другими, не менее важными явлениями — ошибками в написании форм дательного падежа, употреблением других падежей вместо дательного. И хотя эти факты представляли собой результаты действия одного и того же процесса, рассматривались они порознь, изолированно друг от друга. Кроме того, совершенно не был исследован вопрос об изменении конструкций, замене глаголов на другие, сочетающиеся не с дательным падежом³. А именно такие изменения, если они не являются подражанием греческому, имеют, на наш взгляд, принципиальное значение, так как, во-первых, свидетельствуют о сознательном стремлении писцов изменить фразу, чтобы избежать употребления непонятной, чуждой живому языку формы, во-вторых, гарантируют от возможного смешения простых описок и ошибок, связанных с влиянием разговорного языка⁴.

² См.: Чешко Е. В. Указ. соч., с. 301; Steinke K. Op. cit., S. 114—115; Дуриданов И. Указ. соч., с. 173.

³ См. работы указанных авторов, а также: Цонев Б. История на български език, т. 2. София, 1934, с. 473—476.

⁴ Например в предложении, взятом из Севастьяновского ев. подено юштарте с нбсое зърноу гороушнчно (л. 24а), окончание прилагательного можно

В данной работе мы хотим не только представить примеры отклонений от употребления прилагольного дательного падежа, выделяя сознательное изменение конструкций, но, в отличие от других авторов, систематизировать их, чтобы определить те значения дательного падежа, а также и категории слов, в которых эти отклонения представлены.

Лишь выяснив этот вопрос, можно будет при сопоставлении параллельно употребляемого предложного сочетания «на+винительный падеж» трактовать его не только как синоним, но и как заменитель беспредложного дательного падежа⁵.

В основе нашей классификации будут лежать значения дательного падежа⁶, так как мы полагаем, что на функционирование предложно-падежных и беспредложных падежных конструкций влияют изменения, происходящие в сфере значений падежей⁷.

Материал извлечен нами из двух среднеболгарских рукописных евангелий-тетров: № 10 (1440) собрания Севастьянова, хранящегося в рукописном отделе ГБЛ, датируемого концом (?) XIV—началом XV вв.⁸ и № 480 (55) собрания Уварова, хранящегося в ГИМ (XIV в.)⁹.

Учитывая сравнительно небольшой материал двух рукописей, связанный с интересующими нас явлениями, мы дополним его примерами из работ ученых, исследовавших памятники XIII—XIV вв.¹⁰ К сожалению, эти авторы не приводят данных о сознательной замене конструкций.

Для сравнения паряду с формами среднеболгарских текстов мы даем формы Мариинского евангелия или других памятников, которые ученые приводят в своих книгах¹¹.

было бы рассматривать и как простую описку писца, забывшего дописать вторую букву диграфа, если бы не было аналогичных форм, причем и у существительных, в других евангелиях — см. пр. № 78 данной работы.

⁵ Эта часть работы в данной статье не рассматривается, она будет объектом дальнейших исследований автора.

⁶ Значения мы заимствуем из работ: Чешко Е. В. Указ. соч.; Правдин А. Б. Дательный прилагольный в старославянском и древнерусском языках. — Учен. зап. Ин-та славяновед. и балканстики АН СССР, 1956, т. 13, с. 1—116.

⁷ Вслед за К. И. Ходовой и др. исследователями будем считать, что функции падежей соответствуют их месту в предложении, а значения зависят от семантики составных частей словосочетаний (Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М. 1963, с. 21).

⁸ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. — Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 260, № 1317.

⁹ Там же, с. 244, № 1011.

¹⁰ См. указ. работы И. Дуриданова, К. Штайнке, Е. В. Чешко, а также: Мирчев К. Историческа граматика на българския език. 2-е изд. София, 1963.

¹¹ Мариинское евангелие приводится по изданию И. В. Ягича, 1883 г., переизданному в Граце в 1960 г. Там, где славянского текста недостаточно (особенно при изменении конструкций), дается и греческое соответствие.

Сведения о рукописях, над которыми работали ученые, указаны в их монографиях.

Данных об исследованных нами рукописях немного.

Рукопись № 10 — неполное четвероевангелие, м. 1°, 223 листа пергамена, писано полууставом разных рук¹². А. Викторов, описавший собрание П. И. Севастьянова, относил ее к XV в., отмечая позднее болгарское правописание, неправильное употребление юсов, крайне небрежное письмо, редко встречающееся в рукописях Евангелия¹³. Никаких других сведений об этом памятнике нет.

Мы можем дополнить, что в рукописи есть примеры смешения юсов и редуцированных: *сѧцинъ* — 19а¹⁴, *мѧж* — 41а, *гѧгнъка* — 89б, *тнсацъ* — 165а¹⁵. В основе языка рукописи лежит, по всей видимости, западный диалект:

1) широко представлена мена *ѣ*, *ꙗ* и *ѧ*:

ѣ вм. ꙗ: *пенѣзъ* — 47б, *пѣнесоу* (*ѣ* исправлено из *ꙗ*) — 41а, *мරж* — 79б, *на влادѣ* — 85б, *понѣ* — 87б;

ѧ вм. є: *здѣ* — 33а, *ѡ деснѧ тѣкѣ* (*ѧ* исправлено на *ѥ*) — 42б, *практѣднъцъ* — 58а;

ꙗ вм. А: *обрѣщетѣ* — 32б, *ѡбрѣшѫтъ* — 134б, *пенѣзъ* — 47а;

ꙗ вм. А: *жетка* — 13б, *плесастѣ* — 17б, *вес прнгчѣ* — 24б, *пропетіѣ* — 42а, 65б, *доєцинъ* — 53б, *распетла* — 66б, *ѫгети* — 89б, *стезаѣтъ* — 187а;

ѧ вм. ꙗ: *на тѣка зеленѣ* — 86б, (мест. падеж; с другой стороны, это может быть и результатом смешения юсов, т. е. употребление не местного, *ѿ* винительного падежа, но тогда нарушается согласование с прилагательным *зеленѣ*);

ѧ вм. є: *къздаџнътъ* (2 л., мн. число) — 44б, *сѧгворысътъ* (2 л., мн. число) — 58а, *инчашже* — 73б.

2) На месте ж может употребляться оу, и наоборот: ѿ оузы — 162б, ѿмоуцишмоу — 173а, *понѣдн* — 86б.

Рукопись № 480 (55) — четвероевангелие с месяцесловом, чтениями из апостола и «блаженными». Писана на пергамене, в 1°, болгарским уставом и полууставом разных рук, л. 240. По л. 234 об.—235 и 240 об. — записи греческой скорописью¹⁶. В «Описании...» ГИМ рукопись датирована XIV в.; а в «Описаниях...» арх. Леонида и А. Х. Востокова — XIII—XIV вв.¹⁷

¹² Предварительный список..., с. 260, № 1317.

¹³ Викторов А. Собрание рукописей В. И. Севастьянова. М., 1891, с. 41.

¹⁴ При цитировании примеров из наших рукописей указывается номер листа, буквой а обозначена лицевая сторона листа, буквой б — оборот.

¹⁵ И. В. Ягич, приводя в издании Мариинского евангелия разночтения, не указывает эти формы в других старославянских евангелиях.

¹⁶ Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские (М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко). — Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 279.

¹⁷ Арх. Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова в 4-х частях, ч. 1. М., 1893, с. 25; Востоков А. Х.

Вл. Мошин в «Палеографическом альбоме...» относит ее к третьей четверти XIV в.¹⁸ Рукопись вначале принадлежала Норову, а затем — Уварову. Ученые, описывавшие памятник, отмечали наличие юсов, ȝ и ѧ, а также ѩ, ѧ, ѿ и є, но отсутствие начертания ѧ¹⁹.

По мнению А. Х. Востокова, рукопись отражает черты Шуменского говора и принадлежит Восточной Болгарии. Он отмечает такие особенности правописания, как постановку ѧ вм. н после ж и ш; переход [в] в [у] (ѿѹчate — 186, ѿрагa — 216 и др.); употребление особых форм у глаголов прошедшего времени: в 1 л. ед. числа — прииðк вм. прииðохъ, в 1 л. мн. числа — ѱдемъ вм. ѱдохомъ, в 3 л. мн. числа — ѱдж вм. ѱдоша, во 2 и 3 л. дв. числа — нзыдете вм. нзыдостe; написание -амъ вм. -ѣмъ в предложном падеже прилагательных — неѣнъамъ, къ неїракѣднъамъ; отсутствие супина и замену редуцированных гласными полного образования — пришедъ²⁰.

Однако нам встретились примеры, которые можно трактовать как черты языка, свойственные западному диалекту:

1. Вокализация [ъ] в [о]: тогда — 4а, 51а и др.; оўпокажциымъ — 70а. В первом слове о И. В. Ягич отмечает и в Мариинском евангелии, но в других местах. В этих же местах Мариинского евангелия представлен ȝ²¹. В разночтениях с другими старославянскими евангелиями вокализация [ъ] в [о] в данных местах Ягичем также не указана. Во втором слове вокализация не отмечена Ягичем ни в Мариинском, ни в других старославянских евангелиях.²² В Севастьяновском ев. эта вокализация представлена довольно широко.

2. Наряду с правильной старославянской формой блюдѣте — 140б, на л. 139б под титлом находим блюдѣ ѧ и блюдѣ. Это могут быть просто усеченные формы (см. пр. № 10—15), но такое писание может быть обусловлено также меной ѣ и є в первом случае и а и є — во втором.

3. В форме 3 л. дв. числа ѣ, возможно, написана вм. є:

1) не дѣ ли птнцн Ѹсъсарай вѣннмѣ ѿстѣ — Увар. 16а. Однако в 3 л. иногда употреблялось и окончание 2 л. -а, которое было характерно для старославянских памятников восточного извода — Супрасльской рукописи и Саввиной книги. Так что ѣ может здесь обозначать и [а] после мягкого согласного (см. также пр. № 28).

Описание Норовских рукописей. — Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб., 1865, с. 175.

¹⁸ Мoшин Вл. Палеографски албум на јужнословенското кирилското писмо. Скопје, 1966, с. 106.

¹⁹ Востоков А. Х. Указ. соч., с. 175; Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. — Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915, с. 161.

²⁰ Востоков А. Х. Указ. соч., с. 176.

²¹ См.: Мт. 3, 5 и Мт. 28, 10.

²² Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие..., с. 597.

4. В двух случаях ꙗ может быть написана вместо а:

2) Мрк. 4, 5 не имѣ земѣ много — Увар. 57а; не имѣ земля
многы — Мар.

3) Лк. 22, 44. каплѣ կրѣ краплацжѣ на земля — Увар. 145б;
І вѣстѣ поги ѣко и капла կրѣ. краплацжта на землѣ — Мар.
Но в примере № 2 ꙗ может обозначать [а] после мягкого сог-
ласного и представлять собой имен. падеж, а не родительный.
В пр. № 3 вместо мн. числа, возможно, употреблено ед. число.
Однако тогда нарушается согласование с определением.

К характерным чертам рукописи относится также наличие
l-epenteticum, употребление надстрочных знаков и знаков пре-
пинания, свойственных письменности XIV в. В двух местах
в слове *пѣназа* встретилось написание ꙗ и Ꙙ вм. а: *пѣнаզ* —
Увар. 74а, *пѣназъ* — Увар. 116а.

Итак, как мы указывали выше, языковой материал извлекается
из памятников XIII—XIV вв.; эти памятники относятся в основ-
ном к западной школе, кроме Евангелия Ивана—Александра
(Лондонского ев.), Норовской псалтыри, Тырновского ев., Уваров-
ского ев. и Троянской притчи, в основе которых лежит восточный
диалект.

Рассматривая значения дательного падежа, где представлены
отклонения, мы будем обращать внимание не только на семантику
составных частей словосочетаний, но учитывать также некоторые
другие факторы, оказывающие влияние на употребление падежной
формы: одушевленный или неодушевленный предмет обозначает
зависимое от глагола имя; существительным, местоимением, суб-
стантивированным причастием или субстантивированным прила-
гательным оно выражено; имеются ли в конструкции предлоги²³.
Кроме того, мы будем указывать на отклонения в написании форм
согласованных определений.

I. ЗНАЧЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ (Синтаксическая функция обстоятельства)

В этом значении отклонения от древнеболгарского употребле-
ния дат. падеж представлены при непереходных глаголах, обо-
значающих движение. Беспределенный дательный в этом значении
употреблялся редко даже в старославянских текстах, в рукописях
среднеболгарского периода он тоже почти всегда усиливается и
уточняется предлогом. В наших примерах существительные упо-
требляются только с предлогами и обозначают как одушевленные,
так и неодушевленные предметы:

²³ В болгарском, как и в других славянских языках, дательный падеж
оформляется как падеж личный, поэтому изменений формы у существитель-
ных неодушевленных можно ожидать в первую очередь; склоняемые прича-
стия заменяются застывшими формами — это могло повлиять и на субстанти-
вированные причастия; в конструкциях с предлогами основную смысловую на-
грузку берет на себя предлог, в предложном сочетании скорее можно ожидать
отсутствия падежной флексии.

4) Мрк. 14, 10. идε къ архнεребн да й прεдатъ имъ — Увар. 77б; ... къ архнεреомъ — Мар.

5) Мт. 15, 29. приде Иисус къ морю галилеицкому — Увар. 26а; идε при мори галилеицкому — Мар.; прииде на море галилеское — Сев. 30б; ... къ морю галилеискому — Добр. 104.²⁴

В пр. № 4 форму существительного можно считать и имен.-вин. падежом мн. числа, и дат. падежом ед. числа. На мн. число указывает контекст (см. употребляющееся далее местоимение имъ), да и вообще вм. флексии -овъ в дат. падеже существительных м. р. в этой рукописи часто употребляется флексия -у (гоу — 38б, петръ — 46а, моисеоу — 168а). В пр. № 5 существительное употреблено в форме дат. падежа, а прилагательное — местного. Писец, видимо, изменил конструкцию и вместо местн. падежа с предлогом при употребил существительное в дат. падеже с предлогом къ, а определение переписал в прежней форме.

В следующем примере писец, вероятно, допустил просто описку (написал лишь первую букву диграфа оу):

6) Salo рано пришёшє къ гробо ткоемоу — Хл. тр. 136а, 22—23²⁵. У Дуриданова же есть бесспорный пример из Врачанского евангелия:

7) Ио. 14, 6. никто же не придетъ къ оци такмо множ — Врач.; ... къ оци — Зогр.²⁶ Подобный пример встретился нам и в Уваровском ев.:

8) приблажајще сѧ къ Іс — Увар. 124а, внизу на поле.

В этой же рукописи под титлом есть форма имен.-вин. или род.-вин. падежа:

9) Мт. 3, 13. приде Иисус въ галилею на ишрданъ. къ Йша — Увар. 4б; ... къ ишаноу — Мар.

Однако с буквами под титлом как в Севастьяновском, так и в Уваровском евангелиях возможны просто усеченные формы. Написаны они чаще всего на полях, но встречаются и в тексте:

10) ре га съонъа оуче вложиите кы. — Сев. 149а, на поле.

11) ре га съонъа въ че вложиите кы — Увар. 108а, вверху на поле.

12) ре при сънж — Увар. 116б; 131а—б, вставка в тексте; 131а; 137б, на поле.

²⁴ Примеры из Добрейшова евангелия даются по печатному изданию: Докев Б. Добрейшово евангелие, среднебългарски паметник от XIII в. — Български старини, кн. 1. София, 1906.

²⁵ Этот пример сверен автором с рукописью Хлудовской триоди № 133, хранящейся в ГИМ. Оборот листа обозначается буквой а, а лицевая сторона — без буквы.

²⁶ Дуриданов И. Указ. соч., с. 236.

- 13) Ио. 4, 54. ^хю съткорн — Увар. 165а; чудо съткорн — Мар.
 14) Ио. 5, 4 възмѣщаше ^хко. Увар. 165а, конец строки.
 15) Ио. 5, 16. сего ^хро — Увар. 166а.

Изменение конструкции представлено также в Уваровском ев., где писец, употребляя один и тот же текст дважды, просто повторил фразу, а не использовал во втором случае синонимическую конструкцию, как сделал это автор Мариинского ев. (интересно, что в Ассеманиевом и Остромировом ев. во втором случае фраза опущена):

- 16) Мрк. 9, 38. Іже не ходитъ по наст. I възвѣрнхомъ емоу.
 єко не послѣдова намъ — Мар.; ... тако не ходитъ по на — Увар. 68б;
 бти овѣхъ ахолющеи тѣлъ — в обоих случаях.

II. ЗНАЧЕНИЕ АДРЕСАТА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ

К значению направления близко значение адресата предоставления при глаголах, обозначающих пространственное перемещение или побуждение к движению. И хотя значение адресата относится к синтаксической функции дополнения, обстоятельственный оттенок ощущается довольно сильно, если прямой объект, как и косвенный, выражен одушевленным существительным²⁷.

Отступление от правильного употребления формы дат. падежа представлено в Уваровском ев. при гл. *сълати*.у местоимения, стоящего с предлогом к:

- 17) Лк. 4, 26. ^хи єднно^х же ^хи послаи ^хві ^хнн — Увар. 90б;
 ии ^хи єднно^х — Мар.; ^хаи прѣс овѣрміан аутѡн єпѣрфѣт' ^хПліас (здесь, вероятно, представлен вин. падеж. Ср. мену форм в Уваровском ев.):

- 18) Лк. 1, 73. ^хлатвѣж єж же ^хлат ^ха — Увар. 85б; ^хлатвѣж
 еж же ^хлат ^ха — Мар.

- 19) Лк. 12, 42. постаїи ^хи надъ ^хчелѣдѣж ^хко^х — Увар. 118а;
 ... надъ ^хчелѣдѣж ^хко^х — Мар.

- 20) Лк. 12, 7. ^хи ^хласъ ^хлавы ^хашж ^хаси ^хиуатенъ ^хожъ — Увар. 116а; ^хи ^хласъ ^хлавы ^хашемъ — Мар.).

В литературе приводится пример употребления при этом же гл. *сълати* вин. падежа без предлога:

- 21) непрѣстїжномоу ^хесткоу єдиногацїи тронцж ^херафимъскж
 тѣстжж пѣ ^хаснаемъ — Хл. тр. 176а, 38—177, 1.

А К. Мирчев дает пример из Славословия Ивана—Александра (1337 г.), где согласованное причастие получает форму род.-вин. падежа вм. дат.:

- 22) пѣсна ^хасла ^хоу цю... ^хенцодатено... ^хаседрѣжкоу ^хад-
 шаго намъ великааго ^хоекодж^х^{28—29}.

²⁷ Правдин А. Б. Указ. соч., с. 31.

^{28—29} Мирчев К. Указ. соч., с. 249.

При глаголе **кестн** в конструкции с предлогом **къ** отмечается одушевленное существительное в имен. падеже:

23) **кеде є къ ци фараинѣ** — Хл. тр. 90, 6—7 (но это может быть и дат. падеж по модели основ на ***-i**).

Пример имен. падежа сущ. м. р. приводит И. Дуриданов из Врачанского ев.:

24) Мт. 26, 57. **коинн же ємаше Іса ведашж Іса** ^{ак} **къ канѣфа н архнѣреони** — Врач. 125б; ... **къ канѣфа архнѣреони** — Врач. 147б; ... **къ клѣфѣ** — Зогр. ^{30—31} **ἀπήγαγον τρὸς Καιάφαν τον ἀρχιερέα.**

III. ЗНАЧЕНИЕ АДРЕСАТА СООБЩЕНИЯ

В значении адресата сообщения при глаголах говорения, особенно при гл. **рѣцн** и глаголати как в старославянских, так и среднеболгарских текстах наряду с беспредложным дат. падежом была широко представлена конструкция «**къ + дательный**». Много примеров на расширение употребления этой конструкции в рукописях среднеболгарского периода приводит К. Мейер в указанной работе. Мы не будем подробно останавливаться на тех случаях, когда с предлогом форма падежа употребляется правильно. Укажем лишь на отклонения.

Изменение форм в наших рукописях наблюдается не у существительных, а у их определений, выраженных причастиями. Существительные обозначают одушевленные предметы и употребляются как с предлогом, так и без него:

25) Лк. 18, 9. **ρε ѿ къ дроугымъ оупокаціямъ сшбоа ... н ҳоулаце** проче — Сев. 170б; ... **н ҳоуциенѣ проуаж** — Увар. 131б; ... **н оунчужкаицемъ прочая** — Мар.

26) Мрк. 3, 3. **и гла чакоу соуха рж нмжци** — Сев. 75а; **и гла чакоу нмжштоумоу соухж ржкж** — Мар.

В пр. № 25 неизменяемая форма **ҳоулаце** Севастьяновского ев. засвидетельствована в этом отрывке еще в Остромировом ев.; в Уваровском ев. представлена полная форма причастия имен. вин. падежа вм. дательного, не указанная Ягичем в разнотечениях ³². В пр. № 26 ж вм. оу можно считать ошибкой, написанной под воздействием предыдущей формы **рж** и вследствие удаленности от определяемого слова **чакоу**, но, с другой стороны, ж может графически изображать звук [u]. ³³ Ср. также написание причастия в конструкции дательного самостоятельного:

27) **прѣблѣжаацж са ємоу** — Сев. 173б.

^{30—31} Дуриданов И. Указ. соч., с. 236.

³² См. Мариинское евангелие, с. 279.

³³ См. характеристику памятников выше, с. 5—7.

Форму местоимения в дв. числе тоже можно считать ошибочной:

28) Мт. 28, 10. гла юмѣ — Увар. 51а; гла юма — Мар. Но, с другой стороны, ꙗ может обозначать в Уваровском ев. и звук [a] после мягкого согласного. Ср. написание само вм. ꙗмо — 107б; 135б.

Замена дв. числа местоимения множественным широко представлена в Севастьяновском ев.: 43б, 179а, 187а и др.

При гл. ꙗзъѣстнѣ в Уваровском ев. употреблен либо имен.-вин., либо род.-вин. падеж, но эта форма написана с буквой под титлом³⁴:

29) Лк. 7, 18. ꙗ ꙗзъѣстнѣшъ Иѡа оѹчицн єго — Увар. 98б; ...ноану — Мар.

В Севастьяновском ев., напротив, вм. вин. падежа и дательного дважды употреблен дательный:

30) Лк. 24, 9. ꙗзъѣстнѣшъ ꙗсѣмъ єдиному на десате. ꙗсѣмъ прочнмъ — Сев. 186б; ꙗзъѣстиша ꙗсѣкъ си єдиному на десате и ꙗсѣмъ прочнмъ — Мар.

Вероятно, произошло это под действием последующей формы ꙗсѣмъ.

Отмечены другие отклонения в употреблении дат. падежа существительных. При гл. глаголах указывается одушевленное существительное в имен. падеже:

31) погомъ гла тома почто мн не вѣроуешн. яко ꙗскре нзѣ мртвы — Хл. тр. 139, 28—30.

В другом случае при этом же глаголе форма существительного ошибочно определяется как форма род. падежа, однако можно полагать, что это форма дат. падежа существительных ж. р. на -ыи (при мене и и):

32) тако глѣта га къ самарѣнны — Хл. тр. 151, 36.

Употребление имен. падежа при гл. ꙗпнти можно объяснить тем, что писец мог переосмыслить выражение и отнести существительное к глаголу ꙗланти:

33) младенци съ вѣгъкымъ хвалѣхъ та хѣ. яко побѣдителъ ꙗпнти ти днѣ. ѿсана сноу дѣдовоу — Хл. тр. 79, 17—19.

Другие примеры с местоимением при этом же глаголе, приводимые некоторыми исследователями, определяются как форма вин. падежа. Однако следует иметь в виду, что в основе триоды Хлудова лежит западный диалект, в котором ꙗ звучала как [e], и буквы на письме могли смешиваться:

³⁴ Относительно форм под титлом см. № 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

34) төвө веде тенгі салғ. драздажиे калнем земні — Хл. тр. 176, 37—38.

Изменение конструкции встретилось нам при гл. речи. Фраза с существительным неодушевленным в Севастьяновском ев. переосмысlena:

35) Мт. 18, 17. *ρ'ψη* и *ψρκη* — Сев. 36б; *ποιήσῃ* и *ψρκη* — Увар. 30а; *ρδψη* *ψρκη* — Мар.; *εἰπε τῷ ἑκάτησίᾳ*.

В другом месте при этом же глаголе косвенный объект, обозначающий одушевленный предмет, заменен обращением:

36) Лк. 15, 29. *ον* же *οκεψακα* *ρε* *ωψε...* — Сев. 166б; ... *ρεψε* *отг҃ю* *своему* — Мар.; *εἶπε τῷ πατρὶ*.

Кроме глаголов говорения, в эту же рубрику входят глаголы сообщения и показа. И если первые — переходные, то вторые чаще всего бывают непереходными. В частности, гл. *молити* *са* мог выступать в нескольких значениях.

В значении 'молить', 'просить кого-либо' глагол мог употребляться без частицы *са*, управляя вин. падежом, а также с этой частицей, управляя дательным (или дат. с предлогом *κα*). Ср. мены форм:

37) Лк. 14, 18. *μολῑ* *τα* — Мар.; *μολα* *τη* *са* — Сев. 164а; *μολα* *τα* — Увар. 122а—б;

38) Лк. 9, 38. *μολῑ* *τη* *са* — Мар.; *μολῑ* *τα* — Асс.; *μλα* *τη* *са* — Сев. 149а; *μολα* *τη* *са* — Увар. 107б.

В значении 'молиться за кого-либо, о ком-либо' глагол, употребляясь как с частицей *са*, так и без нее, мог управлять вин. падежом с предлогом *за*:

39) Лк. 6, 28. *μολῑτε* *са* *за* *τκօραштα* *камъ* *обндж* — Мар.

40) Мт. 5, 44. *μολῑтε* *за* *τκօրацтамъ* *камъ* *напастн* — Мар.; *μολӣткж* *дѣтє* *о* *напасттвѣцнхъ* *камъ* — Сав.

В результате смешения значений глагола и в Севастьяновском, и в Уваровском ев. засвидетельствовано ошибочное употребление формы дат. падежа вместо винительного с предлогом *за* у субстантивированного причастия:

41) Мт. 5, 44. *μλῑτа* *за* *τκօрєшнмъ* *камъ* *напастн* — Сев. 36; *μολӣтє* *са* *за* *τκօրацнмъ* *камъ* *напости* — Увар. 9а; *μολите* *за* *τκօրацтамъ* *камъ* *напастн* — Мар.

При гл. *испокѣдатн* *са* Е. В. Чешко приводит пример ошибочного употребления род. падежа на месте дательного у определения неодушевленного существительного в Норовской псалтыри:

42) *изведн* *из* *тәмннцж* *аш* *мож*, *еже* *испокѣдати* *са* *именн*

ткоёго — Нор. 233—3—4; ... нεποκέδατη са именн ~~επ~~^{κο}μου — Бол. 141—8а. b^{35—39}.

Изменение конструкции, когда писец перефразировал текст, представлено при гл. таинти са:

43) Мт. 17, 3. οι τε ἕκκριτες са εις οντας μοις ή ἡλια — Увар. 28а; Ι τε ἀκριτες са οντας μοις η ηλιος — Мар.; καὶ ἰδού ὁφθησαν αὐτοῖς Μωσῆς καὶ Ἡλίας.

IV. АДРЕСАТ ПРИЧИНЕНИЯ

В значении адресата причинения при гл. творити форма род.-вин. падежа представлена у субстантивированного причастия, обозначающего лицо:

44) Мт. 5, 44; Лк. 6, 27. δόξα τοῦριτε νεναβιδαιμιν ^{τι} κα — Сев. 3б; δοερш τοῦριτε νεναβιδαιμιн ^{τи} κа — Увар. 95б; добро τοῦριτε νενα-
вндаштнмз ^{τи} каса — Мар.

Вин. падеж неодушевленного существительного приводит И. Дуриданов:

45) Лк. 1, 33. οι τέροι εργο οιο οε βήδετα κον'ца — Врач.; ί τρετκού
его οе βήδεтα комца — Зогр.⁴⁰ Но и здесь возможна простая
описка (см. пр. № 6).

Изменение конструкции отмечено нами в Севастьяновском евангелии. Гл. дати в значении 'позволить', 'дать возможность' заменен гл. ω^ταвнти, управляющим вин. падежом, как в греческом тексте. Фраза эта надписана над строкою:

46) Лк. 8, 51. (Над строкою: οε ω^ταвнти οи ε^днного в[δннти])⁴¹
τοκмо петра и Иса и та^ква. и оца отρокицж и м^тгр — Сев. 145б;
οе да иакомоу же ваннти τοκмо петроби. и иоаноу и н^текобоу. I от^т
отроковица и матерн — Мар.; οώх αφηκεν είσελθειν ούδενα ει μή πέτρον
καὶ Ἰωάννην καὶ Ἱάκοβον καὶ τὸν πατέρα τῆς παιδός καὶ τὴν μητέρα.

V. АДРЕСАТ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Значению адресата причинения близко значение предназначения, сближающегося, в свою очередь, с целевым значением обстоятельственной функции. В этом значении нам встретилась форма дат. падежа в сочетании с предлогом на у субстантивированного причастия:

47) Лк. 1, 50. οι μλ τα εργο κα родα и родα на боалим ^{τι} его —
Сев. 121б; I мнасстя его κα родз и родз боаштнмз са его —

^{35—39} Чешко Е. В. Указ. соч., с. 185.

⁴⁰ Дуриданов И. Указ. соч., с. 234.

⁴¹ Буквы, данные в квадратных скобках, с трудом различимы в рукописи.

Мар. Интересно, что именно эту фразу приводят из других источников:

48) *тако сътвори мнѣ величие сѧнъ и съго има єго. и местъ єго на вождіи и сѧ єго въ рѣ —* Хл. тр. 70а, 8; ... на бояштии сѧ єго — Тырн. ⁴²⁻⁴³

Отмечая употребление предлога на перед синтетической формой дат. падежа в Тырновском евангелии, К. Мирчев объяснял появление контаминированной формы стремлением нормализовать фразу, так как сочетание сущ. мн-остъ с предлогом на и вин. падежом было обычным явлением еще в старославянских текстах⁴⁴.

И. Дуриданов дает еще пример на употребление предлога на с формой дат. падежа местоимения из Врачанского ев., однако оговаривается, что эту форму можно считать и местным падежом, так как обе формы одинаковы:

49) *Мт. 14. 15. да ша"дше въ ѿжрѣнїѧ градаца коупатъ брашно на себѣ —* Врач.; ... коупатъ брашна себѣ — Зогр. ⁴⁵

Е. В. Чешко приводит примеры на употребление вин. падежа вместо дат. у существительных неодушевленных:

50) *положиша єсї наꙗ поношеннѣ сѧсѣдома нашама подражанїе и порѣганинѣ сѧцииима ѿкрестъ наꙗ —* Нор. 75—17, 75а—1—3; ... поношенню сѧсѣдомъ нашим... — Бол. 43—14.

51) *положиша есї твѣрдъ єго сѣтрахъ —* Бол. 88—41в; *положиша есї твѣрдъ єго, сѣтрахъ —* Нор. 148—15,16; ... въ твѣрдъ — Пог.

52) *бл҃удѣте же еда како властъ баша си прѣтг҃айканїе бѫдетъ немоцѣланїимъ —* Охр. ап. 55л. — 4; ... како властъ си баша прѣтг҃айканїю бѫдетъ — Ен. ап. За—15, 17.

Кроме вин. падежа может употребляться и родительный:

53) *и камѣнїихъ сѧ ѡко обца заколенїа —* Нор. За—5 ⁴⁶.

Интересно соотношение параллельных мест Енинского и Охридского апостолов:

54) *тѣло же не любодѣланю на гоу и га тѣло —* Охр. ап. 54 л., 9, 10; *тѣло же не любодѣланне нижъ въ и га тѣлоу —* Ен. ап. 26—2, 3 ⁴⁷.

В примерах, приводимых К. Штайнке, имена существительные также обозначают неодушевленные предметы:

⁴²⁻⁴³ Дуриданов И. Указ. соч., с. 234.

⁴⁴ Мирчев К. По въпроса за склонението въ български език. — Български език, 1954, год IV, кн. 1, с. 61—64.

⁴⁵ Дуриданов И. Указ. соч., с. 232.

⁴⁶ Чешко Е. В. Указ. соч., с. 185.

⁴⁷ Там же.

55) αὐτὸς δέ προτικόν την ἀπόδοσίν την λαλεῖ μὲν οὐδεὶς — № 882, 29b, ап. XXVIII, 17; ... μὲν ἀπογένεται ὥστε — № 880, 58b; τοῖς δέ τοις πατρώις.

56) κατάπληξις εἰσπίπτειν εἰς τὸν πατέρα διάλογον την ἀπόδοσίν την λαλεῖ μὲν οὐδεὶς — № 882, 38a⁴⁸.

В последнем случае существительное употреблено в имен.-вим. падеже, а согласованные определения сохраняют форму дат. падежа.

В Севастьяновском ев. нам встретился случай изменения конструкции в связи с более близким греческому языку переводом:

57) Лк. 9, 25. υπό τοῦ πατέρος ἡλίκη — Сев. 147б; καὶ υπό τοῦ πατέρος εἶσθαι τὴν ἡλίκην — Мар.; τί γὰρ ὑφελεῖται ἀνθρώπος.

В этом же евангелии при гл. τκорити также под влиянием греческого оригинала изменено именное сочетание — вм. полной формы прилагательного и существительного употребляется сложное существительное:

58) Лк. 6, 26. ποιῶν τὸν τκорάχж лжепркшмъ — Сев. 136а; ποιῶν τὸν τκорάχж лжжнмъ пркмъ отцн нхъ — Мар.; κατὰ τὰ αὐτὰ γὰρ ἐποίουν τοῖς φευδοπροφήταις οἱ πατέρες αὐτῶν.

Следует отметить, что в значении предназначения косвенный объект часто опускается:

59) Лк. 5, 29. ἢ στατύρων την ἀρέσκειαν εμού. καὶ δομού σκοέμъ — Мар.; ἢ στατύρων οὐγρέζεινε βελνέ λεβγн κα δомоу скоэмъ — Увар. 93а.

Ср. также изменение конструкции:

60) Лк. 19, 15. Ι ρεχε δα πραγλασατъ εμοу ρабы ты — Мар.; ρε πραгласи ти ρабы тыа — Сев. 172б; εἴπε φωνηθῆναι αὐτῷ τοὺς δούλους τούτους

VI. ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПЯТСТВОВАНИЯ, ВРЕДНОГО, НЕПРИЯТНОГО ДЕЙСТВИЯ

В отдельную рубрику мы выделили конструкции при глаголах типа πονοεῖν, δοσαδίνтн, καззбраннтн, объединяемых значением препятствования, вредного, неприятного действия. Дат. падеж существительных в этих конструкциях А. Б. Правдин считает дат. падежом пользы и вреда, а Е. В. Чешко сочетания с гл. δοσаднтн относит в рубрику адресата причинения, с гл. ποноентн и κаззбраннтн — в рубрику адресата сообщения.

Однако, в отличие от других глаголов сообщения, с гл. ποноентн и κаззбраннтн не мог употребляться предлог κα, а при гл.

⁴⁸ Steinke K. Op. cit., S. 89.

досадити и взбранити и в старославянских текстах, и в древнерусских мог употребляться беспредложный вин. падеж.⁴⁹

Пример подобного употребления от неодушевленного существительного при гл. взбранити в Норовской псалтыри приводит Е. В. Чешко:

61) *се оустык мой не взбрана* — Нор. 70а—16; *се оустына ма* ^о *не взбрана* — Бол. 39—10b, с; *оустомъ моимъ не взбранъ* — Син.⁵⁰

При гл. попоснти нам также встретился вин. падеж:

62) Мт. 27, 44. *попошаста* н — Сев. 66б; *попошасте* емоу — Мар.

Изменение конструкции представлено при гл. досадити. В одном случае этот глагол заменен гл. *вкорити*, управляющим вин. падежом, в другом — гл. *неудсткокати* без объекта (в греч. объекта нет в обоих случаях):

63) Лк. 18, 32. *и вкоретъ* н — Сев. 171б; *и досаждатъ* емоу — Мар.; *ὑδρισθήσεται*.

64) Лк. 20, 11. *и неудсткокаш* — Увар. 137б; *и досаждаше* емоу — Мар.; *ἀτιμάσαντες*.

VII. ОБЪЕКТ ВОСПРИЯТИЯ И ОТНОШЕНИЯ

Рассмотренные выше значения дат. падежа представляют собой дательный воспринимающего объекта. Однако при непереводных глаголах дат. падеж может быть и дат. падежом объекта восприятия и отношения.

В этом значении при глаголах еще в старославянских и древнерусских текстах были широко распространены конструкции, синонимичные дат. падежу. Мы также можем привести примеры подобного употребления при гл. *вѣрокати*, *грѣшити*, *хотѣти*. Однако случаев неправильного написания падежной флексии при этих глаголах или замены конструкции не встретили.

Лишь в одном месте в Уваровском ев. при гл. *хотѣти* опущено местоимение в дат. падеже:

65) Лк. 19, 27. *обаче врагы мои ты. не хотѣвшаша мнѣ да*
цѣра была была надъ иным. приведѣте сѧмо — Мар.; ... *не хотѣвшож*
да цѣра была была... — Увар. 135б.

Примеры употребления вин. падежа вместо дательного от существительных неодушевленных при гл. *взрадовати сѧ*, *дѣлнти сѧ*, *порекновати*, не отмеченного исследователями в старославянских текстах, приведены в исследовании склонения и употребления существительных в Хлудовской триоде:

⁴⁹ Прадин А. Б. Указ. соч., с. 57 и 77.

⁵⁰ Чешко Е. В. Указ. соч., с. 185—186.

66) *къзрау́жт са* земній са неб наими·покланѣннѣ твоёму кртоу — Хл. тр. 13, 14—15;

67) мы же тайнастко ти днкаще са — Хл. тр. 53, 36—37.

68) и днблѣхъ са вси слышажи. твоёжъ неизренохъ мждростнѣ — Хл. тр. 148, 1—2 (твор. падеж вм. вин. в результате гиперправки).

69) моисе́йка жезль порекнои дшѣ — Хл. тр. 37а, 2

При гл. порекновати с отрицанием — род. падеж:

70) ихъ јкѣ не порекновавши дшѣ·нн житни ии дѣла — Хл. тр. 42, 8—9.

Род.-вин. падеж субстантивированного причастия при гл. порекновати приводит из Виргинской грамоты и К. Мирчев:

71) ии́фма благоу́рнамъ и сгылъ, црѣмъ прѣжѣ менѣ взы́шнѣхъ (вм. взы́шнѣхъ) порекновадъ^{51—52}.

Изменение конструкции представлено при отрицательной форме гл. *раднти* ('заботиться'), употреблявшегося с дат. падежом или местным и предлогом *о*. В Уваровском ев. вместо этого глагола стоит гл. *прѣбндицт* с формой род.-вин. падежа, а в Севастьяновском — *прѣзрѣтн*:

72) Лк. 16, 13. а дроуга́го прѣи́ваднгъ — Увар. 127а; а дроу́тѣма нераднти нау́нетъ — Сев. 167а; а о дроу́тѣма не роднти нау́нетъ — Мар.; καὶ τοῦ ἐτέρου καταφρούγει.

73) Мт. 18, 10. да не прѣзрите єднного ѿ малѣ си — Сев. 36а; и не не брѣзѣте ѿ єднномъ — Увар. 30а; и не роднте о єднномъ отъ малѣхъ сиҳъ — Мар.; ... єднномоу сиҳъ — Сав.; μή καταφρούγετε єνος τῶν μικρῶν τούτων.

В значении объекта отношения при гл. быти и прилагательном достоинъ в старославянских текстах могли употребляться и дат., и род. падежи.

И. Дуриданов указывает на употребление вин. падежа:

74) Лк. 23, 22. ии́чесоже достоинна сѧмъ иберѣтъхъ ии немъ — Добр.; ... достоина съмрѣти — Зогр.⁵³

Ср. пример с вин. падежом в Хл. тр.:

75) разумѣж дѣла мои сѧда достоинъ — Хл. тр. 18, 12.

Несколько примеров при прилагательном подобанъ и при гл. оуподобнти са приводит И. Дуриданов:

76) Мт. 25, 1. оуподобнти са црѣко нбсною десяти дѣва — И. Ап. ев.; ... Г тї (= десяти) дѣва — Асс.

^{51—52} Мирчев К. Историческая грамматика..., с. 248.

⁵³ Дуриданов И. Указ. соч., с. 235.

77) сѧн фарнжъ подобенъ есѧ подобного вѣтеза, а сѧе оржжє на еговѣ ширицѣн плещи и сѧн цинта на еговѣ крѣпкжа мышци — Тр. пр. 58, 30—32.

78) Лк. 13, 19. πώ̄μενο ἐπ̄ τῷ ιδίῳ ψάρῳ γοργισθέντο — Врач.; ... ψάρῳ γοργισθέντο — Ев. № 9 Пловд. нар. библиотека (XIII в.); подобно есѧ зрею горюшкоу — Зогр.^{54—56}

И в Севастьяновском ев. в той же фразе, что и в указанной И. Дуридановым, мы отметили имен.-вин. падеж согласованного определения при существительном в дат. падеже:

79) Мт. 13, 31. πώ̄μενο ἐπ̄ τῷ ιδίῳ ψάρῳ γοργισθέντο — Сев. 24а.

При гл. оуподобитѣ сѧ в Хл. тр. отмечается вин. падеж у неодушевленного сущ., а в Охр. ап. — у одушевленного:

80) οὐποδοβη σѧ ѿцема πρέποντε··αὺλεύ καὶ στρτεχε··αύσιφοу καὶ напастехъ. и бесплтны жагтнѣ καὶ тѣлесехъ сѧн — Хл. тр. 184а, 33—34).

81) εօνη οуповицж сѧ чѣкаі — Охр. ап. ба Ар. XIV, 11^{57—58}.

Род. пад. у неодушевленного существительного указывается при прилагательном тѣлена:

82) и нѣбесе тѣлена ю — Хл. тр. 3, 13).

Употребление род.-вин. падежа местоимения при сохранении дат. падежа определения, выраженного причастием, в конструкции с прилагательным рабанъ изменяет смысл фразы в Добрейшовом евангелии:

83) Мт. 20, 12. и рабынъ насъ··сткборахъ еси понесашима таготж и каръ — Добр. 109а; I рабынъ намъ εγткборахъ иа еси. понесашима таготж даи и каръ — Мар.; καὶ Ἰωսήφ ἡμίτιν αὐτούς ἐποίησας τοῖς βαστάσαι τὸ βάρος τῆς ἡμέρας...

В качестве изменения конструкции можно указать параллельные примеры из Севастьяновского и Уваровского ев.:

84) Лк. 23, 41. досгопнаа по дѣломъ наю вѣспрнѣмлекѣ — Сев. 185б; досгопнаа по дѣломъ наю вѣспрнѣмлекѣ — Увар. 150а; I вѣ оубо вѣ праѣдѣ досгопнаа во дѣломъ наю вѣспрнѣмлекѣ — Мар.; καὶ ἡμεῖς μὲν δικαιῶς ἀξία γὰρ ὡν ἐπράξαμεν ἀπολαμβάνομεν. Здесь вместо частицы во перед беспредложным дательным падежом выступает предлог по, который наряду с предлогом къ наиболе често употребляется с дат. падежом.

^{54—56} Дуриданов И. Указ. соч., с. 235.

^{57—58} Steinke K. Op. cit., S. 90.

VIII. ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ

Примеры употребления вин. падежа при гл. наоуңтн (са) приводит Е. В. Чешко:

85) правдј на'оуңтг са жәкжіңеи на земн ... каскіз үже не наоуңт са правдј на земн астїны не сұлткорнға — Нор. 256а—3—6;

86) благостнк твеж наоуҹа ма оправданні тва — Нор. 202—3,4; ... наоуҹа ма оправданнемз твоимз Бол. 118—68;

87) благост ү наказаннё ү разоум наоуҹи ма — Нор. 201а—14; благост ү наказанню ү разоумоу твоемоу наоуҹи ма — Бол. 118—66а. б⁵⁹.

IX. СУБЪЕКТ ВОСПРИЯТИЯ И ОТНОШЕНИЯ

В этом значении при безличной форме глагола дат. падеж выступает в роли субъекта, поэтому он заменяется имен. падежом. Существительное обозначает одушевленный предмет:

88) Мт. 10, 25. доклеетъ оученкou да бде таќо оуңтелъ ёго.
и раба таќо га ёго. — Сев. 15б; докледъ оученкou да вѣдеть ѣкоже
оучнгелъ ёго. и рабоу ѣко га ёго — Мар.

Отсутствие согласования между причастием и существительным отмечает К. Мирчев в Риповском сборнике:

89) прилоуҹи са ...шрѣстн са мрѣтвоу на столѣ своемз,
аражжіца...;

90) прилоуҹи же са ү нномоу братъ копажица рѣженк⁶⁰.

Итак, несмотря на стремление писцов копировать старославянские формы, отклонения от правильного употребления дат. падежа засвидетельствованы в памятниках XIII—XIV вв. как западного, так и восточного происхождения почти во всех значениях обстоятельственной и объектной функции, но особенно в значениях направления движения, предназначения, объекта восприятия и отношения, изъяснительного объекта.

В обстоятельственной функции при глаголах движения сущ. употреблялись в основном с предлогами, поэтому и отклонения, связанные с утратой падежной формы, представлены в предложных конструкциях.

В объектной функции с ощутимым обстоятельственным оттенком дательный падеж мог употребляться как без предлога, так и с предлогом къ. Отклонения от правильного употребления падежной формы представлены в обоих случаях, преобладание неправильных форм в предложных конструкциях по сравнению с беспредложными ярко не выражено.

⁵⁹ Чешко Е. В. Указ. соч., с. 186.

⁶⁰ Мирчев К. Историческая грамматика..., с. 249.

Отклонения в употреблении форм дательного падежа имен существительных отмечены почти во всех указанных значениях. Неправильные формы причастий, прилагательных и числительных, как субстантивированных, так и выступающих в роли определений, составляют значительно меньшую часть по сравнению с существительными. Почти нет отклонений от правильного употребления форм местоимений.

Существительные с неправильными формами могут быть как одушевленными, так и неодушевленными, в зависимости от того, какие существительные употребляются в данном значении. Так, в значениях направления движения, адресата предоставления, адресата сообщения и субъекта восприятия и отношения в основном употреблялся дательный падеж (с предлогом или без предлога) от существительных одушевленных. Поэтому и неправильные формы представлены у этих существительных (собственных и нарицательных). В тех значениях, где могли употребляться как одушевленные, так и неодушевленные существительные (предназначение, объект восприятия и отношения) неправильные формы от существительных неодушевленных превалируют.

Неправильные формы существительных или субстантивированных частей речи отмечены при глаголах: *нгн*, *прнгн*, *прнблнжатн са*, *сзлатн* с приставками *по-* и *въ-*, *бесгн*, *глаголатн*, *взпнгн*, *молнгн са за*, *попоснгн*, *кзрадокатн са*, *днвнгн са*, *поребноватн*, *бытн достоннз*, *бытн подобанз*, *оуподобнгн*, *бытн тгчанз*, *наоунгн (са)*, *доклфгн*, а также в конструкциях значений причинения и предназначения.

Неправильные формы определений при правильных определяемых представлены при глаголах: *прнгн*, *басылатн*, *рѣцн*, *глаголатн*, *испокѣдатн са*, *добро творнгн*, *бытн подобанз*, *поребноватн*, *прнау-унгн са*.

Изменений конструкций в исследованных нами евангелиях немного. Они не засвидетельствованы в значениях предоставления, изъяснительного объекта и субъекта восприятия и отношения. В значениях направления движения (при гл. *послѣдокатн*), адресата причинения (при гл. *датн* в значении 'позволить') и адресата предназначения (при глагольном сочетании *есгъ полса*) изменения конструкций связаны с влиянием греческого оригинала.

Без опоры на греческий текст изменены конструкции в значениях адресата сообщения (*рѣцн* + неодушевленное сущ., *такнгн са* + одушевленное сущ.) и адресата предназначения (*прнгласнгн* + одушевленное сущ.), где писец переосмыслил фразы.

Переосмыслена фраза и в значении объекта отношения в конструкции с прилагательным *рабанз*. В том же значении в предложной конструкции с прилагательным *достоннз* частица *бо* переосмыслена в предлог *по*, употреблявшийся с дательным падежом.

В значении неприятного действия глагол, управлявший дательным падежом, заменен в двух случаях на глаголы, управлявшие винительным падежом (гл. *досадити* заменен на *зкоити* и *неустькобати*). Интересно, что в греческом оригинале глаголы употреблены без объекта. В значении объекта восприятия глагол, управлявший дательным падежом, также заменен на глаголы, употреблявшиеся с винительным (гл. *радити* — 'заботиться'). И вообще во многих случаях отклонений вместо дательного падежа выступает винительный падеж, который, вероятно, начинает восприниматься как общий.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ⁶¹

- Асс. — Ассе манцево евангелие
Бол. — Болонская псалтырь XIII в.
Врач. — Врачанско евангелие XIII в.
Добр. — Добре шово евангелие XIII в.
Ен. ап. — Еникийский апостол XI в.
Зогр. — Зографское евангелие XI в.
И. Ал. ев. — Евангелие 1356 г.
Мар. — Мариинское четвероевангелие.
Нор. — Норовская псалтырь XIII в.
Охр. ап. — Охридский апостол XII в.
Пог. — Погодинская псалтырь XII в.
Сав. — Саввина книга.
Сев. — Евангелие XIV в. Хранится в Москве, ГБЛ, собрание Севастьянова № 10 (1440).
Син. — Синайская псалтырь (XI в.).
Тыри. — Тырновское или Михановичево ев. XIII в.
Увар. — Евангелие XIV в. Хранится в Москве, ГИМ, Уваровское собрание № 480 (55).
Хл. тр. — Хлудовская триодь XIII в. Хранится в Москве, ГИМ, Хлудовское собрание № 133.

⁶¹ В связи с тем, что примеры взяты автором из соответствующих работ ученых, а не печатных изданий рукописей (за исключением самостоятельно исследованных евангелий и Хлудовской триоди), указано лишь полное название памятников. Подробные сведения об изданиях см.: Чешко Е. В. История болгарского склонения, с. 311.

К СИНТАКСИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ
СРЕДНЕБОЛГАРСКИХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ СПИСКОВ
(РЫЛЬСКОЕ Б ЕВАНГЕЛИЕ)

Проблемы, которые ставит перед палеославистами история древнеболгарского перевода евангелия как с чисто текстологической точки зрения, так и в отношении его языковой характеристики, хорошо известны. Устойчивость евангельского текста в последующей славянской рукописной традиции и обилие евангельских списков дает возможность путем их сравнения отыскивать новые данные для реконструкции исходного перевода Кирилла и Мефодия и выявления этапов его дополнения и ревизии¹. С другой стороны, именно это обстоятельство не было особенно благоприятным для проникновения грамматических инноваций в его язык. Поэтому использование среднеболгарских списков евангелия как источника сведений об изменениях в живом языке требует в качестве первого шага выявления таких рукописей, в которых переписчики допускали более смелые и последовательные нарушения традиционной нормы. Такой — и при этом очень ценный — материал по хронологии членной формы в болгарском языке был открыт в Добрейшовом евангелии² и Банишком евангелии³, в отношении лексики и морфологии оказались интересными Рыльское А евангелие, Пражское евангелие⁴, евангелие № 848 из НБКМ⁵.

Изменения, наблюдающиеся в области морфологии и синтаксиса в среднеболгарских евангельских текстах по сравнению с древнеболгарскими, очень часто остаются преимущественно на уровне книжного литературного языка и не могут быть непосредственно

* © Ангелина Минчева, 1982 г.

¹ Ср.: Horálek K. *Evangeliáře a čtveroevangelia*. Praha, 1954; Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. Москва, 1976.

² Мирчев К. За членните форми в Добрейшово евангелие. — Български език, 1956, № 3, с. 223—228.

³ Дограгаджиева Е. Членни форми в Банишкото евангелие, среднобългарски паметник от края на XIII в. — Български език, 1973, № 1—2, с. 90—93.

⁴ Мирчев К. Неизвестные лексические варианты в одном среднеболгарском недельном евангелии XIII века. — Prace Filologiczne, XVIII (Warszawa), 1965, cz. 2, с. 407—411; Он же. За едно старобългарско наименование на «квачката». — Български език, 1959, № 3, с. 252—253; Он же. За новите морфологически черти в Пражкото евангелие — среднобългарски паметник от XV век. — В кн.: Езиковедски исследования в памет на акад. Ст. Романски. София, 1960, с. 231—237.

⁵ Том И. К изучению именных форм среднеболгарских памятников. — Старобългаристика, 1977, № 1, с. 55—65.

соотнесены с развитием разговорной речи⁶. Поскольку язык евангельских списков с его традиционностью и нормированностью продолжал быть определяющим для норм литературного языка и в среднеболгарский период, изменения в облике и функционировании его формальных средств могли бы дать сведения о том постепенном видоизменении литературного языка, которое незаметно происходит в течение XII, XIII и XIV вв.⁷

Рыльское Б евангелие (рукопись № 1/12 из библиотеки Рыльского монастыря)⁸ дает возможность всестороннего рассмотрения его текста ввиду его небольшого объема — 29 пергаменных листов, являющихся частью кодекса, который содержал по меньшей мере 136 листов⁹. На основе палеографических данных Б. Велчева, вслед за Б. Цоневым и Л. Милетичем, относит рукопись к началу XIV в.¹⁰ Нами проведено полное сравнение этой рукописи с четырьмя древнеболгарскими евангелиями — Мариинским, Зографским, Ассеманиевым и Саввиной книгой, а также с тремя среднеболгарскими — Добрейшовым, Врачанским и Македонским¹¹. Здесь выделяются и комментируются прежде всего те случаи, в которых Рыльское Б евангелие расходится с указанными памятниками. Поэтому описание синтаксических черт является выборочным и будет изложено отдельными пунктами. Инвентарь извлеченных таким путем синтаксических особенностей обрисовывает область, в которых Рыльское Б евангелие предстает как самостоятельное по разнотению и в известном смысле является показательным для обнаружения тех языковых сфер, в которых старая

⁶ Мирчев К. Из историята на Кирилометодиевия евангелски превод в българските земи. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост (863—1963). Сборник в чест на Кирил и Методий. София, 1963, с. 155—164; см. также: *Он же*. Историческа граматика на българския език. София, 1963, с. 9.

⁷ См. Иванова-Мирчева Д. Проблеми на българския книжовен език до Възраждането. — Български език, 1972, № 6, с. 506—516; Йовановић Б. Обнавляне књижевног језика уочи процаси српских земаља. — В кн.: Зборник радова о Кнезу Лазару. Београд, 1975, с. 277—287; Минчева А. Традиционно-книжна норма и развойни тенденции в синтаксиса на среднобългарския литературен език през XIV в. — Славянска филология. София, 1978, с. 243—254.

⁸ Велчева Б. Към среднобългарската палеография (Ръкопис № 1/12 от библиотеката на Рилския манастир). — Старобългаристика, 1977, № 3, с. 13—32.

⁹ Там же, с. 14.

¹⁰ Там же, с. 31.

¹¹ Принятые сокращения памятников: М — Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883; З — Quatuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Edidit V. Jagić. Graz—Austria, 1954; А — Evangeliarum Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. Edid. J. Kurz. Pragae, 1955; С — Саввина книга. Труд Вяч. Щепкина. СПб., 1903; Д — Цонев Б. Добрейшово четвероевангелие, среднобългарски паметник от XIII век. — Български старини, I, София, 1906; В — Цонев Б. Врачанско евангелие. — Български старини, IV, София, 1914; Мак — Мошин В. Македонско евангелие на поп Йована. Скопје, 1954.

норма претерпевала нарушения и изменения при переписке среднеболгарских текстов.

1. Неправильно употребленные падежные формы, с тенденцией к обобщению вин. или им. падежей: и *срѣте* и *десата* про^{какенѣ} *млжки* Лк 17.12 — про^{кажено} *млжка* (М, З, А, С, Мак, Д), *млжка* про^{кажено} (В); и *бложи* *прѣсты* *свои* *въ* *оуши* *его* Мр 7.33 — *своя* (М, З, А, Мак), *прѣсты* *свои* (Д, В); и не *расждит сѧ* *въ* *срѣ* *своемъ* Мр 11.22—23 — *срѣдащи* (М, З, Д, В); *въпроша* *васъ* *слоко* *едино* Мт 21. 24 — *единого* *слокесе*; *къ* *истин'нѣма* *кто* *върж* *иметъ* Лк 16.11 — *камъ* (М, З, А, С, Мак, Д, В); и *ре* *да* *пригласитъ* *емоу* *рабы* *иже* *да* *срѣбро* Лк 19.15 — *имлже* (М, З, А, С, Мак, Д, В); *единому* *шъ* *сихъ* *брати* *мои* Мт. 25.40 — *брата*; *казметъ* *сѧ* *прѣстоломъ* *бжіемъ*. и *сѣдаца* *на* *немъ* Мт 23.22 — *сѣдаци* (М, З). В следующем примере им. падеж появился скорее из-за переосмыслиния: и *мнози* *мъгарие* и *грѣшици*. *казле* *жахъ* *сѧ* *іомъ*. и *оученици* *его* *вѣхъ* *бо* *мнози*. и *по* *немъ* *ида* Мр. 2.15 — *сѧ* *оученикы*; форма род. падежа мн. числа, точно отвечающая греческому тексту, заменена, очевидно, более понятной формой ед. числа слов *блестока* и *западъ*: *придѣть* *бо* *шъ* *блестока* и *западъ* и *юга* Лк. 13.29 — отъ *блестока* и *западъ*, гр. ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν. В отрывке Лк 14.8 наблюдается интересное переосмысление формы тв. падежа в комодальный дат. с притяжательным значением: *ега* *зѣанъ* *вѣдеши* *комоу* *на* *брака* — *цѣмъ* (М), *къимъ* (А, Мак), *тацѣмъ* (Д), *къ* *нѣкоторымъ* (В).

2. Дат. принадлежности вместо более старого род. падежа: *тека* *нападе* *на* *вѣжъ* *емоу* Лк. 15.20 — *его*; и *въпроси* *исъ* *шѣа* *емоу* Мр 9.21 — *его*; и *авиѣ* *развѣзоста* *сѧ* *слоуха* *емоу* Мр 7.35 — *его*; *атиѣ* *проситъ* *сѧ* *емоу* *хлѣба* Мт 7.9—10 — *сѧ* *свои*; *шъ* *създании* *мироу* Мт 25.34 — *блѣсъ* *мира*. Интересно отметить, что вм. дѣлателье *непрѣдѣлѣ* или *непрѣдѣлии* (С) здесь находим дѣлающи непрѣдѣл (гр. ἐργάταιάδικίας) Лк 13.27. В другом случае предпочтение отдано притяжательному прилагательному: *вѣ* *егера* *боллазарь*. *шъ* *киѳаникъ* *градица* *Марина* и *Мареина* *сестрѣ* *его* Йо 11.1 — *Марты* *сестры* *ея*.

3. Форма вин. падежа вместо формы род. при отрицании: *сиа* *же* *не* *разоумѣціа* *оучени* *его* Йо 12.16 — *сихъ*, *сего* (Д); *кто* *вържетъ* *не* *имлї* *дѣти* Мт 22.24 — *не* *имлї* *чадъ*; *блаждите* *некѣдаще* *книгдни* *силы* *вѣжъ* Мт 22.29. — *книги*; *нѣ* *ли* *чели* *рѣное* *камъ* Мт. 22.31 — *реченаго*.

4. Род.-вин. форма при обозначении лиц и одушевленных предметов сохраняется. По ее употреблению Рыльское Евангелие почти всегда согласуется с теми древнеболгарскими и среднеболгарскими рукописями, в которых избрана именно эта форма: Лк 18.24, Мт 17.14, Мр 9.17, Лк 21.27, Ио 11.17, Мт 24.40 (только в Рыльском Евангелии), Мр 2.3, Мт 22.17 (при обозначении неодушевленного предмета).

5. Ясно выражена склонность употреблять форму его вместо формы вин. падежа личного местоимения муж. рода и: Мр 9.27, Мр 7.32, Лк 15.27, Мр 9.18, Мр 9.20, Лк 18.40, Мр 3.1—2, Ио 12.4; и^х вместо я. Мт 25.32, Мт 21.17.

У местоимений чато и ничатоже форма род. падежа чесо, ничесо же функционирует и как форма им.: Мр 10.36, Лк 18.41, Лк 10.19.

6. Сильно развитым является употребление неизменяемой формы еже для всех родов и чисел местоимения иже, таже, юже. В тех же самых местах текста остальные среднеболгарские Евангелия, с которыми мы проводили сравнение, сохраняют формы отдельных родов и чисел: Ио 12.4, Мт 21.15, Мт 21.11, Мт 21.2, Мр 10.43, Мр 2.24—25, Мт 6.1. В отрывке Лк 15.16 стоит форма иже для вин. падежа мн. числа вместо таже, а вместо формы егоже в отрывке Лк 19.22 употреблено союзное наречие идеже: къ зема идеже не положа и жиж идеже не сѣж. Налицо очевидное переосмысление прямого объекта в обстоятельство места. О жизненности практики употребления только формы еже свидетельствует и конструкция еже изъде Лк 15.30 вместо причастной формы егда же сънъ тко изъде ткое имѣне.

7. Заметно известное предпочтение энклитическим формам личных местоимений — самостоятельное или в согласии с теми списками, в которых также стоит краткая или энклитическая форма: Мт 25.43 — три раза ма вм. мене (в Д только один раз ма), Ио 11.42, Лк 15.29, Ио 1.49, Лк 18.5 (ми вм. мене), Мр 10.40 и Мт 21.24 (ми вм. манѣ), Мт 25.36 (ма вм. мене вместе с А и Д), Мт 25.42 (вместе с Мак и Д), Мт 25.37 (прибавлено та вместе с Мак). Вместо более старой формы емоу два раза засвидетельствована энклитика моу в функции дат. падежа с притяжательным значением: зане дроугъ моу ю Лк 11.8 взамен емоу или его; како мъ ю съна Мт 22.45 (вместе с Д) взамен емоу. Краткая энклитическая форма си с притяжательным значением избрана вм. скон в отрывке Мт 23.1 — гла ка народома и оученкома си.

8. По отношению к употреблению возвратного притяжательного местоимения скон замечается тенденция к его более широкому использованию по сравнению с указанными древнеболгарскими и среднеболгарскими Евангельскими текстами: помоли сѧ ѿцоу скобоу Мт 6.6 вместо ткоемоу; один раз прибавлено скон без соот-

д
ветствия в греческом тексте: *ιακόже събираетъ кокошъ птенцъ скожъ по*
крылѣ свои (второе склон.) Мт 23.37. В тех случаях, когда колебание
отмечено еще в древнеболгарских рукописях, Рыльское Б евангелие
согласуется с теми списками, где употреблено возвратное
притяжательное местоимение: Мт 22.37 (с С и В), Мт 6.5—6
(также с С и В), Мр 2.11 (с В). В одном случае, однако, возврат-
ное местоимение *себѣ* заменено местоимением третьего лица:
и видѣ исѣ наѧнаилъ гра(дѣ)ца къ нѣмоу — вм. къ сеѣ (в гр. прѣк-
аѣтѹ).

9. Отмечаются случаи обобщения указательного местоимения
та на месте съ: Мт 22.38, 39, Лк 19.2.

10. Причастные формы, как и в других среднеболгарских
памятниках, обнаруживают явное расщатывание. Чаще всего по
функции они приближаются к обычновенным спрягаемым гла-
гольным формам, выполняют роль их варианта, а кое-где и заме-
нены спрягаемой формой. При сохранении причастия очень часто
вводится союз и. В большинстве случаев те же самые наруше-
ния древнеболгарской нормы находим и в других среднеболгар-
ских евангельских списках: *единъ же ѿ ни видѣ тако ицѣлѣ и вѣз-
ѣрати са* Лк 17.15 — видѣвъ тѣко ицѣлѣ. *вѣзѣрати са;* и не по мнозѣ
днѣхъ събра менши сиа. *все имѣнїе и штиде на странѣ далечѣ* Лк
15.13 — *събѣракъ всѣ мании сиа отиде на странѣ далечѣ* (союз и
и в В), аналогично и Мр 7.34, Мр 2.8, Мт 21.27 и Мр 7.31 (и Д),
Лк 17.17 (Д и В), союз и только в Рыльском Б евангелии в от-
рывках и тоу *съи расточи всѣе имѣнїе ское.* и живѣ влажно; и
рекши ему и лѣтѣ ѿнде проказа ѿ него Мр 1.42.

Реже встречается обратная механическая замена спрягаемой
формы на причастие: Ио 12.23, Лк 19.12, Лк 17.16.

Отдельные причастные формы функционируют как дееприча-
стия: *потгасе са вѣса градъ. глаще кто сенїе* Мт 21.10 — *гла*
(Г — и глахъ); *вѣзѣтъ же и видѣ камѣтгааце* *ка газофилакъж дарзи*
скожъ *блага* Лк 21.1 — *вѣзѣтъ же видѣ камѣтгааще*; пос-
ластѣ же *сестрѣ* его к нѣмоу *глаще* Ио 11.3 (с Мак); и *шѣтца*
исъ. ре ка законикомъ и фарисеемъ *глаце* Лк 14.3 — *гла.*

11. Употребление предлогов не выходит из круга известных
по древнеболгарским памятникам вариативных отношений. Разно-
чтения охватывают: 1) синонимичные замены некоторых предлогов
(за и ради: Мр 2.4, ка и на: Мт 6.2, Мт 22.28, Мт 22.30); 2) ук-
лонение от употребления беспредложного родительного партитив-
ного: *десатиж дај ѿ* *всего* Лк 18.12 (вместе с А, в других ру-
кописях *десатинж дај* *всего*); мнози его ради приходжа ахъ ѿ
иудеи Ио 12.10—11 (так же и в А, в Д и В — юдею, жидоке —

понятое как именительный падеж), в греческом — родительный падеж; 3) предлог *κα* перед косвенным объектом при глаголах, решти взамен беспредложного дат. в греческом: и *γλασθε κα παραδοу* Лк 13.14, и *γλα κα ημιν* Мр 3.3—4. Еще в нескольких случаях в Рыльском Б евангелии отдано предпочтение различным предлогам вместо беспредложных конструкций: аще ли кто *χωρισθε κα ιδοι* Ио 11.10 — вм. *ισχτιγ*, гр. *ἐν τῷ υπτίῳ*; *ιμάιτε κατέρχε κα εου* Мр 11.22—23 — вм. *κατέρχεται*, гр. *πίστιν θεού*; *δαγι διήκ* скож за избавлениe за многдж Мр 10.45 — без за перед избавлениe (М, З, А, С, Мак), за избавлениe многдм (В), гр. *δοῦναι τὴν φυχὴν αὐτοῦ λύτρον ἀντὶ πολλῶν*.

12. В употреблении союзов для связи предложений и их частей можно отметить: 1) утверждение или вм. ли: Мт 25.44 (и в Мак и Д, В), Мт 25.39 (и в М, З, Мак, Д, В), Мт 25.38 (и в Мак, Д, В); 2) уклонение от употребления понеже, чато *ιαко, ιαко, зане*: *εγα не γετвористи ни единому ѿ си менашни ни мнѣ не створисте* Мт 25.45 — вм. понеже не *сътвористе* единому отъ *сихъ манашихъ* (В — зане); аще *оутвористе* ни единому ѿ *сихъ* Мт 25.40 — вм. понеже *сътвористе*; по что *са* *магари* и *грѣшники* *настя* и *пнестя* Мр 2.16 — вм. что *тко са* *грѣшники* *настя* и *плетъ* (с З и Д); и *гл* аще *хочеши* *можеши* *ма* *щистиги* Мр 1.40 — вместо введения прямой речи с *иако* (и С); . . . *иса* *гл* *емоу*. *иако* *ρѣ* *ти* *видѣх* *та* под *смоковницѣ* Ио 1.51 — вм. зане *ρѣхъ* *ти* *тко*; В отрывке Мт 6.9, 10 *иако* связывается в сопоставительную пару с *тако*: *да бѣдета болѣ твоя, иако и на небесе*. *тако* и *на земи* — вм. *тко на неби и на земи*, гр. *ως... καὶ*; 3) интересное употребление да в финальном значении представлено в разночтении отрывка Лк 17.18: где не *и обрѣтоша са. да възврашаše са.* *въздадатъ слава боу* — вм. *възврашаše са* дати, гр. *οὐχ εὑρέθησαν ὑποστρέφαντες δοῦναι*. Подобным является случай Лк 18.18 (вместе с Д): что *сътворя* да *живота вѣчныя наслѣдоу* — вм. что *сътворя* *живота вѣчныя наслѣдствую*, гр. *τί ποιήσεις ζωὴν αἰώνιον κληρονομήτω*. В отрывке Лк 18.26 в Рыльском Б евангелии находим разночтение: да вм. то: *ρѣша же слышавши*. да кто можетъ спсѧ *благи* (С и А — без союза). Как описательный императив вместо футурума в греческом и в других текстах в отрывке Лк 12.35 употреблена конструкция с да: *да бѣжта чресла ваша прѣпогасана* (так же и в Д).

13. В двух случаях Рыльское Б евангелие выделяется среди других удвоением прямого дополнения, в одном случае удвоение относится к местоименному косвенному дополнению: *ѡна же рѣста емѹ* можетъ. *иса же рѣ има*. *чашж* *оубо* *жже* *азъ* *пиж.* *иа-*

писта А. Мр 10.39, — гр. Τὸ ποτήριον ὃ ἔγω πίκω πίεσθε; и дроугам приде гла. ги манагъ твои еже ми бы даљ. положи и въ шоубрѣсъ Лк 19.20 — гр. ἡ μυὰ σου ἣν εἶχον ἀποκειμένην ἐν σουδαρίῳ; видѣв же тса вѣрж н. и гла шлавеномоу. чадо ѿпоуциажта ти са твѣт грѣси твои Мр 2.5 — гр. ἀφίενται σου αἱ ἀμαρτίαι, вар. ἀφέωνται σοι αἱ ἀμαρτίαι σου.

14. Привлекает внимание значительная самостоятельность Рыльского Б евангелия в отношении порядка слов. Известно, что в древнеболгарских переводах, а также в более поздних рукописях, обыкновенно сохраняется порядок слов греческого текста. Некоторые колебания имеют основу в разнотениях в самих греческих оригиналах, другие вызваны особенностями славянской синтаксической структуры¹². В Рыльском Б евангелии мы сталкиваемся с большим количеством случаев, в которых эта рукопись по порядку слов не согласуется в соответствующих местах ни с остальными евангельскими текстами, ни с греческим (согласно современным изданиям Нового завета). При этом единый, без разнотений, порядок слов в использованных для сравнения евангельских текстах совпадает с порядком слов в греческом тексте: и придоша. не иша ради единого. иже и Лазарѣ да видатъ Йо 12.9 — нѣ да и Лазара видатъ; ни бы имѣ идѣцима. исчистиша са Лк 17.14 — и вѣсти идѣштемъ имѣ иштишиша са; лазарѣ ароута наша ѹспѣ. иже идѣма да и вѣзбоужж. Йо 11.11 — нѣ идѣ да вѣзбоуждж и (Д и В — да и вѣзбоуждж и); яко баже чѣ не мните. сна чѣца придетъ Мт 24.44 — ба баже не мните часъ; яко єдина ю наставника хъ Мт 23.10 — наставника ваша єдина есть (М), наставника ваша есть хъ (З), . . . ваша єдина есть хъ (Мак, Д, В); помажи глагл скож и шмыни лице свое Мт 6.17 — і лице твоє очумыни; а тажаша остависте закона Мт 23.23 — і остависте тажашаа закона; оставите аще на кого чесо имате Мр 11.25 — аще что имате на кого или аще проситъ іаница. еда скор'пиж емоу даси Лк 11.12 — еда по(да)стъ емоу скорапин; гла вама. аще вѣрж имате Мт 21.21 — аще имате вѣрж; и аще кто слоужита мнѣ почестета и ѿл Йо 12.26 — кто мнѣ слоужитъ; и рѣ прѣстожцимъ Лк 19.24 — і прѣстожцимъ рече; іадохома и пиҳома. прѣ тобож Лк 13.26 — ғема прѣдъ тобож и пиҳомъ; и авѣ разомѣ іса ахома. яко ти помышлѣжта в сеѣт тако тако ти помышлѣжта въ

¹² Horálek K. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, с. 213—229; Grünenthal O. Die Übersetzungstechnik der altkirchen-slavischen Evangelienübersetzung. — AslPh 32, 1911, с. 27—38.

сект; градите, ико ве^т оуготована секта Лк 14.17 — тко оуже го-
това секта ве^т; боим са народа. ико бо иматиша ико пррка Мт
21.26 — ве^{ти} бо тко пррка иматиша иоана; влжени ради ти. жже шебра-
щета приша гд^а вдашж Лк 12.37 — иже гд^а пришед обраштета
вдаштга; можета ли пить чашж жже пиж азъ Mr 10.38 — чашж
иже азъ пиж; иж да оук^тесте ико властя иматиша сна чич. на земи
шпоуцати грѣхы Mr 2.10 — отапоуштати на земи грѣхы (В —
грѣхы на земи); и дѣти моа на ложи с^т с множ Лк 1.7 — съ
множ на ложи секта; и паки ли тамо идеши Ио 11.8 — и паки ли
идеши тамо; вѣ^т же пециа и камена на неи лежаще Ио 11.38 — и
камена належаще на неи; вѣ^т родѣ сема грѣшнѣма. и прѣлибодѣнѣма
Mr 8.38 — прѣлибодѣима и грѣшнѣема; единиа бс ю ваша оучтла хѣ-
вы же ви браа есте Мт 23.8 — ве^{ти} же ви братрѣ есте; ико си
вдовица оубогаа. болен вѣ^т вакраже Лк 21.3 — вдовица си оубогаа;
и видѣв же вдовицж егерж оубогж Лк 21.2 — и единиј вдовицж
оубогж; и вѣ^трасте и вѣ^т дрѣво велие. и вѣ^тселиша са птица неевнож
ка вѣ^твие его Лк 13.19 — и птица неевнож вѣ^тселиша са ка вѣ^твие
его; и гла емоу. по мнѣ гради Ио 1.44 — гради по мнѣ; и оубиете
ш ни Мт 23.34 — и отъ нихъ оубиете; и рекж сагрѣшиш ѿч на небо
и прѣ тобож Лк 25.18 — отгаче сагрѣшихъ на небо и прѣда тобож;
и вторы рѣ емоу ги манасъ твои створи є манасъ Лк 19.18 — манасъ
твои ги створи а манасъ; и рѣ да пригласитъ емоу рабы... да
оук^теста како секта коупла створили Лк 19.15 — какж коуплѣ секта
створили (Мак, В — како, Д — каквж). Последовательное отклонение
во всех этих случаях от порядка слов в греческом тексте позволяет
предполагать, что возникновение этих новых синтагм могло
иметь семантическо-интонационную мотивировку или у самого пе-
реписчика Рыльского Б евангелия, или в каком-то более старом
прототипе.

Для характеристики описанных выше разночтений могут быть полезны и некоторые статистические данные, не претендующие на абсолютную полноту. В 137 случаях Рыльское Б евангелие содержит синтаксические разночтения по отношению к остальным семи евангельским текстам. Самое большое число из них дают отклонения в порядке слов (32 случая полностью самостоятельных, а при учете и некоторых других вариантов — 44 случая); на втором месте стоит употребление неизменяемой формы от иже (чаще всего — еже) — 16 случаев; предпочтение энклитических форм — 11 случаев (+3 случая с удвоенным дополнением); нарушения в употреблении причастий — 11 случаев; утверждение формы ро-

дительного падежа у личного местоимения (главным образом, в единственном числе *его*) — 11 случаев. Остальные разночтения распределяются между предложными и падежными вариантами, союзами, некоторыми местоимениями. Описанные явления отмечаются в синтаксисе большинства среднеболгарских памятников, различна только степень их употребительности в том или ином списке. Нарушения древнеболгарской нормы в области синтаксиса падежей без сомнения представляют собой невольные ошибки переписчиков под натиском живого языка, в то время как некоторые другие нововведения являются уже составными элементами структуры самого письменного языка. Такой характер имеет, например, использование форм родительного падежа *юго* и *ижъ* (вместо *и я*), неизменяемое относительное местоимение *иже* (*юже*), расширение употребления дательного падежа принадлежности, использование неизменяемых причастных форм в функции деепричастия. В этом отношении Рыльское Евангелие дает интересный материал о проявляющихся в предевфимиевский период тенденциях к стихийному — и в таком смысле ведущему к демократизации — развитию письменного языка, что наблюдается в памятниках с начала среднеболгарского периода. На основании палеографических особенностей этого памятника Б. Велчева приходит к выводу, что «по всей вероятности, данная рукопись является представителем болгарской провинциальной скрипторской школы»¹³. Большое количество разночтений, в силу которых Рыльское Евангелие отклоняется не только от древнеболгарских, но и от трех среднеболгарских евангельских списков, вполне согласуется с этим наблюдением, так как именно провинциальная практика с ее изолированностью содействовала не только поддержанию традиционного литературного языка, но и известной самостоятельности в развитии письменно-книжных норм.

Перевела с болгарского М. Г. Рожновская

¹³ Велчева Б. Към среднобългарската палеография. . . , с. 31.

P. Златанова*

ФУНКЦИЯ СКАЗУЕМОГО ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СРЕДНЕБОЛГАРСКОМ

1. Как известно, составное именное сказуемое образует единое целое на уровне предложения. Это целое разлагается на две составные части низшего порядка: связку — конструктивный центр составного сказуемого — и именной компонент, выражающий содержание предикативного признака, — смысловой центр состав-

* © Румяна Златанова, 1982 г.

ного сказуемого. Оформление предикативного ядра в славянском синтаксисе обусловлено теми морфологическими средствами, с помощью которых реализуются основные типы предложения. Точное описание всех вариантов реализации этих типов предложения в речи является предпосылкой описания целостной синтаксической системы языка и выявления связей между отдельными его уровнями¹. В этом плане установление сходств и различий в оформлении именного сказуемого в среднеболгарском по отношению к уже известной нам картине древнеболгарского² и новоболгарского³ может быть полезным для уяснения системной обусловленности данных синтаксических явлений.

В первую очередь нас интересуют морфологические варианты, в которых реализуются оба компонента составного сказуемого; различия и сходства в лексических средствах их выражения — состав синтаксических вспомогательных глаголов, характеристика зависимости второго компонента от первого, наблюдения над эпилексисом компонентов и пр.⁴ Сопоставление на уровне реализации этих возможностей в высказывании так, как оно отражено в памятниках XIV в.⁵, требует проведения дополнительных наблюдений над местом изучаемых явлений в синтаксической системе литературного языка XIV в., степенью отдаленности письменной речи от живого узуса болгарского языка данного периода⁶, стилистической спецификой и стилеобразующей ролью новых норм книжного языка и пр.

Широта проблемы вынуждает нас ограничиться в данной статье анализом составного сказуемого только с субстантивным и адъек-

¹ *Ružička J.* O větach s nulovým gramatickým subjektom. — Otázky slovanské syntaxe, 1968, 11, с. 117; *Андреев Н. Д.* Категориальная мера в синтаксисе и некоторые синтаксические универсалии. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 37. О связи между элементами морфологических и синтаксических единиц см. например: *Мухин А. М.* Лингвистический анализ. М., 1976, с. 53 и сл.

² *Zlatanova R.* Die Struktur des zusammengesetzten Nominalprädikats im Altbulgarischen. — Slavistische Beiträge. München, 1976, Bd. 103.

³ *Деянова М.* Строеж на съставния предикат в сърбохърватския и българския книжовен език. — В кн.: Въпроси на структурата на съвременния български език. София, 1975, с. 179—249.

⁴ Подробно о структуре и границах именного сказуемого, как и о критериях для определения синтаксических вспомогательных глаголов, см.: *Zlatanova R.* Op. cit., s. 12—19, 33—41.

⁵ См. в конце статьи список экспериментированных памятников.

⁶ В развитии литературно-письменной традиции и богатом книжном фонде, в активном оригинальном литературном творчестве среднеболгарских книжников отражается высокий уровень духовной культуры эпохи. Об идеально-эстетической концепции книжников XIV в. и о стилистико-языковых особенностях их произведений ср.: *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960, с. 95—152. — Дело патриарха Евфимия и Тырновского книжного центра связывается с целенаправленной деятельностью по созданию определенной философской концепции письменной языковой практики и норм языкового стандарта.

тивным именным компонентом⁷. Классификация проводится в морфологическом аспекте. В качестве критериев используются различные формальные и семантические морфологические признаки обоих компонентов составного сказуемого.

2. Второй компонент составного сказуемого в двучленном предложении представлен, прежде всего, субстантивом — именем существительным или субстантивированным словом, которые могут выступать самостоятельно или в сочетаниях с другими словами. Субстантив может быть нарицательным или собственным, неодушевленным и одушевленным, конкретным и абстрактным именем, которое стоит обыкновенно в именительном падеже. Исходная структура $Vfc+N\ Nom$.

Широко распространен в среднеболгарском и адъективный компонент сказуемого, выраженный качественным, реже относительным прилагательным в именительном падеже, по схеме ($ANom+$) $Vfc+ANom$.

Известно, что в древнейшем периоде развития славянских языков синтаксическая оппозиция кратких (К) и полных (П) форм прилагательных (К:П) была асимметрична. Она реализовалась только в атрибуте, в то время как в предикате употреблялись преимущественно К ($Atr_{K:D} - Praed_K$)⁸. В среднеболгарском материале прилагательные в положительной степени в предикате представлены только в именной форме. Следовательно, синтаксический принцип дистрибуции К—П в развитии болгарского языка идет в направлении абсолютного преобладания К как именного компонента сказуемого⁹.

⁷ Составное сказуемое не было объектом рассмотрения на среднеболгарском языковом материале. Синтаксические исследования среднеболгарских памятников находятся все еще на начальной стадии. Ср. например: *Boissin H. Manassès pour les bulgares*. Paris 1946; *Мирчев К.* Към българския исторически синтаксис — архаични синтактични обрети в Германовия сборник от 1359 г. — Славистичен сборник. София, 1968, с. 69—85; *Он же*. За синтетизма в Троянската повест. — Български език, 1968, XVIII, с. 373—385; *Он же*. За аналитизма в Троянската повест. — Изв. ИБЕ, 1970, XIX, с. 667—673; *Иванова-Мирчева Д.* Евтимий Търновски, писател-творец на литературния български език от късното средновековие. — В сб.: Търновска книжовна школа (1371—1971). София, 1974, с. 197—210 и др. работы.

⁸ Ср. например: *Růžička R.* Zur Rolle der asymmetrischen Korrelation in der historischen Syntax. — *Otázky slovanské syntaxe*. Praha, 1962, s. 186—189; *Kurz J.* K problematice funkční geneze a původního využití slovanských složených adjektiv. — AUC, Slavica Pragensia, 1966, VIII, s. 43—53.

⁹ О преобладании К в сказуемостной функции в древнерусском см.: *Матросов О. Б.* Формы именного склонения прилагательных в памятниках древнерусской письменности XI—XIV веков. — НДВШ, Филол. науки, 1978, 1, с. 58—66. — В более поздний период развития восточнославянских и западнославянских языков предполагаемая синтаксическая дистрибуция атрибут — П, предикат — К не выдерживается из-за влияния категориальных морфологических причин, которыми обусловлено проникновение полных форм в предикат. Ср., например: Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968, с. 19—28; *Zatov-*

2. 1. Самую широкую сочетаемость имеет связка бытн, употребляемая в различных временных и модальных формах. В сочетании со связкой настоящего времени субстантивный и адъективный компоненты представлены единичными элементами по схеме C_{praes} + NNom, NNom + C_{praes}: азъ еслъ наанакъ Тр 60; аще ты еси прѣмноуша, то азъ ѿг сграфа твоего мрѣтъ еслъ Тр 63; ты єси скоуда, приемши юстїнною муро Евф 73; покааніе трѣбуетъ дкоеврачын, которыи, юст(а) свещенникъ Евф 224; оупразните се и разоумейте, яко азъ еслъ вогъ Евф 225; аще еста вѣхъ, не можетъ исахшн ржки исцѣлнти 1036. 9а; зде прѣвѣкамъ азъ съ мѣжемъ монмъ. и еста оуспомашакъ 1036. 12а; азъ еслъ дѣлъ разбонникъ 1036. 25а; азъ еслъ Іѡ крѣтелъ 1036. 26б и др.

и садашн на прѣстолѣ змердіе есть Ман 28; оклеекетанъ быстъ яко єлии Ман 108; влагнителъ юст(а) и листигъ паршды Евф 43; прѣдкверє юста вѣчныѧ блага власечастын поста Евф 231; оутѣшеніе во доушн еже ѿг словесъ посла юст(а) Евф 225; жена во еслъ 1036. 5а, 6б; мннхъ съ, влагхъ есть 1036. 9а; ты влко, зане мнн єси, сего ради и пнцж мнншаскжка прѣложнхомъ тн 1036. 23а; вндѣхъ яко лакъ ѿ 1036. 30б; а еже помалъ шелѣнѣтъ са, матн є заблкеніоу 1036. 210а; се во знаменіе є любке съвршеныя еже радокати са съ радожнини са 1025. 1а и др.

Как известно, в богато развитой древнеболгарской причастной системе отмечается характерное употребление сложных форм субстантивированных причастий и в качестве именного компонента составного сказуемого¹⁰. В сочетании с быти они имеют значение, аналогичное всякому другому существительному в подобной функции.

Употребление этих конструкций в XIV в. резко уменьшилось. Только два из всех зафиксированных случаев найдены не в произведениях Евфимия, характеризующихся усиленным книжным употреблением причастий в различных функциях.

Со связкой бытн в настоящем времени сочетаются субстантивированные причастия как настоящего, так и прошедшего времени по схеме (pt_{praes} act +) C_{praes} + pt_{praes} act: ты во еси дѣнстѣлан вѣсъ ко вѣхъ Евф. 320; ты еси положнвый нас вѣ сѹжѣтъ сеи сноож скатаго твоего доуха Евф 377; ты еси даровакай нашъ

kaňuk M. Přispěvek k porovnávání ukrajinské s ruštinou. — Slavica Pragensia VI, 1964, c. 139—150, Булгай М. Г. Історыя прыметнкаў беларускай мовы XIV—XVIII стагоддзяў. Ч. 2. Сінтаксічны нарыс. Мінск, 1971, 293 с.; Petr J. Nieużłozone formy przymiotników w historii i dialekach języka polskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.

¹⁰ Ср.: Златанова Р. Структура на съставно сказуемо с причастен компонент в старобългарски. — Изв. ИБЕ, 1973, XXII, с. 92—94.

познаніе твоєж истини Евф 378; правосудан есмъ 1036. 33б; а ѿ всѣхъ болѣръ и рабочихъ цѣра мн... въспрѣмати данн. и съд-рѣжати всѣхъя работы цѣра мн. Еже сѧ настоющи, сеѧстн хоры тоа Гр 4.26—28. В сочетании с адъективным компонентом по схеме (ANom+) Cgraes + ANom; а о сема нѣсма весель, еже нао дружина слоужити нама Тр 52: аще ли нѣста вѣсенъ, то съставитъ си цвета воловы не ѿрати Тр 54; и прѣвращаетъ его ннцъ, аще нѣста топла Евф 286; мѣсто естъ гложбоко 1036. 32а; малѣниша ѿшъ быкаемъ ѿ малы, нѣ сѧтъ убо мала иж велика вѣско 1025. 12б;

И областна есмъ ворагаствомъ Тр 50; ради есмъ послѣдовати царствомъ ти Тр 53; оуслыша же тако царничнъ юестъ корабль Ман 166; егда нзнемагаж, тогда силенъ есмъ Евф 164; ѿстѣжн ѿ мене жею, и еще бо ѿгна жнеъ юестъ ѿннъ сѧно 1036. 87а; вѣра везъ дѣла неполезна юестъ 1025. 1б; тѣло се тѣлное 1025. 25а; иж и ломнїца къ семоу сѧ кроуциевицомъ' же и армѣннъ... ннѣте сѧще и то. Монастыр'ско вѣсе є Гр 5.30 и др.

Лексическая обусловленность линейного расположения адъективного компонента сказуемого отмечается при формах блаженъ, дѣженъ, подобенъ, скатъ, благословенъ, благъ, готовъ, достониъ, недостониъ. Почти без исключения они употребляются с постпозитивной связкой. Напр.: блаженъ є чрннечъ ѿнъ. Иже сеѧ мнитъ подножне вѣсма 1036. 201б (2х), под. 202а; блаженъ є оумъ иже везъ матежа миля 1036. 201б (3х); блаженъ юестъ егда поносатъ вамъ 1025. 9б; дѣженъ юенъ въ сихъ оуслаждати сѧ Евф 19; дѣжни есмы млачаниемъ прѣмнѣжти 1036. 92б; сън фарижъ подобенъ юестъ подобного витеза Тр 58; цара бо не имѣши имѣніа многобогатнаго подобенъ юестъ орлу прѣстароу Ман 178; и оцетъ побена ю вѣнч по вѣдѣнію 1036. 296б; скетъ юенъ, господи Евф 266, под. 292, 312, 322, 360, 361, 367, 379, 394; благословенъ юестъ прѣжнѣи бракъ Евф 247; с нимже благословенъ юенъ Евф 334; готовъ есмъ прїжти мжки Тр 53; готова ви и пакы есмъ авз вѣскѣкого томленіа прїлога подати Евф 164; ижъ глаголахъ: благъ юестъ(а) Евф 43; и сѧ оуешъ достонна сѧтъ азыкоу похвалноу Ман 165; вѣсе ви, иже въ мириѣ чистою, недостонно юестъ(а) Евт 72; благодѣаніа твоего и милюваніа мы ради грѣхъ нашнхъ недостинн есмы Евф 340 и др.

В употреблении конструкций со связкой в императиве в среднеболгарском наблюдается усиленный процесс ограничения синтетических форм повелительного наклонения. Из отмеченных нами примеров субстантивный компонент со связкой в импера-

тиве встретился лишь в 28,6 % во 2 лице ед. ч. и 7,1 % 1 лице мн. ч. Описательные же формы — настоящее время глагола + да составляют 64,3 % всех случаев. Примеры: и цо вѣ зндалъ... да моу є нма шарнкоушла градъ Тр 47; и парече нма градоу томоу сконъ нменемъ, да мъ є нма прижѣ градъ Тр 47; да ти вѣдегъ нма Пледандъ фарнъ Тр 50; вѣбнцамъ вѣдн застѣжникъ Евф 384; да ѹш и мы... вѣдемъ причастнцн вѣчныиъ твоиъ блага Евф 386; съ вѣрою и съ страхомъ пристѣжниъ, да причастнцн жнзни вѣчнѣи вѣдемъ Евф 398; вѣдн подражателя скоеу оучнгелю 1036. 114б; да не скрыешн ѿ мене скон добротѣлъ, яко да и азъ симъ подражателя вѣдаж 1036. 12б и др.

В сочетаниях с адъективным компонентом связка в императиве встретилась в 22,2 % случаев (только во 2 лице ед. и мн. ч.), в остальных 77,8 % случаев представлена описательная форма с частицей да по схеме (А+) Сира + А: аще хощеши съ землии небесное наслѣдовати царство. вѣди ціедръ Евф 19; боуди къ вѣдѣма сладака Евф 237; скати вѣднгє, яко азъ ската есмъ Евф 329; подобнъ нма да вѣджта тѣворащен а Евф 153, 158, 191 — 192; по ствпахъ ит(а)ца ходи, и житїа ихъ да не отторжна боудоутъ твоего оума Евф 235; ат(а)и се да вѣдегъ тебѣ, господину, благопрятно Евф 350; яко да вѣдемъ достоинн еже приноситъ тебѣ словеснжа сїж и безкрабенка жратвѣ Евф 377; се глашн мн да вѣдаж нѣмъ 1036. 25а; да не ѿнѣ везуменъ вѣдешн 1036. 201б; да сж скободн по ѿрнзмоу цргва мн, за вѣса емоу правныи Гр 5.91—92 и др.

Сочетание со связкой в условном наклонении и субстантивным компонентом не зафиксировано. С адъективным компонентом отмечен следующий случай: на прїнде къ себе рекъ. яко аще не би каменъ съ многоцѣненъ былъ, не би коупецъ съ то-лко цѣны далъ на немъ 1036. 81б.

2.1.1. Более высокая, более низкая или одинаковая степень в сравнении качества, признака, присущих субъекту и выраженных сказуемым адъективом в конструкциях настоящего времени, представлены сравнительной степенью прилагательного по схеме: А_{спр} + С_{праes} (+А_{спр}).

Как известно, в поздний среднеболгарский период отмечается появление новых, аналитических средств выражения степени имен прилагательных — развитие, связанное с общим переходом болгарского языка от синтетизма к аналитизму. Ранние единичные предшественники¹¹ аналитично выраженного компаратива, образованные с помощью сравнительной частицы -по, а также приставок прѣ- и кан- в XIV в. не только вытесняют старые

¹¹ Ср.: *Vaillant A. Manuel du vieux slave. I. Grammaire. Paris, 1948, p. 137.*

синтетические формы, но постепенно дифференцируют средства выражения сравнительной и превосходной степени¹². В период, предшествующий полному исчезновению синтетических форм, под влиянием косвенных падежей в именительном падеже укрепляется суф. -чи-, который используется для образования как превосходной, так и сравнительной степени.

При выражении сказуемого адъективного компонента абсолютное предпочтение форм с -чи- отмечается у Евфимия. К указанному И. Харлампиевым¹³ случаю н(ы)на слад'чанша мнѣ юест(а) съмрѣть паче жнкота Евф 106 можно добавить: нж вѣстъ хъ|еест(а) ч(а)стнѣнишъ жнкотворацін кр(а)сга Евф 38; топлѣнишъ еси, възлюбленное чедо, еже въпрашати и наѣвновати потрѣбнаа Евф 246.

Синтетическая сравнительная степень отмечена в следующем примере из Троянской притчи: код есга шт вѣстъ, тои вѣдн сна златая аблака Тр 49. В единичном случае из Патерика 1036 встретилась сравнительная степень от боли: болна еста горы Синанскыя 1036. 266.

Остальные несколько примеров из Ман. Диоптры 1025 мы могли бы рассматривать скорее как следы, пережитки старых синтетических форм. Тем более, что формы среднего рода типа лютѣнишъ, безчастнѣнишъ, долнѣнишъ встречаются еще в древнеболгарских памятниках. Их появление там продиктовано необходимостью разграничения их от форм именительного падежа на -е, -чи-, которые проявляли склонность превращаться в наречия¹⁴: Нж мѫчнѣлаинъша юестъ арзоста златъ, нж снанѣнишъ бесчнѣланыихъ коннастака Ман 110; ненаказание корабличе огнѣ лютѣнишъ юестъ Ман 144; нж оуби ннчтоже юестъ злосъмрѣтие штъ чловѣка нмажаго враждоужїнъхъ его къ своемъ домѣ Ман 217; также оци глатъ... еже нѣчаго ради бываємо вѣсё еже аще юестъ. Безчастнѣнишъ юестъ оноге егоже ради бываєта 1025. 216; мѣсто 8ко юестъ долнѣнишъе долнъ 1025. 276.

Следовательно, формы на -чи- возникли и распространились в разговорном языке самое позднее в раннюю среднеболгарскую эпоху. В XIV в., когда они уже вытеснялись из разговорного языка новыми аналитическими формами, Евфимий узаконяет их своей реформой как книжные формы.

Примечателен тот факт, что кроме Троянской притчи в обследованном материале не было открыто новых примеров с ана-

¹² Самые ранние примеры с аналитически выраженной степенью сравнения см.: Boissin H. Manessès moyen-bulgare. Paris, 1946, p. 50—51; Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1978, с. 179—180; Он же. За аналитизма в Троянската повест. — Изв. ИБЕ, 1970, XIX, с. 670—671; Харлампиев И. Степенуване на наречията в езика на Евтимий Търновски. — Български език, 1977, XXVII, 6, с. 461—470.

¹³ Харлампиев И. Указ. соч., с. 467.

¹⁴ Мирчев К. Старобългарски език. София, 1972, с. 51.

литической передачей степеней прилагательного. В Троянской притче сравнительные частицы прибавлены к старой синтетической форме, которая имеет архаический вид или сокращенный новый вид: *кога есътъ штъ касъ трахъ госпожда и пророчица полпшаа, тон вѣдн... сна златая аблака Тр 49; да покѣждѣ намъ кога есътъ штъ насъ нанѣпшаа Тр 49; и да ти дамъ добрѣа госпождѣ Еленѣ... кога є нанѣпѣшиа вѣтъ грѣцѣхъ Тр 50; и да ти вадамъ мож дѣциеръ... коато є нанѣпша вѣтъ госпождахъ троеныхъ Тр 63.*

Эти книжные формы отражают переходную стадию в процессе развития этих аналитических категорий к их окончательному состоянию: *кога есътъ штъ насъ нанѣпа, тон дантѣ сиж аблакж Тр 49; кога есътъ нанѣпа штъ касъ... тон вѣдн сна златая аблака Тр 49; мон братъ... хоциетъ штъ онѣдоу докести Еленѣ царницѣ... кога є нанѣпа вѣтъ грѣцѣхъ Тр 51; протиѣж не исходи менѣлаоушоу царю, зане во є по храбрѣа штъ тебе Тр 60.*

Наши наблюдения над употреблением степеней сравнения прилагательных как компонента сказуемого подтверждают существующий в славистике взгляд об особом месте Троянской повести среди других среднеболгарских памятников. В коротком тексте повести употреблен ряд аналитических форм сравнительной и превосходной степени *имен* прилагательных, которые отражают важную сторону распространившегося на именную систему болгарского языка нового языкового строя. Правда, прилагательные, которые сочетаются с частицами степеней сравнения, в ряде случаев представляют собой архаическую синтетичную форму сравнительной степени: *Полѣпшаа 49, нанѣпшаа 49.* Но в этих сложных формах проглядывает типичная для среднеболгарских памятников искусственная архаизация¹⁵, а не отклонение от широко распространенного в древнеболгарском явления употребления в функции сказуемого только простых адъективных форм¹⁶.

2.2. В прошедшем времени связка обыкновенно стоит в имперфекте, реже в аористе. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с типичным для среднеболгарского периода смешением этих двух форм, которые в функциональном отношении строго не разграничиваются¹⁷. Наряду с вѣше форма вѣ выражает и имперфект. Обращает на себя внимание тот факт, что аорист употребляется правильно только у Евфимия.

Субстантивный компонент выражен единичным элементом по схеме *C_{praet} + N, N + C_{praet}*: *и тѣкоуши вѣ гжазлиница Тр 51; вѣше же авнмелехъ цара тогда ег҃уптѣномъ Ман 18; иж вѣше помоциница ємоу дланя крѣпкоржкаа Ман 134; вѣхъ же дѣцин оубо-*

¹⁵ Мирчев К. Историческа граматика на българския език, с. 671.

¹⁶ Zlatanova R. Op. cit., s. 75 ff.

¹⁷ Мирчев К. Историческа граматика..., с. 219—220.

гынхъ роднителен 1036. 7а; вѣкъ и баждникъ 1036. 13б; мрѣтъ вицъ оубъ въ обонхъ бышъ мнози Ман 132; и съвѣтникъ бысть на старапотокорѣніе Ман 15; брѣманемъ коупецъ быхъ... и кр҃чамннкъ быхъ Ман 166; сквата быхъ оу теве Евф 9; царница во бысть на земли, прѣподобнаа Евф 257; и гла емоу брага понеже дѣаконъ во вѣкъ 1036. 33а и др.

В одном случае у Ефимия отмечена связка в перфекте (N +) Срѣ + N: Ижъ юбаче ради нензреченаго и безмѣрного ти члобѣколюбія непрѣложена и нензмѣнна была еси члобѣка и архїерей наамъ была еси Евф 376.

Связка в прошедшем времени наблюдается в сочетании с единичным адъективным компонентом по схемам Срѣпрает + А, А + Срѣпрает: Разѣкъ единѣй господѣлъ не зва, зане вѣши свадѣнка Тр 49; и вѣши плодъ красенъ, радостенъ вѣкъ видали и добра въ санѣда Ман 11; вѣши же тиберіе єще млада Ман 143; и юноша вѣкъ доброрастенъ Ман 152; ржки наша къ вѣсѣкомъ хыщентъ и лихшинантъ быша готовы Евф 336; и вѣкъ оугодѣ братїи на вѣсѣкѣ слоужебѣкъ 1036. 33б; и видашъ вѣши яко писаніе вѣкъ ново 1036. 36а и др.

Видахъ то ацинаешь и жалостенъ бысть велми Тр 61; и велница велнесаріе вѣши въ храборствохъ Ман 119; одоушевленъ вѣкъ ран, благодѣтнла садовіа храна Ман 191; блаженнаго субо сего рицитета благочасінъ по вѣсему вѣшиа Евф 7; о сема тачи тою ср(з)адце болѣзно вѣши Евф 64; нѣкыи велїкъ жиже вѣши скрѣтъ ненскоусенъ же вѣкъ вѣрѣ 1036. 32б; и познавше и слова яко евагрнека вѣхъ 1036. 36а; и паче нока вѣши пісаннаа 1036. 36б; агелско же вѣкъ видахъ и жиже 1036. 250б; сѣще виш бысть и място о благо-
вѣстѣ оужиниимъ Гр 3. 13 и др.

Возможность выражения сказуемым адъективом наличия определенного признака, качества в более высокой степени была отмечена в следующих случаях (схема /Асрѣ + /Срѣпрает + Асрѣ): въ єг҃пїтѣнхъ оубо цара вѣстъ прѣѣн вѣсѣхъ Ман 18; даръ царнци послаестъ єже велнициимъ быстъ мачатокъ злобам, горшее виш быстъ забистъ вражданіје аблако Ман 103; и обаче прѣѣышашн вѣхъ грачестїи пазицъ Ман 132; елма ниже нашимъ благыимъ, ниже болѣзниимъ блажишиимъ лучши вѣхъимъ Евф 33б; вѣкъ же сїе храборство краснѣнше паче прѣзицъ Ман 119; мѣда сладчаншн вѣши псалми Евф 236.

Аналитически выраженные степени сравнения прилагательных были засвидетельствованы только в Троянской повести. В одном случае частица на- прибавлена к простой форме положительной степени: коа налаѣпа вѣ Тронскыхъ странахъ Тр 59. Переходную стадию отражают следующие два примера, в которых частица сравнительной степени прибавлена к старой синтетической форме сравнительной степени: и оукѣдѣши то ти
и налази пророчицѣ, кој вѣхъ налаѣп(н)шжа вѣ морскынхъ отоцѣхъ

Тр 49; и прикеле вѣшъ рижеоуша попа дащеря рижеоудж госпождаж, коя вѣше наимѣша въ Троицкихъ странахъ Тр 59.

2.3. Единичным элементом выражено субстантивный компонент и в сочетании со связкой в будущем времени по схеме $C_{fut} + N$: и азъ вѣ мнъ и работажъ вѣту 1036. 18б; въ истинахъ и мы мниси вѣдемъ 1036. 18б; аще тѣко принесетъ къ оугтомъ окоице, брѣна развѣзжтъ сѧ вѣждамъ вашнамъ и вѣдете вони, и разоумѣте вѣстъ Ман 11; иж да прѣвѣдаатъ скободно еси людне того мнастырѣ... дондеже є жибо цѣло мнъ, иж и по смиргти цѣло мнъ хто вѣде наслѣдникъ цѣлу мнъ Гр 4. 40—41.

Будущее время связи выражено сочетанием с глаголом хотѣти у Евфимия: прѣспѣвающу же томоу въ вѣрастѣ и оучителѣстѣ, забиста подвигоще соуции о доколитанѣ, смиагриюще, таюко не таюко самодражкаца хоцетъ быти, на и таюко та хоцетъ быти разоригелъ еллии — сїфа прѣвѣсти Евф 105.

Единичный адъективный компонент сочетается со связкой в будущем времени по схеме ($A + C_{fut} + A$): да вѣржетъ сына его прѣа ораломъ, да аще вѣдется вѣсенъ, то преоратъ си цвета сына Тр 54; доколо ви такое вѣдется жибо Евф 5; мниси оубо и длага воудетъ о прѣподобнѣ сен покѣста Евф 60; сѧ прѣдажда вѣрныиимъ чловѣкамъ, иже доколи вѣдјата и наѹчнти Евт 90;... таюко длаголѣтия вѣдеши и благо ти вѣдетъ Евф 190; вѣразуми ме, и жиба воудоу Евф 242; и нынѣ вѣдеши иѣмъ 1036. 25а; таченъ агглоу вѣдется ишика твора стыжъ матви 1036. 201б; цѣла иѣкако вѣдј, южта быши сиихъ 1025. 33б; и неглѣнина прино жиевѣщи и вѣсъмрти вѣдеши 1025. 33б и др. В одном случае в Троицкой повести будущее время связи выражено сочетанием с глаголом хотѣти: азъ бо мностиба єи хоціжъ быти и хранити доколи Тр 56.

Адъективный компонент представлен двумя элементами — синтетическими сравнительными формами: что бо ино вѣдется ближайшее на похвалѣніе доуши иши Евф 78.

2.4. Среднеболгарскому известно и выражение именного компонента двусловным сочетанием — именем существительным с обязательным определением, обыкновенно согласованным и выраженным именем прилагательным, реже числительным или местоимением-прилагательным. Таковы существительные сынъ, царь, богъ, чловѣкъ, рабъ, спускоупъ, братъ, мати, младенецъ, покровителъ, крѣка, плодъ, тѣло, сила, скоко и др. Связка представлена различными временными и модальными формами по схемам: ($NA/A/+$) $C_{prae} + NA/A/$, ($/A/AN +$) $C_{prae} + /A/AN$, $NA_1 + C_{prae} + A_2$, $/A/N + C_{prae} + A$, $/A_1 + A_2/N + C_{prae}$, $C_{prae} + N/A_1 + A_2 + A_3 \dots$: се же юстъ санъ вѣликъ въ грѣцѣхъ Ман 197; ты еси єдина истинаи богъ Евф 157;

тако ты еси съкащенте наше Евт 305, 332, 373, 388, 401; мы бо члобѣцн подобострастни вамъ есмы Евф 14; снаа же божіа ест(а) слово кр(а)гтное Евт 38; члкъ грѣшено есмъ 1036.18б; и оуста наша трапеза хва сѧта 1036. 217—218а; Христова раба есмъ азъ и Христіанна рѡднителен вѣтъ Евт 152; несъврѣшена младенецъ есмъ 1025. 18б; калогере нѣзѣстнхомъ си тако раба еси бжнн 1036.9а; азъ члкъ грѣшено есмъ и недонна небесн н землн 1036.5а; глава єш съпреженїю и конца свѣтое тѣло юста Христово Евф 250; вѣра же неиспытана венца ест(а) и несказанна Евт 38; благотробен и мностнка Богъ еси Евф 318; ты бо еси когъ неизречена, недовѣдомъ, невидимъ, непостижимъ Евф 367 и под.

Шире, чем в древнеболгарском, представлено выражение именного компонента более чем одним элементом, который часто распространен согласованным определением по схемам: $(N_1 + N_2 + \dots + N_n) C_{prae} + N_1 + N_2 + N_3 \dots N_n$, $C_{prae} + (AN_1 + N_2)$, $C_{prae} + (AN_1 + AN_2)$, $C_{prae} + (AN_1 + N_2A + \dots)$, $C_{prae} + (/A/N_1 + N_2A + AN_3 + \dots /A/N_n/A/)$. Особый интерес представляют последние два типа, которые открываем в усложненной фразе Евфимия, отразившей в совершенной форме те черты литературного языка, которые возводятся в систему нормами Тырновской школы и продолжают более раннюю византийско-славянскую литературную традицию¹⁸. В поисках развернутой, торжественной, изысканной формы для выражения своей мысли Евфимий использует многочисленные повторы, необычный порядок слов, богатую лексическую синонимию. Этим достигается высокая художественная образность, повышенная до экзальтации эмоциональность, абстрактность, особая ритмичность, орнаментальность языковой формы. В концепции литературного творчества Евфимия находим те же философские принципы, которые лежат в основе широко распространенного в XIV в. «плетения словес»¹⁹ и которые плотностью отвечают духу исихазма.

Фраза Евфимия и специально интересующее нас оформление ядра сказуемого, сопоставленные с материалом остальных экспериментированных памятников, показывают высокую степень отдаленности литературного языка исследуемой эпохи от разговорного болгарского языка. Ср.: ты єси благородна красота, застоупница же и Храннителница Евф 74; не прикндѣнѣ наи мѧгчанїе ест(а) плата, аже шт наа прнатъ Евф. 36; тъ цнгъ... и повѣдѣ на дѣвшла ест(а) Евф 39; ты еси дрѣгерушна сладкое веселѣ, съкѣщенниниша красота Евф 74; а ты еси почтенъ господина и подобъ нгрецъ

¹⁸ Минчева А. Традиционно-книжна норма и развойни тенденции в синтаксиса на средноболгарския литературен език през XIV в. — Славянска филология, т. XV. Езикознание, 1978, с. 243—254.

¹⁹ Об особенностях «плетения словес» как художественного стиля см. например: Трифуновић Ђ. Азбуцик српских средњовековних књижевних појмова. Београд, 1974, с. 234—236.

Тр 60; ты еси златая ржка, жезлъ даршновъ Евф 171; ты еси по-
требленіе клятвѣ, ты еси голомишка вѣснѣ(а)стнїи ѿара и пророкиша
съвѣтѣ, праведныиъ радост(а), сватытельствоу красота, риадъ на-
зданіе Евф 172; ты во еси, господи, помоца вѣзпомощнамъ, на-
дежда ѿгчавшиа сѧ, обѣреваемыи спасителъ, плавающиимъ приста-
нице, недѣгѹющиимъ врача Евф 326, под. 384; ты еси запачатлѣнна
кнїга, братоградъ заключенныи, гедешнovo роупо, камена нестѣкомыи,
дверь затворенна Евф 171; и кто доколена глаголати сиы твоа...
блаждыко... отче господа нашего Іоуса Христы... иже есть ѿбрѣзъ
благости, печата равноуѣздна... слово жицше, вога истиинныи, прѣ-
вѣтнна прѣмѣдрѣста, жицут, оскащеніе, сила, скѣтъ истиинныи...
истинныи доуихъ, съншположеніа дарованіе, обрѣченіе вѣджицаго на-
слѣдіа, начало вѣджиціхъ благъ, жицотвораціа сила, источника осва-
щеніа Евф. 379.

В одном примере из Евфимия, отмеченном три раза, именной компонент составного сказуемого представлен субстантивированными действительными и страдательными причастиями: ты во еси приносан и приносмыи и прѣмѣлан и раздѣляемыи, Христе, боже наша Евф 317, 365, 376. Развитой субстантивный компонент при связке в императиве $C_{ipa} + (N_1 + N_2 + N_3)$, $NA + C_{ipa}$, $A + C_{ipa} + (N_1 + N_2 \dots)$ отмечается в таких случаях, как: и[ы]нѣа оубиш, бладынци... коуди мн сапоутнца, настакнца, окрамнгемнца даже до конца жицн моеи Евф 66; чада же твоа да съята вѣздыханіа и слазы Евф 20; таки да достони вѣдема причастнцы и ѿбещнцы пречистыи тѣониа таннама Евф 329.

Разнообразие в синтагматической сочетаемости наблюдается и при связке в прошедшем времени. Обыкновено согласованное определение непосредственно следует за именным компонентом, выраженным одним или большим числом элементов или предшествует ему: $(AN+)C_{præt} + AN$, $C_{præt} + (A/N/A_1 + A_2 + \dots)$, $C_{præt} + (N_1 + N_2 + \dots)$, $C_{præt} + (AN_1 + AN_2)$. Например: вѣшѣ вѡ крѣпокъ по-
борникъ сквицнннхъ иконъ Ман 152; вѣ во расѣдникъ царевъ 1036. 276; Іоус-христово рождѣство сицѣ быст[а] Евф 35; оуло-
устан же та вѣ мѣжа іаръ и жесточайши Евф 161; царевоу силоу
швадажюю троемъ пріамоу сапрѣжнца вѣшѣ скака дацн икона Ман 36; вѣшѣ вѡ и побннен и сѣвѣтнка и скобецнка Ман 140;
пир же вѣ сан архїерен византїйски, гоубнтела мѣжа и злочастнка
и отробнка и чародѣн Ман 135; саннде ѿг небесъ... роди сѧ ѿг
дѣбы и богородицж марѣж... и быст[а] сакрашена Богъ и сакрашена
члобѣка Евф 79 и др.

В редких случаях определение не находится в непосредственном контакте с именным компонентом, а отделено от него связкой. Такие примеры находим в более эмоциональной фразе Ев-

фимия, а иногда и в Ман: гладю вш постнгошу странж халденскож
Ибраамъ божествын и венкын быста прѣселик Ман 18; и оубш
вз прочицк свѣтнникъ вѣкозаренъ вѣждоу сїаж Ман 193;
кр[а]стъ ѿргана вѣши газмртатын проклатъ Евф 48; и владыка
сынъ праѣте рабъ, самовладыка быста осажденн и самодрѣжеца
сказаник Ман 208 и под.

Большое разнообразие в синтагматической сочетаемости наблюдалось и при адъективном компоненте сказуемого, представленном двумя или большим числом элементов по схемам: $(A_1 - A_2 - \dots) C_{\text{fut}}$, $C_{\text{pa}} + (A_1 + A_2 + \dots)$, $C_{\text{prae}} + (A_1 + A_2 + \dots)$, $A_1 + C_{\text{prae}} + A_2 + A_3$: вшн ткен нѣмн и глоусн сїата Евф 156; вогъ... велен и страшена ест[а] Евф 169; благословное вш и скободно юсть Евф 244; и вѣдѣаше яко добра и разумна есть 1036. 7а; вѣрж мн
нѣм чадо, зане яко же многы и различны сї болѣзни, сїце многа и
различна сїта и нїелента 1036. 14а; нѣ легка и сїтрапнма и 8 добна
сїта 1025. 9б; яко ти есть венкъ и частенъ царскын санъ Ман 106;
яко пакы сїтрастна и пакы сквржна и пакы нечестя вѣдѣ азъ сїхъ
ради 1025. 33б; вѣдѣ кроток же и тихъ и благопристѣпенъ къ вѣтму
Евф 20; сїце оубо нетлѣнна и безстрастна и нѣвесна вѣши господнѣ
плата Евф 44; вѣши вш... и скободенъ мжжъ и тихъ и кроткъ
Ман 159; вѣ же воннченъ, благодѣзновененъ, кѣпкоржъ, тѣды
неоумакенъ, каменъ тѣрзъ вѣ болѣзнейъ Ман 192; вѣши вш...
риманъ жестокъ, гнѣвливъ, грѣзъ, іаролюбивъ, самолюбивъ, самомжаръ
Ман 216; сїн же тикерѣ за прѣба оубш кроткъ вѣ и благъ и нрав-
кома даролюбивъ Ман 81; скопецъ же вѣ хригасѣ, нечастнекъ и злоб-
виченъ, лжкаакенъ и оубинца и мрззикъ нракы Ман 105 и др.

Особенно часто повторение сказуемого компонента, выраженного прилагательным, развернутым субстантивом, причастием, выражениями, чередующимися в различной последовательности, отмечаются в типичных образных характеристиках Манасиевой хроники. Например: первиц... вѣши же бестоуденъ и мрззикъ и
плазнѣ блѣда, оугадаж чрѣкъ и чрѣвныи, кинолюбивъ и піанца
Ман 83; вѣ же благъ и праѣденъ нѣвѣнъ юстинъ, и непраѣдѣ и злоб-
нракѣ, добролюбивъ, красолюбивъ, скѣтгодоушенъ, доброобразенъ
о нѣкнѣнъ не рада, нѣавѣнда праѣнословіе Ман 121; вѣ же добра
цимнѣнъ, добровраченъ, доброобразенъ, доброкоѣ, трапѣливъ, храбро-
срѣ и добросрѣ, мжжоуменъ и ратнкъ непобѣдимъ и скѣтнникъ
остроуменъ, члобѣкъ венкодоушенъ, чѣлоуменъ, храберъ, кротокъ
и копѣмъ потрасати наученъ... мжжъ праѣтодоушенъ, не храна
вѣ севѣ враждѣ Ман 191 и др. под.

2.5. Большинство из указанных возможностей выражения обоих именных компонентов отмечено также и в сочетаниях с раз-

личными темпоральными и модальными формами полусвязочных глаголов. Сказуемостная функция адъектива морфологически выражается его именной формой или простым компаративом.

Среди так называемых заместителей связки *быть* (*esse*) отмечается усиленное употребление глаголов *быти* *са*, *таклати* *са*, которые в древнеболгарском полностью сохраняют свое конкретное значение. Эта связка представлена, однако, только у Евфимия и в нескольких случаях из Манассиевой хроники с подчеркнутым книжным оттенком²⁰. Например, в сочетании с субстантивным компонентом: *цар'ское похваление*, *постникум* *украшениe*, *цар'конаа красота* и *украждениеты* *иаин се*, *прѣхвалнаа* Евф 257; *тайнаа муршположница бож[а]ствыиных* *адриба* *иаин се*, *славнаа* Евф 259; *лѣствица дрѹгъ*, *къ нѣбеси вѣзводеніа*, *иаин се жигтѣ* *твоѣ*, *прѣподобнаа ѿсифано* Евф 259; *'постникумское жигтѣ* *къ ѿвразѣ* *цар'ствѣ* *украдно ѿбловыза* и *прѣгнанци* *иаин се* *вождственаго доуха* Евф 258; *домъ вѣседѣтель* *иаин се ты*, *прѣподобнаа* Евф. 256; ... и *по рождествѣ дѣкаа пакы таѣает се* Евф 262; *иаин ви са...* *пїанци* *сластодушенъ*, *блажднкъ*, *виноопїнца* Ман 170; и прочая вѣсѣ *властн* *водѣаше* *горѣ* и *долоу* и *дрѣжжюму* *тѣченъ* *таѣает са* *стронгель* Ман 205.

В сочетании с адъективным компонентом, например: *слѣпа таѣаше се* *непрѣподобныи* Евф 114; *єнко вишилаа* *полагаахъ са* *мжкы*, *толико сѣтлаѣишижъ* *таѣахъ са* *вишибы* Евф 155; *тако прѣвшашн* *вѣсежъ* *твари* *ты* *иаинаа са ѿси* Евф 171; *сіе* *вездѣстно* и *смѣшино* *ми* *таѣает се* Евф 249; *тѣмъ* и *всесе* *фочино начинанїе* и *добро* *нелѣгтина* *таѣаше са* Ман 194 и др. под.

Гораздо более высокой по сравнению с древнеболгарским является фреквентативность глагола *быкати* как фазовой модификации значения «наличие признака» (соотношение 17,6% : 82,4% — при субстантивном компоненте и 10,5% : 89,5% — при адъективном компоненте). Ср.: и *прѣвѣн* *сѧн* *цара* *быкаетъ* *римлѣнium* Ман 72; *міхана* же *быкаетъ* *владыка* *къ* *мѣсто* *свазиѣ* и *свободенъ*, *и* *геминица* *цара* и *самодрѣжецъ*²¹ Ман 161; и *самодрѣжецъ* *быкаетъ* *и* *владыка* *самокластиецъ* Ман 174; и *Кицстангнз* *быкаетъ* *самокластыи* *самодрѣжецъ* Ман 183; *прѣвѣн* же *цара* *міхана* *быкаетъ* *чрвноносецъ* Ман 200; *разоумъ* же *любы* *быкаетъ* Евф 219; *тако дѣяловъ* *благоразумныи*, *вишилъ* *благъ* *ходатан* *быкаетъ* *лѣнкыи* же и *нерадицимы*, *вѣзвиечныи* *мжкъ* *ходатан* *быкаетъ* 1036. 218а *съмѣта* *покон* *быкаетъ* *праведникъ* 1025. 1а С адъективным компонентом: и *пакы* *благоуѣтланъ* *быкаше* и *круглъ* Ман 78; *и ви* *злато*, *на* *много* *брѣма* *прѣвѣши* *къ* *огни*, *чистѣйшее* *быкаетъ*

²⁰ Как русизм книжный глагол *являам се* встречается в ограниченных случаях и в современном болгарском языке. Ср.: *Деянова М.* Указ. соч., с. 193.

Евф 155: ти^х въ срѣтеніи братніемъ бытѣ Евф 237; прѣгрозѣви
ни^е болѣзни... рабенъ бытѣтъ съ иже велкыя въ дре^бніихъ лѣ-
тѣхъ прѣгрозѣвиши 1025. 1б; велчанша же бытѣема въ болѣз-
нике не бытѣжъ 1025. 12б; а также въ малѣ велкы пакы неглы не
събрѣшена бытѣжъ 1025. 12б и др.

Фазовая связка остатн отмечена в следующем случае: оумер-
шем же иѣмъ, иѣтъхъ сиротка 1036. 7а.

Вместо фазовой связки используется бытн — статн со значе-
нием 'переход в новое состояние', 'приобретение нового признака' в случаях как: вѣланскъ... вѣнцемъ одѣлъ са и вѣдька бытѣ
Ман 111; и сен припрагъ са на бракъ, и дѣтемъ бытѣ отца
Ман 163; съвѣтѣннкъ бытѣ бестоудыннмъ оржноносцемъ Ман 171;
сѣтъ тѣла быт[а]. ѿт дѣствоуемыихъ прѣбнѣнїа Евф 249; по-
томже мало днїи поболѣвъ, и дѣне здравъ бы 1036. 33а; иже вѣ-
ровакъ, и бы христіаннъ 1036. 81б. бытн — статн в будущем
времени: и мышлѣаше да не пакы на бракъ оуклонитъ са и да не
пакы магнѣ вѣдѣтъ дѣтемъ июродыннмъ !Ман 213. С адъективным
компонентом: и здрава быт[а] кеса Евф 15; благочастнѣй царя, сѣло
радостенъ быт[а] Евф 52; хощеш ли здрава бытн? Евф 88; ване-
заапоу въ иѣмъ быт[а] Евф 127; и сѧ рѣкъ, иевндины бы 1036. 3а;
рѣчи мнѣ како бы сѣпъ 1036. 13б; и ѿ яростн ѿгннїа истекошж
очи мон, и бы сѣпъ 1036. 13б, под. 14а; и сътвори кн лѣ въ скнгѣ,
бы прозорливъ и именнгъ 1036. 26б и др.

К группе фазовых модификаций глагола бытн относятся и полусвязочные глаголы прѣбытн, прѣбыватн со значением 'продолжение наличия признака', дѣятн са, статн со значением 'приобретение нового признака'. Они отмечены в сочетании с адъективным компонентом: мр[з]твн вѣтческы прѣбыша, та^{ко} да
не и дроутн тѣхъ съмр[з]гоносааго прѣимѣтъ тада Евф 55; и до
и[ы]иѣк прѣбываетъ тѣло его цѣло и вѣтческы толи непр҃частно
Евф 197; та^{ко} та^{ко} неподвижна и непоколѣблѣма прѣбыванїа Евф 242;
ѡ толи оубо прѣбываше иѣмъ 1036. 25а; мождааше бо и тѣ въ мо-
настырн въ безмлѣбн сѣдѣтн... и неоутѣженъ прѣбытн ѿ стрѣлъ
вражин 1036. 33б; прѣбыихъ ѿ вѣсовъ иенскоушенъ 1036. 120а; лю-
бовь есть въ и прѣбыва жнез въ иен 1025. 6б; да та^{ко} пришедши,
ста красна оубо лицемъ, здрава же проче тѣломъ Евф 15б; сего
ради прїпадаем ти вѣси и мнин са дѣмъ Евф 15 и др.

Модальные модификации значения 'наличие признака' выра-

жают отношение говорящего к достоверности приписываемого признака — обрѣстн са, обрѣтатн са, к оценке его как фактического или кажущегося — мнѣтн са, сътворитн са. Группа модальных полусвязочных глаголов в среднеболгарском обогатилась двумя новыми лексемами показатн са, показоватн са и видѣтн са, которые обозначают 'субъективно воспринятое наличие признака'. Примеры с субстантивным компонентом: никнфоръ фока, сън лигъ въ бранехъ и страданіемъ икоусенъ и крѣпокъ ржкама, рати началикъ показа са Ман 190; и града прѣбын градашъ постнга беспернож бразостнж, и вѣнецъ вазложивъ на са самодѣлжецъ показа са Ман 212; сице оубо вторын иисифа житодавецъ сконмь оученикшмъ тако показа са Евф 30—31; иже даже до крае, и без' краи показал са еси мѫченка Евф 58; и иже къера досаднтела, иынга похвалнка истина' показа се Евф 127. Примеры с адъективным компонентом: и въ семъ такмо обидѣтн никнгоже обидѣнт са, аще и въ дроугынхъ прѣдѣнъ обрѣтает са и цѣломѣдръ Ман 115; авва иванне, въ жибогѣ скомъ кротокъ и трѣпѣликъ сън, иинѣ же нетрѣпѣликъ иобрѣте са 1036. 31б; и оубо дроугынмъ сѣтень и оунѣлъ мнѣшъ са Ман 157; иже оубо недостонно вожинимъ слугамъ мнѣшъ са творимое ѿт царѣ Ман 181; ѿт сего оубо тажакъ многимъ мнѣшъ са Ман 213; тажакъ мнѣшъ са и горзъ Ман 216; и вѣдѣ то иллѣандръ фарнка и створи са боленъ Тр 53; и оукѣдѣ то и створи са вѣсенъ Тр 54; тѣмъ и въсе фочино начинанїе... засобравно видѣаше са Ман 194; и образомъ оубо бесстрастенъ и без' печали сън... скѣтообразенъ показоваше са Ман 195.

3.1. Элипсис связки при субстантивном компоненте наблюдается по схеме: СØ+N, N+CØ. Высока фреквентность и прилагательного, функционирующего как компонент составного сказуемого с элипсисом связки. Однако отмечены только случаи пропуска глагола бытн — связки с самым абстрактным значением. Пропуск связки определяется комплексом эмоционально-экспрессивных компонентов, сопровождающих высказывание.

В сложных предложениях с несколькими составными именными сказуемыми благодаря элипсису устраняется повторение связки. Например: бладѣ юстъ приказоуемое, та же мна, и прнча Ман 128; ѿиги иже въ кѣроуете и почнгаете, иѣсжта вушн, иже чловѣцн Евф 158; иѣст[а] тамо тѣма иже скѣзы... иже вѣст сѣѣть, вѣст радост[а] Евф 83; царница во и ты, аще и не земланна Евф 74.

Субстантивный компонент может иметь свои атрибуты — СØ+(A) N(A), СØ+(A₁+A₂)N, или может быть выражен более чем одним элементом, а также согласованным или несогласованным определениями: (N₁+N₂)+СØ, СØ+[(A) N₁(A)+(A) N₂(A)+... (A) N_n(A)]; ты истииннаго жениха чистнаа некѣста Евф 73; вѣсканкнѣте богоу гласимъ радост, и яко господѣ вышнїй страданіа цара по

всесъ земли Евф 129; ты застогинца топла всесъма приходеции ма
къ рацѣ твоихъ моян Евф 73; ты ѿцъ мои ѿ иннѣ, аз же тво
ученникъ 1036. 19а; и егы бы вндѣла троиская витезы, не бы рекла
витези сѧтъ, иже господинъ и властеле Тр 53; ты же настава слава,
дѣвама красота, апостолскаго жигтіа образъ, поустыникуша оудо-
брѣте, юныиша застогинца, соуцииша под бракомъ хранителюша,
всакому тѣбованию различна подателюша Евф 74. В одном из
примеров составное сказуемое имеет нереализованную связку
в имперфекте: вѣ же нѣкто... юноша, нал же семоу мѣханла
Ман 203.

3.2. При адъективном компоненте связка быти опускается
в настоящем и прошедшем времени (схемы: $\text{Сprae} \emptyset + A$,
 $A + \text{Сprae} \emptyset$). При наличии связи в предыдущем контексте пропуск
бытиносит стилистический характер и способствует сжатости и
ясности выражения. Например: ст҃ыблѣ небесело юстъ и коренъ
арахлъ Ман 194; небеснѣ вѡ жигтеле неглѣннѣ сѧтъ и бесамр[з]гтии
Евф 36; всѣко оубо дѣланіе и чудодѣйствіе христово велико ест[а]
и чудно и бож[а]стѣно Евф 38; тако всакое дааніе благо и всака дара
совершена совише еста Евф 333; або велика юст[а], иако въ истину,
храмъ его, высокъ же и длага и красна доброго паче всѣхъ
цр[з]квища чловѣческииъ Евф 129; жена бо есмъ и нара иакоже вндши
1036. 5а, 6б; да оубѣси, колико блага еста въ христіанскіи и магнѣз,
и вратъ 1036. 81б; несамотрѣлна много еси и гже и непримѣжна и
лѣнива и слава иакоже вндши са 1025. 15а; и вѣше плодъ красенъ,
радостена вѣ въ вндѣнѣ и добра въ санѣда Ман 11; пет же вѣ шт
нихъ чмоудры и петъ вѣ Евф 275; юмоуже вѣ лице иако малына и
шдѣаніе его вѣло иако сѣтъ 1036. 11а.

Склонность к пропуску связи наблюдается при эмоционально
окрашенной речи и в высказываниях, носящих характер сентен-
ции. В этих случаях элипсис выполняет экспрессивную функцию.
Например: всѣ сакршеноплодна и прѣсакршена всѣ Ман 4; и не
обреће юса юмѣсто к тому, иако бого праведенъ Тр 67; иначеоже
быше меры, добро вѡ мѣра Ман 143; бого же великомощенъ и
великомышчанъ Ман 161; иже оубо непороченъ ииктоже шт земныиъ
чловѣка Ман 193; циини... въ штаднїи же врѣменехъ кротокъ,
сладокъ, веселъ, око радостнобрѣно и око каплающе веселѣ, образъ
кротостн... Ман 197; сладка оубо настожиа жизнѧ, иже бесамр[з]гти
всѣко ж сладостн сладчанше Евф 27; тѣмже закѡнъ оубо свата
рече, и заповѣда свата и праведна и блага Евф 37; аще оубо весамр[з]гти
пазга и неглѣнна и небесна, како распят са? Евф 45; вса
вѡ твоа чудна, вса твоа красна Евф 104; не ити ии камо нбо пе-
циера сна мала 1036. 26б.

Связка последовательно опускается в предложениях, в которых сказуемое, выраженное краткой формой прилагательного, стоит в предложении на первом месте, по схеме: $A_{(спр)} + C_{\text{praes}} \emptyset$. Этот тип библеизмов широко представлен в цитатах из псалтыри у Евфимия. Например: *ненощенъ вѣсѣкъ члобѣкъ къ божиимъ дланемъ* Ман 161; *маломощна крѣпоста земнородныи* Ман 161; *сладка оубо настожица жнеза* Евф 27; *ч[а]стна прѣдъ господомъ* съмѣр[ы]та прѣподобнааго Евф 57, см. также 199; *вышашн бѡ ты вѣсѣхъ земланыхъ дарихъ* Евф 72; *безмѣстна сѧ вѣса* Евф 249; *смѣшино вѣсако се н некъзможно* Евф 249; *недоболанъ же азъ раздрѣшати недоумѣннаа* Евф 246; *сватъ н єдинородныи твои сыни* господь нашъ... *сватъ же н доуихъ твои пресвѣтлыи* Евф 322; *веселъ сѧ прочее н ликъи, многа бѡ млада твоа* 1025. 9б.

Элипсис связки наблюдается также при вопросах — н кто боленъ нзлаголати сны ткој Евф 344, ср. аналогичный пример 378; при подчеркивании позиции подлежащего посредством личного местоимения — мы во недостони побѣждаати сопротивыихъ находашихъ Евф 312; при восклицаниях, возгласах, благословениях — велика боязъ христіанскыи Евф 157; кола страшно место се! Евф 205; блаженъ бѡ — рече — испытанащен сѣдѣнїа его Евф 226; благословенш царство отца н сына н сватаго доуихъ Евф 309, 311, 357, 390; благословенъ боязъ наша Евф 284, 285, 289, 304; под. Евф 186, 284, 288, 296, 330; благословена градыи Евф 331, 292, 313; благословена вѣход сватыи твои, господи Евф 291; благословенно имъ боязъ нашего Евф 332; блаженъ оумъ иже къ крѣма матерѣ смиерзованїа иже не прнатъ 1036. 2016; блаженъ мжжа иже иде на свѣтъ нечастныи 1036. 226б.

Примеры, в которых элипсис связки затрагивает и другие временные и модальные формы или аутосемантичные полусвязки, не отмечены.

4. Как и в древнеболгарском, первичным и доминирующим типом флективной формы именного компонента сказуемого, в среднеболгарском является именительный падеж. В рассмотренном материале не было отмечено случаев с именным компонентом в творительном падеже, что свидетельствует о том, что эта синтаксическая особенность не была присуща болгарскому языку XIV в.

Единичными являются случаи с именным компонентом в родительном падеже, который сочетается со связкой в настоящем или прошедшем времени по схеме (NG) + $C^{\text{praes}} \text{ praet} + NG$: иѣста сѧ оударъ шг грациинъ оударъ, иж есть прижинскыи крѣки Тр 60. Родительный определительный находим и в одном интересном примере из Патерика, в котором беспредложная падежная форма стоит рядом с генерализированной общей формой вместо формы

родительного падежа. Это отклонение в употреблении падежной флексии показывает, что говор писца, вероятно, был очень далек от письменного языка: *нѣсѧтъ праиславныи бѣры, иж сретицаскаа и нѣкѣрнии* с. 1036. 33а.

Родительный определительный отмечается и в предложной конструкции ($N_{без}^{\text{отв}} G +$) $C + N_{без}^{\text{отв}} G$: *и бож сѧ мѣханла нїкє вѣ ѿт амориа* Ман 161; вѣ же камбисъ ѿт хоуда рода Ман 25; сказуемый адъектив — субстантивированная сложная форма — вѣ же аргем-каръ от благородныи^{хъ} и великии^{хъ} Ман 25; роднителъ же и наследн-телъ добровѣтавного сего арѣва не ѿт многонѣчиныи^{хъ} нѣци, ии ѿт нарочитыи^{хъ} вѣста Ман 175; вѣше бѡ... ѿт многонѣчиныи^{хъ} Ман 101; нѣста сѧ оударъ ѿт граꙑкии^{хъ} оударъ Тр 60; аще оуко ѿт лжкаваго вѣше вѣтхыи законъ Евф 37; не без кваса вѣше хлѣбъ Евф 47; напрасно вѣск шна мачтана без кѣстн быша Евф 86.

Именной компонент стоит в именительном падеже при отрицании: *нѣсѧтъ бѣговиie се чадо земнаго вѣмнана* 1036. 153б. Из двух случаев при повелительной конструкции в Троянской притче употребляется то родительный, то общая форма: да не бѣдетъ храбрѣши винтеса ѿт твои Тр 50, но да не бѣде чюкѣка побогатъ ѿт твои Тр 50. В других случаях при отрицании последовательно употребляется родительная форма. Таким образом в употреблении родительного падежа при отрицании язык повести проявляет архаичность.

5. В развитии болгарского языка исследованный тип составного именного сказуемого имеет схему $C + N$, $C + A$. Различия проявляются лишь в оформлении именного компонента, который в древнеболгарском может стоять в именительном, творительном, родительном и винительном падежах, а в среднеболгарском — в именительном и родительном. В современном болгарском языке отсутствует падежная флексия, но усилено употребление предлогов — наряду с *без* и *от*, широко представлены *за*, *в*, *с*, *по*. Инвентарь лексических средств реализации этой схемы обнаруживает следующие особенности.

Глаголы-связки распределяются по трем лексико-семантическим группам: а) глаголы, которые обозначают наличие предикативного признака, б) его fazовую или в) модальную модификацию. В развитии языка намечается постепенное нарастание числа этих глаголов. В группе заместителей глагола бытъ в среднеболгарском отмечается усиленное употребление глаголов *такнти сѧ*, *таклати сѧ*, *быкати* (см. таблицу № 1). К ним в новоболгарском прибавляются глаголы *знача*, *означавам*, *представям*, *падам се*, *казвам*²¹. Не являются связками глаголы, выражющие называние: *нарешти сѧ*, *нарицати сѧ*, *именовати сѧ*, *зѣкати сѧ*, *глаголати*.

²¹ О глаголах-связках в болгарском литературном языке см.: Деянова М. Указ. соч., с. 192—196.

са, которые обыкновенно имеют соответствующую страдательную форму и являются возвратно-страдательными формами переходных глаголов. Согласно нашему критерию они образуют простое склоняемое с конотированным сказуемым определением: Например: рѣки же оны глаголъ н азыкомъ сирѣскынъ нарѣцахъ са фисонъ н геонъ Ман 8; н нарѣцахъ са вѣнѣнѣи птолемеи Ман 31; штъ сего тарпиннока нарѣче са могыла Ман 73; н архіеренъ наимъ нареклъ са еси Евф 317; кесаръ же нарѣченъ быстъ гаѣ Ман 77; тако царь нарѣченъ быстъ^[6] миши Евф 191; течаше рѣка, коа са именоваше Камантоуша рѣка Тр 47; штъ оума оубо страстныи оумъ вѣстразаа нже н чистота срѣда именуетъ са 1036. 193; а штъ третна страны течаше того отока море, кое са зовѣше пелешинъ море Тр 47; ахмелехъ глаголетъ са цара мнроу Ман 18. К фазовым связкам в новоболгарском относятся и изляза, излизам, дойда. Модальные связи обогатились в среднеболгарском глаголами кндѣти са, показатъ са, показокатъ са (для выражения субъективного восприятия наличия признака). Еще большее разнообразие различных подгрупп отмечается в современном болгарском языке. Полностью новыми являются здесь подгруппы для выражения внешнего признака, для выражения признака, имеющегося по чьему-то мнению, для выражения неполного наличия признака.

Табл. 1 показывает высокую фреквентность среднеболгарской связи бытъ в различных временных формах. Это единственная связка в среднеболгарском, отмеченная и в различных модальных формах (табл. 2).

Более ограничена сочетаемость субстантива с фазовыми и модальными связками.

Табл. 3 и 4 представляют имя существительное и имя прилагательное, функционирующие самостоятельно или в развернутом виде как компонент составного сказуемого в среднеболгарских памятниках XIV в.

Рассмотренный материал содержит ценные данные как об особенностях литературной нормы исследуемой эпохи, так и о некоторых тенденциях развития разговорного языка XIV в. Книжный язык, отраженный в произведениях Евфимия, а также и в Манассиевой хронике, представляет собой новый этап развития одного и того же литературного языка — древнеболгарского. Наши наблюдения подтверждают, что формирование основных его структурных черт в XIV в. «совершается так или иначе в его естественной среде»²¹, несмотря на большую удаленность письменной речи от разговорного болгарского языка в среднеболгарскую эпоху. В оформлении именного сказуемого книжный характер проявляется в склонности к субстантивации причастий и прилагательных, в употреблении местоименных прилагательных, син-

²² Минчева А. Указ. соч., с. 246.

Таблица 1

Связка	Древнеболгарский период										Средневолгарский период XIV в.									
	N					Adj					N					Adj				
	praeſ	praeſ	fut	fut	praeſ	praeſ	fut	praeſ	praeſ	fut	praeſ	praeſ	fut	praeſ	praeſ	fut	fut	Becero		
БЫТЬ	530	77	31	339	10	1	40	5	201	90	23	205	113	26	658	32				
БЫТЬСЯ		3		1				14	1	7		17	1					15		
БЫТЬСЯ													1						1	
БЫТЬСЯ																			3	
БЫТЬСЯ																			36	
БЫТЬСЯ																			5	
БЫТЬСЯ																			8	
БЫТЬСЯ																			2	
БЫТЬСЯ																			1	
БЫТЬСЯ																			3	
БЫТЬСЯ																			3	
БЫТЬСЯ																			5	
БЫТЬСЯ																			2	
БЫТЬСЯ																			2	
БЫТЬСЯ																			2	
БЫТЬСЯ																			1	

Таблица 2

Связка	N	Adj	N	Adj
БЫТЬ	46		16	1

Таблица 3

Памятник	N			VTC			Фавовые модифик.			Модальные модифик.			Всего
	praeſ	praeſt	fut	praeſ	praeſt	fut	praeſ	praeſt	fut	praeſ	praeſt	fut	
Ман одиночн. эл. разверн. эл.	$\frac{7}{2}$	$\frac{23}{11}$	$\frac{2}{1}$	—	—	—	$\frac{4}{2}$	$\frac{5}{4}$	$\frac{1}{1}$	—	$\frac{2}{1}$	—	$\frac{44}{16}$
Tr —	$\frac{12}{2}$	$\frac{3}{—}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$\frac{15}{2}$
Енф —	40	$\frac{17}{8}$	$\frac{5}{—}$	$\frac{1}{—}$	$\frac{2}{3}$	—	$\frac{2}{—}$	$\frac{3}{—}$	$\frac{1}{—}$	$\frac{2}{1}$	—	—	$\frac{73}{66}$
1036 —	49	$\frac{20}{7}$	$\frac{12}{1}$	—	—	—	$\frac{4}{—}$	$\frac{6}{—}$	—	—	—	—	$\frac{91}{34}$
1025 —	4	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{—}$	—	$\frac{3}{—}$	—	$\frac{2}{—}$	—	—	—	—	—	$\frac{10}{2}$
Грамоты —					$\frac{1}{1}$	—	—	—	—	—	—	—	$\frac{2}{1}$

Таблица 4

Памятник	Adj						VTC						Модальные модифик.						Всего
	Кытн						Замены гл. esse						Фазовые модифик.						
	praes	cpa	praet	fut	praes	cpa	posit	cpa	praet	fut	praes	cpa	posit	cpa	praet	fut			
Ман одиночн. эл. разверн. эл.	17 1	3 —	25 31	4 —	—	—	—	—	—	—	4 3	4 1	—	—	—	—	—	63 40	
TP —	13 —	10 —	5 —	3 —	2 —	—	—	—	—	—	5 1	—	—	—	—	—	—	36 36	
EвФ —	86 4	4 —	20 3	2 —	13 1	—	—	—	—	—	6* 1**	7 2	—	—	—	—	—	146* 1**	
1036 —	48 4	4 —	17 2	—	6 —	—	—	—	—	—	2 —	11 1	—	—	—	—	—	92 7	
1025 —	7 1	2 —	—	—	2 1	—	—	—	—	—	3 —	3 —	—	—	—	—	—	18 2	
Грамоты —	—	2 —	—	—	1 —	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3 3	

* posit. ** cpas.

тетических степеней сравнения, в сохранении флексии и т. п. Особый интерес представляет усложненное и распространенное сказуемое имя у Евфимия, многочисленные и разнообразные повторения, необычный порядок слов компонентов сказуемого, что имеет определенную стилистическую функцию.

При общей консервативности книжного языка среднеболгарские памятники нередко свидетельствуют, однако, о живых направлениях развития разговорного языка. Примерами этого в нашем материале являются аналитические степени сравнения, свидетельства распада падежной флексии и употребление общей падежной формы, отсутствие творительного предикативного, употребление кратких форм прилагательных в функции сказуемого, высокая фреквентность описательных форм повелительного наклонения для всех лиц и пр.

Таким образом, анализ материала устанавливает значительные сдвиги в развитии болгарского языка.

Перевела с болгарского Е. В. Чешко

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ман — Манассиева хроника. — *Bogdan J. Die slavische Manasses-Chronik Slavische Propyläen*, Bd. 12 Fink. München, 1966.
Тр — Троянская повесть. В указанном издании Ман.
Евф. — Евфимий. — *Kalužnicki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius*. Wien, 1901.
1036 — Патерик второй половины XIV в.; рукопись № 1036 по описанию: Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, т. III, от Стоянов М. и Кодов Хр. София, 1964.
1025 — Диоптра Монаха Филиппа середины XIV в., рукопись № 1025 по указанному описанию: Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, т. III.
Гр 3 — Зографская грамота Ивана Александра от 1342 г.
Гр 4 — Мрачевская грамота Ивана Александра от 1348 г.
Гр 5 — Рыльская грамота Ивана Шишмана от 1378 г.
Гр 6 — Витошская грамота Ивана Шишмана от 1382 г.
Гр 7 — Брашовская грамота Ивана Срацимира Видинского (после 1369 г.) по изданиям: *Ильинский Г. А. Грамоты болгарских царей*. М., 1911, с. 21—30; *Иванов Й. Български старини из Македония*. София, 1970, с. 587—602.

P. M. Цейтлин

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ДОБРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ (сравнительно с древнеболгарскими рукописями)

Добромирово евангелие — самая древняя из известных в настоящее время рукописей кириллического четвероевангелия. Она написана по-болгарски и датируется большинством исследователей первыми десятилетиями XII в. Рукопись хранится в Публич-

ной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (текст с Мк 9,31 до конца, т. е. по И 21,25 и приписка на л. 183) и в библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае (текст Мк 2,7 — Мк 9, 19), где она была открыта в 1968 г. М. Альтбауэром. В 1975 г. Добромурово евангелие было превосходно издано Б. Велчевой. Этот труд удачно дополняет фототипическое издание всей рукописи, осуществленной М. Альтбауэром¹.

Несмотря на то, что рукопись до ее издания была доступна для изучения ограниченному кругу специалистов, ею занимались многие слависты².

Самое обширное исследование языка Доброму³ принадлежит В. И. Ягичу. Оно состоит из двух частей. Первая посвящена грамматическим особенностям языка памятника, вторая — лексическим⁴. В лексическом разделе В. И. Ягич описал результаты проведенного им текстологического сопоставления Доброму с двумя др.-болг. тетрами — Зогр и Мар, а также со ср.-болг. датированным четвероевангелием — Тырновским евангелием 1273 г. Результаты этого исследования нашли отражение и в обобщающем труде В. И. Ягича, в его «Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache». Ученый пришел к выводу, что язык Доброму отражает переходную эпоху в истории болгарского языка — от ее древнеболгарского к среднеболгарскому периоду.

Два почти одновременных издания Доброму (в 1973 и в 1975 гг.) вызвали еще несколько исследований, посвященных этому выдающемуся по своему значению памятнику древнеславянской письменности. В 1977 г. была опубликована обширная лексико-текстологическая работа В. Десподовой⁵. В 1979 г. вышла статья Ив. Добрева⁶. В обеих работах определяются текстологические

¹ Добромурово евангелие. Български паметник от началото на XII век. Подготви за издаване Боряна Велчева. София, 1975 (далее — сокр. Доброму). Все ссылки из текста Доброму. приводятся по данному изданию); Альтбауэр М. Добромурово евангелие. Кирилски споменик от XII в., т. I. Скопје, 1973. См. также: Altbauer M. Z lexika nově nalezeného zlomku Dobromírova evangeliáře. — Studia palaeoslovenica. Praha, 1971; Рец.: Nazor A. Добромурово евангелие. Кирилски споменик од XII век. Том I. Приредил М. Альтбауэр. — Slovo, 1974, 24.

² Критический обзор работ, посвященных исследованию Добромурова евангелия, дает Б. Велчева в своем обширном введении к воспроизведению текста этого четвероевангелия.

³ Список сокращений дается в конце статьи. Условные сокращения, принятые в цитируемых изданиях, сохраняются. Примеры из Тыри приводятся по Ягичу. Вне цитат из рукописей слова из древних славянских текстов даются в нормализованном написании. При цитатах из памятников названия древнеболгарских рукописей от среднеболгарских текстов и рукописей других древних славянских изводов отделяются точкой с запятой.

⁴ Jagić V. Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII. Jahrhunderts. I. Grammaticisches Theil. II. Lexicalisch-kritischer Theil. — Sitzungsberichte der Keis. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosof.-histor. Classe, 1898, B. CXXXVIII, CXL.

⁵ Десподова В. Лексиката на Добромуровото евангелие. — Македонистика, 1977, № 1.

⁶ Добрев Ив. Текстът на Добромуровото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги. — Български език, 1979, кн. 1.

пласти рукоописи, при этом в ряде случаев авторы приходят к различным выводам.

В предлагаемых заметках ставятся задачи собственно лексико-логического характера: определить отношение Доброму к лексической системе древнеболгарского языка. Для этого словарь Доброму сопоставляется не только с лексикой соответствующих стихов древнеболгарских тетров, но с лексикой древнеболгарского языка в целом, т. е. со словарным составом всех известных в настоящее время 17 древнеболгарских рукописей. Это евангелия — Зографское, Мариинское, Ассеманиево, Саввина книга, Отрывки Охридского евангелия, Листки Ундельского, Зографский и Боянский палимпсесты; а также — Синайская псалтырь, Елинский апостол, Синайский служебник, Клоцов сборник, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, Рыльские листки, Зографские листки.

Лексика Доброму, как показывает исследование, в подавляющей своей части совпадает с древнеболгарской, что объясняется как хронологической близостью Доброму к сравниваемым текстам, так и традицией, вследствие которой писцы особенно бережно относились к воспроизведению текста евангелия. Следует подчеркнуть, что значительная часть словарного состава нашего памятника тождественна лексике наиболее архаичных по языку рукописей древнеболгарского языка (к последним относятся Зогр, Мар и близкие к ним по языку тексты). Другая часть словаря Доброму отсутствует в большинстве древнеболгарских евангельских рукописей, но употребляется в Супр и в близких к ней по языку рукописям⁷.

Особое место в характеристике словарного состава Доброму занимают лексемы, отсутствующие в древнеболгарских рукописях. К последним относятся, например, следующие слова: бѣдникъ, вѣздѣница, вѣстжъ, вѣходница, застарѣти, застарѣли, зачатъка, камъла, кошоулъ, крижма, крина, накыкати, непокорица, обитѣдѣница, олъ, помадати, посохъ, почрести, припрѣти сѧ, приставѣство, проходъ, пателъ, сырбъ, сѫдилѣница, точилникъ, оубиниցкие, оупражнѣти, хранигелѣница, чрѣвица, чоуждѣ. Многие из перечисленных здесь слов не значатся в Сл. ЧСАН и в ряде других словарей древних славянских языков. Несомненно, что такой первостепенной важности источник болгарской (и шире — общеславянской) культуры, каким является Доброму, заслуживает специального лексикографического описания. В рукописи Доброму содержится примерно около 2500 слов (так как, по нашим подсчетам, в Зогр — 2756 слов, а в Мар — 2874 слова; учитываем, что в рукописи Доброму нет евангелия от Матфея). Без индекса слов и форм многое ускользает от внимания исследователя.

⁷ О группировке древнеболгарских рукописей по особенностям словоупотребления см.: Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка (опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв.). М., 1977, с. 285 и след.

Наблюдения показывают, что неологизмы Доброму, как и соответствующие им архаизмы древнеболгарских рукописей (что не менее важно!), образуют определенные группы слов с характерными общими признаками. В каждом конкретном случае «замена» одних лексем другими, как правило, не представляет собою изолированный акт. Она является выражением определенных черт как новой, так и соответственно старой лексических систем. Такой подход к отдельному слову позволяет получить дополнительные сведения общего характера, выходящие за пределы данной лексемы, что особенно важно, если учитывать ограниченное количество дошедших до нас памятников древней славянской письменности.

Предлагаемые заметки посвящены анализу только тех слов Доброму, которые, как правило, отсутствуют в древнеболгарских евангельских текстах⁸, но употребляются в Супр и близких к ней рукописях. Заданный объем статьи лишает нас возможности привести весь собранный материал по поставленной теме, а потому в ней выборочно приводится ряд примеров, который с самых различных сторон характеризует отношения лексической системы Доброму к лексической системе древнеболгарских рукописей. Для удобства обозрения излагаем материал в алфавитном порядке анализируемых слов.

БЛЮСТИ см. *беригы*.

БЕРИГЫ (блъсъсъ, 'оковы, цепи'): прѣцѣаше бо дѣхови нечистоуоумоу. изити отъ чѣка. отъ многа бо лѣта вѣсъцишаще и. и беригами сказа да ж и. и пѣты. блюдома вѣаше Л 8, 29 Доброму (жжи же лѣзы Зогр Мар Ас Сав; Остр Врач Вук Макед, нет в Добр). В Мк 5, 3 и 4 (дважды) в Доброму на месте блъсъсъ употребляется жже (как и во всех древнеболгарских евангелиях). В восточнославянских евангельских рукописях слово беригы отмечены в Мк 5, 4 в Юр. ев. 119 г. (дважды) и в Мк 5, 4 в Гал. ев. XIII в. (контексты приводит Срезн., I, 245). Отмечено оно и в Усп. сб. и других восточнославянских рукописях (см. Срезн., I, 245 и Сл. русск. яз. XI—XVII вв., вып. 2, 88—89).

В языке древнеболгарских рукописей слово беригы отмечено — только один раз в календаре Ас 141а 15 (то же Остр 263а7) и девять раз в Супр. Например: слышакъ же кназъ покелѣ вѣсадити ꙗ вѣ темницж. и беригы наложити има на бынж. и на рѣцѣ и на нозѣ Супр 181, 23; аналогично 195, 22; 223, 22—23; 182, 6 и др. То же в ср.-болг. тексте: дѣшиими сказаши беригами, ꙗ темницж ꙗко нѣкѣи мрѣтѣла троупа вѣметажта Гр. Цамблак. Мѣченіе Іоанна Нового 19, 1. Слово жже употребляется в древнеболгарских ру-

⁸ В данном случае имеются в виду только тексты евангельских стихов, так как язык оглавлений тетров и календаря апракосов лексически и стилистически примыкает к языку Супр и близких к ней рукописей.

кописях значительно чаще, чем *беригы*, и при этом в произведениях, относящихся к различным культурным школам: в Зогр, Мар, Ас, Евх и Супр. В Супр же встречается десять раз, обычно в более общем значении — 'цепи', трижды в сочетании *желѣзная жжа* (Супр 462, 20; 464, 21; 466, 2—3). Ср. также: *желѣзными беригами сквазати ихъ покемъ* Супр 58,27. *Беригы* в древнеболгарском является в известной мере неологизмом сравнительно с *жже* и свойственно текстам второй культурной школы — преславской. В современном болгарском языке употребляются и *берига* и *въже* (БТР, I, 109 и 152).

Материалы славянских словарей показывают довольно широкое распространение слова *беригы* в прямом и производных значениях, а также однокоренных с ним слов в южнославянских и восточнославянских языках в отличие от западнославянских (см. словари Фасмера, БЕР, Герова, БТР, Миклошича, Срезневского, ЧСАН, Сл. русск. яз. XI—XVII вв., Филина).

Отметим в этом же стихе Доброму (Л 8, 29) употребление гл. *блюсти* в соответствии со *стражци* в Зогр, Мар, Ас и Сав в значении 'сторожить, охранять'. В этом значении *блюсти* встречается также и в Супр: *блюди мряткаца да не оубѣжи* Супр 438, 30. В других древнеболгарских рукописях *блюсти* отмечено только в значении 'беречь, заботиться'. Гл. *стражци* также имеет место в Доброму (в Л 2, 8) в полном соответствии с текстами Зогр, Мар, Ас и Сав, а также в оглавлении л. 35а 1 (то же в Зогр и Мар).

БИНА (*прόφασις*, 'отговорка, повод, предлог; лицемерие; видимость'): и *биној* далече *молїштє* с.а. *ти принижъга лише осаждение* Мк 12, 40 Доброму (непаштеваніемъ Зогр Мар; то же Добр, Карпинское ев., Ягич, 329, то же Л 20, 47 Карпинское ев., Ягич, 330). В остальных известных нам случаях *прóфáси* в древнеболгарских евангелиях и в Доброму передается словом *бина* (например, Л 20, 47 и И 15, 22), аналогично и в Супр 432, 29; 439, 4; 482, 9 и 30. Характерна замена сущ. *непаштеваніе* в Мк 12, 40 в восточнославянских евангелиях — Мст, Юрьевск., Добрилов и Тип — на *изкѣтъ* (Ягич, 370). Вместе с тем следует отметить употребление глаголов *къзнепаштевати* у Гр. Цамблака (Похвално слово за Єктиний 28, 3), *непаштевати* у Козмы Пресвитора (Сл. Давидова), в Шестодневе (сербск. рук. 1273 г., 147а25).

Др.-болг. *непаштевати*, *непаштеваніе* и *къзнепаштевати* — лексемы с неясной этимологией и не вполне ясными значениями (см. Фасмер, III, 64; Садн., № 660; Ягич, 370 и 385; Микл., 439; Срезн., II, 420; Сл. ЧСАН, II, 397; Сл. 1847 г., т. II, 448; Вост., I, 245—246).

Обращает на себя внимание др.-чешск. *peret* в выражении *z neptí* 'неожиданно, внезапно' и др.-польск. *piereś* 'серьезность, опасность' (Фасмер, II, 64; Брюкнер, 361), а также сравнительно частое употребление слов *непаштевати* и *непаштеваніе* в Бес-

(Сл. ЧСАН, II, 397), что позволяет с известной долей вероятности предположить, что лексемы этого корня были употребительны преимущественно в западнославянских языках. Заметим также, что др.-болг. гапакс *къзнепацевати* отмечен в Пс 49, 21 Син, в рукописи, в которой имеется ряд западнославянских слов (но тот же глагол сохраняется и в Киев.).

Гл. *непацевати* заменяется и в других значениях. Так, вместо *непацевати* в Добр употребляется *манѣти* (*ὑπολαμβάνειν*, 'предполагать'); *манж* 'ко' *емоуже* более остатки Л 7, 43 Доброму (то же Вук Тырн Врач; нет в Добр; не *паштиш* 'ко' и *емоуже* *каште* отъда Зогр Мар Ас Сав; Остр). Ср. *манѣти* вм. др.-болг. *непацевати* в Мк 6, 49 Вук (в Тырн *непацекацж*) — сербском полном апракосе, который находится в непосредственной связи с восточнославянскими полными апракосами, а в конечном итоге с текстами преславской школы. В Доброму Мк 6, 49 утрачен (как и в Добр). Ср. *непацюем(ъ)* Ен 10б 3; то же Слепч Охр Шиш; но в Христ: *мнимъз.* (ряд других подобных замен см. Сл. ЧСАН, II, 397). Вместо *непацевати* в Л 9, 18 Зогр Мар в Доброму в значении 'принимать, почитать за кого-либо' употребляется глаголати: *когомъ глѣтъ народи сѫца* Л 9, 18 Доброму; то же Ник; Добр — *мнїтъз.*

ВЪЕЛБДѢСТВОВАТИ (*ἀκόλουθεῖν*, 'идти, следовать за кем-либо'): обращаясь к *въелбдѣсткоутїцоуому* народу рече Л 7, 9 Доброму (послѣдуети) *зогр мар ас*; Остр Вук Врач; нет в Добр; по немъ *ходаициому* Сав). Вместе с тем в Доброму употреблено и архаичное по *нѣмѣ* *идѣаше* Мк 5, 24 Доброму (то же Зогр Мар Сав; послѣдоваше Ас Унд; Остр). Ср. *послѣдствокати* в Мк 16, 17 и 20 Доброму (то же Мар Ас; Остр).

Гл. *въслѣдствокати* в древнеболгарском языке известен только по Супр (6 примеров). Всего в древнеболгарских рукописях употребляется 42 глагола на *-вълбдѣст-*ката, при этом в евангельских текстах — суммарно 11 слов, тогда как в Супр — 26 (из них 18 — только в этой рукописи). Подобные глаголы — одно из проявлений процесса стягивания словосочетания в производное или сложное слово, который постепенно нарастал в своей интенсивности уже древнеболгарском языке. Ср. *въслѣдокати* в Супр: *се въл
сѧтакиомъ* и *въслѣдокатомъ тѣвѣ* 547, 6 — цитата из Мт 19, 27 (где в Мар, Ас и Сав: *въ слѣдъ тѣвѣ идомъ*; то же Остр Зогр-б Вук; нет в Зогр). Ср. также употребление выражения *вѣрж* *иати* и глаголов *вѣровати* и *вѣроисквати* в древнеболгарских евангельских текстах (например, Л 8, 13; И 12, 38; И 20, 25). В Доброму возрастает число употреблений одного слова на месте древнеболгарских словосочетаний. Например: *вѣровашж* И 2, 23; *вѣроуїтъ* И 11, 48; *вѣрова* И 12, 38; *вѣроунгѣ* И 14, 11; то же И 15, 29 и ряд других, где в др.-болг. евангелиях находим словосочетание *вѣрж* *иати*. Вместе с тем следует отметить, что и в тексте Доброму нередко встречаются традиционные словосочетания типа

ходи въ съда мене Л 9, 59; то же Зогр Мар Ас Сав; не имѣ вѣры И 20, 25; то же Мар Ас.

БЪРОВАТИ см. въслѣдствовати.

ГЛАГОЛЯТИ см. вина.

ЗЪЕТИ (φωνεῖ, 'называть'): и ском овца зокетъ по имени. и изгоняти А И 10,3 Добром (глашаетъ Зогр Мар Ас; Остр Вук; възыкаетъ Добр; зокетъ Врач). Но употребляется также и традиционное глашати: кы глашате ма гъ и оучигел И 13, 13 Добром (то же Зогр Мар Ас; Остр 1546ѣ Добр Вук дважды; глагѣ Сав; зокете Остр 1576ѣ). В данном значении 'называть' в древнеболгарском языке зъкати употребляется только в Супр. Например: не бо юстъ цѣсаremъ чого наречти. доказаиетъ бо юмоу бѣзаконицомъ и прѣстѣпникомъ зъкати Супр 214, 5; зокж отаца отъцемъ Супр 310, 4.

В значении 'звать, подзывать' в Добром часто встречается глагол глашати (см. глашаетъ И 11, 28; то же Ас; Ник; зокетъ Зогр Мар Сав; Остр; иниж зокетъ Мк 15, 35 Добром; глашаетъ Зогр Мар; Ник; глашаетъ Мк 10, 49 Добром; то же Ник; зокетъ Зогр Мар; зоки Л 14, 12 Добром; то же Ник; зоки Зогр Мар); в древнеболгарских евангелиях здесь чаще употребляется гл. зъкати.

Показательно также употребление в Добром гл. прозъвати (халеїу тѣ ѿура 'найменовать, назвать'): жена тѣкоѣ елисавета. родитъ сна тѣкоѣ. и прозошши имѧ юмоу иоана Л 1, 13 Добром; то же Гал (наречеши Зогр Мар Ас; Врач Добр); помадж сѹо его. како ви хорѣлъ прозъвати и Л 1, 62 Добром (наречи Зогр Мар Ас; Добр Врач). Гл. прозъвати известен в древнеболгарском языке только по Супр (ѹоурѣхѣи, 509, 2; прозаѹорѣи 410, 22). В Сл. ЧСАН этот глагол отмечен еще только в двух поздних библейских текстах — сербском и восточнославянском (см. Сл. ЧСАН, III, 349—350). Прозъвати и прозъвати са в указанном значении употребительно в восточнославянских кодексах. Например: прозошутъ имѧ юмоу єиманоуимъ Мт 1, 23 Юрьевск. ев. (нет в Зогр и Мар; нет в Добром); прозошеса кифа И 1, 43 Юрьевск. (наречеши са Зогр Мар Ас Охр; Вук; Добром). Глаголы нарѣчи и нарѣцати принадлежат к словам частого употребления и широкого распространения в рукописях различных славянских изводов. Они отмечены во многих рукописях разных школ письменности древней Болгарии, и при этом достаточно часто. Только в Супр в различных значениях нарѣчи зафиксировано 46 раз, нарѣцати — 71; в Добром эти глаголы также часто употребляются. Вместе с тем следует отметить, что целый ряд глаголов с приставкой про- в древнеболгарском языке отмечен только в Супр. Например: проваждати, проводити, провѣти, провѣстгжити, провѣтати, прогантати, прого-

нити, продолжити, продолжати, продолжити, прокоудигти, прокоуждати. промыслити, пронести, проплакати, проразумѣвати, прорастити, проприцати, проснити, прослышиати, простѣти, протварятти, протяжковати, проглагнити, прооуѣдѣти.

В значении 'называть' в Добром, как и в древнеболгарских евангелиях, употребляется и лексема глаголати, например, в Л 18, 19; Мк 10, 18; И 15, 15. Наблюдаются и отличия. Например: вѣма ѿко месиа придетъ глаголи *хъ* И 4, 25 Добром; то же Ас Врач Вук; рекомы Зогр Мар; нарицаюмы Остр; рекомыи Добр.

КОВЧЕЖЬЦЪ (*γλωσσόχομον*, 'ларец, ящичек для денег, для ценностей'): ѿко тата вѣ. и ковачежеца имы. и каметаемаѣ пошаще И 12, 6 Добром; то же Зогр Ас; Добр; скриницѣ Мар Сав; Ник; рачицѣ Остр; ковачега Вук; ковачежеца пошаще инда И 13, 29 Добром; то же Зогр; Добр Тырн; скриницѣ Мар. Если слова *ковчег* и его производные — лексемы восточного происхождения (см. Фасмер, II, 272—273), то *скрин* и его производные пришли в славянские языки с запада. М. Фасмер пишет: «Вост.-слав. слова заимств. через польск. и чеш. Источником зап.-слав. и ю.-слав. слов является лат. *scrinium* 'цилиндрический ящик для хранения бумаг' или д.-в.-н. *scrini* м.,ср. «шкаф», которое было заимств. в зап.-герм. эпоху из лат.» (III, 657, далее приводится литература вопроса). Ср. ст.-чешск. *skřině*, соврем. чешск. *skřinka*.

Материалы Доброму (и ряда других несколько более поздних текстов) показывают, что *ковачежица* сравнительно со *скриницѣ* является в древнеболгарском более новым словом. Материалы самих древнеболгарских рукописей сами по себе недостаточно показательны: *ковачежица* (Зогр, 2; Ас, 1); *скриница* (Мар, 2; Сав, 1). В. И. Ягич считал слово *скриница* юго-западным (Ягич, 355). *Ковачегъ* в разных значениях употребляется в Зогр, Мар, Ас, Сав, Евх и Супр. *Скриница* в Евх (*κιβωτός*, 'ковчег'), *скрина* засѣта — в Евр 9, 4 Ен.

ЛОУЧИТИ СЛ (*λαγχάνειν*, 'быть пред назначенным судьбой, выпасть на долю'): аще ми сѧ лоучигъ сѧ тобож оумрѣти. не смиергж сѧ тебе Мк 14, 31 Добром; то же Зогр; Вук Тырн; сѧ ключитъ Мар; Ник; нет в Добр; по чиноу иеренскоу. лоучи же сѧ ему покадити. вишедашоу ка храмъ гнъ Л 1, 9 Добром; то же Добр Врач Тырн; ключи сѧ Зогр Мар Ас; прилоучи сѧ Остр. Отметим также приставочный глагол прилоучати сѧ (*συμβαίνειν*, 'произойти, случиться'): и та вѣдоваста ка севѣ. о вѣсѣхъ сихъ прилоучашши сѧ Л 24, 14 Добром; то же Зогр Мар Ас; Остр Добр; в цитате из этого стиха в Супр: приключашши сѧ 473, 5

(т. е. в той части текста, которую И. Добрев относит к первой редакции); то же Врач.

В Добром неслучайно, в соответствии с нормами словоупотребления, отразившимися в этой рукописи, употребляется и вариант прилоучан (*хатà соукhріау*, 'случай'). Например: по прилоучъю же иерен егеръ съхождаше пжтемъ тѣмъ и видѣки и мимо иде Л 10, 31 Доброму; то же Добр; по прилоучано Зогр Мар Ас Сав; Остр Вук Гал; по сълоучану Тыра; по приключению Врач. Показательно, что в Шестодневе употребляется прилоучан (4 раза), там же и сълоучан.

Вместе с тем в языке Доброму следует отметить употребление близких по значениям глаголов, образованных от корня -ключ-. Приключити са (*γίγνεσθαι*, 'прийти, наступить'): приключашоу са. днни потрѣбноу. егда иродъ рогасткоу скосмоу вѣчёрж творѣше Мк 6, 21 Доброму; то же Зогр Мар Ас; прилоучашоу са Остр; и вѣкашоу днни подѣноу Врач. Приключити са (*συμφιεῖσθαι*, 'подходить, годиться'): и вѣгасти (о ризе. — Р. Д.) не приключити са. иже ота новаго Л 5, 36 Доброму; то же Зогр Мар; нет в Добр. Приключити са (*παρεῖναι*, 'оказаться, случиться'): приключишъ же са егеръ въ то вѣма. покѣдажище смоу о галисих Л 13, 1 Доброму; приключи са Зогр Мар; прилоучиша са Остр; в Добр- иначе. В Л 21, 13 Доброму неясно приключити или кончить (см. примечание Б. Велчевой, с. 257); в Мар, Ас и Зогр здесь приключити са; то же Врач; в Остр и Тыра — прилоучити са. Видимо, слова с корнем -ключ- более свойственны западнославянским языкам (ср. ст.-чешск. *kličný*, соврем. чешск. *kličný*).

В отличие от перечисленных гл. сълоучити употребляется (в различных значениях) во многих древнеболгарских рукописях: в Зогр, Мар, Ен, Евх, Клоц и Супр. В Доброму он отмечен в следующем контексте: саподекши са вѣка тѣ сълоучити... Л 20, 35; то же Зогр Мар; Добр, Вук.

Слова с корнем -лоуч- — лоучити са, лоучати са, сълоучан, сълоучити са, сълоучати са, прилоучан — употребляются в Супр. Гл. лоучити са — также один раз в Зогр (в Мк 14, 31), в котором отмечен и ряд других преславизмов (типа масло, пастоухъ). В других древнеболгарских рукописях в соответствующих значениях находим образования только от корня -люч— ключити са, приключити са (см. приведенные выше примеры). Глаголы прилоучити са и прилоучати са в древнеболгарских текстах отсутствуют. Отметим сълоучити са в Мт 26, 35 Вук (утраченном в Доброму), где в Мар са ключитъ, в Остр прилоучити са.

К названным глаголам с корнем -люч- не относятся два древнеболгарских слова — заключити (*хатахлеїсъ* и др., Зогр, 1;

Ас, 1; Сав, 1; Супр, 8) и гапакс *заключити* (*съхлебіти*, Супр 108, 10—11), так как оба они непосредственно мотивированы словом *ключъ*. В Доброму один раз употребляется гл. *заключити са* («*зъхлебіти*, ‘замкнуться, запереться’): егда заключи *са* нес три лѣта. и шеста мѣсяца Л 4, 25; то же Ас Сав; Остр Врач Тырн; заклѣпѣ *са* Мар; затвори *се* Добр Вук; нет в Зогр. В другом стихе в соответствии с древнеболгарским гл. *заключити* в Доброму находим широкоупотребительный др.-болг. гл. *затворити* (*хатахлебіти*, ‘запереть, затворить’): затвори Ішана въ темници Л 3, 20 Доброму; то же Добр Вук; заключи Зогр; Тырн; заклопи Ник; заклѣпѣ Мар. Гл. *закленжти* известен в древнеболгарском только по Мар (Л 3, 20 и Л 4, 25). Возможно, это западнославянское слово (см. Садник, с. 249, № 334). В поздних текстах оно отмечено преимущественно в рукописях западнославянского ареала (см. также лексемы *заклѣпеніе* и *заклѣпѣ* в Сл. ЧСАН, I, 640; материалы Микл., 210). *Закленжти* употребляется в Киевских листках (в несколько ином значении, бб 13) и в более поздних древнечешских текстах (см. Ст.-чешск. сл. — *zaklenuti*, *zaklenutý*, 629).

МЪНѢТИ см. *вина*.

НАЗИМЕНЯТИ, НАЗИМЕНОВАТИ (*страдінєти*, ‘подавать сигнал, давать понять, указывать’): *се* же глаше назименаж. коенъ *смѣрати* хотѣше оумрѣти И 12, 33 Доброму; то же Остр; клѣпѣла Зогр Мар Сав: Вук; назименоута Ас; знаменаѧ Остр Врач Добр; да скоро ѹсово събѣдѣга *са*. еже рече. назименоута коенъ *смѣрати* хотѣше оумрѣти И 18, 32 Доброму; то же Вук; клѣпѣла Зогр Мар Ас Сав; то же Врач; знаменаѧ Добр; назименаѧ Остр; *се* же рече назименаж коенъ *смѣрати* прославить ба И 21, 19 Доброму; то же Вук; клѣпѣла Зогр Мар Ас Сав; знаменаѧ Остр Врач; знаменаѧ Добр.

Гл. *клѣпати*, который последовательно заменяется в Доброму на *назименати* или на *назименокати*, в древнеболгарском языке известен только по приведенным стихам Зогр, Мар, Ас и Сав. В языке других рукописей он не отмечен. Единственное др.-болг. слово, этимологически и семантически с ним связанное, — *клопотъ* ‘грохот’ (гапакс в Евх 446 12—13, в рукописи, в которой отмечено определенное число западнославянских слов). О др.-болг. *клѣпати* имеется большая литература. Часть исследователей считает данное слово германским заимствованием, но М. Фасмер не разделяет этой точки зрения (II, 247—248). А. Вайан связывает др.-болг. *клѣпати* непосредственно с кирилло-мефодиевской эпохой. А. Вайан полагает, что Кирилл и Мефодий — знатоки не только литературного греческого языка, но и живого, народного — перевели *страдінєти* современным им значением ‘ударять, бить (в колокола)’, т. е. ‘подавать сигнал, знак к исполнению чего-либо’⁹. В древнеболгарских евангелиях зафиксировано пере-

⁹ Vajllant A. Vieux slave *klepati*, *страдінєти*. — Revue des Études slaves, t. 36, p. 63—66.

носное употребление. Как бы то ни было, А. Вайан относит гл. клепати к архаизмам древнеболгарского языка. Современное болг. клепя 'ударять, греметь' или 'клеветать' семантически удалено от др.-болг. клепати (БЕР, II, 434—435; БТР, I, 608).

Гл. назнаменати в древнеболгарском языке известен только по Супр (5 примеров), назнаменокати — по Ас (один пример — И 12, 33) и по Супр (4 примера). Ср. знаменатги в Супр 316, 2.

НЛМОЧТИ (*βρέχειν*, 'намочить'): си же слзами нозѣ мои на-
мочи Л 7, 44 Добром; то же Тырн; омочи Зогр Мар Ас Сав; Остр
Врач Ник; омы Вук; нет в Добр. Показательно употребление
того же глагола, что и в Добром, в этой евангельской цитате
в Супр 394, 29—30. Ср.: омочивши в Мк 14, 20 Добром; то же
Зогр Мар; Вук Ник; нет в Добр.

НЛМОЧТИ — гапакс в Супр. Омочити употребляется в древ-
неболгарских евангелиях, а также в Евх и Супр., т. е. является
общеупотребительным словом.

НЕДОСТИТЬКЪ (*βστέρια*, 'скудость, нужда, бедность'): въси
ко отъ избѣгатка влмѣтатжъ. а си отъ недостатка скоего. въсѣ
єлико имѣ вакрѣже Мк 12, 44 Добром; лишениѣ Зогр Мар; Добр
Вук Ник. Лишение сохраняется в Л 21, 4. Добром в полном соот-
ветствии с Зогр, Мар, Ас, а также с Остр, Ник, Добр, Врач,
Вук; в Сав — оубожъстка. В древнеболгарских рукописях слово
лишение употребляется также в Син и Супр. Лексемы недос-
татъкъ и ее производные — недостатъкъвати и недостаточицъ —
отмечены только в Супр (это три гапакса: на 429, 4; 491, 6 и
369, 5). Слово недостатъкъ входит в две семантические группы,
характерные именно для Супр и близких к ней древнеболгар-
ских рукописей. Для Супр характерны слова с начальным недо-
(9 слов, в евангельских текстах древнеболгарского языка — два
слова) и с суф. -жъ. Из 16 древнеболгарских существительных
на -жъ (слово пѣжъ уже сюда не относится, так как данный
формант на уровне древнеболгарского языка в нем уже не выде-
ляется) в Супр известно 14 слов, тогда как во всех евангель-
ских стихах — всего три (начатъкъ, избытъкъ, опрѣнъкъ), чет-
вертое (четвѣртъкъ) находим только в календаре Ас. Показательно
также и то, что в Шестодневе употребляется восемь слов
с начальным недо- (недомысликъ, недовѣдѣниe и др.). Таким
образом, сущ. недостатъкъ в языке Добром — еще один из
фактов, сближающих его язык с языком поздних древнебол-
гарских рукописей.

ПЛИЦЬ (*θόρυβος* 'шум, крики, выражющие смятение, ропот,
возмущение'): на не въ празника. єда како блици (!) вѣдатъ къ
людеѧ Мк 14, 2 Добром; то же Тырн Мст Юрьевск; малка Зогр
Мар; Ник Вук Добр. В Мк 5, 38 и 39 Добром сохраняется малка
в полном соответствии с др.-болг. евангелиями и Вук и Добр.
Малка находим и в Мт 26, 5 Добр, но в Юрьевск здесь — плици.
Ср. в Шестодневе: не съ плициемъ вѣскреніе выстъ 266с 7—8.

Слова плица и производные от него в древнеболгарском языке представлены только в Супр. В этой рукописи употребляется 10 раз сущ. плица в различных значениях, при этом в соответствии с Ѹбрѹюс дважды: 131, 2 и 433, 26—27. Близки по смыслу гапаксы неплициекание Супр 448, 5, которому текстуально соответствует в Клоц безмъжие 126 3, късплициекати Супр 570, 11. Ср. также плициекати 'волноваться, беспокоиться': съин же пооучаше а съ оутѣшениимъ. гла. не плиштоуите ни боите съ Супр 570, 14—15. Этот глагол в Сл. ЧСАН (III, 51) отмечен только еще в одном контексте — в Слепченском апостоле А 17, 5 (при мълкти в Христ, Охр, Мак и Шиш). В современных славянских языках эти слова не употребляются, но в древних рукописях различных изводов встречаются образования от этого корня. М. Фасмер указывает чешск. *plíšt'*, н.-луж. *plíšć* 'плач' (ст. *плиска*, III, 283, см. также ст. *плескать*, III, 279), ср. гл. *plíščiti* в Ст.-чешск. словаре (305); см. также Ягич, 362—363; Срезн., II, 965—966. Следует отметить, что общеславянское *мълъва* в значении 'шум, крики, выраждающие смятение, ропот, возмущение' является в славянских литературных языках старшей поры славянизмом, древнеболгарским по значению словом. Например: дни настогдѧю мълъва бываєтъ въ члвцѣхъ и матежъ Изборник 1076 г., 235б 6 (ср. там же плица 221б13—222а 1: соуєтанихъ плиштекъ).

ПРИЛОЖЧИИ см. лоучити.

ПРИЧАСТЬНИКЪ (*χληρούόμος*, 'наследник'): они же тажателе, рекоша ка сеѣт. се юеста причастника. придаѣте оубиѣмы и. и наше вѣдєтъ причастие Мк 12, 7 Добром (наслѣдникъ... достоѣниe Зогр Мар; то же Добр Вук; то же Мт 21, 38 Мар Ас Сав; Остр Добр Врач Вук). В Л 20, 14 Добром в сходном контексте сохраняются др.-болг. наслѣдникъ и достоѣниe (то же в Добр и Вук). В известных нам древних евангельских рукописях различных изводов причастника не встречается (см. Ягич, 367—368), кроме Мк 12, 7 Гал; Ев. 1409 г.; в значении *χληρούόμος* оно употребляется также в Син. Пат. и Гр. Наз. (см. Срезн., II, 1492). Др.-болг. причастникъ (Зогр, 1; Мар, 1; Ас, 1; Син, 2; Евх, 5; Клоц, 2 : Супр, 5; Хил, 1; Ен, 3) употребляется, в основном, в значениях 'участник, товарищ' или 'соучастник, спутник'. Только в Супр в этом слове известно значение 'наследник' (*χληρούόμος*). Например: тѣе же иматъ причастника сѫткорити оғиу вѣчноуоуому Супр 4, 12. Сущ. причастие в значении 'наследство' в языке древнеболгарских рукописей не отмечено (ср. причастие *χλѣрос* Супр 293, 3).

ПРОЗЬБИТИ см. зѣбати.

ПРОСИТИ (*ἐπαιτεῖν*, *прозаітєти*, 'побираться, просить милостыню, нищенствовать'); съ тимеокъ. вар (.)имен слѣпка сѣдѣаше. при пѣти

проса Мк 10, 46 Добром; то же Вук (дважды); *хлжпав* Зогр Мар; Ник Тыри; нет в Добр. *Хлжпати* сохраняется в Л 16, 3 Добром; то же Зогр Мар; просити Вук Добр Тыри. В значении 'нищий' в Добром употребляется сущ. просителъ (И 9, 8; то же Зогр Ас; Вук Добр Врач Ник; *слѣпъ* Мар). Гл. *хлжпати* в древнеболгарском языке употребляется только в Зогр и Мар (в названных стихах). Ср. также *късхлжпати* в этом же значении в Пс 108, 10 Син (характерно искаженное воспроизведение этого глагола в поздних списках псалтыри; см. Сл. ЧСАН, I, 345). В Л 18, 35 и в И 9, 8 Добром находим гл. просити (как и в Зогр Мар Ас). В Супр в указанном значении употребляется только просити (Супр 38, 9 и 145, 20). В. Ягич отмечает, что глаголы *хлжпати* и *късхлжпати* встречаются в древних текстах редко и лишь в отдельных старших памятниках (413). Симптоматично, что М. Фасмер гл. *хлупать* (IV, 246) сопоставляет через и.-е. **ghlib-* с ср.-и.-нем. *glîpen*. Видимо, *хлжпати* и его производные следует относить к архаизмам древнеболгарского языка моравского периода.

ПРѢСЛАВНЪ (παράδοξος, 'чудесный, удивительный'): видѣхомъ прѣславнаѣ днесь в Л 5, 26 Добром; то же Остр Врач; *славна* Тыри; *дикна* Зогр Мар Ас Сав; Добр Вук. В древнеболгарских евангелиях прил. прѣславнъ не отмечено. Его находим только в Супр. Например: *бѣаше видѣти чоудо прѣславано παράδοξον* Супр 66, 30; что есть прѣславно се Супр 218, 26; она же прѣславно то видѣши... Супр 517, 2. При этом в Супр, как и в Добром, это прилагательное в данном значении употребляется субстантивированно — в значении 'чудеса'. В древнеболгарских евангельских текстах известно только одно прилагательное с начальным прѣ — слово прѣмѣдръ (где оно передает *σοφός*, а не *πάντοφος*, как в Супр). В остальных древнеболгарских рукописях суммарно употребляется 31 прилагательное с начальным прѣ-, при этом в Супр — 27 слов, в Евх — 13, в Ен — 7, в Син — 8; в Клоц — 4. Эти лексемы образуют группу слов специфически книжных по своей структуре, семантике и стилистике. Как правило, они функционируют как украшающие эпитеты (ср. употребление таких, например, слов, как прѣлагъ, прѣвеликъ, прѣдобра, прѣпѣтъ и т. п.). В греческих оригиналах им, обычно, соответствуют приставочные прилагательные или композиты с первыми компонентами усиливательных значений, реже — формы сравнительной степени прилагательного. Прѣславанъ в Л 5, 26 Добром и в приведенных примерах из Супр отличается от слов этой группы, это не усиливательный эпитет, его соответствие — παράδοξος (*παρ-*, как правило, не переводилось через др.-болг. прѣ-). Тем не менее появление данного слова со значением 'нечто дивное, чудеса' стимулировано, видимо, существованием прил. прѣславнъ в близком значении 'весьма славный, известный (подвигами)', входящим

в продуктивную для позднего древнеболгарского языка группу прилагательных на прѣ- усилительных значений. Прилагательные этой модели были характерны для языка произведений преславской культурной школы. Ср. хотя бы обилие их во вступлениях и завершениях Слов в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского.

РОДЪ см. РОДЯТСЯ ОГНАНОЕ.

РОДЬСТВО ОГНЬНОЕ (*γέεννα*, 'геенна огненная'): добро ти есть съ единемъ окомъ банити въ цѣлѣтво бжие. неже обѣ сущимъцоу ити въ родьство огнаное Мк 9, 47 Добром; ѡеонж огнанжъ Зогр Мар; то же Добр. Ср. также родъ въ этомъ значении: добро ти есть бѣдникомъ въ жикота банити. неже обѣ ржцѣ имъцоу. ити въ родъ огнѣ негашащаго Мк 9, 43 Добром; ѡеонж Зогр Мар; то же Добр (характерно также употребление сущ. бѣдникъ вместо маломощъ въ древнеболгарскихъ тетрах); родъ и въ Мк 9, 45 Добром (при ѡеона въ Зогр Мар; Добр). Гречизмъ сохраняется въ Л 12, 5 Добром; то же Зогр Мар Ас; Добр.

Родѣстѣ в значении 'рождение' известно в древнеболгарском по Л 1,14 Ас (родѣстѣкъ Зогр Мар), в значении 'родня, родственники' — по Евх и Супр. В значении 'геенна огненная' родѣстѣ употребляется только в Супр, при этом 8 раз и в различных пластиах текста так называемой второй редакции (Супр 6, 20; 12, 3; 158, 26; 175, 19; 374, 13; 375, 2 и 3-4; 383, 30). Например: и доушж и тѣло въ родѣстѣкъ огнѧнѣма погоѹбиги Супр 175, 19 (изложение Мт 10, 28, где в Зогр и Мар — гречизм). Выражение родѣ-огнѧни отмечено в древнеболгарском языке дважды и оба раза в Супр: 514, 3 и 523, 2 (т. е. опять-таки в текстах второй редакции). Родѣстѣ вместо геенна появилось в языке из-за со-звучия греческих γέεννα и γέννα, эта одна из ошибок перевода, введенная в правило. Появление вместо юнона исконно славянского слова здесь неслучайно, это выражение того же процесса замены гречизмов, книжных слов «своими» словами, который в Добром представлена весьма значительным числом фактов.

СТРОПЪ (οἱ κέραμοι, 'крыша дома'): къзлѣзъше на храмъ. скозѣ стропы скѣсиша Л 5, 19 Добром; то же Вук; скѣдомъ Зогр Мар Ас Сав; покровъ Остр Врач Добр. В значении 'крыша', в частности, 'черепичная крыша', в языке древнеболгарских евангелий известны также лексемы покровъ в Мк 2, 4 Зогр Мар Ас Сав и крокъ в Л 7, 6; (то же Добром), Мк 13, 15 (то же Добром); а также Мт 8,8 и Мт 24, 17.

Др.-болг. *стена*, *страпъ*, *стѣхъ* (*стѣгъ*) 'крыша' — три гапакса в Супр (300, 2 и 23; 507, 3). Например: *лѣтогорасль...* доине до *страпъ* Супр 300, 23.

Слово скјдалъ, вероятно, древнесловенское слово, заимствованное из латинского в глубокой древности, т. е. паннонизм

в древнеболгарском языке¹⁰. Неслучайно и появление в Добром слова *къздачица* (χεράμιον ‘глиняный сосуд, кувшин’): *срачетъ* ка члбка. *къздачици* водж несы Мк 14, 13 (скждолацъ Зогр Мар; то же Добр Вук) на месте древнего скждолаца (ово сохраняется в Добром в Л 22, 10; то же Зогр Мар; комозъ Добр; скоудацъ Зогр Вук дважды).

СЪБЕСИТИ, СЪРИНЖТИ, СЪХОДИТИ.

Събесити (χαθιέναι, ‘спустить’): *възлъзаше на храмъ*. скозъ *страпа* съкѣшиша и Л 5, 19 Добром; то же Добр Вук; *низъбѣсиша* Зогр Мар Ас Сав; Остр (ср. выше *страпъ* в этом же стихе). *Събесити* отмечено также в Мк 2, 4 Зогр Мар Ас Сав; Вук (нет в Добром). Других примеров употребления этого глагола в древнеболгарских рукописях нет.

Съринжти (καταχρημн̄ειν, ‘бросить, столкнуть’): *въстакаше изъгданша и коня изъ града. и вѣдоша и до брѣхъ горы. идѣже градъ ихъ вѣ созѣданъ. да биша и съринжли* Л 4, 29 Добром; то же Добр; *низъринжли* Зогр Мар Ас; Остр Врач Вук. Др.-болг. *съринжти* — гапакс в Супр 480, 30 (в изложении данного евангельского стиха — Л 4, 29).

Съходити (χαταβаίνειν, ‘спускаться, сходить’): *отъ селъ оуздите нѣо отѣрасто. и анаглы бжна въходацѧ. и съходацѧ наѧ сны члбчаски* И 1, 51 Добром; то же Зогр; *низъходашта* Мар Ас Сав; Остр Добр И 1, 52). Ср. пс. 27, 1; 29, 4; 87, 5 Син и др., в которых употребляется архаизм *низъходити*. *Съходити* в этом значении в древнеболгарских рукописях встречается значительно чаще, чем *низъходити*, всего 55 раз, в том числе и в языке евангельских текстов, в Мар, например, — 11 раз. *Съходити* в Добром находим также в Мк 9, 9; Л 10, 30 и 31; И 4, 51 и 6, 50 (т. е. везде, где сохранился текст соответствующих стихов).

В языке древнеболгарских рукописей (в Зогр, Мар, Ас, Сав, Син, Евх и Супр) суммарно употребляется 10 глаголов на *низъ* и одно отглагольное существительное — *низъходженіе*. При этом в древнеболгарских евангелиях (преимущественно в Зогр и Мар) употребляется семь слов с начальным *низъ-*, тогда как в Супр известен только один глагол с этой приставкой — *низъпасти* (352, 2, гапакс). Из семи лексем с префиксальным *низъ-*, отмеченных в древнеболгарских евангелиях, в Добром сохраняется четыре слова (гапаксы: *низъкести*, *низъти*, *низъложити*, *низъождениe*), три других слова в Добром не представлены, на их месте употребляются их словообразовательные варианты с приставкой *съ-* (*събесити*, *съринжти*, *съходити*). Группа древнеболгарских слов с префиксальным *низъ-* уже в самом древнеболгарском языке

¹⁰ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 285—289.

является собранием архаизмов, образованных по непродуктивной для данной эпохи модели. Во всех славянских языках префикс *низъ-* рано начал вытесняться приставкой *съ-*. В среднеболгарских текстах находим лишь изолированные единичные употребления глаголов и отглагольных существительных с приставкой *низъ-*. Например, в сочинениях Гр. Цамблака: гапакс *низълагати* в *Мъчение на Йоан Нови*, 4 слова — *низъбрѣати*, *низъбрѣти*, *низълагати* (гапаксы) и *низъложение* (2) — в *Похвало слово за Евтимий*. Отметим также гапакс *низъгориє* в Шестодневе (90с 14, рук. 1263 г.). У Герова приводится 39 слов на *низ-* (III, 271—272). В БТР (II, 274—275) фиксируется только пять лексем с начальным *низ-* (*низвергам* и *низходяц* с пометой «рус.», *низпадам* с пометой «поэт. рядко», *низъвръгам* и *низходен* без ограничительных помет). Примечательно, что в Сл. ЧСАН, кроме 11 старославянских слов, приводится еще 11 слов с начальным *низъ-* более позднего времени; при этом все они из рукописей южнославянского или западнославянского происхождения (среднеболгарские тексты в этом словаре почти не представлены). У Востокова — 36 таких лексем (I, 250; преимущественно без указания памятников). У Срезневского — 8 слов (II, 447—448), у Миклошича — 62 слова (449—450; 451—452; примеров из текстов в обоих словарях немного). В Сл. др.-чешск. яз., в Сл. староукр. яз., у Гринченко нет таких слов. В современном русском литературном языке таких слов значительно больше, но все они имеют оттенок книжности или архаичности¹¹. Все эти данные свидетельствуют о том, что префикс *низъ-* следует отнести к общеславянским аффиксам глубокой древности, которые очень рано были утрачены живыми славянскими языками.

СЪКРАТИТИ (холобобъ, ‘сократить, укоротить’): и аще не бы съкратилъ дани. не би спаслъ вѣѣка плаѧ. на изѣбралииъ ради аже изѣбра. съкратитъ дани Мк 13, 20 Добром; то же Тырн Гал; прѣкратилъ... прѣкратитъ Зогр Мар; Вук; нет в Добр. Др.-болг. съкратити — гапакс (*съкратиќ* слово рекъ Супр 315, 4, ‘επιτέμνειν'). Прѣкратити в значениях ‘сократить, укоротить, ограничить (во времени и т. п.)’ имеется также в Мт 24, 22 Зогр Мар Ас Сав; Остр Вук Добр. Прѣкратити в значении ‘положить конец, прекратить’ в древнеболгарских рукописях не отмечено. Ср. Ягич, 294. Ср. в поздних апостолах: яко врѣма прѣкращено юстъ оуже 1 Кор 7, 29 Моск-а Слепч (прѣкратионо Шиш; см. Сл. ЧСАН, III, 447).

СЪРИНѢТИ, СЪХОДИТИ см. *съкѣсти*.

ТРѢБЫНИКЪ (θυσιαστήριον, ‘алтарь, жертвенник’): таки же са емоу англѧ гнѧ стояж. о десѧнїј тѣбѣника кадианааго Л 1, 11

¹¹ См. также: *Фасмер*, III, 73; *Ягич*, 389—390; *Скок*, II, 520—521; *Korečný Fr. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájměna. Sv. I. Praha, 1973*, s. 130—131.

Добром; то же Юрьевск Гал; ол'тарѣ кадиљааго Зогр Мар Ас; Остр Врач Добр Ник; нет в Вук. Ср. Ягич, 372—373. Слово ол'тарѣ в различных значениях встречается во всех крупных древнеболгарских рукописях — в Зогр, Мар, Ас, Син, Евх, Ен и Супр (его нет в Сав, где отсутствуют соответствующие стихи). Др.-болг. тѣбаникъ — гапакъ в Супр 540, 18—19. Слова с корнем -тѣбъ- характерны для Супр и близких к ней рукописей: тѣба (Ен Евх Супр), тѣбище (Ен Клоц Супр), тѣбаникъ (Супр), тѣбаникъ (Евх). Например: югда приносини даръ си на тѣбиште. ти тоу поманеши горѣ стола оу тѣбишта. Тако братъ твои иматъ на та нечто. остави даръ скон... Супр 422, 27 и 28 (здесь излагаются стихи Мт 5, 23 и 24, где в Зогр прѣдъ ол'таремъ Мт 5, 24; то же Мар; Вук, нет в Добр; къ ол'тарю Мт 5, 23 Зогр; то же Вук; нет в Мар и Добр). О слове олтаръ М. Фасмер пишет: «Судя по концу слова, скорее всего, заимств. через д.-в.-н. *altâri*» (III, 136) и при этом отмечает особое распространение этого слова в западнославянских языках.

ОУКОРИЗНЯ (ѹвѣдос, 'поношение, поругание'): вѣ дани. вѣ на же призрѣ отынати оукоризнѣ мої Л 1, 25 Добром; то же Тырн; поношенье Зогр Мар, Ас дважды; Остр дважды, Врач дважды, Добр, нет в Вук. Др.-болг. оукоризна известно только по двум примерам: Клоц 2а 19 и Супр 535, 19. В языке древнеболгарских евангелий и ряда других древнеболгарских рукописей в этом значении употребляется слово поношение (Зогр, 1; Мар, 1; Ас, 2; Син, 20; Евх, 1; Ен, 1). В Супр оно отмечено один раз (472, 7 — тексте, который Ив. Добрев относит к первой древнеболгарской редакции). Вместе с тем следует отметить, что гл. оукорити употребляется в рукописях различных культурных центров древней Болгарии (Зогр, 2; Мар, 2; Ас, 1; Евх, 2; Клоц, 1; Супр, 4; Зогр лл, 1). Др.-болг. оукоරъ, оукорюне в близких значениях к оукоризна и оукоринѣ отмечены только в Супр (суммарно 10 раз). Заметим, что укор и его производные, в отличие от поносить, поношение, широко употребляются в современном болгарском языке (см. БТР, III, 477).

В Л 6, 22 Добром оукорити заменяет поносити в древнеболгарских евангельских текстах, но в Мк 15, 32 и 16, 14 сохраняется поносити. Ср. также Ягич, 382. Оукоризнаникъ и оукорити употребляются у Пресвитера Козьмы (см. Словарь А. Давидова, 330 и 331), но поношение и однокоренные с ним слова отсутствуют.

Видимо, слово поношение уже в древнеболгарском языке ощущалось как собственно книжное, далекое от живого словоупотребления, тогда как оукоරъ и его производные были слова общеупотребительными. Ср. также корити (Супр, 2 : 334, 28—29 и 510, 14, *βλασφημεῖν*). Ср. Фасмер, II, 320—321.

ОУКОРИТИ см. оукоризна.

ЦЕСАРЬСТВО, ЦЕСАРЬСТВИЕ (*βασιλεία*, 'царство'). Например: **оудобѣе есѧ камилю скозѣ иглинѣ оуши проиги.** неже богатоу въ црѣстко вжие канити Мк 10, 25 Добром; Вук трижды; црснѣ Зогр Мар; нет в Добр; не имамъ пигти отъ плода лозандааго. дажи до того днѣ. егда его пиж новое въ црѣстки вжии Мк 14, 25 Добром; Зогр Мар; Вук, нет в Добр. См. также цѣсарадѣство Мк 10, 14, 15, 23 и 25; 12, 34; 13, 8 дважды; Л 1, 33; 4, 5; 6, 20; 13, 18 и 20; 18, 29; 19, 11 и 15; 21, 10 дважды и др.; цѣсарадѣствие Мк 14, 25; 15, 43; Л 7, 28; 8, 1; 22, 18; 23, 43; 23, 51 и др.

Словообразовательные варианты цѣсарадѣство — цѣсарадѣствие относятся к наиболее употребительным словам группы древнеболгарских слов, объединенных этими формантами. В Добром оба слова встречаются примерно в равных долях, тогда как в древнеболгарских евангельских текстах значительно преобладает вариант с суф. -ѣствиє. Так например, в Мар — 107 : 13, в Сав — 46 : 10, в' Унд — 2 : 1. Ср. также: в Супр — 29 : 40, в Евх — 8 : 36, в Син — 2 : 5 (на первом месте слова на -ѣствиє).

Кроме слов цѣсарадѣство и цѣсарадѣствие в языке Добром мы отметили еще 11 различных слов с суф. -ѣство (среди которых преобладают редкоупотребляемые слова и гапаксы) и три слова на -ѣствиє. Сравнительно часто встречаются слова отглаѣство (Мк 6, 1 и 4; И 4, 44) и особенно съѣдѣтельство (Мк 15, 56 и 59; Мк 6, 11; И 1, 7 и 19; И 3, 11 и 32, 33; И 4, 44; 5, 31, 34 и 36 и др.). Назовем также следующие слова на -ѣство: безочаство (Л 11, 8), богаѣство (Мк 4, 19; 10, 23; Л 8, 4), вѣство (Мк 13, 18), владычѣство (Л 3, 1), дѣкаѣство (Л 2, 36), лжкаѣство (Мк 7, 22), множаѣство (Мк 3, 8; Л 5, 6) некѣраѣство (Мк 16, 14), родаѣство (Мк 9, 47; Л 1, 14); рожаѣство (Л 1, 58); ротаѣство (Мк 6, 21). Слова на -ѣствиє: владычѣствиє (Л 12, 11), отглаѣствиє (Л 4, 23 и 24), оубиниѣствиє (Л 23, 25), последнее слово отсутствует в древнеболгарских текстах.

Употребление лексем с суф. -ѣство и -ѣствиє в языке Добром значительно отличается от их применения в языке древнеболгарских евангельских текстов, ближе к нормам, характерным для Супр и примыкающим к ней по языку рукописей, но не совпадает с этими нормами.

В древнеболгарских евангелиях употребляется 11 слов с формантом -ѣствиє из общего числа 39 во всех древнеболгарских текстах и 17 слов на -ѣство из 130 во всех древнеболгарских рукописях. Таким образом, если среди древнеболгарских лексем с суф. -ѣство каждое седьмое или восьмое отмечено в евангельских текстах, то среди слов с суф. -ѣствиє — уже каждое третье или четвертое. В то же время в Супр известно 100 из 130 древнеболгарских слов на -ѣство при 19 на -ѣствиє, в Евх — 29 слов на -ѣство и 5 на -ѣствиє. В словаре к изданию кириллических отрывков XI в. А. Минчевой (куда входят Унд, Хил,

Зогр лл, Новг лл, Златоструй Бычкова и Мак кир л) — 11 слов на -*ьстко* и только одно на -*ьсткие* (при этом существенно, что это слово *цѣсастькие* в Унд.).

В тексте Доброму суммарно нами отмечено 12 слов на -*ьстко* и только 4 на -*ьсткие*. В употреблении слов с данными формантами в языке Доброму проявляется характерная черта среднеболгарских и более поздних болгарских текстов — почти полное отсутствие слов на -*ьсткие*. Так в Похвальном слове Евтимию Гр. Цамблака, например, употребляется, по нашим подсчетам, 26 слов на -*ьстко* (из них 11 гапаксов, суммарно 60 словоупотреблений) и 4 слова на -*ьсткие* (суммарно 5 употреблений). В тексте Козьмы Пресвитера (по словарю А. Давидова) — 29 слов на -*ьстко* и только два на -*ьсткие*, при этом характерно, что это — *цѣсастькие* и *господьсткие* (последнее в специальном значении — наименование высшего ангельского чина, в котором вариант на -*ьстко* не засвидетельствован в древних рукописях). В гомилии «на Епифаний за слизането в ада» — 8 слов на -*ьстко*, одно — на -*ьсткие* (*цѣсастькие*; подсчитано нами по индексу слов в издании Д. Мирчевой и Ж. Икономовой). Примечательно, что в тексте Троянского дамаскина при 36 словах на -*ьстко* лексемы на -*ьсткие* вообще отсутствуют (подсчитано нами по индексу слов, приложенному к изданию А. Ивановой).

Как отмечено исследователями, в восточнославянских рукописях наблюдается иное соотношение вариантов с данными суффиксами. Так, В. И. Истрин и В. И. Срезневский отмечают известное увеличение слов на -*ьсткие* сравнительно с более ранними, в частности, с древнеболгарскими рукописями, в текстах Хроники Георгия Амартола и Толстовской псалтыри. По нашим наблюдениям, слов на -*ьсткие* несколько больше уже в Остр, а также и в Вук сравнительно с древнеболгарскими евангельскими рукописями; в Усп сб соотношение — 101 : 16 (на первом месте слова на -*ьстко*), т. е. соотношение, близкое к языку Супр.

Резко отличается употребление данных вариантов в древнечешском языке. Так, на 18 572 слова Ст.-чешск. словаря слов на -*ьстко* — 37, на -*ьсткие* — 165, кроме того, имеется 65 пар однокоренных слов с этими суффиксами, а также нам встретилось одно уменьшительное на -*ьсткие* — *protivenstvíčko*, что свидетельствует о продуктивности модели на -*ьсткие* в древнечешском языке в отличие от среднеболгарских и восточнославянских рукописей.

Отметим также, что в рукописи Шестоднева 1263 г. употребляется 92 слова на -*ьстко* и только три на -*ьсткие* (три гапакса: *добродаръсткие*, *чоукъсткие* и *цѣсастькие*).

Мы рассмотрели в языке Доброму в качестве отдельных примеров ряд слов различных лексико-грамматических классов и семантических групп, который употребляется в Супр и близких к ней по языковым (в частности, по лексическим особенностям) рукописях, но отсутствует (за единичными исключениями) в языке древнеболгарских евангельских текстов.

Анализ показывает, что данные слова не являются изолированными фактами лексики данного времени и, в частности, языка Добром. Все они так или иначе взаимосвязаны и определенным образом группируются. При этом соответственно группируются и те слова древнеболгарских рукописей, которые лексемы Добром «заменяют».

Во-первых, вместо слов типа *олгтардъ*, *скждалъ*, *скриница* западного (латинского или германского) происхождения в Добром употребляются славянские *трѣбник*, *стропъ* или *кокачежкаца* (последнее восточного происхождения). В языке же древнеболгарских рукописей слова типа *олгтардъ*, *скждалъ*, *скриница* можно видимо, квалифицировать как моравизмы или паннонанизмы.

Во-вторых, вместо слов типа *ключити*, *закленѣти*, *клѣпати*, *хлѣпати*, характерных для западнославянских языков, в языке Добром употребляются слова южнославянского, в частности, болгарского, ареала типа *лоучити*, *заткорити*, *назнамѣнати*, *просити*. В языке древнеболгарских рукописей слова типа *ключити*, *закленѣти*, *клѣпати*, *хлѣпати*, следует, видимо, отнести к числу моравизмов.

В-третьих, вместо грецизмов книжного происхождения типа *г҃еенна* в языке Добром употребляются славянские лексемы типа *родѣстѣко*, *родѣ*. При этом число их весьма значительно. Назовем несколько примеров (так как они не были выше предметом нашего анализа).

Таковы *стѣклѣница* Мк 14, 3 (ср. др.-болг. *алакасѣръ*), *помазати* Мк 14, 8 (ср. др.-болг. *похризмити*), *кона* Мк 16, 1 (ср. др.-болг. *арематы*), *проходъ* Мк 7, 19 (ср. др.-болг. *афедронъ*), *масло* Мк 6, 13 (ср. др.-болг. *олѣи*), *храпилница* Мк 12, 43 (ср. др.-болг. *газофилакита*), *съкроище имѣниа* Мк 13, 41 (ср. др.-болг. *газофилакита*), *скдилница* Мк 15, 16 (ср. др.-болг. *преторъ*), *чракеница* Л 16, 19 (ср. др.-болг. *кус'сонъ*), *багрѣница* Л 16, 19 (ср. др.-болг. *порѣфига*), *трѣста* И 19, 29 (ср. др.-болг. *усполъ*) и ряд других. Необходимо учитывать, что многие из славянских слов этого типа здесь названных были известны уже и в древнеболгарском, но, как правило, они там употреблялись параллельно с соответствующими грецизмами, при этом славянские слова были характерны для более поздних древнеболгарских рукописей, а грецизмы — для более ранних, при этом последние относились преимущественно к разряду грецизмов книжного происхождения (типа *газофилакита*, *кус'сонъ*). Важно учитывать, что грецизмы книжного происхождения, видимо, были стилистически отчетливо маркированными лексемами *древнеболгарского* (и других древних письменных славянских языков) в отличие от тех греческих слов, которые проникли в древние тексты через живой язык в результате непосредственного общения народов. Таково,

например, слово *камил* Мк 10, 25 Доброму, которое еще неизвестно древнеболгарскому языку (ср. др.-болг. *келбждъ*).

В-четвертых, это слова, вошедшие в семантические группы производных слов, объединенных общим компонентом значения, выраженным аффиксом. Так в Доброму выделяется группа глаголов с приставкой *съ-* (типа *съкѣсти*, *съринжти*, *съходити*), соответствующая архаичной для древнеболгарского языка глагольной группе с начальным *низ-* (типа *низѣкѣсти*, *низъринжти*, *низъходити*). В Доброму возрастает число существительных с суф. *-аствъ* сравнительно с частотой употребления слов на *-астви*, тогда как в языке древнеболгарских евангельских рукописей имеет место обратное соотношение. В языке Доброму отмечено прил. *прѣславанъ*, которое возникло на фоне продуктивной для позднего периода истории древнеболгарского языка группы прилагательных с начальным компонентом *прѣ-*. Такого же характера в Доброму и глаголы типа *къслѣдѣсткокати*, *кѣрокати*, мотивированные словосочетаниями *къ слѣдъ иги*, *кѣржѣти*.

Все четыре выделенные группы слов Доброму объединяются одним общим признаком. По сравнению с лексикой древнеболгарского языка это неологизмы последнего, пришедшие на смену соответствующим архаизмам. Важно отметить, что все рассмотренные выше слова из Доброму употребляются в Супр или в рукописях, близких к ней по языку, т. е. есть основания рассматривать их как лексемы, типичные для преславской школы письменности.

Характерной лексической особенностью языка Доброму является значительное число слов типа *точилница*, *кошаница* и особенно *къзѣдѣница*, *късъходница*, *обигелница*, *сѫдилаѣница*, *чрѣкеница*, *Хранилница*, в которых примечательна их суффиксация. Эти слова не отмечены в древнеболгарских рукописях. Для раннего периода истории древнеболгарского языка были характерны непроизводные (на древнеболгарском уровне) слова типа *кошъ*, *спасъ*, а для позднего — производные тех же корней и значений типа *кошаница*, *спасителъ*, хотя спорадически производные слова встречаются и в ранних памятниках (ср., например, *оумыкалиница* И 13,5 Зогр Mac Ас Сав; то же и в Доброму и в ряде других поздних списков). Этот процесс увеличения объема слова, в результате которого в языке образовался ряд однокоренных дублетов типа *кошъ* — *кошаница*, *спасъ* — *спасителъ*, ярко проявился в Супр и близких к ней рукописях. В Доброму этот процесс получает дальнейшее развитие¹².

Сопоставление значительного числа цитат из евангелия в Супр с соответствующими стихами в Доброму убеждает в том, что они, по всей вероятности, восходят в большинстве случаев к единому

¹² Подробнее о процессе так называемого увеличения объема слова говорится в нашей монографии «Лексика старославянского языка».

протографу. Было бы весьма ценным исчерпывающее сравнение евангельских цитат Супр с древнеболгарскими евангелиями и с Добром, так как в Супр как бы в скрытом виде представлена вторая редакция евангельского текста, которая, как все больше убеждают исследования последних лет, была создана в преславском центре болгарской письменности. В самом древнеболгарском языке эта редакция известна только по Зогр-пал, недавно прочитанному Ив. Добревым. К сожалению, текст Зогр-пал представляет собою небольшой отрывок евангелия, тем не менее отдельные особенности языка этой рукописи позволяют предположить, что она является древнейшим текстом из дошедших до нас текстов второй редакции евангелия. Объем этого фрагмента не дает достаточных материалов для суждений об особенностях данной редакции, а потому изучение Супр в данном аспекте, прежде всего свод всех цитат из евангелия по евангелистам и стихам, которыми изобилует Супр, должен дать весьма ценные сведения об утраченных древнеболгарских евангельских рукописях второй редакции. Весьма ценные в данном аспекте и материалы Доброму.

Ив. Добрев в своей статье «Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги» выделил текст Мк 12 гл. по Л 1, 15 Доброму, в котором употребляется такое большое количество преславизмов, что нельзя сомневаться в том, что Доброму в этой своей части представляет текст второй редакции евангелия, которая (кроме Зогр-пала) фиксируется русскими полными апракосами с первой половины XII в., т. е. с того же времени, к которому относится и Доброму.

Назовем несколько таких преславизмов в тексте Доброму (часть из них называет и Ив. Добрев в своей статье): точильникъ Мк 12, 1 (ср. точило), причастникъ Мк 12, 7 (ср. наслѣдникъ), книгачий Мк 12, 13 (ср. книжникъ), братъ Мк 12, 19 и 20 и ряд других стихов в различных местах рукописи (ср. братъ), прѣцати Мк 12, 24 (ср. блажити), недостатокъ Мк 12, 44 (ср. лишеніе), мѣданица Мк 12, 42 (ср. лѣпта), ратъ Мк 13, 7 (ср. бранъ), съборище Мк 13, 9 (ср. съѣмище), възѣдица Мк 14, 13 (ср. скаждолыница), въходица Мк 14, 15 (ср. горлица), патель Мк 14, 30 и 68 (ср. коуръ), похъ Мк 14, 48 (ср. дръколъ). Аналогичными преславизмами является также и ряд славянских слов, заменивших архаичные грецизмы (ср. хотя бы названные выше стѣкленица, помазати, сѫдилница, бағѣница, кона и т. п.).

Заметим, что лексические преславизмы не ограничиваются текстом Мк 12 — Л 1,15, выделенным Ив. Добревым; с меньшей плотностью, но все же довольно часто они употребляются во всей рукописи. Например: бѣдника Мк 9, 43 (ср. маломощъ),

помахати Л 1, 62 (ср. помакати), прозъвкати Л 1, 63 (ср. наречи), пастоухъ Л 2, 8, 15 и 18 (ср. пастырь), велика Л 2, 10 и в ряде других стихов (ср. велики), въстѣгъ Л 3, 16 (ср. ремень), врачъ Л 4, 23; Л 8, 43 и др. (ср. балии), кошоулъ Л 6, 29 (ср. врачица), юдиночадъ Л 7, 5; И 3, 18 (ср. иночадъ), масло Л 7, 46; Мк 6, 13 (ср. олѣи), крѣтише Л 9, 3 (ср. пира), скоро Л 14, 21 (ср. иадро), крица Л 16, 7 (ср. корз., кораца), бағарѣница Л 16, 19 (ср. порѣфура), чубенница Л 16, 19 (ср. күссең), жизынъ Л 17, 32 (вм. жибогъ! ошибочно вм. женж в протографе); чоуждъ И 10, 5 (ср. цюждъ), вона мирнаша И 12, 3 (ср. вона христоманыя), печѣль И 16, 21 (ср. скваребъ), печѣльни И 17, 33 (ср. скрѣблъ), старѣи И 18, 3 (см. примечание издателя; ср. архиерей, архиерѣи), патель И 18, 27 (ср. коуръ); трѣсть И 19, 29 (ср. итепъ), блѣдо Мк 6, 28 и Л 8, 29 (ср. миса) и ряд других.

Таковы наши предварительные наблюдения над словоупотреблением Добром.

Несомненно, что такой сложный и богатый материалами текст, каким является рукопись Добром, должен быть изучен на всех языковых уровнях¹³ и с исчерпывающим учетом всех языковых фактов. Добром — драгоценная сокровищница сведений по истории болгарского языка начала XII в., но вместе с тем это один из важнейших источников ретроспективного плана. При ограниченном количестве сохранившихся рукописей на древних славянских языках Добром является незаменимым косвенным источником наших знаний о древнеболгарском и других древних славянских языках.

Все исследователи языка Добром отмечают, что эта рукопись чрезвычайно сложна по языку и не однородна в различных своих частях, в ней отражены как юго-западные и юго-восточные, так и северо-восточные диалектные черты болгарского языка начала XII в.

Уже на данном этапе исследования Добром при определении живой диалектной основы этой рукописи нельзя не учитывать ее близость к языку Супр, поэтому нам представляется слишком категоричной и односторонней традиционная характерис-

¹³ Ограничимся в данном случае одним примером. Укажем на употребление беспредложного локатива: срѣщеть на чакъ. въздѣници ведж несы Мк 14, 13 Добром (въ скжданници Зогр Мар; Вук Добр). Эта древняя синтаксическая черта среди древнеболгарских рукописей отмечена только в календаре Ас и в тексте Супр. См.: Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М.: 1961, с. 183 и след.; Баузэр Я. Беспреложный локатив в старославянском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 263 и след.; Павлова Р. Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским языком. София, 1977, с. 184—185.

тика Добром, принятая в каталоге болгарских рукописей: «Ръкописът произхожда от югозападни краища на българската говорна област»¹⁴.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ас — Ассеманиево евангелие.
БЕР — Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гъльбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, т. I. София, 1971.
БТР — Речник на съвременния български книжовен език (БАН), т. I. София, 1955; т. II, 1957; т. III, 1959.
Вост., Востоков — *Vostokov A.* X. Словарь церковнославянского языка, т. I. СПб., 1858; т. II, 1861.
Врач — Врачанско евангелие.
Вук — Вукашово евангелие.
Гал — Галицкое евангелие.
Геров — *Gerov H.* Речник на българския език, т. I—V. Пловдив, 1895—1904.
Давидов — *Davидов A.* Речник-индекс на Презвитер Козма. София, 1976.
Добр — Добреево евангелие.
Добром — Добромирово евангелие.
др.-болг. — древнеболгарский.
Евх — Синайский евхологий.
Ен — Енинский апостол.
Зогр — Зографское евангелие.
Зогр лл — Зографские листки.
Зогр-пал — Зографский палимпсест.
Киев — Киевская псалтырь 1397 г.
Клоц — Клоцов сборник.
Макед — Македонское евангелие.
Мар — Марийское евангелие.
Микл., Миклошич — *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
Мст — Мстиславово евангелие.
Ник — Никольское евангелие.
Обратен речник — Обратен речник на съвременния български език. София, 1975.
Остр — Остромирово евангелие.
Охр — Охридское евангелие.
Рыл — Рыльские листки.
Сав — Савинца книга.
Садник — *Sadnik L. und Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchen-slavischen Texten. Heidelberg, 1955.
Скок — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. I. Zagreb, 1971; t. II, 1972
сл. — словарь.
Сл. 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, т. I—IV. СПб., 1847.
Сл. русск. яз. XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1—6. М., 1975—1979.
Сл. ЧСАН — *Slovník jazyka staroslověnského (ČSAV)*, t. I. Praha, 1968; t. II, 1973
ср.-болг. — среднеболгарский.
Срезн., Срезневский — *Cрезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893; т. II, 1902; т. III, 1912.
Ст.-чешск. сл. — *Bělč J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978.
Тырн — Тырновское евангелие.

¹⁴ Българска ръкописна книга X—XVIII в. Каталог. Изложба. София, 1976, № 16.

- Унд — Листки Ундольского.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I—IV. М., 1964—1973.
- Филин — *Филин Ф. П.* Словарь русских народных говоров, вып. 1. М.—Л., 1965 и след.
- Хил — Хилендарские листки.
- Цамблак. Похвальное слово — *Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г.* Похвальное слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971.
- Цамблак. Мъчение на Йоан Нови — *Русев П., Давидов А.* Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература. София, 1966.
- Шестоднев — Шестоднев Иоанна Экзарха болгарского.
- Ягич — *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2. Aufl. Berlin, 1913.

Г. К. Венедиктов

К НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В истории современного болгарского литературного языка есть несколько узловых проблем, решение которых имело исключительно большое значение для его нормализации, с одной стороны, и связанного с этим функционирования его в качестве мощного средства создания национальной культуры и национального единения болгар, — с другой. К их числу наряду с такими проблемами, как утверждение общего характера основы — традиционной (книжной, церковнославянской) или народно-разговорной, выбор диалектной основы и др., относится и проблема графики и орфографии. По разным аспектам этой проблемы деяниями Возрождения было высказано, пожалуй, больше всего конкретных предложений, замечаний и общих соображений, чем по каким-либо другим вопросам нормализации складывавшегося в ту эпоху литературного языка. Именно эта проблема явилась предметом ожесточеннейших споров, которые начались еще в 20-е годы XIX в. и не прекращались на протяжении всего периода формирования норм литературного языка. Проблема графики и орфографических норм, как известно, не потеряла своей остроты и в настоящее время.

В последние годы был опубликован целый ряд интересных работ о языке многих книжников эпохи Возрождения (Паисий Хилендарский, Софроний Врачанский, И. Кырчовский, П. Берон, Неофит Рильский, И. Богоров, П. Славейков, Р. Жинзифов, Г. Раковский, Н. Пырванов, Л. Каравелов, Д. Войников и др.), в которых в числе других рассматриваются и разные вопросы орфографии и графики. Особо следует выделить раздел «Орфографический вопрос в эпоху Возрождения» в книге Л. Андрей-

чина «Из истории нашего языкового строительства»¹ и статью К. Мирчева «Орфографический вопрос в эпоху Возрождения»², в которых кратко дана общая характеристика развития орфографии в названный период. Много внимания вопросам орфографии и графики в период формирования современного литературного языка уделяется в книге Р. Русинова «История новоболгарского литературного языка»³. Из наиболее существенных результатов изучения этой проблемы в последние годы необходимо выделить следующие два. Во-первых, исследователи отказались от несколько одностороннего взгляда на пловдивскую, тырновскую, каравеловскую и другие сложившиеся в третьей четверти прошлого столетия школы как на школы чисто орфографические и рассматривают их как школы литературно-языковые («книжковно-язикови»). Эти школы различаются не только определенными особенностями принятых ими орфографических норм, но и более общим подходом к созданию грамматических и других норм литературного языка. Преодолению такого взгляда в первую очередь способствовали труды Л. Андрейчина, который писал: «Надо глубже взглянуть на так называемые до недавнего времени «орфографические» («правописни») школы до Освобождения (первоначально пловдивскую и тырновскую, а затем также и каравеловскую и дриновскую) — как на литературно-языковые школы, т. е. как на опыты создания той или иной системы норм в литературно-языковой практике»⁴. Во-вторых, в работах, опубликованных в последние годы, дана более подробная и детализированная характеристика самих орфографических норм, которых придерживались представители каждой из оформившихся литературно-языковых школ⁵.

Однако в целом история графики и орфографии современного болгарского литературного языка изучена еще явно недостаточно. В этой области науки о литературном языке исследователей ждет много не описанных вообще и не систематизированных фактов, чрезвычайно интересных и важных для освещения не только последовательного развития самой графики и орфографии, но и для полного и углубленного понимания более общих проблем формирования этого языка. Достаточно назвать здесь, например, вопрос о характерном новоболгарском звуке [ъ] и его графическом обозначении. Это один из основных вопросов

¹ Андрейчин Л. Из историита на нашето езиково строителство. София, 1977, с. 157—162. — Ранее этот раздел был опубликован в составленном Л. Андрейчином сборнике статей разных авторов: Из историита на българския книжовен език. Помагало за студенти по българска филология, ч. 1. София, 1964, с. 183—188.

² Мирчев К. Правописният въпрос през Възраждането. — Литературна мисъл, 1975, кн. 6, с. 73—79.

³ Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. Велико Търново, 1976.

⁴ Андрейчин Л. Из историита на нашето езиково строителство, с. 59.

⁵ Там же, с. 59—61; Русинов Р. История на новобългарския книжовен език, с. 93—110.

истории болгарской орфоэпии и орфографии, решение которого тесно связывалось разными книжниками с их общим взглядом на характер (книжный или народно-разговорный) основы литературного языка, на его диалектную базу и др. Подробное изучение одного этого вопроса могло бы составить предмет обширной монографии.

К числу мало изученных вопросов истории болгарской графики и орфографии относится и вопрос о введении в болгарское книгопечатание гражданской кириллицы («гражданки») вместо употреблявшейся у болгар в первые десятилетия их книгопечатания церковной (церковнославянской) кириллицы. По существу замена церковной кириллицы гражданской явилась одним из важнейших моментов в истории болгарской графики и истории литературного языка в целом. Первому опыту приложения гражданской азбуки в печати у болгар посвящена настоящая статья.

Первые болгарские книги печатались, как известно, церковной кириллицей, восходящей к азбуке, созданной Кириллом и Мефодием. Такой кириллицей были напечатаны почти все болгарские книги, изданные за период с 1806 г., когда увидели свет знаменитый «Кириакодромион» (или «Недельник») Софрония Врачанского и «Молитвенный крин» неизвестного автора-составителя, и до начала 40-х годов XIX в. Среди них не только церковные книги — канонические (например, «Новый завет» в переводе П. Сапунова (Бухарест, 1828) или «Евангелие от Матфея» в переводе грека Теодосия и болгарина Серафима (СПб., 1823), религиозно-поучительные (таковы, например, творения Кирилла Пейчиновича и Иоакима Кырчовского, изданные во второе десятилетие), агиографические (например, «Житие святого Харалампия» в переводе Неофита Рильского, Белград, 1834) и другие, в том числе и названные «Кириакодромион» и содержащий утренние и вечерние молитвы «Молитвенный крин», но и книги светского содержания — учебные пособия по географии и истории, нравоучительные книги и пр. Церковной печатью были изданы и первые грамматики болгарского языка — «Болгарска грамматика сега перво сочинена» Неофита Рильского (Белград, 1835) и «Грамматика славено-болгарска» Христаки Павловича (Буда, 1835). Книги церковной печати продолжали издаваться болгарами в 40-е годы и позднее. Так, в 40-е годы церковной кириллицей была напечатана «Първичка българска грамматика» Ивана Богорова (Бухарест, 1844). В 50-е годы такой же печатью были изданы первые два сборника сочинений Петко Славейкова — «Езопови басни» и «Песнопойка» (Бухарест, 1852) и целый ряд книг других авторов. Как известно, церковной кириллицей печатались и некоторые периодические издания, например, первый болгарский журнал «Любословие» (Смирна, 1842—1846), первые 18 номеров газеты «Цариградский вестник» (выходила в Константинополе с января 1848 г.), первые выпуски журнала «Български книжици» (выходил в Константинополе с 1858 г.). В целом, как указывает Л. Андрейчин, до середины XIX в. в болгарском

книгопечатании решительно преобладает церковная кириллица⁶. Это относится прежде всего к первым четырем десятилетиям. Начиная с 40-х годов, т. е. с пятого десятилетия, число книг, изданных гражданской печатью, быстро растет, и относительный вес книг церковной печати резко уменьшается.

Нужно отметить, что сама церковная печать в болгарских книгах не была одинаковой. Наиболее строго она соблюдалась в книгах, изданных в России и в университетской типографии в Буде (Венгрия). В них представлен полный набор букв церковной кириллицы красивого начертания со всеми надстрочными знаками (ударения, придыхания, титлы), с лигатурами и пр. Хороший набор церковной кириллицы имели также типографии Сербии и в Вене, а также вилайетская типография в Русе — первая типография на территории Болгарии, основанная в 1864 г. с разрешения турецких властей. Хуже была по внешнему виду церковная кириллица в некоторых типографиях Румынии (см., например, «Кириакодромион» Софрония Врачанского или «Новый завет» в переводе П. Сапунова и др.) и особенно в типографии Теодосия Синаитского в Салониках, где было отпечатано несколько болгарских книг⁷. Во многих книгах церковная кириллица в большей или меньшей степени упрощена: нет лигатур, написаний с титлами, знаков придыхания и ударения, нет некоторых из дублетных букв и др., так что, как правильно отмечает Л. Андрейчин, в целом ряде книг церковнославянский шрифт «очень приближен к гражданскому (с фактическим различием лишь в графическом стиле букв)»⁸. Любопытно, что такого рода упрощенную (в частности, без ударений) кириллицу некоторые книжники признавали уже не церковной, а гражданской. В этом отношении показательно мнение Михаила Кифалова. В предисловии к своему переводу известной книги Ю. И. Венелина «О зародыше новой болгарской литературы» (М., 1838), объясняя особенности языка и принятого им правописания, М. Кифалов отмечает, что образованные люди во всем мире пишут на языке, отличающемся от языка местного простонародья, которое в разных городах и селах говорит по-разному, и далее пишет: «Все по той же причине различного говорения простонародья переводчик употребил не церковную печать (которая взята из греческого языка, когда священное писание было переведено на древнеболгарский язык), а гражданскую, по примеру просвещенного мира европейцев, а особенно наших соплеменников россиян, ныне богатых сынов славянских! Ибо наши болгары в одном месте говорят с ударением, т. е. момчé, момéкъ, кодá и пр., а в другом месте — мóмчe, мóмéкъ, бóда и пр. Россияне же пишут, например, прислага (клатка), без ударения, но в произношении у одних слышится ударение на втором слоге — присáга, а у других на третьем (от конца слова. — Г. В.) —

⁶ Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство, с. 156.

⁷ Стоянов М. Букви и думи. София, 1978, с. 130.

⁸ Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство, с. 156.

присага и пр. Как видно, из-за этого именно несогласия в произношении и они употребляют гражданскую печать без ударений и пр.»⁹. В действительности же шрифт, которым напечатан перевод книги М. Кифалова, — церковная кириллица по начертаниям букв, но без знаков ударения, придыханий, лигатур и пр.

Первой книгой, напечатанной гражданской азбукой, считается «Аритметика или наука числителна» Христаки Павловича¹⁰. Она была напечатана в 1833 г. в правительственной («княжеско-сербской») типографии в Белграде. Нередко с изданием этой книги вообще связывают первый опыт использования гражданской кириллицы в болгарском книгопечатании. Так, Л. Андрейчин пишет, что эта азбука «впервые появляется у нас в Арифметике Христаки Павловича в 1833 г.»¹¹. Р. Русинов указывает, что Хр. Павлович в названной книге первым из болгар использовал («пръв си служки») гражданскую кириллицу¹². Это же констатирует и М. Стоянов — крупнейший специалист в области болгарского книгопечатания в эпоху Возрождения, автор капитального двухтомного каталога болгарских книг этой эпохи¹³: «Гражданский кириллически шрифт . . . вводится в болгарское книгопечатание в конце 30-х годов впервые в учебнике по арифметике Христаки Павловича (1833)»¹⁴. В последнем случае, очевидно, было бы точнее сказать не в конце, а в начале 30-х годов, так как третий год каждого десятилетия относится если не к началу, то к середине, но никак не к концу десятилетия¹⁵. Несколько строками выше М. Стоянов, впрочем, высказывает

⁹ См.: Заради возраждение новой болгарской словесности или науки. Сочинение или книжица рускаго историкописателя Венелина. Москва, 1838. Перевел губернскии секретарь М. Кифалов, тетевенец. Букурещ, 1842, с. III-IV.

¹⁰ Из последних работ об этом см.: *Мирчев К.* Правописният въпрос през Възраждането, с. 75; *Lötzsch R.* Zur Herausbildung der neubulgarischen Literatursprache. — Linguistische Studien, Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1975, S. 75.

¹¹ *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство, с. 156.

¹² *Русинов Р.* История на новобългарския книжовен език, с. 91.

¹³ *Стоянов М.* Българска възрожденска книжнина, т. I-II. София, 1957—1959.

¹⁴ *Стоянов М.* Букви и книги, с. 131. — Заметим, что в цитируемом месте книги М. Стоянова опущена какая-то часть текста: непосредственно за приведенной цитатой следует часть фразы («только отдельные тексты и затем постепенно, а церковнославянский сохраняется для богослужебных целей»), которая, как это видно, и по смыслу и грамматически прямо не связана с этой цитатой.

¹⁵ Во избежание недоразумений следует отметить, что в оригинале (в болгарском тексте) здесь указаны не 30-е, а 40-е годы. В болгарском языке «сороковые годы» иногда, как и в данном случае, понимаются в смысле «годы четвертого десятилетия», т. е. с 1830 (или 1831 г.) по 1839 (или 1840 г.), а не в смысле «годы пятого десятилетия», как в русском языке и как это рекомендуется также и болгарскими языковедами. (См. об этом: *Андрейчин Л.* Кои години са «трийсетте години» на даден век? — Български език, 1971, кн. 2—3, с. 277—278). На эту особенность летосчисления в русском и болгарском языках следует обращать внимание при чтении и переводе литературы на этих языках.

иную точку зрения, а именно, что церковнославянским шрифтом были «отпечатаны все (курсив наш. — Г. В.) болгарские книги приблизительно до 1840 г. и даже первые периодические издания — журнал «Любословие» и «Цариградский вестник»¹⁶. Очевидно, это — досадная описка. До 1840 г. таким шрифтом, кроме уже названной и упоминаемой М. Стояновым «Арифметики» Хр. Павловича, были изданы в 1835 г. в той же «княжеско-сербской» типографии в Белграде и две другие его книги — «Писменник общеполезен» и «Разговорник греко-болгарский» (болгарская часть), а также «Арифметическое руководство за наставление на болгарските юноши» Неофита Бозвели и Емануила Васкидовича, напечатанное в том же году в «княжеско-сербской» типографии в Крагуевце¹⁷. То, что эти три книги изданы кириллицей, М. Стоянов, конечно, знает. В этом можно убедиться, в частности, в т. I его «Българска възрожденска книжнина», где в описаниях названных здесь книг отсутствует помета «Църк.-слав. букви», указывающая на то, что соответствующая книга напечатана церковной кириллицей¹⁸.

Как видим, в одном из важнейших вопросов истории болгарской графики и орфорграфии, а также истории книгопечатания у болгар, каким представляется вопрос о начале введения гражданской азбуки, у современных исследователей нет достаточной ясности и единого мнения.

¹⁶ Стоянов М. Букви и книги, с. 130.

¹⁷ Любопитно, что из шести книг, составляющих серию «Славеноболгарское детоводство» и изданных в 1835 г. в этой типографии в Крагуевце, гражданская кириллицей напечатано было только «Арифметическое руководство» (ч. IV этой серии). Остальные пять книг были набраны церковной кириллицей. Чем это объясняется, мы не знаем. Едва ли могут быть сомнения в том, что гражданская кириллица была использована с ведома авторов-составителей, во-первых, и что типография располагала техническими возможностями издать и эту книгу церковной кириллицей, во-вторых. Вероятно, и авторы и издатели (типография) сочли, что именно пособие по арифметике целесообразнее печатать гражданской кириллицей, а не церковной. Не случайно, вероятно, и «Арифметика» Хр. Павловича двумя годами ранее тоже была напечатана гражданской кириллицей.

¹⁸ Отметим, впрочем, что подобного рода описка допущена М. Стояновым и в опубликованной более 10 лет назад заметке «Първата писеса на български език» (Отечествоен фронт, 21. XI. 1969). В ней он указывает, что до 1843 г. (до издания в Кишиневе в болгарском переводе комедии-водевиля «Дворянские выборы» Д. И. Брайкевича) все болгарские книги — около 70 названий — «были напечатаны церковнославянским шрифтом». Из этого следует заключить, что первой книгой, изданной гражданским шрифтом, М. Стоянов считает здесь названную комедию-водевиль «Дворянские выборы», что, конечно, неверно. До выхода в свет этой книги в 1843 г. гражданской кириллицей, кроме уже указанных выше четырех книг, были изданы также: в 1841 г. в Одессе брошюра В. Априлова «Българските книжници, или на кое словенско племе собственно принадлежи кирилловска азбука?», в 1842 г. в Одессе — книга в переводе И. Богорова «Математическа география», брошюра Н. Герова «Няколко думи за преводат на Математическата география на г. Ивана А. Богоева» и ответная брошюра И. Богорова (И. Богоева) «Нещо на Няколко думи за преводът на Математическата география на г. Ивана А. Богоева, написани от Найдена Герова» и в том же году в Буде — сборник «Български народни песни и пословици» И. Богорова.

Что касается первой болгарской книги, изданной гражданской кириллицей, то таковой действительно является «Аритметика или наука числительной» Хр. Павловича. Это книга, написанная болгарином и предназначенная для болгар. Весь текст в ней — на болгарском языке. Однако это не была книга, в которой болгарский текст впервые напечатан гражданской кириллицей, т. к. болгарский текст печатался такой азбукой уже в 20-е годы XIX в. Такой именно азбукой (с добавлением нескольких сербских букв и ј) Вуком Караджичем в его знаменитом «Додатак'е в Санктпетербургским сравнительным речницами» (Вена, 1822) были напечатаны список из 285 болгарских слов, две евангельские притчи и «Отче наш» на болгарском языке, 27 болгарских народных песен. Но «Додатак» — книга, подготовленная к изданию сербским филологом, и в ней представлен опыт использования гражданской кириллицы для передачи текстов на болгарском языке сербом, а не болгарином. Высказанное нами два года назад предположение, что первым болгарским текстом, составленным болгарином и изданным гражданской кириллицей, была, видимо, болгарская часть давно уже ставшей библиографической редкостью «Инструкции об обязанностях сельских приказов» (Кишинев, 1821)¹⁹, оказалось неверным. Ознакомившись (по ксерокопии) с этой «Инструкцией» уже после выхода в свет названной статьи, мы убедились, что как русский, так и болгарский текст ее напечатан церковной кириллицей. Таким образом, первым болгарским текстом, написанным болгарином и напечатанным гражданской кириллицей, который дошел до нас и известен в настоящее время, следует считать краткое посвящение, предписанное А. Кипиловским (Стояновичем) к переведенной им книге «Священное цветообразие или сто и четыре священные истории, избрани от ветхият и новиат завет» (Будим, 1825). Это посвящение занимает неполные две страницы книги, напечатанной в 8⁰. Текст его приводится ниже. Остальной текст книги, в том числе и обширное предисловие — обращение «Камто любо-прочителите» — напечатаны церковной кириллицей.

В лингвистической литературе это посвящение до недавнего времени еще не привлекало внимания исследователей истории болгарского литературного языка. Лишь несколько лет назад Р. Русинов отметил, что А. Кипиловский собирался было принять гражданскую азбуку в переводе «Священного цветообразия» и что «свой прогрессивный взгляд на правописание болгарского литературного языка» он на практике приложил в названном посвящении, но «не решился порвать с церковнославянской азбукой»²⁰. В другой работе Р. Русинов просто указывает, что

¹⁹ Венедиктов Г. К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1979, с. 253—254. См. также статью «Азбука» в кн.: Енциклопедия «България». София, 1978, с. 41.

²⁰ Русинов Р. Преводаческото дело на А. С. Кипиловски и българският книжовен език (С приложение «Из историята на думата речник»). — Трудове

в «Священном цветообразии» А. Кипиловский «высказывается за замену церковнославянской азбуки гражданской и за упрощение правописания, но не решается использовать новую азбуку»²¹. Не обратил должного внимания на опыт А. Кипиловского и К. Мирчев, который отметил, что тот «в своем переводе «Священного цветообразия» высказывает сожаление, что не смог напечатать свою книгу просветительным письмом (т. е. гражданской азбукой. — Г. В.) и употребил «славенское правописание»²². Из сказанного видно, что текст рассматриваемого посвящения специальному анализу еще не подвергался и что само оно с точки зрения приложенной в нем графики и орфографии еще не было оценено так, как оно того заслуживает. Это и дало нам основание в одной из статей заключить, что текст посвящения по существу еще не привлекал к себе внимания исследователей²³. Лишь совсем недавно П. Бояджиев с полным основанием подчеркнул, что «в истории болгарского правописания эти две страницы (т. е. посвящение. — Г. В.) нельзя обходить с пренебрежением», что они демонстрируют «сущность болгарского фонетического правописания», которое столь удачно «уловило языковое чутье» молодого А. Кипиловского²⁴. П. Бояджиев считает, что на двух страницах посвящения представлено, в сущности, современное болгарское правописание, если не считать «одной единственной излишней буквы — ѹта, как и одной единственной буквы, не отвечающей современному знаку, — Ѱ вместо Ѣ»²⁵. Из сказанного, таким образом, ясно, что в истории болгарского книгоиздания и литературного языка текст посвящения А. Кипиловского в книге «Священное цветообразие» важен как первая у болгар щоштака — правда, еще очень робкая — сознательного разрыва с традицией церковной печати и первый опыт использования гражданской кириллицы для типографского издания болгарином текста на родном языке²⁶. Подробному описанию графики и орфографии названного текста и посвящена дальнейшая часть настоящей статьи.

на Великотърновския университет «Кирил и Методий», т. XI, кн. 1. Филологически факултет, год. 1973—1974. София: 1975, с. 544. — Здесь же приведено и начало посвящения.

²¹ Русинов Р. История на новобългарския книжовен език, с. 91.

²² Мирчев К. Указ. соч., с. 75.

²³ Венедиков Г. К. Указ. соч., с. 254.

²⁴ Бояджиев П. Анастас Стоянович Кипиловски — този непознат възрожденец. — Литературна мисъл, 1979, № 9, с. 112.

²⁵ Там же. — П. Бояджиев здесь допускает одну неточность: буква ѹ вместо Ѣ употребляется А. Кипиловским в предисловии и в основном тексте книги, но не в посвящении (см. об этом подробнее ниже).

²⁶ В свете сказанного представляется весьма целесообразным включение текста рассматриваемого посвящения в последующие издания «Хрестоматии по истории новобългарского литературного языка». В вышедших уже двух изданиях этой хрестоматии (Андрейчин Л., Попова В., Първе Хр. Хрестоматия по история на новобългарския книжовен език. София, 1973; 2-ро изд., 1978) данный текст, к сожалению, отсутствует.

Приведем сначала сам текст посвящения в точной орфографической передаче оригинала.

*«Любороднейшій и Почтеннейшій
Господине Антоніе!*

Теби воистина е достойно да ся посвяти и тәзи книжка; защо Ти като си позналъ бедноста нашего народа, и дето отъ нея пользовата, самохотно си попросилъ средството което усердїето на спомоществователите не бе достаточнно да содействова за да ся напечата тая книжка. И ето сега наслаждавайся преизубилно въ своето благоизволеніе, което и въ деломъ гледашь совершенно; а громогласните благословеніята на бедното наше юношество прѣмай благосклонно, което юношество като ся усвободи чрезъ Твоето човеколюбіе отъ смертната сенка, ще начени да собеседова сасъ Музите по свойственніатъ матерній нашъ язикъ. И тай като познай сичкѣтъ нашъ народъ своето попредньо бедствіе, ще наченатъ богатите да последовать Твоите примери, а недостаточните ще молятъ Божіята Милостъ да укрепява Васъ въ долгоденствіе и благополучіе. А азъ ведно сасъ прочите като благовестувамъ вашите благодеяніята, ще пребуда.

На Вашето.
Любордіе.

1825. Іулія 7 числа
Въ Букурестъ.

покорнейшій
слуга
Анастасъ Стояновичъ.»

Кроме приведенного текста посвящения, гражданской кириллицей набраны также и списки спомоществователей, т. е. лиц, предварительно подписавшихся на книгу «Священное цветообразие» в переводе А. Кипиловского: «Списокъ на имената на Любордините спомоществователи» (в конце первой части) и «Имена на любгородни спомоществователи» (в конце второй части; оба списка не пагинированы). Приводим здесь несколько имен спомоществователей как для иллюстрации, так и для того, главным образом, чтобы показать, что в этих списках использованы и такие буквы, каких в посвящении нет. Например:

«Почтенній Г. Георгій Йоаннович Филоглу отъ Калоферъ»;
«Почтенній Г. Цоча Даніловъ отъ Ловичъ»;
«Г. Добри абаджи Желесковичъ отъ Сливенъ»;
«Почтенній Г. Феодоръ отъ Тревна»;
«Почтенній Г. Йото Велбъ отъ Тетивенъ»;
«Благоговейнейшій Г. п. Янко чорбаджи Кутбовичъ отъ Сливенъ».

Прежде чем приступить к анализу графики и орфографии напечатанного гражданской кириллицей текста, необходимо кратко сказать о той историко-культурной обстановке начала 20-х годов прошлого столетия, в которой появился первый опыт такой печати.

А. Кипиловский в предисловии «Камто любопрочитателите» к «Священному цветообразию» пишет, что перевод этой книги — это его «двуухлетний . . . труд и первый плод . . . умеренного учения»²⁷. Предисловие это датировано 13 августа 1825 г. Следовательно, к переводу книги он приступил, вероятно, летом 1823 г. Но и до этого А. Кипиловский уже понимал, что сам перевод такой книги связан со значительными трудностями языкового характера, и путь их преодоления видел как раз в использовании гражданской азбуки и упрощенного правописания. Вот что писал сам А. Кипиловский в предисловии: «Прежде чем приступить к осуществлению своего намерения, я почувствовал и те трудности, которые проистекают из-за отсутствия Грамматики и Лексикона нашего языка, поэтому я тогда вознамерился употребить правописание естественное («правописа́ніе естественно»), какое видно в посвятительном письме (т. е. приведенном выше посвящении. — Г. В.), т. е. хотел было, не употребляя одинаково произносимых букв и, ю, ы, о, О, ѿ, є, ё, Ѳ, ѿу и Ѡ, которые попадают в трудно запоминаемые орфографические правила, последовать тому произношению, которое в речи каждого из нас естественно существует, но по некоторым причинам я употребил славенское (т. е. церковнославянское. — Г. В.) правописание»²⁸.

Ниже мы остановимся подробнее на возможных причинах, которые заставили А. Кипиловского отказаться от гражданской печати и упрощенного правописания. Здесь же рассмотрим сейчас те причины, которые первоначально побудили или могли побудить его обратиться к тому письму, образец которого представляет приведенное выше посвящение.

В сущности, три причины указывает сам А. Кипиловский. Одна из них — отсутствие грамматики и словаря болгарского языка. Видимо, А. Кипиловский считал, что грамматика и словарь не только облегчают сам писательский труд книжников, но и помогают им усвоить свой язык, в частности, правильно писать. Так как у болгар в середине 20-х годов еще не было ни грамматики, ни словаря родного языка которым можно было бы следовать, то каждый книжник волен был в принципе избирать такую азбуку и орфографию, какую он, по мнению А. Кипиловского, считал наиболее подходящей. Другая причина — трудности в усвоении традиционного (церковнославянского) правописания, связанные с наличием дублетных (одинаково произносимых) букв (и, ю, ы; о, О, ѿ; є, ё, Ѳ; ѿу, Ѡ), и третья причина — желание отразить на письме живое произношение болгар, которое не было бы «скрыто» одинаково произносимыми буквами и трудно усваиваемыми правилами орфографии.

Очевидно, таким образом, что, отказываясь от «славенского

²⁷ «Священное цветообразие», ч. I, с. XI. — Цитируемые здесь и ниже фрагменты предисловия, напечатанного, как и основной текст книги, церковной кириллицей, воспроизведены нами на болгарском языке гражданской кириллицей в упомянутой статье (с. 250—251).

²⁸ «Священное цветообразие», с. XI.

правописания» в пользу «естественного правописания» и гражданской кириллицы, А. Кипиловский руководствовался стремлением, во-первых, точнее отразить на письме живое произношение болгар и, во-вторых, упростить графику и орфографию, сделав их более доступными для обучающихся грамоте. Такое намерение было в полной мере созвучно передовым и патриотическим настроениям части образованных болгар 20-х годов XIX в., осознавших необходимость обучения грамоте и усвоения знаний на живом, народном языке. Призыв Паисия Хилендарского «Ти, болгарине, не прелащай се, знай свой родъ и язикъ и учи се по своему языку»²⁹, обращенный еще в 1762 г. к соотечественникам, в 20-е годы XIX в. уже воплощался в конкретную программу деятельности, направленную на развитие болгарской школы на родном языке и на издание на этом языке необходимых книг, с которой выступили наиболее дальновидные деятели тех лет. Об этой программе, которую намечало в начале 20-х годов «Филологическое общество», составленное жившими в Брашове (Румыния) болгарами, полнее всего можно судить по тому, что говорит о ней П. Берон. В предисловии к своему знаменитому «Букварю с различными поучениями» (1824 г.), известному в широких читательских и ученических кругах под названием «Рыбный букварь», П. Берон излагает свое мнение по вопросу о том, на каком языке должно вестись обучение в школе. Он начинает свой «Букварь» следующими словами: «Когда я впервые увидел в других местах (т. е. в других странах. — Г. В.), что дети начинают читать книги, написанные на их языке, я понял, как плохо поступают у нас учителя и сколько напрасных мук испытывают бедные дети»³⁰. Коренной недостаток школы П. Берон видел в том, что обучение детей грамоте по совершенно непонятным для них писалтыри и часослову было безрезультатным: после школы, где дети проводят свою молодость, «полную страха и трепета», они не умеют даже написать свое имя. Он выражал удивление, что «на протяжении стольких веков не напилось ни одного человека, который понял бы это окаянное положение и указал бы *прямой путь к учению*» (курсив наш. — Г. В.)³¹. С целью помочь детям, а заодно и всем болгарам стать на этот «прямой путь к учению» — учению на родном, понятном для них языке — П. Берон и написал «насколько мог просто» свой «Букварь». Он даже объяснил с помощью понятных болгарам турецких слов такие слова, которые показались ему «трудными»³². Позиция П. Берона в вопросе о характере языка совершенно ясна: как книги священного писания, так и «другие полезные книги» должны печататься «на нашем простом языке»³³. Практическая реализация П. Бероном в «Рыб-

²⁹ Цит. по кн.: История славеноболгарская собрана и наруждена Паисием иеромонахом в лето 1762. Стъкми за печат Й. Иванов. София, 1914, с. 6.

³⁰ Берович (Берон) П. Букварь с различни поучения. Брашов, 1824, с. 2.

³¹ Берович (Берон) П. Указ. соч., с. 2.

³² Там же, с. 3.

³³ Там же, с. 143.

ном букваре» его точки зрения в этом вопросе явились «огромным историческим шагом вперед в развитии нашей (т. е. болгарской. — Г. В.) возрожденческой литературы и нашего литературного языка»³⁴.

Точку зрения П. Берона разделяли и другие образованные болгары Брашова, составившие «Филологическое общество», поскольку целью этого общества как раз и было содействие просвещению народа путем издания книг на народном болгарском языке. В. Ненович и Й. Генович, исполнители планов издательской деятельности общества, обязывались «обеспечить перевод «Нового завета» (евангелие, апостол и апокалипсис), так и печатание других полезных книг на нашем простом языке»³⁵ или, как сказано в другом месте, «на нашем языке так, как мы говорим»³⁶.

Мнение о том, что языком школы и печатных книг должен быть народный болгарский язык, если и не было еще всеобщим, то, по всей вероятности, оно было достаточно распространенным среди образованной части болгарского населения. Показательно во всяком случае, что в числе немногочисленных высказываний самих болгар тех лет по этому вопросу, нет таких, которые свидетельствовали бы об их предпочтении языка книжного, церковнославянского языку народному. В настоящее время можно указать лишь одно дошедшее до нас свидетельство того, что предназначенные для болгар книги нельзя писать, не основываясь на грамматических правилах церковнославянского языка, но и это свидетельство исходит не от болгарина, а от грека — архимандрита Теодосия³⁷.

³⁴ Андрейчин Л. Езикът на «Рибния буквар» и българският книжовен език. — Български език, 1964, кн. 2—3, с. 101.

³⁵ Берович П. Указ. соч., с. 141.

³⁶ Там же, с. 142.

³⁷ Отрицательное мнение архимандрита Теодосия об использовании народного болгарского языка в издаваемых для болгар книгах связано со следующим интересным эпизодом в истории болгарского книгопечатания, имеющим прямое отношение и к истории болгарского литературного языка. В начале 20-х годов Российское Библейское общество приняло решение издать на болгарском языке «Новый завет» в переводе, сделанном упомянутым греком Теодосием с помощью болгарина архимандрита Серафима. В 1822 г. Теодосий по приглашению Общества прибыл в Петербург для наблюдения за печатанием «Нового завета». В 1823 г. было отпечатано «Евангелие от Матфея», почти весь тираж которого вскоре после отпечатания был уничтожен (или погиб во время одного из наводнений?). (Подробнее об истории издания этого перевода см. в статье: Радкова Р. Първият печатен превод на Евангелието на български език. — В кн.: Българското Възраждане и Русия. София, 1981). Группа брашовских болгар, узнав об этом переводе, направила еще в 1822 г. в Комитет Российского Библейского общества письмо, в котором как это явствует из протоколов заседаний Комитета, сообщали о неудовлетворительности перевода, «поелику архимандрит сей (т. е. Теодосий. — Г. В.), не будучи природным болгаром, не может знать основательно и грамматически языка болгарского, и не знает также ни славянского, ни русского языков», а оказавший ему помощь «один болгарин» (т. е. архимандрит Серафим. — Г. В.) «знал только язык своей деревни» [Центральный государственный исторический архив (Ленинград), ф. 808 (Российское Библейское

Другое важное обстоятельство, непосредственно связанное с тем что рассмотренным, — известное представление книжников тех лет о необходимости писать «правильно», согласно «грамматическим правилам» родной речи. В самом конце послесловия к «Рыбному букварю» П. Берон, выражая, надо полагать, общее мнение «Филологического общества», указывал: «Очень полезно, когда мы учим сначала наш язык по правилам грамматики, а потом другой язык»³⁸. Несоответствие языка подготовляемых к изданию книг правилам народной речи, отступления от этих правил рассматривались как существенный недостаток даже применительно к книгам священного писания. Показательно в этом отношении приведенное выше мнение брашовских болгар о языке переведенного греком Теодосием «Нового завета», которые обратили внимание на то, что Теодосий, «не будучи природным болгаром, не может знать основательно и грамматически языка болгарского» (курсив наш. — Г. В.). Признаком хорошего перевода «Нового завета» П. Берон считал общепонятность его языка для всех болгар. Перевод же Теодосия он считал примером плохого перевода, который приносит болгарскому народу только «бесчестье и стыд». Он отметил, что брашовские болгары писали в Петербург и «просили, чтобы ученым людям было поручено посмотреть его и исправить, дабы он стал хорошим, чтобы его понимал каждый болгарин» (курсив наш. — Г. В.)³⁹.

общество), оп. 1, ед. хр. 182, л 83]. В объяснительной записке, направленной в Комитет в связи с этим письмом брашовских болгар, Теодосий, судя по ее изложению в цитируемой протокольной записи, отклонил все замечания. Относительно же языка своего перевода он отметил следующее: поскольку «на языке болгарском до сих пор не было еще книг, а потому оный и не имеет никаких правил», а заимствуемые из живой речи правила «не могут почеститься определенными ввиду наличия в ней местных различий», и «как язык сей есть наречие коренного славянского языка», то он и «принял для своего перевода грамматические правила языка славянского, исключая тех только случаев, где принятые и укоренившееся употребление сего сделать не позволяет» (Там же, л. 84). В какой мере эту точку зрения разделял и разделяли ли ее вообще и болгарин Серафим, соавтор перевода, сказать трудно, потому, что характер его участия в переводе «Нового завета» нам не известен.

³⁸ Берович П. Указ. соч., с. 141.

³⁹ Там же. — А. Кипиловскому история с подготовкой Российским Библейским обществом издания «Нового завета» в этом переводе, насколько можно судить по его предисловию к «Священному цветообразию» (с. VI—VIII, сноска), была в общих чертах известна. В споре между брашовскими болгарами, пославшими в 1822 г. письмо в Петербург, и Теодосием А. Кипиловский, когда писал свое предисловие (оно датировано 15 августа 1825 г.), как будто был на стороне Теодосия. Это объясняется, может быть, тем, что в это время он был уже в неприязненных отношениях с В. Неновичем и другими видными представителями болгарской колонии в Брашове. Во всяком случае, обращает на себя внимание то, что в словах А. Кипиловского о Теодосии чувствуется лишь одобрение и нет ни малейшего намека на какое-либо недовольство со стороны болгар. Неизвестно, читал ли А. Кипиловский перевод Теодосия и Серафима или нет, но любопытно, что о языке их перевода он ничего не говорит, хотя отрицательное мнение В. Неновича, П. Берона и других брашовских болгар об этом переводе ему, конечно, было известно (по крайней мере, из того, что сказано о нем в вышедшем годом ранее «Рыбном букваре» П. Берона).

В свете сказанного понятно, почему «Филологическое общество» в Брашове с самого начала своей деятельности придавало большое значение изданию книг по языку. В этом отношении показателен тот факт, что среди шести книг, подготовленных к печати, о которых сообщалось в послесловии к «Рыбному букварю» П. Берона, мы видим «Лексикон малкий на четыри язици: болгарски, гречески, влашки и российски», «Грамматическа етимология на тези 4 язици» и «Грамматика болгарска»⁴⁰. Известно, что как собственно издательская программа этого общества, так и проблемы языка были предметом обсуждения составивших его брашовских болгар. Собственно говоря, для коллективного решения данных задач это общество и было создано. Известный деятель Возрождения Болгарии Иван Селиминский, живший в 1824—1825 гг. в Брашове, вспоминал впоследствии (в письме В. Априлову и Н. Палаузову от 17.IX.1840 г.). «В 1823 г. в Брашове покойный Васил Ненович из Свиштова, побуждаемый чувством родолюбия, начал собирать материал для грамматики, четырехъязычного словаря (болгарского, русского, греческого и румынского языков) и катихизиса. Рассчитывая на благоприятный случай, он не щадил ни трудов, ни времени, однако, начав их составление, понял трудности своего предприятия и вынужден был искать помощников. С этой целью он созвал переселившихся туда образованных родолюбцев на собрание, на котором рассказал о необходимости ввести среди нашего народа родной письменный язык, литературу и пр. и предложил образовать филологическое общество. Одновременно он предложил и кое-какие преобразования в нашем языке, принимая благосклонно более мудрые суждения и замечания присутствовавших»⁴¹. Обсуждался ли на этом первом, как бы организационном, или на последующих собраниях образованных болгар в Брашове вопрос о том, какой азбукой — церковной или гражданской — должны издаваться болгарские книги, мы не знаем. Известно, однако (из цитируемого выше письма И. Селиминского), что оказавшийся в 1824 г. в Брашове А. Кипиловский принимал активное участие в обсуждении языковых вопросов и, судя по словам И. Селиминского, явился главным виновником возникших острых разногласий и раздоров и в конечном счете — прекращения деятельности «Филологического общества».

Учитывая названные здесь обстоятельства и тот факт, что А. Кипиловский, еще до того как он приступил в 1823 г. (в том же году, когда по инициативе В. Неновича образовалось «Филологическое общество») к переводу «Священного цветообращения», намеревался использовать гражданскую кириллицу, мы вряд ли ошибемся, предположив, что он наверняка поднимал в Брашове не только частный, хотя и очень важный вопрос об обозначении звука [ъ], но и вопрос о применении гражданской азбуки.

⁴⁰ Берович П. Указ. соч., с. 141.

⁴¹ См.: Библиотека «Ив. Селимински», кн. XIV. София, 1931, с. 8—9.

Намерение А. Кипиловского уже в 1823 г. использовать гражданскую кириллицу не было случайным, мимолетным желанием. Едва ли можно сомневаться в том, что, прежде чем предпочесть эту азбуку, он серьезно взвешивал все «за» и «против» такого решения. Очевидно, преимущества этой азбуки как более простой и более пригодной для ускоренного обучения болгар грамоте и соответственно — для распространения среди них знаний, казались ему более значительными и весомыми, чем возможные отрицательные последствия разрыва с существовавшей, хотя и не столь еще продолжительной у болгар, практикой церковной печати. Об этом можно судить по тому, что отказавшись в силу каких-то обстоятельств («по някои си причини») от использования гражданской кириллицы и «естественного правописания» в «Священном цветообразии», А. Кипиловский тем не менее не оставил о них мысли. Если бы это было не так и если бы уже к середине 1825 г., когда он писал предисловие, он уже был убежден в нецелесообразности печатания болгарских книг гражданской кириллицей, то, надо думать, он не стал бы в июле того года печатать этой азбукой посвящение А. Иоановичу в этой же, первой своей книге (весь остальной текст ее, как уже отмечалось выше, напечатан церковной кириллицей), с одной стороны, и не стал бы говорить о преимуществах гражданской печати в своем предисловии к ней, — с другой, зная заранее, что не все разделяют его точку зрения, способную вызвать резкие возражения со стороны его современников.

Если говорить о внешних причинах, которые могли побудить А. Кипиловского обратиться к гражданской кириллице и к «естественному правописанию» в начале 20-х годов, когда он только начинал свою книжную деятельность, то одной из них могла быть практика гражданской печати прежде всего в России. О том, что А. Кипиловский читал русские книги и хорошо знал русский язык, свидетельствует уже сам факт перевода им сочинения И. Гибнера «Сто и четыре священные истории ветхого и нового завета» с русского, а не с немецкого, латинского или другого языка⁴². Вероятно, он знал, что гражданской печатью издаются книги и у сербов. Был ли он знаком с «Додатак'ом» В. Караджича и с опубликованными там гражданской кириллицей (с дополнением некоторых сербских букв) болгарскими текстами, мы не знаем. Если он эту книгу читал, то, конечно, не мог не обратить внимание на следующие слова сербского филолога: «Болгары, не имея своей

⁴² По-видимому, А. Кипиловский сделал перевод со следующего издания этой книги на русском языке: Сто и четыре священные истории ветхого и нового завета, выбранные для употребления юношества из Священного писания, и снабженные полезными нравоучениями, благочестивыми размышлениями и ясными вопросами Иваном Гибнером и Иваном Флеком; ныне же для назидания Российского юношества и употребления в училищах вновь переведенные, исправленные и дополненные, ч. I—II. Печатано в типографии Ивана Глазунова. СПб., 1819. — Книга эта, как и другие ее издания, напечатана гражданской кириллицей.

литературы, пишут по славянской орфографии, сколько кто знает, не заботясь об истинном произношении букв и слов; а я хотел бы, чтобы этих слов никто нигде не мог читать иначе, чем так, как говорят болгары; поэтому я написал их по моей орфографии»⁴³. Такая констатация В. Караджича также могла бы натолкнуть А. Кипиловского на мысль о преимуществах «естественного правописания» или послужить дополнительным доводом в пользу целесообразности его использования. Во всяком случае, сходство объяснений, которые дают В. Караджич по поводу принятого им для «Додатак’а» фонетического правописания для передачи болгарских текстов и А. Кипиловский в связи с первоначальным намерением прибегнуть к «естественному правописанию», очевидно⁴⁴.

Посмотрим теперь, какими были гражданская кириллица и связанное с нею «естественное правописание», впервые приложенные А. Кипиловским в приведенном выше тексте посвящения к книге «Священное цветообращение».

В тексте посвящения содержатся следующие 31 буква: *a*, *ä*, *b*, *v*, *g*, *d*, *e*, *ж*, *з*, *и*, *i*, *ї*, *Ӧ*, *к*, *л*, *м*, *н*, *o*, *n*, *p*, *c*, *t*, *y*, *x*, *ч*, *ш*, *Ӣ*, *Ӧ*, *Ӯ*, *ю*, *я*. Ввиду краткости текста в нем нет слов с буквами *ф* и *ц*. Бряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что эти буквы А. Кипиловский также включал в состав предложенной им гражданской азбуки. В приложенных к книге списках имен

⁴³ Вук Стевановић (*Караџић*). Додаток к Санктпетербургским сравни-тельним речницима. У Бечу. 1822. с. 4.

44 Отметим в этой связи, что первая, известная в настоящее время, реакция болгар на правописание В. Караджича в «Додатак'е» была отрицательной. Мы имеем в виду реакцию Д. Мустакова и других болгар, проживавших в начале 20-х годов XIX в. в Германштадте (ныне г. Сибиу в Румынии). С книгой Караджича их познакомил русский ученый П. И. Кеппен, посетивший в августе 1822 г. Германштадт. В записи от 1 (13) августа 1822 г. своих «Путевых записок 1822 г.» П. И. Кеппен отметил, что познакомился с Д. Мустаковым и «обещался сообщить ему Вука Стефановича Додатак...» [Архив АН СССР (ЛО), ф. 30, оп. 1, ед. хр. 138, л. 70 об.]. Ровно через две недели 15 (27) августа, П. И. Кеппен записал: «Дм. Ив. Мустаков уверял меня, что Додатак Вука Стефановича о булгарском языке касается только того наречия, которое употребляется на сербской границе. Он и соотечественники его не довольны тем, что Вук вводит в язык никому не понятные и бесполезные буквы Ѣ, є, љ, њ, Ѯ. Пишет шт вместо ѿ, которое болгар всегда произносит как шт, напр. баща — баща отец. Так напр. Вук пишет ѡюрђиоффенъ вместо Гюрѓиовденъ (день св. Георгий)» (Там же, л. 93). Однако относилась ли эта их реакция ко всей азбуке (гражданской) или только к использованным В. Караджичем указанным выше сербским буквам и некоторым другим особенностям письма, неизвестно. Подробнее об отношении Д. Мустакова и других болгар Германштадта к «Додатак'у» В. Караджича (см.: Венедиков Г. К. Первая страница в истории изучения болгарского языка русскими учеными — В кн.: Българското възраждане и Русия. София, 1981, с. 225—228). Впрочем, отрицательное отношение к графике и орфографии В. Караджича со стороны одних болгар отнюдь не исключает того, что другие болгары, в том числе, возможно, и А. Кипиловский могли относиться к ней в целом положительно. Последующее развитие споров вокруг орфографических вопросов у болгар дают тому немало примеров.

спомоществователей, напечатанных такой же кириллицей, слова с этими буквами, как это видно по приведенным выше образцам, встречаются, например: *Филоглу*, *Калоферъ*, также *Зарафъ*, *Стефанъ* и другие с ф; *Цоча*, также *Слудцарь*, *абадци* (явная опечатка вместо *абаджи*) с ц. Других букв для обозначения звуков [ф] и [ц] ни в церковной кириллице, ни в гражданской (русской, например) не было и, следовательно, у А. Кипиловского не было оснований изобретать для них какие-то новые буквы. Всего, таким образом, гражданская кириллица, которую А. Кипиловский намеревался использовать в своем переводе (если о ней судить только по тексту посвящения) включала по крайней мере 33 буквы.

В упомянутых списках имен спомоществователей, кроме перечисленных, встречаются еще и следующие буквы: ы, э, ё, Ѳ, Ѹ.

Буква ы употреблена в словах *высокопреподобие* и *языка* (в сочетании «учитель Эллено-греческого языка»), в таком виде просто повторяющихся, видимо, русское написание (ср., в частности полный титул священнического сана: *Его высокопреподобие*). В тексте посвящения букву ы А. Кипиловский не использует и вместо нее в соответствующих словах пишет и, например, *ти*, *язикъ*, *Музите*. Есть все основания, таким образом, считать, что букву ы А. Кипиловский не включал в состав гражданской азбуки для печатания текстов на болгарском языке.

Менее ясен вопрос с буквой ѿ (фитой). Эта буква встречается только в списке имен спомоществователей в написании таких имен как *Аөанасъ*, *Аөанасовичъ*, *Ѳеодоръ*, *Ѳеодоровичъ*, *Ѳеодориди*, *Ѳома*. В тексте посвящения слов с фитой нет, и поэтому трудно сказать, включалась ли А. Кипиловским эта буква в состав гражданской азбуки, которая должна была, по его мнению, обеспечить болгарам «естественное правописание», или нет. Если иметь в виду его общее положение о ненужности одинаково произносимых букв, то следовало бы признать, что вместо фиты он должен был бы в соответствующих словах писать т — *Атанасъ* и под. Но, как увидим ниже, этого положения А. Кипиловский не придерживался последовательно, и вопрос о том, включал ли он фиту в состав гражданской азбуки или нет, для нас остается, таким образом, открытым.

Буква Ѳ употреблена А. Кипиловским дважды и оба раза в написаниях собственных имен *Велбъ* и *Кутбвичъ* в списке спомоществователей. Так как в тексте посвящения подобные слова отсутствуют, то трудно сказать, включалась ли и эта буква в состав первоначально (еще в 1823 г.) намеченную А. Кипиловским азбуку или нет. Вполне возможно, что списки имен спомоществователей были (самим А. Кипиловским, а может быть и кем-либо другим) подготовлены к печати тогда, когда печатание всей книги близилось к концу, и ему пришлось уже теперь придумывать знак для передачи какого-то особого болгарского звука (может быть, звука [ъ] после мягкого согласного?) в приведенных именах и других словах. В любом случае исключать букву Ѳ из со-

става принятой А. Кипиловским азбуки, кажется, нет особых оснований.

Что касается буквы ё, то она встречается в трижды употребленном слове *благоговѣйнейший* в списке имен спомоществователей, приложенном к ч. II «Священного цветообразия» (в аналогичном списке в ч. I книги это же слово напечатано с е на месте ё — *благоговейнейший*). Это, видимо, случайное отступление от принятого А. Кипиловским правила вместо ё писать е. Так как ё он приводит в числе одинаково произносимых букв и в тексте посвящения во всех случаях вместо нее пишет е, то мы можем считать, что букву ё А. Кипиловский определенно не включал в свою азбуку.

Это же следует сказать и о букве э. Ее мы находим только в написанном по-русски словосочетании *учитель Эллено-греческого языка*, включенном в список спомоществователей.

Учитывая сказанное о буквах ф, ы, ы, ё, э, ё и ё, мы можем заключить, что гражданская азбука, которую А. Кипиловский предлагал в 1823 г., состояла, видимо, из 34 букв. Эти буквы распределяются следующим образом:

- а) Буквы, обозначающие только гласные звуки — а, ё, е, и, ё, і, і, о, (ð)⁴⁵, у.
- б) Буквы, обозначающие только согласные звуки — б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, р, с, т, (ф), х, (ц), ч, ш, (е?).
- в) Буквы, обозначающие сочетания звуков: согласного [й] с гласными [а], [у] — я, ю, согласных [ш] и [т] — ѿ.
- г) Буквы, не обозначающие отдельных звуков или звукосочетаний — ъ, ь.

Посмотрим теперь, в какой мере предложенная А. Кипиловским азбука соответствует выдвинутому им в предисловии положению о том, что в предложенном им «естественном правописании» нет дублетных букв, произносимых одинаково. Такими буквами, как видно из приведенной выше цитаты, он считал и, ё и ы; о, ф и ѿ; е, ё и ё, ѿ и ы.

В отношении о, ф и ѿ А. Кипиловский полностью следует выдвинутому положению и вместо трех этих букв во всех случаях пишет только о: *достаточно, милость, отъ* и др. Не отступает от этого положения он и в отношении е, ё и ё, употребляя вместо них только букву е: *ето, прѣмай, което, теби, нея, совершенно, бедното, содействова, последовать* и др. О единичных написаниях слов с ё и э в списке имен спомоществователей см. выше. Точно так же вместо двоякого обозначения звука [у] — ѿ и у (фактически в его написании — ы) — А. Кипиловский пишет только у: *укрепява, усердїето, благополучie, благовестувамъ, ще пребуда* и др.

⁴⁵ В скобках здесь и ниже приводим буквы, отсутствующие в тексте посвящения, которое А. Кипиловский представлял читателям как образец «естественногоправописания».

Иначе поступает А. Кипиловский с одинаково произносимыми буквами *и*, *ї* и *ы*. Если *ы* он (не считая отмеченного выше, видимо, случайного употребления в слове *высокопреподобие*) действительно не включает в состав гражданской азбуки, то две другие буквы — *и* и *ї* — он оставляет *и*, вопреки своему положению, обе буквы широко употребляет. К ним следует добавить также *і*, которая встречается в посвящении только в словах, набранных курсивом, — *любороднейший*, *почтеннейший* и *Гулля*. Возможно, в наборной кассе типографии не было курсивной *ї* нужного кегля, и наборщики вместо нее вставили *i*. В тексте посвящения и в приложенных списках имен спомоществователей в аналогичных по форме словах пишется *ї*: *покорнейший*, *благоговейнейший* и др. Что касается буквы *ї*, то А. Кипиловский ее пишет во всех случаях перед *e* в именах существительных на *-ie* — *благоизволение*, *человеколюбие*, *бедствие*, *долгоденствие*, *благополучие*, *любородие*, *усердієто*, в приставке *при-* — *пріємай*, перед *я* в формах множественного числа существительных среднего рода на *-ия* — *благословеніята*, *благодеяніята*, также и в старой форме родительного падежа *Гулля*, в прилагательных женского рода на *-ия* — *божіята*; перед *a* в членных формах прилагательных мужского рода — *своїстеніатъ*, *сичкіатъ*; перед *й* (кроме отмеченных выше прилагательных с буквой *i* — *любороднейший* и *почтеннейший*) — *матерній*, *покорнейший*, в списке имен спомоществователей также и *почтенній*, *благоговейнейший*, *благородній*. В остальных случаях А. Кипиловский звук [и] обозначает буквой *и*: в корне слов перед согласными — *воистина*, *твоите*, *просиль* и др.; в том числе и в приставке *при-* — *примери*; в конце слова — *теби*, *начени*; ср. и союз *и*. Иными словами, в отношении обозначения гласного [и] А. Кипиловский допускает существенное отступление от принятого им принципа не употреблять две и более одинаково произносимые буквы. Отметим, впрочем, что в списках имен спомоществователей буква *ї* пишется не только перед *a*, *e*, *и*, *я* (*Анатолія*, *Діаманди*, *Дохтаритись*, *Георгієвич*, *Панагіотъ*, *Гавріїлъ*, *Ілля*) и *ї* (*Іоаннікій*), но и перед согласными — *Константінъ*, *Христовичъ*, *дідаскалъ* и др.

К числу одинаково произносимых букв А. Кипиловский относил, надо полагать, и не указанные им в цитируемом выше отрывке из предисловия буквы *s* (зело), *v* (ижица), *ȝ* (кси) и *Ѱ* (пси), которые встречаются в основном тексте, напечатанном церковной кириллицей: *ஸା 49*, *ஸାବ୍ଦା 55*, *ஸାଲୁକ୍ଯୋତା 102*; *Ըն-
պէց 81*, *94*, *Էկ୍ୟոନ୍ 18*, *Մաୟୋ 216*; *Վալଗିରିଙ୍କ XIII*, *Սա-
Մաୟ 106*, *108*; *Լେୟିକୋନ୍ XI*, но там же и *Лексିକୋନ୍*, *Եୱାଗାଜି 16*, *25*, *63*, но и *Եୱାକ୍ସି 225* и др. В напечатанном гражданской кириллицей тексте слов с такими буквами нет. Нет в нем, правда, и самих слов, в которых эти буквы могли бы быть употреблены, если бы А. Кипиловский оставил их для своей гражданской азбуки. И все же, учитывая общий характер предложений А. Кипиловского по упрощению графики и орфографии, мы склонны думать,

что эти буквы он вряд ли включал в намеченный им состав гражданской азбуки для болгарского языка.

Это же, вероятно, надо сказать и о букве џ, обозначающей аффрикату [дж]. В тексте посвящения слов с этим звуком нет, но в списке имен спомоществователей они есть, и в них эта аффриката передана буквосочетанием дж: *чорбаджи, абаджи* (в одном случае явная опечатка: *абадци*).⁴⁶ В основном же тексте «Священного цветообрания» буква џ регулярно используется для обозначения аффрикаты [дж]: *акциа* 34, *сирчи* 82, *брондука* 104 и др.

В заключение обзора использованной А. Кипиловским гражданской азбуки отметим, что все буквы старой (церковной) азбуки, которые он не включил в состав гражданской азбуки, но использовал в основном тексте книги, обратившись к «славенскому правописанию», употреблялись и другими книжниками тех лет. Так, П. Берон в приведенной в «Рыбном букваре» азбуке⁴⁷ и в тексте употребляет буквы и буквосочетания ѣ, ѿ, ѿу, Ѽ, Ѩ, ѷ, ѿ, ҆, например: *нѣкой* 47, *гнѣкъ* 76, *нѣгдѣ* 104; *скѣра* 106; *ѡдѣжда* 65, *пѣрѡ* 92; *Плѣзандръ*, *҆аноѣппа* 66; *Ламфакани-гѣ* 72; *Олимбійски-гѣ* 67; *денка* 84, *цегеръ-атъ* 107; *оустѣ*, *оудариша*, *оупашка* 108 и др. Имея это в виду, мы вряд ли ошибемся, если скажем, что намеревавшийся ввести гражданскую азбуку А. Кипиловский, очевидно, не нашел поддержки у П. Берона и других видных болгар в Брашове — сторонников церковной печати⁴⁸, и это обстоятельство могло быть как одним из поводов к острым разногласиям между ними, так и одной из причин отказа А. Кипиловского от своего намерения издать «Священное цветообрание» гражданской азбукой.

⁴⁶ Недавно А. Младенович высказал мнение, что «обозначение согласного џ графическим сочетанием дж было установлено, насколько сейчас известно, впервые в Грамматике Неофита Рильского, вышедшей в Кратуеваце в 1835 г.» (*Младенович А. Обозначение согласного џ в некоторых болгарских печатных текстах первой половины XIX века и влияние русской графики*. — *Etudes balkaniques*, 1977, № 3, с. 107). Это утверждение А. Младеновича справедливо в том смысле, что Неофит Рильский первым из авторов болгарских печатных текстов последовательно обозначал аффрикату [дж] буквосочетанием дж, а не буквой џ. Вообще же буквосочетание дж вместо џ для обозначения данной аффрикаты используется (правда, непоследовательно) и до выхода в свет «Болгарской грамматики» Неофита Рильского. Кроме А. Кипиловского (см. приведенные выше примеры), это буквосочетание встречается, например, в книгах Иоакима Кърчовского, *Пападжї на манџи, чорваджї, Пападжї наряду с манџи, чорваджї*, *Пападжї и др.* (см.: *Цойнска Р. Езикът на Йоаким Кърчовски. София, 1979, с. 42—43*).

⁴⁷ *Берович П. Указ. соч., с. 12—13.*

⁴⁸ Германштадтские болгары, с которыми встречался летом 1822 г. П. И. Кеппен, тоже, по-видимому, поддерживали еще церковную печать. Так, Д. Мустаков сообщил ему, что болгары пишут не *у*, а *ѹ*, что они против «никому непонятных и бесполезных букв Ѣ, є, ѥ, ѿ, ѿу, Ѽ, Ѩ, ѻ», использованных Вуком Караджичем в его «Додатак’е», что они выступают за сохранение буквы *ѿ*, произносимой ими как *шт* («несколько потверже, нежели *шт*»), и за написание џ только в иностранных словах — *хади*. [Архив АН СССР (ЛО), ф 30, оп. 1, ед. хр. 136, л. 93].

Перейдем теперь к описанию некоторых особенностей прия-
той А. Кипиловским орфографии на базе предложенной им граж-
данской азбуки.

Наиболее заметной особенностью орфографии в посвящении яв-
ляется отсутствие буквы Ѳ и употребление на ее месте буквы е⁴⁹.
На это в свое время сразу же обратил внимание Неофит Риль-
ский, который писал: «Тот, кто читает в начале Цветообрания его
(т. е. А. Кипиловского. — Г. В.) посвятительное письмо, видит,
что в нем нигде он не употребил Ѳ в тех словах, которые правильно
надо было писать с Ѳ, как он писал их в других местах во всем
Цветообрании»⁵⁰. Отсутствие Ѳ в анализируемом тексте интересно
прежде всего как первый в болгарском печатном издании осознан-
ный отказ от данной буквы при решении одного из труднейших
вопросов графики и орфографии болгарского литературного
языка, каким оказалось впоследствии обозначение звуков на месте
древнего Ѳ. Как известно, вопрос о литературной норме произно-
шения гласных на месте Ѳ и об их обозначении, а в связи с этим
и вопрос об использовании буквы Ѳ в современном литературном
языке остается и в настоящее время предметом достаточно острых
споров.

Вместо Ѳ на его этимологическом месте А. Кипиловский в ана-
лизируемом тексте последовательно пишет е. Эту букву находим:

а) в корне слов под ударением и без ударения перед «твёрдым»
слогом, т. е. перед слогом, с гласным заднего или среднего ряда —
*сенка, благовестувамъ, бедното, бедноста, да последоватъ, да со-
беседова, да содействова, средството, человеколюбие, въ деломъ* и др.;
ср. также и собственные имена *Желесковичъ* и *Тревна* в списке
имен спомоществователей;

б) в корне слов под ударением и без ударения перед «мягким»
слогом, т. е. перед слогом с гласным переднего ряда или слогом
с мягким согласным — *бедствиѣ, примери, укрепява, благодея-
ніята*;

в) на конце слов — *бе* (форма 3 л. ед. ч. имперфекта глагола
съмъ);

г) в предлоге *чрезъ* и приставке *пре-* — *ще* *пребуда*; ср.
и *преподобний, высокопреподобиѣ* (в списке имен спомоществовате-
лей);

д) в членной форме *-те* множественного числа существитель-
ных, прилагательных и притяжательных местоимений — *спомо-
ществоватите, музите, богатите, недостаточните, громо-
гласните; твоите, вашите*.

Из приведенного выше общего положения о том, что А. Кипи-
ловский в анализируемом отрывке на письме отражает «то про-
изношение, какое в речи каждого из нас естественно существует»,
следует, что написание е отражает, видимо, екавое произношение

⁴⁹ О трех случаях написания Ѳ в слове *благоговѣйнейшій* см. выше.

⁵⁰ Неофит Рилски. Болгарска грамматика сега перво сочинена. В Кра-
гуевце, 1835, с. 25, сноска.

гласного на месте ъ в любой позиции, свойственное речи и самого А. Кипиловского. Если это действительно так, то особых замечаний требуют примеры с буквой е на месте ъ под ударением перед «твёрдым» слогом, приведенные в рубрике «а». Дело в том, что в говоре с. Кипилово близ Елены и Котела, откуда был родом А. Кипиловский⁵¹, на месте ъ после мягкого согласного под ударением в такой позиции произносится в настоящее время, как показывают материалы т. II «Болгарского диалектологического атласа», гласный [а], а не [е]⁵². Из этого следует, что написания с е в таких случаях отражают особенность не родного говора А. Кипиловского, а воспринятую им самим, вероятно, позднее характерную особенность западноболгарского наречия или особенность книжного (церковнославянского) произношения. Последнее в первую очередь может относиться к таким словам явно книжного происхождения, как *благовествувамъ, да собеседова, да соудействова, средството, человѣклюбіе* и др. Написание *Желесковичъ* и *Тревна*, приведенные в списке имен спомоществователей, вместо ожидаемых *Желясковичъ* и *Трявна*, согласно норме произношения в говоре с. Кипилово, возможно, точно передают орфографию соответствующих спомоществователей, а не самого А. Кипиловского.

То, что в перечисленных словах буквой е передается екавое произношение старого ъ, подтверждается и написаниями слов с е вместо ъ в основной части «Священного цветообразия», напечатанной церковной кириллицей. Ср., например, многочисленные глагольные формы с корнем треb- (здесь и ниже примеры из ч. I этой книги): т्रѣба XII, XVI, 46, 49, 112, 135, 189 и др., т्रѣбъка 192, т्रѣбаше 171, а также нѣкого 135, сѣкога 103, 173, щѣхъ XI и др. Однако екавое произношение старого ъ в рассматриваемой позиции в речи самого А. Кипиловского не было единственным. В анализируемом тексте посвящения, напечатанном «гражданкой», правда, нет примеров, отражающих и якавое произношение старого ъ, но в основной части книги находим немало примеров, в которых несомненно такое произношение передано буквой а: излѣзда XIII, XIV, сѣка 99, сѣко 130, 175, 219 и др., сѣко масто 203, сѣкога 66, 75, 221, 227 и др., сѣкоги III, сѣкаакко 14, 93, наѣкакси 35, блѣскани 103 и др. В подавляющем же большинстве случаев гласный на месте ъ обозначается им в основной части буквой ъ. Каким был этот гласный — [а] после мягкого согласного или [е] — в каждом конкретном случае в позиции перед «твёрдым» слогом в основной части

⁵¹ Относительно места рождения А. Кипиловского существуют разные точки зрения. Принято считать, что он родился в с. Кипилово (из работ последних лет см., например: Речник на българската литература, т. 2, София, 1977, с. 202). П. Бояджиев решительно утверждает, что А. Кипиловский родился в Котеле (Бояджиев П. Указ. соч., с. 109).

⁵² См.: Български диалектен атлас, т. II. Североизточна България. София, 1966, карта 17.

книги, в свете сказанного сказать трудно. Ср. в частности такие примеры, как цвѣхъ XI и цвѣхъ 196, тѣхъ 200 или нѣкого 135 и нѣкога XI, нѣкога 184 и др., с одной стороны, и масто 203 и маство 149, излѣзатъ XIII, XIV и да влѣзатъ 174, — с другой.

Относительно написания народного слова *сенка* и *Тревна*, названия известного городка в центральной части Старой Планины (область якавого произношения старого ъ под ударением перед «твердым» слогом) можно было бы допустить, что в них отражен результат известного чередования [а] (< ъ) // [е] в позиции под ударением перед мягкими согласными. Однако такое объяснение в отношении *сенка* было бы неправильно как потому, что сам А. Кипиловский пишет *сенка* с твердым [к], а не *сенка*, так и потому, что в говоре с. Кипилово [к] в словах типа *сянка*, *булка* всегда твердый, а не мягкий⁵³. То, что якавое или екавое произношение слова *сянка* в северо-восточных болгарских говорах отражает общее правило отражения старого ъ под ударением в зависимости от характера последующего слога, подтверждается наглядно материалами цитируемого «Болгарского диалектологического атласа», а именно: в тех говорах, в которых это слово произносится с [к'], на месте ъ выступает не [а], а [е] — *сёнк'a* (п. 798)⁵⁴, *сёнк'ъ* (п. 816, 2387, 2390, 2391, 2392), *сїёнк'ъ* (1870). В говоре п. 2416 (с. Саботковци, бывш. Габровской околии) сосуществуют варианты *с'янкъ* и *сёнк'ъ*, в полной мере соответствующие норме отражения старого ъ в северо-восточных болгарских говорах. Отметим в этой связи, что в написании *Тревна* можно было бы видеть отражение закономерного чередования [а] (< ъ) [е] перед слогом с [н'], если название данного городка в говоре с. Кипилово действительно произносится с [н'] подобно прилагательным типа *гбрн'a*⁵⁵. Поскольку, однако, А. Кипиловский пишет *Тревна*, а не *Тревня* (т. е. обозначает на письме [н] твердое, а не мягкое), такое объяснение не представляется убедительным.

Таким образом, написание е на месте ъ в словах *сенка* и *Тревна*, если оно действительно отражает особенность произношения самого А. Кипиловского, опирается не на его родной говор, а на усвоенное им екавое произношение, свойственное западноболгарскому наречию, или же — в случае с *Тревна* — передает точно написание этого имени другим лицом. Последнее в равной мере касается и этонима *Желесковичъ*.

Что же касается обозначения рефлексов ъ в напечатанном гражданской кириллицей посвящении, то на основании имеющихся в нем примеров, перечисленных выше, можно было бы заключить, что, приступая в 1823 г. к переводу «Священного цветообращения»,

⁵³ Там же, карта 67.

⁵⁴ Здесь и ниже приводится материал из комментариев к указанной карте 67. В скобках — номера населенных пунктов, в говорах которых зафиксированы приводимые слова.

⁵⁵ Там же, карта 65.

А. Кипиловский намеревался гласный на месте ё в любой позиции обозначать только буквой *e*. На такое заключение наталкивает как будто и то, что в числе использованных им в этом тексте букв имеется и я, которую он пишет на месте старого а и которою в ряде случаев (ср., например, *укреплява, благодеяниѧта, Стояновичъ*) обозначает гласный [а], после мягкого согласного, а в некоторых случаях, возможно, и безударный [ъ] после мягкого согласного (например, в глагольном окончании формы *молятъ*). И все же ввиду краткости напечатанного «гражданкой» текста и малочисленности в нем примеров с гласными на месте старого ё под ударением перед «твердым» слогом, с одной стороны, и отражения двоякого (якового и екового) рефлекса ё в такой позиции в основном тексте книги, — с другой, окончательное заключение о том, что А. Кипиловский во всех случаях на месте ё в гражданской печати предлагал писать букву *e*, было бы преждевременным. Столь же преждевременным было бы в этой связи и возможное объяснение этого либо последовательным отражением екового произношения А. Кипиловским гласного на месте ё в любой позиции, либо чисто механической передачей всякого ё буквой *e* в гражданской печати. Гораздо важнее пока подчеркнуть то, что, отказываясь от использования буквы ё в гражданской печати, он уже в начале 20-х годов прошлого века делал решительный шаг в сторону упрощения (демократизации) и графики и орфографии новоболгарского литературного языка.

Другой важный момент, который следует отметить в связи с вопросом о букве ё, — написание членной формы множественного числа *-te*. Введение такой именно членной формы в современный литературный язык обычно связывается с именем Петра Берона. Так, в числе ряда современных форм литературного языка, ведущих начало своего употребления от «Рыбного букваря» П. Берона (1824 г.), указывается и членная форма *-te*, которую этот книжник якобы пишет вместо присущей его родному (котелскому) говору членной формы *-ти*⁵⁶. В некоторых работах, правда, рядом с *-te* в скобках указывается и членная форма *-тъ*⁵⁷. В действительности же П. Берон писал в «Рыбном букваре» не членную форму *-ти*, а только *-тъ*, например: *прѣатѣли-тъ*.

⁵⁶ Андрейчин Л. Езикът на «Рибния буквар» и българският книжовен език (по случай 140-годишнината от издаването на «Рибния буквар»). — Български език, 1964, кн. 2—3, с. 103; *Он же*. Един важен момент в развитето на съвременния български книжовен език. — Известия на Института за български език, 1968, кн. XVI, с. 519; Русинов Р. Редакционните промени в Рибния буквар и изграждането на българския книжовен език. — Език и литература, 1974, кн. 2, с. 2; *Он же*. Произход и установяване на члена *-te* в съвременния български книжовен език. — Rocznik Slawistyczny, t. XXXV, cz. 1, 1974, с. 12.

⁵⁷ См., например: Андрейчин Л. Из истории на нашето езиково строителство, с. 186; *Он же*. Езикът на Бероновия буквар и някои норми на българския книжовен език. — Български език, 1971, кн. 5, с. 418; Русинов Р. История на новобългарския книжовен език, с. 55; *Он же*. Произход и установяване на члена *-te...*, с. 12.

47, забы-тѣ 103, пласти-тѣ 74, оуши-тѣ 101, жики-тѣ и мертви-тѣ 45 и др.⁵⁸

Членная же форма *-те* именно в таком написании (не *-тѣ*) последовательно писалась отдельными книжниками и до П. Берона. Ее находим, например, в напечатанных церковной кириллицей «Недельнике» Софрония Врачанского (1806 г.)⁵⁹, во всех сочинениях Иоакима Кырчовского (1814—1819 гг.)⁶⁰ и в «Огледале» Кирилла Пейчиновича (1816 г.)⁶¹. Ср., например, в книге И. Кырчовского «Сия книга глаголемаа Мытарства» (1817 г.): и рѣклѣ дѣякомите 45, грѣбоките 4, за евреите 6, на глѣбите пихни 14, оу кратыте 53, и нашите дѣшмани 6, нѣхните лѣца бѣха цѣлни 12, да кидамъ сѣчките мѣки на грѣшили 55. Лишь в двух случаях, по наблюдениям Р. Цойнской, И. Кырчовский написал в своих сочинениях членную форму *-ти*: дѣшыги, чокѣцыги⁶².

Членная форма *-те* регулярно встречается и в памятниках новоболгарской письменности XVII—XVIII вв., например, в Тихонравовском дамаскине (XVII в.) — корѣбницаите 150, бащите 179 об., идолете 62 об., на ббговете 140, на полѣтите си 60, на момѣтѣ 135 об., свойте лѣдїе 142 и др.⁶³; в Троянском дамаскине (XVII в.) — рогбете 52, родѣтелете 258, кр(ъ)стовете 45, дрѣхите 173, сестрѣте 342, трѣте 173, сѣчките 14, вѣрашините 69, стрѣшните 198, нѣговите 118 и др.⁶⁴; в Свиштовском дамаскине (1753 г.) — пророците 47, саракините 373, грѣховѣте 57, дѣмите 7, прикъските 238, двѣте 445, небесните 194, сѣчките 62, вѣтхите 449 и др.; в Свиштовском дамаскине встречается, правда, и членная форма *-тѣ*, например, мѣсцециятѣ 192, что скорее всего случайная описка (или опечатка?); ср. мѣсцециятѣ, но там же и звѣздыте⁶⁵. По наблюдениям Р. Русинова, членную форму *-те* писали «современники и последователи Паисия Хилендарского родом как из западноболгарских, так и из восточноболгарских земель»⁶⁶, например, Дойно Грамматик, Стоян Кованлышкий, Никифор Рильский, Тодор Пирдопский и др. У некоторых из них наряду с *-те* встречается изредка или преобладает и членная форма *-ти*⁶⁷. На основании приведенных данных Р. Русинов правильно констатирует, что «к началу XIX в. в письменной и литературной

⁵⁸ Цит. по фототипическому изданию: *Берон П.* Буквар с различни поучения (Рибен буквар). Стъмил за печат Ст. Стойков. София, 1974.

⁵⁹ Ничева К. Езикът на Софрониевия «Неделник» в историята на българския книжовен език. София, 1965, с. 25.

⁶⁰ Цойнска Р. Езикът на Иоаким Кырчовски, с. 146.

⁶¹ Русинов Р. Произход и установяване на члена *-те*..., с. 14.

⁶² Цойнска Р. Езикът на Иоаким Кырчовски, с. 146.

⁶³ Цит. по изд.: Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. София, 1971.

⁶⁴ Цит. по изд.: Иванова А. Троянски дамаскин. Български паметник от XVII в. София, 1967.

⁶⁵ Цит. по изд.: Милетич Л. Свиштовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. София, 1923.

⁶⁶ Русинов Р. Произход и установяване на члена *-те*..., с. 14.

⁶⁷ Там же, с. 13—15.

практике к существительным именам мужского и женского рода (и прилагательным трех родов) во множественном числе присоединялась членная форма *-те*, хотя в родном говоре некоторых из писцов, летописцев и книжников членная форма произносится как *-ти*⁶⁸.

Следовательно, нет оснований считать, что П. Берон был первым из книжников, введшим в новоболгарский литературный язык членную форму *-те*. Что касается А. Кипиловского, то он действительно первым из болгар в своем печатном опыте использования гражданской кириллицы стал писать членную форму *-те*, т. е. так, как она закреплена в качестве нормы современного литературного языка только после орфографической реформы 1945 г. В основном же тексте «Священного цветообращения», напечатанном церковной кириллицей, А. Кипиловский пишет *-ти* как и П. Берон, а не *-те*, например: шкълитѣ XIII, на врагитѣ 134, въ голѣмитѣ градокѣ 198, въ погрѣшитѣ 122, дрѣхитѣ 188, сокѣтитѣ 137, или *-ти*, например, вѣнѣнити 128, въ вѣнѣнити работы 139, да просимъ духодѣнити дѣроѣ 148, ала мѣнити недостатки ма препинкатѣ 149 и т. д.; ср. обе членные формы, употребленные параллельно в одном предложении: Сѣчкото товѣ го из'адали жрецьнити (попѣнитѣ) наѣдни сасъ скойитѣ женѣ и дѣцѣ 192; тогїка корабленицитѣ фарайлъ сѣчкити си прибготвлѣната въ морѣто 196 и др. (все примеры из ч. I «Священного цветообращения»).

Существенная особенность орфографии рассматриваемого текста — разное обозначение характерного новоболгарского звука [ъ]. Вопросу обозначения этого звука книжники 20-х годов XIX в., как уже отмечалось нами в другом месте⁶⁹, придавали большое значение и положили начало поисков и споров по этому, как оказалось впоследствии, чрезвычайно острому вопросу истории графики и орфографии современного болгарского литературного языка. Обозначение звука [ъ], как свидетельствует И. Селиминский, было предметом живого обсуждения в кругу брашовских болгар, составивших «Филологическое общество», а возникшие по этому вопросу разногласия переросли в личные нападки и явились одной из причин прекращения деятельности этого общества. В этих спорах принял участие и оказавшийся в Брашове А. Кипиловский, который, по мнению И. Селиминского, и явился главным виновником возникших раздоров. Вспоминая через 15 лет об этих спорах, И. Селиминский писал В. Априлову и Н. Палаузову (письмо от 17.IX.1840 г.), что А. Кипиловский (якобы присвоивший себе созданный Атанасовым, жившим в Кипиневе болгарином, перевод «Священного цветообра-

⁶⁸ Там же, с. 14.

⁶⁹ Венедиктов Г. К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 255.

ния»⁷⁰, прибыв в Брашов по пути в Пешт для издания этой книги, «по природе своей вспыльчивый, поссорился с Неновичем из-за некоторых букв, а именно из-за глухой *a* («твърдоглаголната а»), звук которой (т. е. [ъ]. — Г. В.) он принимал, но не знак для нее: один из них хотел писать с *a*, другой с *á*, один с *a*, а другой с *â* или *à*, каждый в соответствии со своим мнением, проявляя свою неграмотность, чтобы не сказать хуже»⁷¹. Возможно, что И. Селиминский за давностью лет не совсем точно передает детали спора — какие и кому именно буквы предлагались для обозначения звука [ъ], так как ни В. Ненович, ни А. Кипиловский указанными здесь буквами *á*, *â* и *à* этот звук в своих печатных книгах не передавал. В. Ненович первоначально намеревался его обозначать буквами *ă* и *ă* (как и П. Берон в «Рыбном букваре»), но, видимо, вскоре передумал и вместо них предлагал ввести буквы *ă* и *ă*, а затем уже окончательно остановился на юсах *ж*, *иж*, которые в его книгах «Священная история церковна от ветхия и новиет завет» (1825) и «Буквар за децата на славенболгарскиет народ» (1826) имеют вид *ж*, *иж*. Настоятельные попытки В. Неновича добиться изготовления в университетской типографии в Буде юсов нужного начертания оказались безуспешными⁷².

Что касается А. Кипиловского, то он ввел буквы *ă* и *ă*, чтобы «произнести природный выговор слов *кăца*, *кăпа*, *гăба*, *сѣдă*, *карă*, *гъбă*, читă и пр.»⁷³. Именно так, т. е. буквами *ă* и *ă*, и обозначает он звук [ъ] в основном тексте «Священного цветообращения» и в обширном предисловии к нему. Делает он это здесь, правда, непоследовательно, так как довольно часто вместо ожидаемых *ă* и *ă* пишет *ъ*, о и е в соответствии с церковнославянско-русской традицией⁷⁴. В тексте же посвящения, напечатанном гражданской кириллицей, звук [ъ] под ударением после твердого согласного А. Кипиловский обозначает буквой *ă*: *тăзи*, *тăй* (ср. *тăзи* V, XIV, *тăй* XIII, 140 и др. в предисловии и в основном тексте с использованием буквы *ă* для передачи звука [ъ]). Слов со звуком [ъ] после мягкого согласного под ударением в посвящении нет, и потому трудно сказать, какую букву имел в виду А. Кипиловский для его обозначения в такой позиции. Возможно, такой буквой была *ъ*, если учесть, что в церковной печати звук [ъ] под ударением после мягкого согласного он передает буквой *ă*, а букве *ă* церковной кириллицы соответ-

⁷⁰ П. Бояджиев отмечает, что, хотя С. Атанасов и был соавтором перевода «Священного цветообращения», обвинять А. Кипиловского в плагиате нет оснований, ибо «перевод этот — прежде всего его собственный труд» (Бояджиев П. Указ. соч., с. 112).

⁷¹ Библиотека «Ив. Селимински», кн. XIV, с. 9.

⁷² Подробнее см.: Венедиктов Г. К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 260 и след.

⁷³ См.: Священное цветообращение, с. XII.

⁷⁴ Венедиктов Г. К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 259.

ствует я в кириллице гражданской (ср.: ще молятъ и да фар-
латъ 9, благословеніята и стафоніата 57; укрепява и помыш-
ляба 75, надстоака 85 и др.).⁷⁵

Кроме тѣзи и тай, звук [ъ] под ударением в тексте посвящения может в принципе выступать еще и в словах бедноста, ще пребуда, усердїето, смертната, если иметь в виду звуковую систему восточноболгарских диалектов и литературного языка (ср. диал. бедностъ, литер. ще пребъда, усьрдїето, смъртната). Членная форма женского рода -та в слове бедноста может произноситься как с гласным [ъ] (-тъ), так и с гласным [а] (-тā). Поскольку в современном говоре с. Кипилово, откуда был родом А. Кипиловский, выступает членная форма [-тъ] (согл. 69, хъ-
богстъ 46, стафонстъ 148, радостгъ 198, любокта 137 и др.), то можно было бы думать, что в бедноста буквой а обозначен гласный [ъ] под ударением (ср. с этим распространенную в настоящее время орфоэпическую ошибку произношения членной формы -та как [-тъ]). Учитывая, однако, что в основном тексте членная форма последовательно пишется -та (собѣстъ 69, хъ-
богстъ 46, стафонстъ 148, радостгъ 198, любокта 137 и др.), а не -тā (ср. формы 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов на гласный [-ъ], обозначаемый здесь буквами а и, после мягких согласных, ѣ — да произнесъ XII, да прекедъ XV, да оумолчъ XVI, да сѧ ака V, да оупотгревъ XI и др.), мы полагаем, что в членной форме в слове бедноста буквой а передан все же гласный [а], а не [ъ] под ударением. Что касается ще пребуда, то буквой у вместо ожидаемой ѿ передана, по-видимому, особенность усвоенного А. Кипиловским церковнославянско-русского произношения гласного у на месте старого ж. Возможно, что написание с у — дань церковнославянско-русской письменной традиции, и в таком случае за буквой у могло бы «скрываться» и обозначение звука [ъ] как регулярного рефлекса старого ж в восточных говорах (в том числе и говоре с. Кипилово) и в литературном языке. Таким же книжным влиянием следует, очевидно, объяснить и написания с е в слове смертната и во втором слоге в слове усердїето⁷⁷. Видеть в ще пребуда, смертната и усердїето отражение книжной по своему происхождению особенности произношения (или только написания?) заставляет как книжный характер самих этих слов, так и следующее соображение: обозначение звука [ъ] под ударе-

⁷⁵ Отметим, что буквы ѿ и ѻ для обозначения звука [ъ] в начале 1825 г. собирался ввести (еще до выхода в свет «Священного цветообразия») В. Ненович вместо принятых им ранее букв ѿ и ѻ. При этом он хотел ввести и особые их разновидности с оксией и варией для обозначения и ударения над звуком [ъ] в середине и в конце слова: ѿ, ѻ и ѿ, ѻ. Подробнее см.: Венедиков Г. К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 260—262.

⁷⁶ Български диалектически атлас, т. II, карта 176.

⁷⁷ В цитируемой выше нашей статье «Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в.» (с. 259) слова усердїето и смертната, в которых в принципе может выступать [ъ] под ударением, оказались случайно опущенными.

нием разными буквами — *ä*, *у* и *e* — явно противоречило бы основному положению А. Кипиловского о его намерении «следовать тому произношению, какое в речи каждого из нас естественно существует», и устраниТЬ «трудно запоминаемые орфографические правила». Вряд ли А. Кипиловский не заметил бы такого противоречия между провозглашаемым им основным принципом устройства графики и орфографии, с одной стороны, и ее практическим применением в тексте посвящения, — с другой, хотя, как мы уже видели, в ряде случаев он от этого принципа все же отступает.

Безударный [ъ] в анализируемом тексте передается после твердых согласных буквой *a*: предлог *сасъ* (*сасъ Музите*), окончание *-атъ* (*ще наченатъ*, *да последоватъ*) и др., а после мягких согласных — буквой *я*: окончание *-ятъ* (*ще молятъ*)⁷⁸. В словах книжного происхождения на месте ожидаемого (согласно нормам восточноболгарского произношения) безударного [ъ] пишет буквы *о* и *e*. С буквой *о*: в корне слов — *громогласните*, *долгоденствиe*; в приставке *со-* — *да собеседова*, *да содействова*, *совершенно*; в суффиксе — *достаточно*, *недостаточните*; с буквой *e* в корне слова — *совершенно*. Очевидно, что и эти написания, как и приведенные выше *ще пребуда*, *смертната*, *усердiето*, отражают книжное, не свойственное народной речи произношение или простое следование письменной традиции.

Существенной особенностью орфографии рассматриваемого текста, как, впрочем, и основной части книги, является достаточно последовательное применение традиционно-исторического принципа при передаче безударных гласных [а], [о] и [е]. Поскольку А. Кипиловский — уроженец Северо-Восточной Болгарии, для говоров которой характерна сильная редукция безударных гласных, следует полагать, что эта особенность безударного вокализма в целом была свойственна и речи самого А. Кипиловского. На письме, однако, эту особенность живой речи он, за редкими исключениями, не передает. Ср.: *народъ*, *самохотно*, *прiемай*, *пользата*; *богатите*, *позналъ*, *достойно*, *дето*, *като*; *сега*, *укрепява*, *ведно*, *вашите*, *наше* и др. Отступлений от традиционно-исторического принципа в передаче безударных гласных немногих, и они касаются обозначения предударного [о] — *преизубилно*, *като ся усвободи* и заударного [е] — *ще начени*. К ним следует добавить и *познай* — форму 3 лица единственного числа настоящего времени с полной редукцией конечного [е] после [й].

Отдельно следует остановиться на написании членных форм, о которых на протяжении всего периода формирования современного болгарского литературного языка велись горячие споры среди грамматистов и других книжников.

Рассмотрим сначала написания членных форм существительных, которые пишутся им слитно.

⁷⁸ В современном говоре с. Кипилово форма 3 л. мн. ч. наст. вр. глаголов имеет окончание *-ът* (-'ът), *-ът* (-'ът). См.: Български диалектен атлас, т. II, карты 187, 188.

Членная форма мужского рода единственного числа в тексте посвящения отсутствует. В основной части «Священного цветообращия» А. Кипиловский во всех случаях в именах с исторически твердым конечным согласным пишет членную форму -атъ, произносимую как [-ѣт]. Ср. в функции именительного падежа: когда са сгѣри грѣхатъ 144, снѣгатъ са прогѣлъ сасъ бацъ си 210; в функции косвенных падежей: зарадѣ грѣхатъ 12, средѣ гра-датъ 203, на мажатъ си 9 и др. Поскольку в посвящении звук [ѣ] передается буквой ё (ср. приведенные выше тѣзи, тай), то можно предположить, что членную форму [-ѣт] А. Кипиловский в принятой им гражданской кириллице должен был бы обозначать -ѣтъ. Безударная членная форма в основной части книги — -атъ (сасъ вѣсатъ 93 и под.). Очевидно, так же писал бы ее А. Кипиловский и буквами гражданской кириллицы: -атъ. После исторически мягкого согласного под ударением А. Кипиловский пишет (тоже слитно) членную форму -ѣтъ, а без удара -атъ (с предшествующим знаком ё) или -атъ, например: когда цѣрката праздновалъ денѣтъ на рожденіе си, исполнима санѣтъ и на дѣамата 61; Прикѣли Іоанифа предѣ цѣрката и цѣрката мѣ расказалъ 63; на пѣтъатъ 118 и др. Очевидно, эта членная форма посредством букв гражданской азбуки обозначалась бы им скорее всего как -ѣтъ (о букве ё см. выше) и -атъ.

Членная форма женского рода единственного числа -та в посвящении встречается дважды и оба раза с существительными в функции косвенного падежа: *Ти като си позналъ бедности нашего народа и дето отъ нея пользата*. Если и в таких случаях А. Кипиловский пишет членную форму -та, то нет сомнений в том, что эту же членную форму он писал бы и в случаях, когда существительные выступают в функции именительного падежа (ср. и в основной части книги: *И ніи смы должны така да просимъ дѣхомыги дѣроке каккото вѣрага, любоктѣ и на-дѣждана 148*).

Существительные среднего рода в единственном числе имеют членную форму -то — *средството, усердїето*.

В формах множественного числа мужского и женского рода А. Кипиловский пишет -те (об этом подробнее см. выше). Существительных среднего рода с членной формой множественного числа в тексте посвящения нет⁷⁹, но нет сомнения в том, что

⁷⁹ Элемент -та в формах *благословеніята* в *благодеяніята*, кажущийся на первый взгляд членной формой (ср. в современном литературном языке — *благословеніята*, *благодеяніята*), на самом деле являются частью окончания множественного числа, о чем свидетельствуют и сочетания данных форм с прилагательными, содержащими членную форму -те (*громогласните благословеніята, вашите благодеяніята*). Такие формы множественного числа существительных среднего рода на -ие были сравнительно широко представлены в языке книжников эпохи Возрождения.

такая членная форма была бы написана им как *-та* (ср. *сердцата* 5, на времена 9 и др. в основной части книги).

Прилагательные мужского рода в единственном числе в посвящении имеют одну членную форму *-атъ*: *како познай сичкиятъ народъ свое то попредъ бедствиетъ; по свойственнѣятъ материинъ нашъ языкъ*. Прилагательные женского рода в единственном числе имеют членную форму *-та* в примерах на употребление их в функции косвенного падежа: *отъ смртната сенка, ще молятъ Божията Милостъ*. Очевидно, что такое же написание А. Кипиловский предлагал и в том случае, когда прилагательные выступали в функции именительного падежа (ср. в основной части книги: *Я глѣбнатата причинна на така нѣнакистъ бымъ тѣзи 51 и на нѣйната старайстъ 211 и др.*). Прилагательные среднего рода в единственном числе имеют членную форму *-то*: *на бедното наше юношество, чрезъ твоето човеколюбие*. Во множественном числе прилагательные имеют только членную форму *-те*: *богатите да последоватъ твоите примери; громогласните благословеніята*.

В целом, как видим, А. Кипиловский уже в 20-е годы предложил написание членных форм, довольно близкое тому, какое утверждалось в литературном языке после продолжительной и острой борьбы. По существу различия касаются только графического обозначения звука [ъ] и написания членных форм прилагательных мужского рода в единственном числе (ср. *сичкиятъ* у А. Кипиловского при (в) *сичкият* в современном литературном языке).

Из других особенностей орфографии рассматриваемого текста отметим следующее.

а) Отсутствие знаков ударения и придыхания, лигатур. Посвящение — первый в болгарском книгопечатании опыт издания текста без этих знаков.

б) Употребление конечных ъ (*позналъ, чрезъ, нашъ языкъ, да последовамъ* и др.) и ь (*глѣдашъ, милостъ, Стояновичъ*, в списке имен спомоществователей также и *учитель, Слудцарь* и др.). Буквой ь в приведенных словах А. Кипиловский, возможно, передавал мягкость соответствующих конечных согласных, присущую многим восточноболгарским говорам, в том числе и говору с. Кипилово — родному говору А. Кипиловского⁸⁰. В употреблении же ъ как показателя твердости конечных согласных он, очевидно, просто следовал традиции. Отметим в этой связи, что в середине слова между согласными знак ь в одних случаях пишется (*пользата*), обозначая, возможно, мягкость предшествующего ему согласного⁸¹, в других — не пишется (*преизубилно*),

⁸⁰ См.: Български диалектен атлас, т. II, карты 54—62. — В некоторых словах собирателями материалов для Атласа отмечена полумягкость конечных согласных.

⁸¹ Согласно данным карты 63 цитируемого Атласа, мягкость согласных в такой позиции в говоре с. Кипилово утрачена.

что явно свидетельствует о твердом произношении предшествующего согласного (в данном примере — согласного [л]).

в) Важно отметить, что буквой ь А. Кипиловский обозначает мягкость согласного перед гласным [о]: *попредньо*, т. е. точно так, как это предписывается и правилами современной болгарской орфографии (ср. *крадльо*, *синъо*, *батьо* и др.).

г) Слитное написание частицы степени сравнения *по-*: *по-предньо*. Очевидно, что так же А. Кипиловский писал и частицу *най-*.

д) Слитное написание всех членных форм существительных и прилагательных (примеры см. выше).

е) Написание одного *т* в членных формах единственного числа существительных на *т*: *бедноста* вместо *бедността* (так же и в основной части книги, где, впрочем, изредка встречаются и формы с двумя *тт* — *радосттт*; см. выше).

ж) Слитное написание возвратной частицы *ся* с глаголом, если она следует после глагола (*наслаждавайся*), и раздельное их написание в случаях, когда *ся* предшествует глаголу (*да ся посвяти*, *като ся усвободи*). Таков же принцип написания возвратной частицы (*са*) и в основной части книги.

Таковы основные особенности графики и орфографии в посвящении А. Кипиловского к переведенной им книге «Священное цветообразие», представляющем первый, известный нам сейчас, опыт приложения гражданской кириллицы к болгарскому тексту.

Выше уже отмечалось, что А. Кипиловский первоначально хотел весь текст книги издать гражданской кириллицей, но отказался от этого намерения и оставил в качестве образца такого издания только рассмотренный выше текст посвящения, издав весь остальной текст книги церковной печатью. Каковы же те причины, по которым он отказался от гражданской азбуки и «естественногоправописания», которому он собирался следовать?

Сам А. Кипиловский причин этих не раскрывает. В предисловии к «Священному цветообразию» он лишь констатирует, что «по некоторым причинам» («по иѣкойси причини») он употребил «славенское правописание», вопреки своему первоначальному намерению «употребить правописание естественное» (без одинаково произносимых букв, употребление которых подчиняется «трудно запоминаемым правилам») и «следовать тому произношению, какое в речи каждого из нас естественно существует»⁸².

В качестве возможных причин, заставивших А. Кипиловского отказаться от первоначального намерения, П. Бояджиев указывает две: отсутствие достаточного количества литер гражданской кириллицы в типографии и желание избежать дополнительного труда по переписке готовой двухтомной книги⁸³.

Так как прямых данных о причинах отказа А. Кипиловского от задуманной им реформы графики и орфографии нет, то мы можем

⁸² См.: «Священное цветообразие», с. XI.

⁸³ Бояджиев П. Указ. соч., с. 113.

судить о них только на основании некоторых косвенных соображений.

Как нам кажется, нет оснований считать, что отказ от издания «Священного цветообращения» гражданской кириллицей с упрощенной орфографией был вызван затруднениями чисто технического характера. Университетская типография в Буде, где была издана эта книга, в то время располагала богатым набором литер не только церковной, но и гражданской кириллицы. Образцом последней служит, в частности, само рассматриваемое здесь посвящение, в кратком тексте которого представлены разные прямые и курсивные литеры. Следовательно, отказаться от использования гражданской кириллицы А. Кипиловского заставили не технические, а какие-то другие причины.

Думается, что нет оснований видеть отказ от гражданской кириллицы и в желании избежать трудоемкой переписки уже готового перевода. Дело в том, что, как это видно из приведенного в начале статьи фрагмента предисловия к «Священному цветообращению», А. Кипиловский отказался от «естественного правописания», образцом которого служат графика и орфография посвящения, уже в самом начале работы над переводом, а не по ее завершении.

Неофит Рильский, комментируя через 10 лет после выхода в свет «Священного цветообращения» образец «естественногоправописания» А. Кипиловского и, частности, отсутствие в нем буквы ё и последовательное употребление вместо нее буквы е, отметил в своей «Болгарской грамматике», что отказ А. Кипиловского от такого правописания и обращение к «славенскому правописанию» вызваны необходимостью различия на письме омонимов типа нѣма жenà 'немая женщина' и нѣма жenà 'нет женщины', лѣкъ 'лекарство' и лекъ 'легкий'. «Назначение правописания (т. е. различных букв), — подчеркивал Неофит Рильский, — состоит не в украшении, а в том, чтобы различать друг от друга слова, имеющие одинаковое звучание, но разное значение»⁸⁴.

Думается, что Неофит Рильский в данном случае ошибается и упрощает дело, хотя приводимый им аргумент (необходимость графического разграничения омонимов) в защиту тех или иных букв в то время казался достаточно весомым. Не случайно этот же аргумент приводили многие книжники и позднее, доказывая необходимость сохранения в азбуке некоторых букв, написания конечных еров и т. д. Действительные же причины отказа А. Кипиловского от намерения использовать гражданскую кириллицу, упростить графику и орфографию, были, как нам кажется, другие и более серьезные. Мы уже кратко указывали⁸⁵, что такими причинами могли быть, с одной стороны, то, что сам А. Кипиловский еще не был внутренне готов к решительному разрыву с господ-

⁸⁴ Рилски Н. Указ. соч., с. 26, сноска.

⁸⁵ Венедиктов Г. К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в., с. 252.

ствовавшей в болгарской письменности и печати традицией использования церковной азбуки и церковнославянско-русского правописания, а с другой — то, что против его намерения упростить таким образом азбуку и орфографию могли выступить другие образованные болгары, в частности, и те из них, кто составил упомянутое выше «Филологическое общество». При этом главная причина, на наш взгляд, заключалась именно в том, что А. Кипиловский не встретил в своем начинании должной поддержки со стороны своих соотечественников-современников.

В подтверждение такого предположения можно привести следующие соображения.

П. Берон и В. Ненович, с которыми А. Кипиловский обсуждал в Брашове книгоиздательские планы «Филологического общества» и языковые вопросы, издали в 1824—1826 гг. свои книги не гражданской, а церковной кириллицей с некоторыми отступлениями от церковнославянской графики и орфографии. Нет оснований утверждать, что выбор ими такой печати был продиктован исключительно техническими возможностями типографий, издавших их книги. Во всяком случае, в отношении «Священной истории» и «Букваря» В. Неновича такое утверждение было бы неосновательно, так как университетская типография в Буде, где были отпечатаны эти книги, как уже сказано выше, в то время располагала разнообразным набором литер гражданской печати. Как обстояло в этом отношении дело в типографии в Брашове, где был напечатан «Рыбный букварь» П. Берона, мы не знаем⁸⁶. Никаких конкретных данных о том, что П. Берон, В. Ненович или кто-либо другой из болгар в то время собирался прибегнуть к гражданской печати или по крайней мере говорил что-либо о преимуществах ее сравнительно с церковной, нет. Показательно, однако, что в обширной переписке В. Неновича, связанной с изданием названных выше двух его книг и недавно опубликованной М. Бур⁸⁷, нет ни слова о возможном, казалось бы, отпечатании этих книг гражданской кириллицей. Очевидно, В. Ненович (а, наверное, и П. Берон) считал, что болгары должны печатать свои книги церковной, а не гражданской кириллицей.

Какие аргументы приводили (или могли приводить) В. Ненович и другие болгары против введения в болгарское книгопечатание гражданской печати, мы можем только предполагать и догадываться. Наиболее вероятны следующие.

Во-первых, нецелесообразность самого разрыва о существовавшей у болгар практикой письма и печати, базировавшейся на церковной кириллице и церковнославянско-русской орфографии.

⁸⁶ Существует мнение, что П. Берон для издания «Рыбного букваря» не смог использовать другой шрифт, кроме церковнославянского, именно по «техническим причинам» (см., например: Георгиев С. Петър Берон и нашата граматична мисъл. — Български език, 1971, № 5, с. 432). Есть ли этому какие-либо документальные подтверждения, мы не знаем.

⁸⁷ Бур М. Писма на книгоиздателя Васил Н. Ненович в Будапещенските архиви (1825—1826). — Изв. на Ин-та за литература (София), 1972, кн. XXI.

фии, а в связи с этим и с практикой широкого использования в те годы книг церковной печати, изданных главным образом в России⁸⁸. Во-вторых, ссылка на то, что церковная кириллица — прямое продолжение той азбуки, которую составили Кирилл и Мефодий, и что болгары, следовательно, являются законными наследниками этой азбуки. В-третьих, письменный язык не может не отличаться от языка народного и потому, следовательно, его орфографические правила не могут опираться только на свойства народной речи. Ср. с этим и замечание самого А. Кипиловского (сказанные, правда, по более частному поводу), что «письменный язык должен отличаться от разговорного»⁸⁹.

Какие бы возможные конкретные аргументы — названные выше или иные — ни приводились против намерения А. Кипиловского ввести гражданскую кириллицу и «естественное право-писание» в болгарское книгопечатание, важно подчеркнуть, что это его намерение, судя по всему, не нашло поддержки со стороны других болгар. Более того, достаточно радикальное для своего времени, оно кое-кем, возможно, даже было встречено в штыки. Нельзя исключать и того, что недовольные нововведением А. Кипиловского болгары Брашова или других городов могли обратиться, например, к церковным властям с какими-либо обвинениями в его адрес, чтобы воспрепятствовать изданию «Священного цветообращия» гражданской кириллицей. Как показывает письмо брашовских болгар, направленное в Российское Библейское общество по поводу неудовлетворительного перевода «Нового Завета» двумя архимандритами — греком Теодосием и болгарином Серафимом, некоторый опыт в такого рода разрешении спорных языковых вопросов у болгар в 20-е годы прошлого века уже имелся.

То, что отрицательная реакция на попытку А. Кипиловского ввести в болгарское книгопечатание гражданскую кириллицу и в связи с этим существенно упростить орфографию, могла быть со стороны по крайней мере некоторых болгар очень острой, подтверждается известными фактами более позднего времени. Приведу здесь лишь два из них, хронологически ближайшие к рассмотренному опыту А. Кипиловского.

Один из них — резко отрицательное отношение некоторых болгар, живших в 30-е годы в Бухаресте, к изданным в эти годы гражданской кириллицей книгам Хр. Павловича («Аритметика или наука числителна», 1833; «Письменник общеполезен», 1835; «Разговорник греко-болгарский», 1835). В цитированном выше

⁸⁸ К. Мирчев в цитируемой выше статье даже отмечает, что болгарские книжники в первые десятилетия XIX в. имели дело «исключительно с церковнославянской и русской литературой» (Мирчев К. Правописният въпрос през Възраждането, с. 74). С этим трудно согласиться, так как известно, что в эти же десятилетия болгары продолжали собственную традицию так называемой дамаскинарской литературы, переводили книги с греческого и румынского языков (ср., например, разные списки «Александрия» и другие произведения) и т. д.

⁸⁹ См.: Священное цветообращение, с. XII.

письме от 17.IX.1840 г. И. Селиминский, сообщив В. Априлову и Н. Палаузову о неблаговидной роли бухарестских болгар, в том числе и жившего в те годы в Бухаресте А. Кипиловского, в жестокой травле В. Неновича и о нежелании или неспособности их понять насущные нужды просвещения и совершенствования родного языка, далее писал: «Побуждаемые подобными ошибочными взглядами и идеями, наши соотечественники в Бухаресте порицали г. Христаки Павловича, угрожая ему, что они запретят чтение его книг народом, если он не раскается и не начнет писать по старой орфографии старыми буквами»⁹⁰.

Другой пример — резкая критика рядом видных книжников 30-х годов предложения В. Априлова, изложенного в его знаменитом «Мнении» (1836), ввести у болгар граждансскую азбуку, состоящую из 24 букв — *а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш*⁹¹. Так, Райно Попович в письме Неофиту Рильскому от 30.VI.1838 г. писал, что предложенные В. Априловым азбука и правописание «совсем хромают», и советовал Неофиту не принимать их: «Такое большое изменение азбуки и письма недостойно твоей репутации»⁹². Р. Попович считал, что для устройства болгарского языка достаточно тех изменений в азбуке и орфографии, которые были предложены Неофитом Рильским в его «Болгарской грамматике». Особое недовольство вызвало у Р. Поповича именно предложение В. Априлова ввести граждансскую азбуку. Приверженец старого (церковного) письма, он говорил: «Что касается меня, то я, со своей стороны, никогда не расстанусь с церковнославянскими (буквами и орфографией). Он призывал и Неофита не отказываться от церковнославянского письма. Не должны, по его мнению, принимать предложенную В. Априловым азбуку и орфографию также и молодые болгары, которые, изрядно потрудившись над овладением церковнославянской азбуки и орфографии, должны были бы забыть их, «взяв в свои объятия буквы продавцов капусты» («прегърнали буквите на зелепродавците»), как пренебрежительно называл Р. Попович простые буквы гражданской печати. К идее В. Априлова ввести граждансскую азбуку, по словам Р. Поповича, отрицательно относились и «многие другие» книжники тех лет. Он указывал, что предложенное В. Априловым упрощение азбуки и орфографии «будет осмеяно и современными и будущими (книжниками)», подобно тому как греками была осмеяна подобная же радикальная реформаторская деятельность некоторых греческих просветителей⁹³.

Если, как видим, и в 30-е годы XIX в., когда уже увидели свет отпечатанные гражданской кириллицей три книги Хр. Павловича

⁹⁰ См.: Библиотека «Ив. Селимински», кн. XIV, с. 12.

⁹¹ См.: Мнение на Василий Априлов относно просветата на народа. — Изв. на Архивния институт, София, 1957, кн. 1, с. 220.

⁹² См.: Снегаров И. Принос към биографията на Неофит Рилски (гръцки писма до него). София, 1951, с. 193.

⁹³ Там же.

и ч. IV «Славяноболгарского детоводства» Н. Бозвели и Е. Васкевича, высказывались столь резко отрицательные суждения о гражданской печати у болгар, то можно лишь догадываться о том, что в 20-е годы мнение по крайней мере части образованных болгар было не менее резко отрицательным. В свете сказанного не удивительно, что молодой А. Кипиловский (в 1825 г., когда вышло «Священное цветообразие», ему было всего 23 года), выносивший на суд и на пользу соотечественников свой первый книжный труд, не видя поддержки своему начинанию, не решился один выступить против господствовавшего тогда в болгарском книгопечатании церковнославянского письма и отказался от намерения напечатать свою первую книгу гражданской кириллицей и согласно правилам «естественного правописания». А. Кишиловский, как и П. Берон, В. Ненович и другие его современники, легко отказались от самого церковнославянского языка, обратившись к языку народному для издания нужных народу книг, но они не могли еще так же легко порвать с графикой и орфографией этого языка. Л. Андрейчин был прав, когда, характеризуя язык и графические средства церковной кириллицы, использованные П. Бероном в «Рыбном букваре», подчеркивал: «Оказывается, легче порвать цепи чисто языковых условностей, чем цепи условностей графических, письменных»⁹⁴.

Таким был первый опыт приложения в болгарском книгопечатании гражданской кириллицы. Он не оставил сколько-нибудь заметного следа в последующей истории гражданского письма в Болгарии, но он остается фактом культурной истории болгар вообще и истории формирования болгарского литературного языка в частности, и мимо него, сколь бы скромно ни было его значение, не может пройти исследователь. Последующая история распространения гражданской печати в Болгарии в связи с историей формирования литературного языка может составить предмет обширной самостоятельной работы.

⁹⁴ *Андрейчин Л. Езикът на Рибния буквар. . . , с. 103; Он же. Из истории на нашето езиково строителство, с. 185.*

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Д. Иванова-Мирчева (София). Задачи изучения болгарского литературного языка XIII—XIV вв.	5
А. И. Рогов (Москва). Русско-болгарские культурные связи в конце XII—XIII в.	20
Л. П. Жуковская (Москва). О южнославянском влиянии XIV—XV вв. (на материале прологового Жития Евгении)	26
Е. В. Чешко (Москва). Об афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям	60
Р. А. Симонов (Москва). Календарно-астрономические таблицы Норовской псалтыри	93
М. А. Момина (Ленинград). Типы славянской триоди	102
Г. Попов (София). О наличии древнеболгарской гимнографической части в триоди	122
С. Б. Бернштейн (Москва). Академик П. С. Билярский и его вклад в изучение языка среднеболгарской письменности	131
Б. Велчева (София). Графико-лингвистический анализ Рыльского Бевангелия начала XIV в.	145
Е. Дограмаджиева (София). Отражение распада склонения в Банишском евангелии	166
И. В. Платонова (Москва). Отклонения в употреблении прилагательного дательного падежа в среднеболгарских рукописях	174
А. Минчева (София). К синтаксической характеристике среднеболгарских евангельских списков (Рыльское Бевангелие)	194
Р. Златанова (София). Функция сказуемого имен существительных и имен прилагательных в среднеболгарском	202
Р. М. Цейтлин (Москва). Из наблюдений над лексикой Добромурова евангелия	225
Г. К. Венедиктов (Москва). К начальной истории современной болгарской орфографии	249

ЯЗЫК
И ПИСЬМЕННОСТЬ
СРЕДНЕБОЛГАРСКОГО
ПЕРИОДА

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканстики
АН СССР
Институтом болгарского языка БАН

Редактор издательства *Т. М. Дриевинг*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технические редакторы
С. Г. Тихомирова, Н. Н. Кокина
Корректор *Л. И. Кириллова*

ИБ № 25055

Сдано в набор 21.09.81
Подписано к печати 22.04.82
Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18. Усл. кр. отт. 18.25
Уч.-изд. л. 20.2. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 739.
Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

ГOTOBITСЯ К ПЕЧАТИ:

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
ПРОБЛЕМЫ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ.

20 л. 3 р. 50 к.

Сборник посвящен изучению процесса взаимодействия языков как в древнейшие периоды, так и на современном этапе, включая языковые контакты в пограничных языковых зонах (балто-славянская, карпато-балканская).

Для лингвистов, историков культуры славянских и балканских народов.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 Ленинград II-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой Северо-Западной конторы «Академкнига»

ИЛИ В БЛИЖАЙШИЙ МАГАЗИН «АКАДЕМКНИГА», ИМЕЮЩИЙ ОТДЕЛ «КНИГА — ПОЧТОЙ».

3

38482RU

ІСТОРІЯ ПІДСИДЛЕННОСТІ СРЕДНЕБОЛГАРСКОГО ПЕРИОДА